

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

М. С. АНДРЕЕВ и Е. М. ПЕЩЕРЕВА

ЯГНОБСКИЕ ТЕКСТЫ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ЯГНОБСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ,
СОСТАВЛЕННОГО
М. С. АНДРЕЕВЫМ, В. А. ЛИВШИЦЕМ
и А. К. ПИСАРЧИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 7

ТЕКСТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Первые сведения о ягнобском языке появились в 70-х годах XIX в. в трудах русских исследователей Средней Азии.¹

В конце 70-х и в 80-х годах прошлого века начинают публиковаться списки ягнобских слов и краткие сведения по грамматике ягнобского языка.² Материалы по ягнобскому языку, собранные Ш. Акимбетевым, А. Л. Куном, Мирзой Абдуррахманом, Е. Ф. Калем, Г. А. Арандаренко, Н. Г. Веселовским, были обработаны акад. К. Г. Залеманом в его неизданном исследовании „Ягнобские этюды“,³ послужившем основой

¹ Первым исследователем, отметившим наличие в долине р. Ягноб особого языка, был, повидимому, известный русский востоковед А. Л. Кун (1840—1888), посетивший Ягноб в 1870 г. См. „Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 года“ (Рукописный фонд ИВ АН СССР). Автор дневника — Мирза Мулла 'Абд-ур-Рахман, таджик, уроженец и житель Самарканда, сопровождавший А. Л. Куна во время Искандеркульской экспедиции 1870 г. „Дневник“ велся по поручению и по программе, составленной А. Л. Куном (см.: Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание таджикских и персидских рукописей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 100—101).

² Ш. Акимбетев. Очерки Когистана. Туркестанские ведомости, 1881, №№ 2—3; Искандер-Тюрк (А. Л. Кун). Сведения о ягнауском народе (К материалам для исследования ягнауского языка). Туркестанские ведомости, 1881, №№ 3—4; Ch. E. de Ujfalvy. Revue de philologie et d'ethnographie, t. III, 1877, стр. 278—282; он же. La langue des Yaghnobis. Revue de linguistique, t. XV, 1882, стр. 271—272 (по материалам Ш. Акимбетева); W. Tomaschek. Centralasiatische Studien, II, Die Pamir-Dialekte. Sitzungsber. der Wiener Akad. der Wissen., Phil.-hist. Kl., Bd. XCVI, 1880, стр. 735, 819; van den Gheyn. Le Yidghah et le Yagnobi. Annales de la Société scient. de Bruxelles, VII, 1883, стр. 255—284.

³ Предварительные сообщения о работах К. Г. Залемана по ягнобскому языку см.: К. Г. Залеман. Новые материалы по ягнобскому языку. Зап. Вост. отд. Российского Археол. общ., т. III, 1888, в. 1—2, стр. 128—129; Шугнанский словарь Д. Л. Иванова. Сб. „Восточные заметки“, СПб., 1895, стр. 269 сл.; Отчет о поездке в Среднюю Азию. Изв. Академии Наук, сер. V, т. VIII, 1898, № 1, стр. VI—VIII; Отчет о поездке в Туркестан летом 1908 г. Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., № 9, 1909, стр. 12—14; о „Ягнобских этюдах“ К. Г. Залемана см.: С. Ф. Ольденбург. Карл Германович Залеман. Изв. Академии Наук, сер. VI, т. XI, 1917, стр. 281—286; W. Geiger. Über das Jagnöbī. Grundr. d. iran. Phil., Bd. 1, Abt. 1, Strassburg, 1901, стр. 288—292, 334—344.

для грамматического очерка ягнобского языка В. Гейгера в „Grundriss der iranischen Philologie“.¹

„Ягнобские этюды“ К. Г. Залемана, содержащие связанные ягнобские тексты, отдельные фразы и „Словарь ягнобско-таджикско-русско-немецкий“ (доведенный до буквы „К“), не были выпущены в свет, хотя и подготавливались к печати. Последней корректурой этой работы пользовался, помимо В. Гейгера, ряд исследователей, в том числе Р. Готио и Г. Юнкер, посетившие Ягноб в 1913 г. Экземпляр „Словаря“ К. Г. Залемана, переписанный Р. Готио, был опубликован в 1955 г. Э. Бенвенистом.²

Интерес к изучению ягнобского языка усилился после открытия в начале XX в. в Китайском Туркестане памятников согдийского языка, поскольку было установлено, что ягнобский язык является потомком одного из согдийских диалектов.

Однако и до сих пор ягнобский язык остается мало изученным. Число опубликованных ягнобских связанных текстов очень невелико: одна сказка, приведенная в очерке В. Гейгера (из материалов „Ягнобских этюдов“ К. Г. Залемана),³ три сказки и описание селений Ягноба, изданные Г. Юнкером,⁴ одна сказка, опубликованная С. И. Климчицким,⁵ и четыре небольших текста, записанных В. С. Соколовой и приложенных к ее очерку фонетики ягнобского языка.⁶

Ягнобские тексты, записанные М. С. Андреевым и Е. М. Пещеревой в 1924 и 1927 гг., С. И. Климчицким и Л. А. Хетагуровым в 1934 г.⁷ и М. Н. Боголюбовым в 1947 и 1952 гг.,⁸ остаются до сих пор неопубликованными.

¹ W. Geiger, ук. соч.

² E. Benveniste. Une lexique du yagnobi, *Journal Asiatique*, t. CCXLIII, fasc. 2, стр. 139—162.

³ W. Geiger, ук. соч., стр. 342—344.

⁴ H. Junker. Drei Erzählungen auf Yagnobi. *Sitzungsber. d. Heidelberger Akad. der Wiss., Phil.-hist. Kl., Abh. 14* (записи, сделанные во время экспедиции Р. Готио и Г. Юнкера в Ягноб в 1913 г.); он же. *Arische Forschungen. Jagnobi-Studien. Abh. der. Phil.-hist. Kl. der Sächsischen Akad. der Wiss., Bd. XLI, № 11, Leipzig, 1930, стр. 107—113* (текст, записанный А. Л. Куном в 1871 г. и извлеченный из „Ягнобских этюдов“ К. Г. Залемана).

⁵ С. И. Климчицкий. Ягнобская сказка. *Труды Таджикстанской базы АН СССР, IX, М.—Л., 1940, стр. 94—103.*

⁶ В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков, II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 72—75.—Лексические материалы по ягнобскому языку содержатся также в работах: Н. Г. Маллицкий. Ягнобцы. *Изв. Туркест. Отд. Российск. Геогр. общ., т. XVII, 1924, стр. 165—178*; С. И. Климчицкий. Ягнобско-согдийские соответствия. *Зап. Инст. востоков. АН СССР, т. VI, 1937, стр. 15—26*; он же. Название Согдианы в топонимике Таджикистана, там же, стр. 9—14; он же. Секретный язык у ягнобцев и язгулемцев. *Труды Таджикстанской базы АН СССР, IX, М.—Л., 1940, стр. 104—117.*

⁷ См.: С. И. Климчицкий. Ягнобцы и их язык. *Труды Таджикстанской базы АН СССР, IX, М.—Л., 1940, стр. 137—139.*

⁸ См.: М. Н. Боголюбов. Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л. 1956.

Ввиду сказанного Институт истории, археологии и этнографии и Институт языка и литературы Академии Наук Таджикской ССР сочли необходимым осуществить издание обширных материалов по ягнобскому языку, собранных проф. М. С. Андреевым (умер в 1948 г.) и Е. М. Пещеревой во время экспедиций в Ягноб в 1924 и 1927 гг.¹ Полевые записи текстов ягнобских сказок, записанных М. С. Андреевым, были обработаны им в 1927 г. с помощью участницы экспедиции, ныне покойной Н. В. Русиновой. Во время этой работы производилась выверка записей с приехавшим в Ташкент вместе с экспедицией ягнобцем Мулло Ниёзом, жителем сел. Маргтумайн.

Тексты записывались фонетической транскрипцией на основе русской графики и первоначально переписаны этой же транскрипцией. Однако впоследствии М. С. Андреев решил издать записанные им тексты в международной иранской транскрипции, и все сказки были переписаны еще раз этой транскрипцией.

При подготовке текстов М. С. Андреева к печати редакторы сверили тексты с первоначальными полевыми записями и устранили явные опiski или ошибки. Был просмотрен и отредактирован перевод сказок. Редакторы стремились не отступать от принятого автором записей принципа возможно более близкого, порою почти дословного перевода.

Тексты, записанные Е. М. Пещеревой и представленные ею для издания, переписаны редакторами международной транскрипцией.

В данный сборник включены также три сказки (№№ 6, 14 и 33), один текст этнографического содержания (№ 34), образцы юмора (№№ 22 и 40), загадки (№ 46) и поэтические отрывки (№ 47), обнаруженные среди полевых записей в архиве М. С. Андреева. Эти тексты перетранскрибированы и снабжены переводами. Примечания к текстам, внесенные редакторами, сопровождаются пометой: (Ред.).

Тексты были расположены М. С. Андреевым главным образом на основе близости сюжетов отдельных сказок. При подготовке текстов к изданию представилось более целесообразным сгруппировать их по селениям (место записи), чтобы полнее отразить особенности ягнобских говоров. „Сами ягнобцы, — писал М. С. Андреев в 1927 г., — хотя и несколько сбивчиво, склонны различать в своем языке четыре говора согласно существующему естественному делению страны на четыре части: 1) говор «теневого» стороны Ягноба, т. е. склонов левого берега реки Ягноб, обращенных на север; 2) «солнечный» говор — селений в низовьях Ягноба, расположенных по правому берегу реки на склонах, обращенных на юг (за исключением самого нижнего по течению правобережного селения Бидив, причисляемого к «теневого» стороне, несмотря на его нахождение на склонах, обращенных на юг); 3) говор «верхней» части Ягноба (в настоящее время только селения Де^h-Баланд

¹ См.: М. С. Андреев. Экспедиция в Ягноб 1927 г. под руководством М. С. Андреева (краткий отчет). Бюллетень Среднеазиатского Гос. университета, № 17, 1928, стр. 162—171.

и Пискон) и 4) кульский говор — говор селений, расположенных по левому притоку Ягноб-Дарьи, впадающему в последнюю между селениями Петип и Пискон. Следует, однако, оговориться, что ягнобцы различают эти филологические деления не особенно уверенно и что экспедиции приходилось встречать среди них взгляды, что существуют только три говора — теневой, солнечный и кульский. Точность этих делений на говоры ослабляется еще тем, что даже в пределах почти каждого из указанных делений можно найти еще часто разницу в говоре (опять-таки фонетическую) между отдельными селениями, входящими в тот или другой район. Так, есть группы селений, где, повидимому, говор действительно один и тот же, но, с другой стороны, встречаются селения, входящие в состав того или другого из указанных выше делений и даже расположенные часто неподалеку друг от друга, где наблюдается все же некоторая разница в произношении... Главные основы деления — это переход в ряде слов теневого и солнечного *m* в *s* в кульском и, в значительной степени, в верхнем говоре, а также переход теневого *a* в остальных группах в *e'*, *e*.¹

Тексты, записанные М. С. Андреевым и Е. М. Пещеревой, позволяют говорить о наличии и некоторых других различий между отдельными ягнобскими говорами, в том числе морфологических и лексических. Эти различия отмечаются в ягнобско-русском словаре.

В настоящее время принято выделять два ягнобских говора — западный и восточный, определяемые двумя основными соответствиями:² зап. *t* — вост. *s* (< согдийское *ṣ*), напр., зап. *mēt* 'день', вост. *mēs* (согд. *mud* = *mēṣ, ср. хорезмийское *mēṣ*), зап. *ay* — вост. *ē* (напр., зап. *wayš* 'трава' — вост. *wēš*, согд. *wyš*). По данным Г. Юнкера, деление говоров по линии *ay* || *ē* не совпадает полностью с делением по изоглоссе *t* || *s*: первая линия проходит примерно по селениям Пулля Роут (на правом берегу р. Ягноб) и Науметкон (левый берег), вторая линия проходит восточнее селения Петип (см. карту у Г. Юнкера).³

Сопоставление с материалами М. С. Андреева показывает, что „теневой“ и „солнечный“ говоры в принятой им классификации соответствуют западному, а „кульский“ и „верхний“ — восточному говору.

На основании вышеизложенного публикуемые тексты по месту их записи расположены в следующем порядке:

а) „теневой“ говор: №№ 1—8 — сел. Маргтумайн, №№ 9—10 — летовка Кули Ворсоут (основная летовка для жителей селений „теневой“ стороны и прежде всего для жителей Маргтумайна), № 11 —

¹ М. С. Андреев. Экспедиция в Ягноб 1927 г. под руководством М. С. Андреева, стр. 164—166.

² См.: Н. Junker. *Jaghōbī-Studien*, стр. 126, 128; В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков, II, стр. 62; С. И. Климчицкий. Ягнобцы и их язык, стр. 139; он же. Ягнобская сказка, стр. 95, 98—100; М. Н. Боголюбов. Ягнобский (новосогдийский) язык, стр. 5.

³ Н. Junker, ук. соч., стр. 127; новые данные о говорных группах см.: М. Н. Боголюбов, ук. соч., стр. 6—7.

сел. Хисоки Дарв, №№ 12—13 — сел. Науметкон, № 14 — сел. Шовета, №№ 15—19 — сел. Бидив, расположенное на солнечной стороне, но примыкающее по языковым особенностям к „теневому“ говору; б) „солнечный“ говор: №№ 20—22 — сел. Пулля Роут, №№ 23—26 — сел. Каши; в) „кульский“ говор: №№ 27—40 — сел. Сархади Куль, №№ 41—42 — сел. Бидони Куль (расположено в непосредственной близости от Сархади Куль), №№ 43—44 — сел. Симич, № 45 — сел. Гармейн.

Из числа публикуемых текстов №№ 1—6, 11, 14—20, 22, 27—36, 40—47 записаны М. С. Андреевым, №№ 7—10, 12, 13, 21, 23—26, 37—39 — Е. М. Пещеревой.

Как указывалось выше, издаваемые ягнобские тексты записывались фонетической транскрипцией. В системе записи, принятой М. С. Андреевым, краткие гласные (за исключением фонемы а) сопровождаются знаком краткости, тогда как долгие гласные не имеют знака долготы (напр., акун 'он сделал' — vud 'запах'). В предисловии М. С. Андреева к записям текстов нет объяснения применяемых транскрипционных знаков и описания обозначаемых ими звуков. При подготовке текстов к печати знак *й* оставлен лишь для обозначения гласного, губо-губной согласный *w* передается через *ш* или *ц* (в транскрипции М. С. Андреева *й* обозначал и гласный *и*, и согласный *ц*). Редакторы сочли также возможным заменить знак *й̄*, изредка встречавшийся в записях, на *і*, поскольку в транскрипции М. С. Андреева эти знаки употребляются в одних и тех же словах в одинаковых фонетических положениях.

Состав гласных фонем ягнобского языка установлен лишь недавно В. С. Соколовой.¹ Целесообразно поэтому привести схему основных соответствий знаков для гласных в публикуемых текстах, обозначающих не только фонемы, но и варианты фонем, знакам фонологической транскрипции В. С. Соколовой:

Система гласных фонем по В. С. Соколовой	Обозначения гласных звуков в публикуемых текстах
і̄	ı, ę
ē	e, ę
ū	u, o, ə, ū (перед носовыми)
ō	o, o, ō (перед носовыми)
ү (огубленный гласный переднего ряда, верхнего подъема)	Как фонема при записях не выявлена (ср. dүd 'дым', dүm 'хвост', angүг 'виноград'; dүг 'далекий' у Соколовой; dud, du'm, duym, angur, dur в записях Андреева).
а	a, ā (перед носовыми)
і	ī, i ę, ę
u	ū, o, ə, ǝ

¹ В. С. Соколова, ук. соч., стр. 64—70; ср.: М. Н. Боголюбов, ук. соч., стр. 8—9.

Подавляющее большинство знаков для обозначения согласных разъяснений не требует. Отметим лишь употребление знаков w, ц для обозначения губо-губного щелевого (у В. С. Соколовой w), например, γοϰ 'корова', даϰ 'беги', но adawóγ 'они побежали'; знаков ñ, ñ̃ (напр., hoñ, hoñ̃, fíróñta) для обозначения дополнительного носового оттенка у гласного в соседстве с носовыми m, n; употребление ċ, ' в некоторых словах арабского происхождения; употребление x̣ в ряде случаев наряду с h и x, знаки x̣, x̣c, x̣w, x̣h для выражения огубленной увулярной фонемы x̣ (у Соколовой x^o).

В архиве М. С. Андреева имеются наброски грамматики ягнобского языка, не оформленные в сводный очерк и характеризующие лишь отдельные стороны грамматического строя языка. Редакторы не сочли целесообразным прилагать к публикуемым текстам эти фрагментарные материалы, учитывая, что в настоящее время М. Н. Боголюбов работает над составлением грамматики ягнобского языка.

*В. А. Лившиц.
А. К. Писарчик.*

ПРЕДИСЛОВИЕ М. С. АНДРЕЕВА

Ягноб — небольшая высокогорная страна, лежащая в горной, до революции очень труднодоступной местности по одному из левых притоков Зеравшана. Она хорошо известна по названию всем иранистам ввиду интереса, который представляет собою сохранившийся в виде реликта особый язык небольшой народности, ее населяющей.

Самые низколежащие селения Ягноба расположены около 2500 м над уровнем моря.

Ввиду своей труднодоступности (сохранившейся в известной степени и до настоящего времени) Ягноб может представлять собою интерес не только в отношении языка, но и в области быта и в области фольклора, в частности в отношении сказок, которые при сравнительной замкнутости страны могли сохраниться в очень интересных формах.

Публикуемые сказки записывались главным образом как образцы ягнобского языка и предназначены служить в основном для лингвистических надобностей.

Записи велись на основе фонетической транскрипции, а для ясного понимания текста мною приложен к нему почти подстрочный перевод. Стиль перевода в погоне за возможной точностью передачи ягнобского текста, естественно, должен был пострадать. Однако такое приближение перевода к тексту для научного изучения ягнобской сказки может быть не лишено и некоторых положительных сторон.

Сказочников-профессионалов в Ягнобе нет, но все же и здесь, как и повсюду, некоторые лица выделяются своей любовью к сказкам и умением их рассказывать. Как и в других районах Средней Азии, самое излюбленное время для рассказывания сказок — ранний вечер, когда только что начинается темнеть.

Сказки записывались в различных селениях Ягноба; при сказке, как правило, имеется указание, где она записана.

1938 г.

М. С. Андреев.

№ 1

Записано от Мулло Ниёза, 42 лет, жителя сел. Маргтумайи, слышавшего эту сказку впервые в селении Сархади Куль

(1) I kampir oy, i žótaš oy. Kambaγál oy, aγqótiš náoy. (2) Očáē-pěš maslaḡát akún. Očáyaš awón ané: „Šaγ, i yókay mardīkorí kún“. (3) Ašáγ i boγdorē rité, qarorí aníd, boγboní akún, tírmahīsa boγboní akún. (4) I wáxti avú—zaldorúš, olúčaš apúxsor. (5) Zaldorúš, olúčaš ačín, ažívár, bozórē apīrónt. Púlišint anós, bídovánkē lápěš amón. (6) Mětik avú—angúrš tím apúxs. Angúr tím ačín, xúšk akún. (7) Ašáγ soḡíbē ritéš, awón ané: „Vvoγ, šaγ, boγt soḡíb vu: mawíz t xúšk akúním“. (8) Avvóγ soḡíbē bóγē, awón ané: „Naháx zaldorút olúča ačine, apīrónt—púlišint čo akúni?“ (9) Awón ané: „Bídovánkē lápēm úštaor“. (10) Awón ané: „Než, aft xárē nos, aft vítay nos, aft juwólē nos“. (11) Aft xárē anós, aft vítay anós, aft juwólē anós, atis aγolúqē ritéš. (12) Awón ané: „Juwólē sar peñ, aft juwólēm mawíz xaš“. Aft juwólē mawíz axáš. (13) Awón ané: „Xaqqt nahíš atón!“.

(14) Saγirá awón: „Fot^lxám t^efar“. Fot^lxáš at^efar aγolúqiš. (15) Xártē vor akún, očáē ritéš anéž, atér. Ašáγ očáē ritéš. (16) Awón: „Žótam, avvówe?“ Awón: „Hoⁿ, očá!“ (17) Awón: „Žótam, hiž aγqót mox nest—čo kúním?“ Saγirá awón: „Váromiš t bozórē, pīróntom“. Očáš awón: „Kušint várišt?“ (18) Awón: „I šá^hrěšint váromiš t, pīróntom“. Awón: „Pīraγ vot, xártēt vor kún“. Xártēš vor akún. (19) Očáš awón: „Dáraγ vvoγ, žótam,—dēváy t mox vútěšt“. Awón: „Dáraγ vvóumiš t, očá“. Anéž, atér.

(20) Ašáγ i šá^hrē. Mawíz bozórē adévár, apīróntšint. (21) Xártēš kūrmaq vor akún, amón. Avvóγ, i dáštē apíráxs. Ritéš i qabrīstóni oy. (22) Aγ xšap, nísp-i xšap oy, aγór—dū avvóγ, čiróγ dáštēšint. Aǰáx, apīráyž. (23) Awón: „Man t^uxóyoiš t“. Aγór—ritéš áxtit nívvowor, i kūrē-pe molomólē karé avór. Anípíd nah^uát.

(24) Aγ xšap ráxšin avú. Awón: „Xártēm vor kúnóm“. (25) Xártēš vor akún, kē yóděš arás, awón: „Ax dū molomólk akúnór,—ušt, šom, γórüm, wěnum: čošint íkta?“ (26) Ašáγ, aγór kíre nüt. Awěn—i yoč, safét námtay táhē. Axáš, anós. (27) Apěňš, aγór—i γayk kórtē-pěšint dé^btax. Awón: „Saḡḡát kúnómiš t—nósom“. (28) Vóriš akún xárē sárē,

avvóu očáē rítěš. (29) Očáš awóv: „Vort čox, žótam?“. Awóv: „Kürmáx, očál“. — „Safét námtay tahé čox, žótam?“. (30) Awóv ané: „Očám, pīyōñ vīyóra avvówem, i yókay anīpíd. Γερ avú, kē nisp-ī xšap oy, γūróta óim. (31) Aγóreḿ — dü avvóu. Aǰáxem, apíráyž. Awóvem: «Man t"xóyoišť». Aγóreḿ — man rítisa nívvowor. (32) I kúrě-pě molomól asáynor. Kě nah^uát anīpídem. (33) Ráxšīn avú. Aǰáxem, xártěm vor akún. Kě yóděm arás — avvóvem ané: «Ax dü molomólk akúnór xšap — ušt, šáwom, γórüm, wénüm — čošīnt iktáť». (34) Kúrě nüt asáyem, aγór. Aγóreḿ — i safét námta. Kašólěš akúnim, ažívár. (35) Námtay tah apěñem, aγóreḿ — i γayk. Kórtě-pěšīnt dě^htax, hámmokaš yárax. Námtay táhěš abeděžem, xaré sárěš amón. Anós, avvóu naxtáskě“. (36) Očáš awóv ané: „Žótam, šau, i tabíb ur“. Ašáu, i tabíb anós, avvóu. Tabíb avvóu, dorúěš akún. (37) Kórtě pat saḡxát avú. Saǰirá ṅikóxěš akún, anós.

(38) Očáš awóv: „Var, nahíš kürmák órta kün — děváyž mox avú“. Avárs, órta akún, anós, avvóu. (39) Ūmša akúnór, avánt, akán. Bědóně amón, ax^hár, darrótšīnt šer akúnór. (40) Awóv: „Očám, man naxípět ní-düm?“. Očáš awóv: „Nay, žótam, ǰax, než bozórě, i ark kün — auqót mox dügárot“. (41) Žótaš aǰáx, aněž, atěr. Bozórě sar aněž, pañ-ūxš vītay anós. Atis očáē rítěš. (42) Očáš awóv: „Žótam, víta anóseť“. Awóv: „Hoⁿ, očá“. Awóv: „Iporá nos, i yókay šáukě kíró kúnót“. (43) Saǰirá tik aněž, atěr. Aněž, dü xaré víta anós. Očáisaš awóv ané: „Očá, kušīnt varóm?“. (44) Očáš awóv: „Mawízť kuk vúrtat iyór vársīnt, nah^uát pí-rōñť!“. Vórsīnt akún dütě xártěš, aněž, atěr. (45) Ašáu naháu šá^hrě. Bozórě atis, vítotě apírōñť. Nah^uát nístax oy.

(46) Poščóē xěpár arás, awóvor: „Naháu saǰirá i xušrú inč ast“. Poščó zaifš amón, awóv: „Man vot“. (47) Γayk awóv: „Náš-vomīšť“. Náš-avú. (48) Dü γüm, tīráy γüm odámš amón — γuš níkün. (49) Poščó saǰiráisa xat akún, awóv ané: „Inč bīšiyór ǰaláp vútax. Nístax — ǰaxot, ǰaxtax — ra-wón vot: inč bīšiyór ǰaláp vútax! Inčěš vvówot, soǰīb vot“.

(50) Xat ašáu, arás. Saǰirá žóyakš afarmóy. Mülló ažóyš: „Poščóē wóvta — inč bīšiyórx ǰaláp, vvówot, soǰīb vot“.

(51) Saǰirá xafá avú, aǰáx, darráu rawón avú. Xšáp-at meť rot ašáu. Aǰ xšapš arás. (52) Očáyěš nápúrsta inčěš adě^h kórtě-pě, hámmokaš yára akún. Asūxóyš, sandúqě nüt apártou. Aváriš, ná^hrě vek xay akún. (53) Kě avvóu, očáē sartákěš aníd, óh-ě sar axáš. Očáš awóv ané: „Ey, žótam, avvówěť“. Awóv: „Hoⁿ, očá“. (54) Očáš awóv ané: „Óh-ě sar ču xašěť“. Awóv: „Očá, nax ǰalápě kórtě-pěš adě^hem, ná^hrě vek xáyěš akúnim“. (55) Očáš awóv: „Ey, žótam, obadón ark náikta“. Saǰirá awóv: „Ču?“. Awóv: „Poščó dü-tīráy γüm odámš amón, náš-avvou. Poščó dürúy xat iktáť“. (56) Žótaš awóv: „Man níy^lrivem“. Aǰáx, naháu ná^hrě qáddě aněž, atěr.

(57) Inčěš op avár. I šoxóbě ažívár. (58) I mahikáš avvóu, awěn. Aγór — i sandúq. Adügár ópě vek, anósš. (59) It bárīš adügáyron, apěñš, aγór: i γayk kórtě-pěšīnt dě^htax, yáraš ast. Anósš, atěr, kátisaš avárs, dorú akún.

(60) I mēti avú, i boy tuy akún, vuz at^ofár. I boy žótaš vúzě anós, avvou, ýáykě awén. Awón: „Nahitě nósomišt“. (61) Ašáu, dodóisaš awón: „I mahikášě ýáykě awéñem. Naháwēm t^ofárišt?“. Dodóiš awón ané: „Žótam, dū incīt ast, áně inc nános!“. (62) Dodóisaš awón: „Na, nósomišt“. Avvówor mahikášě rité. Awóvor ané: „Íáykēt naháu boy žótay t^ofar“. Awón: „Xayr, at^ofárēmš“.

(63) Níkóxěš akünór, at^ofár. Boy žóta ýáykisa awón: „Vvou, nipídím“. Fayk awón ané: „Man tīráy šártě ast“. (64) Žóta awón: „Šart wov“. Awón: „Šáwišt, ópě lápě kat kün, i ruyijó xīriništ, bīrišimī-pě šiyómīšt, i sandúq úrišt, mon“. (65) Boy žóta kat akún, bud akún. Awón: „Šau, ruyijó xīrín“. Axīrín, awúr. (66) — „Bīrišim tīm ur“. Bīrišim tīm awúr. Ašiyš, avvōñ. Awón: „Šau, sandúq ur!“. Ašáu, sandúq tīm awúr. (67) Awón: „Šau, au dū incēt tīm ur!“. Ašáušint, awúr. (68) Awov: „Mox xotīr šau, auqót ur“. Anéž, atér. (69) Pīnōñētisaš awón: „Vvou, sandúqě tamošó künt!“. Avvówor. Awón: „Darúněš wēst“. AwéSOR darúněš. (70) X^uač tīm awés. Dēvárěš maḡkám akún, adé^h, likátě-pě darijóisa atér. (71) Darijóšint avár, avársš — i šoxóbě aživár.

(72) I galabón galáěš ópě t^ofárě awúr. Aḡór — šoxóbě i sandúq. (73) Áspě vóra avú, ópě vek adūgár, adūgayrónšint. Sandúq apēñ, aḡór. Aḡór — tīráy za'ífě. (74) Naháu mahikášě ýáykě awón: „Vvou, man vu“. Awón: „Mox dēváyž ast, šau, ñon ur, dárót mox šer kün“. Kátisaš ašáu. (75) Íštīt tīráy áspě anósor, vóra avú. Anéž, atér. (76) Galabón azüwórt, avvou, aḡór — hič čüks ñest.

(77) Íštīt anéžor, atér. I dáště ašáwor. Aḡóror — čil qarakčít, adáwor, čákšint adór. (78) Iš awón: „Man nos“, iš awón: „Man nos“.* Íñčakt awóvor ané: „Mox tīráyom, š^umox — čil. Mox kómīšint vim?“. (79) Awóvor: „Dēváyž mox ast, i auqót mox künt, dárrot mox šer künt, kě i gápšint dēhimīšt“. Aǰáxor, ñon akún, at^ofársint. Darrótīšint šer akünór. (80) Atón za'íft awóvor ané: „Mox i šart ast: čidóka kaxk ritéš šáwot, čě sítám vvówot — mox naháwě vímīšt. Čě hámmaě sítám vvouḡtagí, koḡ i mox xūš künót — nósot; čau i riték — i mox áně nósot, čau i riték tik — au i mox nósot“. (81) Qarakčít anéžor, atér. Áspšint idókay amón, pīyóda atér. Ašáwor, naháu dáště arás — taymín níma sánkě xoy. (82) Iš za'íft aǰáxor, áspťě xarpáyšint pákka akún. Za'íft tīráyětě áspťě vóra avór, anéž, atér. (83) Qarakčít au dáště iyór. Iš wóvtěšt: „Tü rité vu“. (84) Áxiš wóvtěšt: „Tü rité vu“. Yak dīgárě-pě baxs akünór. (85) Kát-tašint awón ané: „Ey, ritišint šou, — ipité yak dīgárě-pě baxs küntěšt? Áxtīt fěřěb mox nakünánt, i yoč mox návarant“, — wóvtěšt. (86) Íšint wóvtěšt: „Tü rité vu“, áxšint wóvtěšt: „Tü rité vu“. Awón: „Vvou, hámma mox yak bor atirím“. (87) Ašáwor, aḡóror — áspťě xarpáy pákka or. Qarakčít tīm naxčáqtitī sítám avór.

* Man nos — сокращ. в. man nósomišt. (Ред.).

(88) Za'ift ašáwor i dáštē, dėváyšint avú. Yak dīgárisa awóvor ané: „Vvoūt, čē asp wésim, non x^hárim, kē tírimišť“. (89) Čē asp awésor, anídor, non ax^háror, darróťšint šer akún. (90) Mahikáše γayk awóv: „Xūr-jínē γort — sállā-čapón ast; xáťšint, ikē qadd nūyúntim“. Axašóřšint. (91) Mahikáše γayk xěššint akún, ikē qabát at^hfár. Anūyúntor, mórti suráti avór. (92) Awóvor ané: „Asp mox šer vant, kē vóra vímíšť“. Aspt ax^háror, šer avór. Aǰáxor, vóra avór, aněžor, atér.

(93) Tíráy xšáp-at tíráy meť rot ašáwor. I odámíšint woxúrd avú. Apúrsošť, awóvor ané: „It šá^hrē čo gap ast?“. (94) Awóv ané: „It šá^hrē poščošť múrtax. Níšť^hor, dáštē quš parrónošť. (95) Wóvoišť ané: «Nahíš quš kay sárěk nídot, naháwē poščo kúnímíšť»“. (96) Za'ift awóvor yak dīgárisa: „Maslaǰát čox?“. Ax odám adügár, atér. Awóvor: „Šáimíšť, i γüm tamošo kúnim!“ (97) Ašáwor, i búrǰákē aníd. Aγóror — qušē parrónšint ast. Awóvor: „Pěť ču kúntěšť?“. (98) Áxtit agárdor, awóvor ané: „Quš parrónímíšť. Nahíš quš kay sárěk nídot — naháwē poščo kúnímíšť“. (99) Qušē aparrónor. Avvóu, mahikáše γáykē sárē aníd. (100) Naháu šá^hrē odámt níγ^hrivoyšť — iš γáykx. Avvóvor, čakš adóror. Awóvor: „Tau poščo kúnímíšť“. (101) Awóv: „Man ěúdda náim“. Xo^h-maxó^h čakš adóror. Awóvor: „Poščót kúnímíšť“. (102) Awóv: „Píráu vot, nahíš qušē tíráy γüm parrónt: kay sárěk aníd — naháx poščo“. (103) Tik ašáwor, qušē aparrón. Tik avvóu nahítē sárē aníd. Awóv: „Tikš parrónt — tíráy γüm vot!“ (104) Tikš aváror, aparrón. Avvóu, nahítē sárē tik aníd. Avvóvor, as^hxóyor. (105) Awóvor: „Tíráy γüm bud avú, quš avvóu, tau sárē aníd. Atón poščo věšť“. — „Xayr“, — awóv. (106) Anórorš, atér. Ašáwor šá^hrē qaribě, darwózay dėvaré ašáwor. (107) Tíráyťē za'ift maslaǰát akúnór, awóvor: „Vvoūt, surát mox darwózay sárē kánim“. Surátšint akánor. (108) Atisor, atér, ašáwor, kátē dėvareššint arás. (109) Tíráyťič maslaǰát akúnór. Mahikáše γayk awóv: „Man xút poščo avém, š^hmox dü — išint wazír-ě dást-ě rost vut, išint wazír-ě dást-ě čap vut, tísim, nídim“. (110) Atisor, aníd. Čof wáxtē, čof soátē nísta iyór.

(111) I mětí avú; saǰírá sargášť avú, awés. Inčē sūróx akúněšť, aláks. (112) Naháu inčē šá^hrē awés. Ašáu darwózay dėvaré, darwozaxónay sárē aγór, inčē surátěš awén.

(113) Awóv: „Ušť, tísüm nahít šá^hrē — mabodó čē inčēm darák vírüm“. (114) Atis šá^hrē. Awóv: „Ušť, i γüm poščoě ritě šom. Wénüm — čē inčēm darákš ast yo na?“. (115) Ašáu, poščoě ritě salóm akún. Džonú akún, aníd. (116) Poščó awóv: „Saǰírá, ku oy?“. Awóv: „Man i inčē pí-náyíšťá, sūrók kárkē awésšem nahít š^hmox šá^hrē. Awóvēm: «Wénüm — čē man inčē darákš ast yo na?»“. (117) Poščó awóv: „Tífór mětí mühlát. Ba'd az tífór meť inčēt man darák kúnómíšť“. (118) Poščó wazirtisaš awóv: „Nahítē vort i xǰǰray, sarš tošť, libóšš xašť, badán sīnoýt, ánē libós nūyuntónt, non t^hfort, dárē šer kúnt, mont — nídot. Tífór mětisa čē xólěš xabardór vut“. (119) Avárorš xǰǰraisa. Atis xǰǰray. Ústó awúror — sarš atóš. Libóšš axášor, badánš asīnoý. Nonš at^hfáror, dárē šer akún. (120) Av-

vóvor pošóë ritě, atís, salóm akún. „Man wóvtot bajó arasóntě?“. Wazirt awóvor: „Hoⁿ, túráml!“.

(121) I meť nísta iyór. Awénor — galabón awés. (122) Poščó awón: „Tū čo kará íšt? Čě ku vvówe? Tá-pě na salóm, na aláyk“. (123) Awón ané: „Man falón bóyě galabónš im, čě áspě sítám lakstagí odám. Š^umóx-pě aql níkūnim salóm kūnóm“. (124) Poščó awón: „Xayr, čo wóvíšt? Čo ar^{ikt} ast idokáy?“. (125) Galabón awón ané: „I méti man galám awúřem op t^efaré. Aḡóřem — i šoxóbě i sandúq. Adūgářem, adūgayrónš. Dēvárš apēņem, aḡóřš, aḡóřem tiráy za'ifě. (126) Awóvřem: «Vvovut, íšint man vut». Awóvor: «Mox dēváyž ast, non ur, dára mox šer kūn, kě i mox vímíšt». Nóně xotř atēr. (127) Íštít tiráy áspěm anóřor, vóra avú, aněž, atēr. Ta avvóvřem — hīč čuks neřt. (128) Gálay apártořem, něšěp avú. Sūrók karké awésěm — hīččókayšint nívirřem. (129) Avvóvřem nahít š^umox šá^hře darwózay dēvárě, sarboló aḡóřem — surátšint awénim. Čau xotř man tat avvóvřem. Awóvřem: «Wénūm, š^umox darák ast yo na?». (130) Poščó awón ané: „Agár darákšint vířum, čóšint wóvíšt?“. — „Hīččíšint náwovomíšt. Š^umox agár vířšint, naháu áspěm t^efarant — mardūmí or“. (131) Poščó awón: „Áspět úřum, t^efaróm — rozí íšt?“. Awón: „Hoⁿ, man čě š^umox rozí“. (132) Áspěš awúřor, at^efár. Poščó awón: „Rozí avé?“. Awón: „Hoⁿ“. Poščóiša awón: „Fot^{ixám} t^efort“. Fot^{ixáš} at^efáror. Aněž, atēr kátisaš.

(133) I meť adūgár — boybačá awés. Avvóvř darwózay dēvárě. Aḡóř séčě, awén — tiráyte inčě surátš. (134) Awón: „Ušt, i ḡum tířum nahít šá^hře, čě pošóë sūrók kūnūm, wénūm — čě man inčě darákš ast yo na?“. Atís pošóë ritě. Salóm ažóy. Awón: „Wa alěykūm! Ku oy?“. (135) Awón: „Š^umox ritě awésěm: tiráy inčěm pínáyřta. «Naháutitě, — awóvřem, — wénūm». Š^umox darák ast yo na?“. (136) Poščó awón: „Inčěť vířum, — t^efaróm?“. Awón: „Dúš virt, t^efort — iiš darkór nax!“. (137) Awón: „Čuké darkór nax?“. Boybačá awón: „Čě řad řěřebgár!“. (138) Poščó awón: „Xayr“. Awón: „Šau, tiráy méti nid, kě vvovut!“. Ašáu, aníd. (139) Tiráy méti bud avú. Dúť inčěš awúr, at^efár. Awón: „Rozí avé?“. Awón: „Hoⁿ!“. (140) Awón: „Fot^{ixám} t^efort!“. Fot^{ixáš} at^efáror. Aněž, atēr kátisa.

(141) I meť nísta iyór. Aḡóřor — čil qarakší awéřor. Atisor, salóm akún pošóiša. Poščó awón: „Wa alěykūm assalóm!“. (142) Awón: „Ha, juwónmardt, kú iyót?“. Awóvor: „Tiráy za'ifě mox řěřeb akún. Aḡáxim, naháutitě dūmě awés“. (143) Poščó awón: „Čo řěřebšint akúnór?“. Awóvor: „I méti dářtě nísta yom. Awéņem — tiráy za'ifě yáxší avú. Aḡářem, adáu ritisařint, čakšint adorím. (144) Awóvor: «Čo mox wóftěřt?». Awóvim: «Nóřimířšint». Awóvor: «Xozř mox dēváyž ast. Auqót kūnt, dárrot mox šer kūnt, kě i gápšint dēhímišt». (145) Aḡáxim, auqótšint akún, dárrotšint šer akúnim. Awóvor ané: «Mox i řart ast». Awóvim: «Šártšint gap dē^ht — čo řartšint ast?». (146) Za'ift awóvor: «Šart mox nahíř: naxčédoka kaxk ritě šáwot, čě sítám vvóvot, — mahikářě řayk awón, — man naháu sítámikě vómíšt. Čau i ritěk — i mox nóřot, čau dū i ritěk — tik au i mox

nósot». (147) Nahiš šart akünim. Mox dáštē vek atēr. Ašáyyim dáštē a bárīš*. (148) Poščó awón: „Taγmín naháx dašt čófē xoy?“. Awón: „Taγmín nīm sang xoy. (149) Čáwoka azüwórtim, avvóu — ásptē xar-páyťšint pákka iktór, áně hĩč čüxs nešt. Naháu sabábē sūrók karké mox š^umox rítē awésim. (150) Awóvim: «Wénim — naháqťtē hiččókay darák ast yo na?». (151) Poščó awón: „Š^umox čo kasım kúntěšt?“. Awóvor: „Mox čil qarakči om“.

(152) Poščó řarči fayród akün. řarči adáu, avvóu: „Čo wóvtišt, türám?“. Awón: „Než bozórē, fayród kün, — aspakí kas ja'm vot: man vuz t'fáromišt“. (153) řarči aněž, atēr. Bozórē ašáu, kúča par kúča aláks, fayród akün. Awón ané: „Aspakí ast — ja'm vot! Poščó vuz t'fórtišt“. (154) Aspakí ja'm avór. Taγmín i da^h hazór ja'm avór. řarči awón: „Poščóē rítē šauť!“ . Aspakí rawón avór, ašáwor poščóē rítē. Salóm akünór. (155) Poščó awón: „Wa aléyküm assalóm!“ . Wazirtisaš awón: „Aspakitē dáštē živórt, qarakčítē řim živórt. Čē darwóza véskěšint kúnt, i káttá dáštěšint vort, nahít da^h hazór aspakitē qarakčítē vuz t'fort“. (156) Aspakitē wazirt ririt akünór, qarakčítē čē sítám anós. Qarakčítěšint vásta oy, aživároršint, avár. Aživároršint, čē darwóza véskē akün, naháu poščóē wóvta pádē avároršint. (157) Qarakčítē iiš apėñor, aspakitē táhisa apártowor. Vuzš anósor. Xüb mardúm tamošó akünór. (158) Gaštá au yak kam čiliš řim apėñor. Áqťtē řim vuz at'fáror. Vuzšašót xüb axášoršint: har kadómš panj-üxš bülák akünór.

(159) Bozí i xünúk avú, vuzšaší ado avú. Wazirt awóvor mardúmisa: „Poščóē xáqqē dű'ó kúnt!“ . (160) Mardúm dű'ó akünór, azüwórt, har odám xap kátisašint atėror. (161) Poščóē wazirt řim poščóē rítisa atėror. Ašáwor, poščóē salóm akün. Poščó awón: „Wa aléyküm assalóm!“ . (162) Awón ané: „Qarakčítē vuz at'fórtě?“ . Awóvor: „Hoⁿ, türám!“ . Poščó awón: „Xüb ár'kšint íkta“.

(163) I meť anidor. Poščó awón: „Sařiráē urť!“ . Ašáwor, sařiráē dást-at ritš ašinóy, pokizaš akünór. Poščóē ritisaš awúrorš. (164) Avvóu, salóm akün. Poščó awón: „Wa aléyküm!“ . Awón: „Sařirá, gap dě^h!“ . (165) Sařirá awón: „Čo gap děhúm?“ . Poščó awón: „Čo gaptk ast — wóvně.“** Awón: „A meť gápēm děhta oy“. Awón: „Maylš“. (166) Awón: „Gapk děhúm — píráy vot: i incēm pėňáyišta oy, naháu sabábē š^umox rítē úxta oím. Š^umox wóvta oy: «Íncit víromišt, t'fárom»“. (167) Poščó awón: „Xayr. Man incēt víromišt, bizoništ?“ . Awón: „Hoⁿ“. Awón: „Čo karáx?“ . Poščóē rítē čintírš aγór, aróy. (168) Poščó awón: „Ey, saříra, ču róišt?“ . Awón: „Ču γ^urum?“ . Poščó awón: „Gap dě^h“. (169) Sařirá awón: „Man xút gap děhómišt, š^umox čē wáxnēm gűdórt“. Poščó awón: „Adügáreṃ čē wáxnět“. (170) Awón: „Íncēm xűd-í š^umox“. Poščó awón: „Ey, saříra, nomaxkúl nákün“. Tik aróy. Poščó awón: „Gap dě^h!“ . Awón: „Čo gap děhúm? Ğóromišt — incēm xűd-í

* Вм. аṽ bárīš. (Ред.).

** Вм. wov aně. (Ред.).

š^umox“. (171) Poščóš awón: „Eu, saḡirá, gū^h ax^uáre“. Tík aróy. Poščó awón: „Eu, xūdozadá, ínčēt man-ím, nékī i yókay gap nádě^h“. (172) Poščó libósš axáš, saḡiráy anūyuntún. Naháx saḡirá víreš xoy, asáyⁿ, xap páděš anídon. X^uatě za'ífóna libós anūyúnt, aníd. (173) Kě ba mūród arásor. Áxtit nahwát iyór, man amónem, avvóy.

№ 1

(1) Была одна старуха, у нее был сын. Был он бедный, не было у него пропитания. (2) Посоветовался он со своей матерью. Мать сказала: „Иди, наймись где-нибудь на работу“. (3) Пошел он к одному владельцу сада, нанялся по договору, ходил за садом, до осени ходил за садом. (4) Наступило время — абрикосы, вишни поспели. (5) Собрал он абрикосы и вишни, вынес, продал на базаре. Взял деньги, положил в пояс. (6) Настал день — виноград тоже поспел. Собрал и виноград, высушил. (7) Пошел к хозяину, сказал: „Давай, иди, стань хозяином своего сада: твой изюм я высушил“. (8) Пришел хозяин сада, спросил: „Ты те абрикосы и вишни собрал, продал — что ты сделал с деньгами?“. (9) Сказал: „Они в моем поясе.“ (10) Сказал: „Выйди, возьми семь ослов, возьми семь веревок, возьми семь мешков“. (11) Взял семь ослов, взял семь веревок, взял семь мешков, пошел к хозяину. (12) (Тот) сказал: „Раскрой мешки, насыпь семь мешков моего изюма“. Насыпал семь мешков изюма. (13) Сказал (хозяин): „На твою долю теперь вот это (пришлось)“.

(14) Сирота сказал: „Отпусти меня“. Отпустил его хозяин. (15) (Сирота) навьючил ослов, вышел, пошел к матери. Пришел к матери. (16) Спросила: „Ты пришел, сын мой?“. Сказал: „Да, матушка“. (17) Сказала: „Сын мой, у нас нет никакой пищи — что будем делать?“. Сирота сказал: „Я отвезу (изюм) на базар, продам“. Мать спросила „Куда ты повезешь?“. (18) Сказал: „Я повезу его в город, продам“. Сказала: „Если так, навьючивай своих ослов“. Навьючил ослов. (19) Мать сказала: „Приходи скорее, сын мой, — мы голодны“. Сказал: „Я быстро приду, матушка“. Вышел, отправился.

(20) Пошел в город. Привез изюм на базар, продал его. (21) Нагрузил своих ослов курмаком.* Пошел, остановился (букв. 'остался') в степи. Перед ним было какое-то кладбище. (22) В ту ночь, (когда) настала полночь, увидел — пришли двое со светильниками в руках. Вско-чил, убежал. (23) Сказал: „Меня убьют“. Посмотрел — к нему они не подошли, начали возиться над какой-то могилой. Заснул он там.

(24) Рассвело. Сказал он: „Навьючу-ка я своих ослов“. (25) Когда он навьючил ослов, вспомнил, сказал: „Те двое что-то возились, — постой-ка, схожу, посмотрю, увижу, что они сделали“. (26) Прошел, за-

* Курмак — сорняк, вырастающий среди риса. Идет главным образом на корм животным (лошадям, ослам), а также курам.

глянул в могилу. Увидел — что-то в белом войлоке. Вытащил, взял. (27) Открыл, посмотрел — какая-то девушка, израненная ножом. Сказал: „Вылечу, возьму (в жены)“. (28) Навьючил ее на осла, пришел к матери. (29) Спросила его мать: „Что во вьюках, сын мой?“. Сказал: „Курмак, матушка“. — „Что в белом войлоке, сын мой?“. (30) Сказал он: „Матушка, вчера вечером пришел я, заснул в одном месте. Было поздно, потом настала полночь, я проснулся. (31) Посмотрел — пришли двое. Вскочил я, убежал. Сказал я: «Меня убьют». Посмотрел — ко мне они не подошли. (32) Начали возню над какой-то могилой. Потом я там уснул. (33) Рассвело. Встал я, навьючил моих ослов. Потом вспомнил я, сказал: «А те двое ночью возились, — постой-ка, пойду, посмотрю, увижу, что они сделали». (34) Спустился я в могилу, посмотрел. Увидел — белый войлок. Потянул я его, вытащил. (35) Развернул я войлок, посмотрел — девушка. Ее искололи ножом, вся она в ранах. Я завернул ее в войлок, положил на осла. Взял, пришел сюда“. (36) Мать сказала ему: „Сын мой, пойди, приведи лекаря“. Пошел, взял лекаря, пришел. Лекарь пришел, вылечил ее. (37) Ножевые раны зажили. Сирота женился на ней.

(38) Мать его сказала: „Отнеси, смели этот курмак — мы проголодались“. Отвез, смолот, принес. (39) Сделали тесто, прилепили (хлебы к стенкам печки), испекли их. Поставили на середину, съели, насытились. (40) (Юноша) сказал: „Матушка, я так и буду сидеть?“. Мать ему сказала: „Нет, сын мой, встань выйди на базар, заработай что-нибудь, чтобы была нам пища“. (41) Сын встал, вышел, пошел. Вышел на базар, купил пять-шесть веревок. Вошел к матери. (42) Мать спросила: „Сын мой, ты купил веревки?“. Сказал: „Да, матушка“. Сказала: „Купи много, чтобы стоило ходить“. (43) Сирота снова вышел, пошел. Вышел, взял два ослиных вьюка веревок. Сказал своей матери: „Матушка, куда их отвезти?“. (44) Мать сказала: „Куда ты отвез изюм, туда и их отвези, там продай“. Навьючил их на двух ослов, вышел, ушел. (45) Пошел в тот город. Пришел на базар, продал свои веревки. Там и пребывал.

(46) До царя дошла весть, говорили: „У того сироты есть красивая жена“. Царь послал к ней женщину, сказал: „Пусть станет моею“. (47) Девушка сказала: „Я ему принадлежать не буду“. Не стала она ему принадлежать. (48) Два раза, три раза посылал к ней человека — не послушала. (49) Царь написал письмо сироте: „Жена стала очень распутной. Если сидит (юноша) — пусть встанет, если стоит — пусть идет: жена стала очень распутной. Пусть придет к своей жене, станет хозяином“.

(50) Пошло письмо, достигло (юноши). Сирота приказал прочесть его. Мулла прочел ему: „Царь говорит — жена очень распутная, пусть он придет, станет хозяином.“

(51) Опечалился сирота, встал, тотчас отправился. Шел днем и ночью. На другую ночь прибыл к ней. (52) Не спросив матери, ударил жену

ножом, всю ее изранил. Поднял ее, бросил в сундук. Отнес ее, бросил в реку. (53) Потом пришел, сел у изголовья матери, тяжело вздохнул! Мать сказала: „Ты пришел, сын мой?“. Сказал: „Да, матушка“. (54) Спросила мать: „Почему ты тяжело вздыхаешь?“. Сказал: „Матушка, я ударил ту распутницу ножом, бросил ее в реку“. (55) Сказала ему мать: „О сын мой, не сделал ты хорошего дела“. Сирота спросил: „Почему?“. Сказала: „Царь два-три раза посылал своего человека — не пришла она к нему. Царь написал ложное письмо“. (56) Юноша сказал: „Я не знал“. Встал, отправился вдоль реки, пошел.

(57) Жену его унесла вода. Вынесла на остров. (58) Пришел рыбак, увидел. Посмотрел — сундук. Перешел через воду, взял его. (59) Перенес его на эту сторону, раскрыл, посмотрел — какая-то девушка изрезана ножом, изранена. Взял ее, пошел, отнес к себе домой, вылечил.

(60) Однажды один богач устроил пир, дал козла (для козлодрания). Сын богача схватил козла, прискакал, увидел девушку. Сказал: „Я женюсь на ней“. (61) Пошел, сказал отцу: „Я видел дочь рыбака. Ты мне ее дашь?“. Отец сказал: „Сын мой, у тебя есть две жены, не бери другой жены“. (62) Он сказал своему отцу: „Нет, возьму“. Пришли к рыбаку. Сказали: „Отдай свою дочь за сына того богача“. Сказал: „Ладно, я отдам ее“.

(63) Совершили брачный обряд, выдали замуж. Сын богача сказал девушке: „Давай-ка, ляжем спать“. Девушка сказала: „У меня есть три условия“. (64) Юноша сказал: „Скажи условия“. Сказала: „Пойдешь, построишь на берегу реки дом, купишь занавес, я вышью его шелком; принесешь, поставишь сундук“. (65) Сын богача построил дом, закончил. Сказала: „Иди, купи занавес“. Купил, принес. (66) — „Шелк тоже принеси“. Принес и шелк. Вышила, закончила. Сказала: „Иди, принеси сундук“. Пошел принес и сундук. (67) Сказала: „Иди, приведи также тех двух твоих жен“. Пошел к ним, привел. (68) Сказала: „Сходи, принеси нам пищу“. Вышел, пошел. (69) Сказала другим его женам: „Придите, полюбуйтеесь на сундук“. Пришли. Сказала: „Спуститесь внутрь его“. Спустились во внутрь. (70) Сама она тоже спустилась. Закрывает крышку, толкнула, от толчка сундук поплыл по реке. (71) Река их унесла, вынесла на какой-то остров.

(72) Табунщик пригнал табун на водопой. Смотрит — на острове сундук. (73) Сел верхом на лошадь, переехал через воду, их переправил. Открыл сундук, посмотрел. Видит — три женщины. (74) Сказал он дочери того рыбака: „Будь моей“. Сказала: „Мы голодны, иди, принеси хлеба, накорми нас“. Пошел к себе домой. (75) Они взяли трех лошадей, сели верхом. Выехали, уехали. (76) Табунщик вернулся, пришел, посмотрел — никого нет.

(77) Они выбрались, уехали. Поехали в степь. Смотрят — сорок разбойников, прискакали, схватили (женщин). (78) Один говорит: „Я возьму“; другой говорит: „Я возьму“. Женщины сказали: „Нас трое, а вас сорок. Кому из вас мы будем принадлежать?“. (79) Сказали (женщины): „Мы го-

лодны, принесите нам пищу, накормите нас, потом мы кое-что скажем". Встали, испекли хлеб, дали им. Они наелись. (80) Потом женщины сказали: „У нас есть одно условие: кто отсюда раньше всех уйдет, позже всех придет, — мы будем ему принадлежать. Кто после всех прибудет, одну из нас пусть выберет, возьмет; кто перед ним — другую из нас возьмет, кто еще перед ним — тот третью из нас возьмет". (81) Разбойники вышли, отправились. Лошадей своих здесь оставили, ушли пешком. Пошли, достигли той степи — она была приблизительно на расстоянии половины санга.* (82) Женщины встали, перерезали сухожилия у лошадей. Женщины втроем сели на лошадей, выехали, поехали. (83) Разбойники были в степи. Один говорит: „Ты иди вперед". (84) Другой говорит: „Ты иди вперед". Друг с другом заспорили. (85) Главный среди них сказал: „О несчастные (букв. 'черные ваши лица'), — вы таким образом один с другим спорите? Как бы они не обманули нас, не унесли бы чего-нибудь у нас", — говорит он. (86) Один из них говорит: „Ты иди вперед", другой из них говорит: „Ты иди вперед". Сказал (главный): „Давайте, пойдем мы все сразу". (87) Пошли, увидели — сухожилия лошадей перерезаны. (Тогда) разбойники пошли вслед за женщинами.

(88) Женщины поехали в степь, проголодались. Друг другу сказали: „Давайте, слезем с лошадей, поедим, потом поедем". (89) Слезли с лошадей, сели, поели, насытились. (90) Дочь рыбака сказала: „Посмотрите в хурджине — там есть чалмы и халаты, выньте их — наденем по одному". Вынули их. (91) Дочь рыбака разделила, дала им по одному халату и чалме. Они надели, стали похожи на мужчин. (92) Сказали они: „Пусть наши лошади поедят, потом мы сядем верхом". Лошади поели, насытились. Поднялись, сели верхом, выехали, отправились.

(93) Ехали по дороге три дня и три ночи. Повстречался им один человек. Спросили они его: „Какие в этом городе новости?". (94) Сказал: „Умер царь этого города. (Люди) вышли, чтобы пустить летать охотничью птицу. (95) Говорят: «На чью голову эта птица сядет, того мы сделаем царем»". (96) Женщины сказали друг другу: „Что нам делать?". Тот человек ушел. Сказали: „Поедем, посмотрим разок". (97) Отправились, сели в углу. Увидели они — пускают летать птицу. Спросили: „Зачем так делаете?". (98) Те повернулись, сказали: „Мы пускаем летать птицу. На чью голову эта птица сядет, того мы сделаем царем". (99) Пустили птицу летать. Прилетела, села на голову дочери рыбака. (100) Жители этого города не знали, (что) это девушка. Подошли схватили ее. Сказали: „Тебя сделаем царем". (101) Сказала: „Я не справлюсь". Насильно ее схватили. Сказали: „Мы сделаем тебя царем." (102) Сказала: „Если так, пустите эту птицу летать три раза: на чью голову она сядет — тот царь". (103) Снова отправились, пустили птицу. Снова прилетела, села на ее голову. Сказала: „Снова пустите летать —

* Около 4 км.

пусть будет до трех раз". (104) Снова (птицу) отнесли, пустили летать. Прилетела, снова села на голову этой самой девушки. Подошли, подняли. (105) Сказали: „Вот уже три раза птица прилетала, садилась на твою голову. Теперь ты будешь царем“. — „Ладно“, — сказала она. (106) Взяли ее, пошли. Приблизились к городу, подошли к воротам. (107) Три женщины посоветовались, сказали: „Давайте, вырежем наши изображения над воротами“. Вырезали свои изображения. (108) Вошли они, дошли до дверей дома. (109) Втроем посоветовались. Дочь рыбака сказала: „Я стала царем, вы обе — одна из вас везиром правой стороны будет, одна из вас — везиром левой стороны, войдем, сядем“. (110) Вошли, сели. Несколько времени, несколько часов они сидели.

(111) Наступил день; пошел искать сирота, спустился. Расспрашивал про жену, бродил. (112) Спустился в город той женщины. Пошел к воротам, посмотрел на ворота, увидел изображение жены.

(113) Сказал: „Постой, войду-ка я в этот город, может быть узнаю о моей жене“. (114) Вошел в город. Сказал: „Постой, схожу-ка я к царю. Посмотрю, знает ли он о моей жене или нет?“. (115) Пошел, приветствовал царя. Опустился на колени, сел. (116) Царь сказал: „Сирота, где ты был?“. Сказал: „Я потерял жену, расспрашивая, пришел в этот ваш город. Сказал я: «Посмотрю, есть ли в нем вести о моей жене или нет?»“. (117) Царь сказал: „Четыре дня отсрочки. Через четыре дня я разузнаю про твою жену“. (118) Царь сказал везирам: „Отведите его в комнату, побрейте ему голову, снимите его одежды, вымойте тело, оденьте его в другие одежды, дайте хлеба, накормите, оставьте, пусть сидит. В течение четырех дней заботьтесь о нем“. (119) Отвели его в комнату. Вошел он в комнату. Привели цирюльника, обрил он его голову. Сняли с него одежды, вымыли его тело. Дали ему хлеба, накормили. (120) Пришли к царю, вошли, приветствовали. „То, что я говорила вам, выполнили?“ Везиры сказали: „Да, господин“.

(121) Однажды они сидели. Видят — пришел табунщик. (122) Царь сказал: „Ты кто такой? Откуда пришел? От тебя нет ни приветствия, ни ответа на приветствие“. (123) Сказал: „Я — табунщик у такого-то богача, человек, ходящий за лошадьми. У меня не хватило ума, чтобы вас приветствовать“. (124) Царь сказал: „Ладно, что скажешь? Что у тебя здесь за дело?“. (125) Табунщик сказал: „Однажды я привел табун на водопой. Вижу — на острове какой-то сундук. Переехал, перевез его. Открыл крышку, посмотрел — увидел трех женщин. (126) Я сказал: «Пусть одна из вас будет моею». Сказали они: «Мы голодны, принеси хлеба, накорми нас, потом одна из нас будет твоею». Пошел я за хлебом. (127) Эти три женщины взяли моих лошадей, сели верхом, выехали, отправились. Пока я пришел, никого не осталось. (128) Бросил я табун, пошел, ходил, расспрашивая, нигде их не нашел. (129) Пришел я к воротам этого вашего города, посмотрел я вверх, увидел их изображения. Из-за того я и пришел сюда. Сказал я: «Посмотрю-ка, знаете вы (о них) или нет?»“. (130) Царь сказал: „Если я узнаю о них,

что скажешь?“. — „Ничего не скажу. Если вы их найдете, пусть они отдадут мне тех лошадей — они чужие“. (131) Царь сказал: „Если я твоих лошадей приведу, дам (их тебе) — будешь удовлетворен?“. Сказал: „Да, я буду вами удовлетворен“. (132) Лошадей его привели, отдали. Царь спросил: „Ты удовлетворен?“. Сказал: „Да“. Сказал царю: „Отпустите меня“. Его отпустили. Вышел, пошел к себе домой.

(133) Прошел один день — пришел сын богача. Пришел к воротам. Посмотрел вверх, увидел — изображения трех женщин. (134) Сказал: „Постой, войду-ка я в этот город, расспрошу у царя, увижу, — есть ли известие о моих женах или нет?“. Пошел к царю. Произнес приветствие. Царь сказал: „И тебе мир! Где ты был?“. (135) Сказал: „Я пришел к вам: я потерял трех моих жен. — «Посмотрю-ка я их», — сказал я. Знаете вы (о них) или нет?“. (136) Царь спросил: „Если я твоих жен найду — отдать тебе?“. Сказал: „Двух из них найдите, отдайте — третья не нужна!“. (137) Царь спросил: „Почему не нужна?“. Сын богача сказал: „Она обманщица сверх меры“. (138) Царь сказал: „Ладно“. Сказал: „Поди, посиди три дня, потом приходи“. Пошел, сел. (139) Исполнилось три дня. (Царь) привел двух его жен, отдал. Сказал: „Ты удовлетворен?“. Сказал: „Да“. (140) Сказал: „Отпустите меня“. Отпустили его. Вышел, пошел к себе домой.

(141) Однажды сидели. Видят — пришли сорок разбойников. Вошли, приветствовали царя. Царь сказал: „И вам мир“. (142) Сказал: „Ну, молодцы, где вы были?“. Сказали: „Нас обманули три женщины. Мы вскочили, пришли вслед за ними“. (143) Царь спросил: „В чем они вас обманули?“. Сказали: „Однажды мы сидели в степи. Видим — показались три женщины. Мы вскочили, прискакали к ним, схватили их. (144) Сказали (женщины): «Что вы нам скажете?». Мы сказали: «Мы вас возьмем». Сказали: «Мы сейчас голодны. Приготовьте пищу, накормите нас, потом мы скажем вам кое-что». (145) Встали мы, приготовили им пищу, накормили их. Сказали они: «У нас есть одно условие». Сказали мы: «Скажите ваше условие — что у вас за условие?». (146) Женщины сказали: «Наше условие таково: кто отсюда пойдет раньше, а придет позже, — сказала дочь рыбака, — я буду принадлежать тому последнему. Кто перед ним — одну из нас возьмет, кто впереди тех двух — еще одну из нас возьмет». (147) Это условие мы заключили. Отправились мы в степь. Пошли мы в ту сторону степи“. (148) Царь спросил: „Та степь примерно какая была?“. Сказали: „Приблизительно была с полсанга. (149) — Оттуда мы вернулись, пришли — у лошадей перерезаны сухожилия, больше никого нет. Поэтому-то мы, расспрашивая, пришли к вам. (150) Сказали мы: «Посмотрим, знают ли где-нибудь о них или нет?». (151) Царь сказал: „Каким ремеслом вы занимаетесь?“. Сказали они: „Мы сорок разбойников“.

(152) Царь крикнул глашатая. Глашатай прибежал, спросил: „Что скажешь, господин мой?“. Сказал: „Выйди на базар, закричи — пусть собираются конные: я устраиваю козлодрание“. (153) Глашатай вышел,

пошел. Пошел на базар, ходил с улицы на улицу, кричал. Говорил: „Кто конный — собирайтесь! Царь дает козла“. (154) Конные собрались. Собралось приблизительно тысяч десять. Глашатай сказал: „Поезжайте к царю!“. Отправились конные, поехали к царю. Приветствовали его. (155) Царь сказал: „И вам мир“. Сказал везирам: „Выведите конных в степь, выведите и разбойников. Выведите их из ворот, отведите в большую степь, вместо козла дайте разбойников тем десяти тысячам конных“. (156) Конных поставили перед везирами, разбойников поставили сзади. Разбойников связали, вывели их, отвели. Вывели их из ворот наружу, отвели в место, указанное царем. (157) Одного из разбойников развязали, бросили посреди конных. Схватили они его вместо козла. Славно повеселились люди. (158) Потом развязали и тех тридцать девять оставшихся. Их также отдали вместо козла. Участвующие в козлодранье хорошенько их таскали: каждого разорвали на пять-шесть частей.

(159) Игра затихла, козлодранье закончилось. Везиры сказали людям: „Прочтите молитву о царе!“. (160) Люди прочли молитву, повернулись, каждый отправился в свой дом. (161) Везиры царя тоже отправились к царю. Пошли, приветствовали царя. Царь сказал: „И вам мир“. (162) Сказал: „Отдали разбойников (вместо) козла?“. Сказали: „Да, господин наш“. Царь сказал: „Хорошо вы поступили“.

(163) Однажды сидели. Царь сказал: „Приведите сироту!“. Пошли, вымыли руки и лицо сироты, почистили его. Привели к царю. (164) Пришел, приветствовал. Царь сказал: „И тебе мир“. Сказал: „Сирота, говори!“. (165) Сирота сказал: „Что мне сказать?“. Царь сказал: „Какие у тебя есть слова, — скажи“. Сказал: „В тот день я сказал“. Сказал (царь): „Ладно, (еще скажи)“. (166) Сказал: „Если мне говорить, пусть будет так: я потерял жену, поэтому-то я пришел к вам. Вы сказали: «Твою жену я найду, отдам»“. (167) Царь сказал: „Ладно. Если я твою жену найду, ты ее узнаешь?“. Сказал: „Да“. Царь спросил: „Какая она?“. Посмотрел он внимательно на лицо царя, заплакал. (168) Царь сказал: „О сирота, почему ты плачешь?“. Сказал: „Откуда я знаю?“. Царь сказал: „Говори“. (169) Сирота сказал: „Я вот скажу, а вы пощадите мою жизнь“. Сказал царь: „Я пощадил твою жизнь“. (170) Сказал (сирота): „Моя жена — вы сами“. Царь сказал: „О сирота, не делай глупостей!“. Снова заплакал (сирота). Царь сказал: „Говори!“. Сказал: „Что мне говорить? Вижу: моя жена — вы сами“. (171) Царь сказал: „О сирота, ты лжешь“. Снова заплакал (сирота). Царь сказал: „О несчастный, я — твоя жена, но нигде этого не говори“. (172) Царь снял одежды, надел на сироту. Тот сирота был ее муж, она возвела его на свое место, усадила. Сама надела женские одежды, села. (173) Потом достигли они своих желаний. Они там, я их оставил, пришел (сюда).

Записано от Сангина, 37 лет, жителя сел. Маргтумайи

(1) I pir, i kampír oy, tíráy žútašint oy. (2) Dodóš atíráš, amír. Ašiyó-ě xonáš xis akünór. Íš pítakí qolincá arás, íš rafída arás, íš i rūpě arás.

(3) Rūpě rasidagí aníd, aróy. Asán i tēpáy lápě, aníd. (4) Aγór, awēn — čil düzd aněž, atēr. Gaštá düzdě düyměš ajax, asán. Naháutitě čiz-ü čoróts avánt, aúr kátisaš. (5) Iš akóts janjól akünór: „Dodóš mox ašiyó-ě xoná vútaš ast. Táwisaš wófta vúta ast, kě móxisa na“. (6) Kě yak digarē-pě „jang šim“ vútěšt. Kě wótěšt ané: „Š^umox tīm sant, naháu tēpáy lápě nidt“. (7) Iš tīm γórtišt, wēntišt — čil düzdě aněž, atēr. Ax tīm gaštá jáxtišt, sant. (8) Sántišt, γórtišt, wēntišt — dēvár sáray níssta yor. Xamb vútišt: — „Darúně tisóm“. Kě áxtit déhošt, t^uxóy.

(9) Akóš γórtišt: „Virótēm darák nívu“. Jáxtišt, sant. Sántišt, tēpáy lápě nit. (10) Iš tīm γórtišt: yak kam čil düzdě aněž, atēr. Sántišt, tist. Ítē tīm dēhóšt, t^uxóy. (11) Gaštá tik maydá viróts asán, atís. Dēvárě sitámay aníd. Aγór, awēn — düzd avvówor. (12) Kort anós, iš tim awón: „Tisüm“, — adéš. Čě i lap hámmaš adé^h, at^uxóy. (13) Yak kam čilěš avár, čóhě nüt apartóy. Íš avár, kátě kúnčěš čóhě nüt apártóy. (14) Gaštá očáěš asáyn. — „Naháu kátě kúnčě sar násinoy“.

(15) Ax žútaš gaštá šikórisa atēr. Iš ašáu, sar asinoy. Ax mürdá zindá avú. Ax dü — za'íf-at mórti — vir-at ině avór. (16) Gaštá čáutitě i žúta tawal-lúd avú. Aživár, daráxtě kúnay apártóy. Ax kátta žútaš xēpár na oy — šikóřě nístax* oy. (17) Pišín avú. Tahorát akún, nīmóčě agüzór, γúšěš kúdákě awwóz avvóy. Nīmóčěš agüzór, avón, ajax, akóy — nívir. (18) Digár avú. Tik tahorát akún, namóz-ě digár níma akún — tik γúšěš naháx kúdákě awwózš avvóy. (19) Ajáxs, akóy, it da'áy avírš.

(20) Očáy ritéš awúrš, očáě-pěš at^ofár. Očáš awón: „Man nánosomišt“. Kátta žútaš awón ané: „Aviremš, nahítě nos“. (21) Naháx žúta i meťónáš yak sólay dódě kátta avú, haštruzína avú — hašt sólay dódě kátta avú. (22) Gaštá dodóš it kátta akóěš t^uxóyna avú. Čě šikór avvóy — naháu dēvár tákay očáěš dorú fásta. (23) Ax maydá virót aγⁱríf: — „Akóem qásdē akünór — «T^uxóyimš»“. (24) Čě dēvárš oγúšě anóšš, adēvár, kátě amón. Tik čě kat oγúšěš anós, aživár, dēvárě amón, šikórisa yak ráha akún. (25) Čě šikór avvóy — tik íštít oč akünór, očěš za^hr awídor. Atís, awón: „Oč x^aróm“. (26) Maydá viróts náš-amon x^aarák. Ritéš i pšak oy. Načáu očě i lúnjěš pšakě awít. (27) Pšak warám akún, naháu ritéš amír. Virótisaš awón: „Pit ču?“. (28) Virót awón: „Iš tīm, očám tīm taγ t^uxóyna avór“. (29) Ajáx, očáš adé^h, at^uxóy. Ax maydá viróts awón ané: „Kátě kúnčě i víriš aně ast“. Ašáu, áwě tīm adé^h, at^uxóy. (30) Maydá virótiš naháu kátě amón. X^aač ajax, virótě-pěš i miltiq at^ofár. Viróts anós, diwólě tánay nüt olingón akún. (31) Awón ané: „Dü kaftarē ast, naháxtě har meť dorú uróšt. In nēmay nüč** mónor yo aγ taráfěš mónošt — zindáim; káděk dorú aúror,

* Вм. nístax (Pеd.).

** Вм. nütš. (Pеd.).

naháú děgákě sárě amón, wov ané: «Xay, dariγ, — akóm kuk xoy — amír!».
 (32) Kátta žúta čě kat aněž, atér. Asán i dáště. (33) Aγór, awén —
 i payst ast. Naháú páystisa aγór, atér. I aždahór oy. (34) Aždahóre rah-
 bón oy. Aždahór awón ané: „Něž, γor: bú-ī bandá-ī xokí avú“. (35) Iš
 aněž, aγór. Awén — i sanák ast. Atís, aždahórísa awón: „Íliš asán“.
 (36) Aždahór apúrs: „Čo kará rot šáutišt?“. Rahbón awón ané: „Qadamakí
 rot šáutišt“. — „Nõn čo kará x^hórtišt?“. — „Nítišt, kě x^hort“. — „Op čótě
 žáftišt?“. — „Nítišt, kě op žaft“.

(37) Žúta asán, arás aždahóre ritéš. Awón: „Assalóm aléyküm!“.
 Aždahór awón ané: „Wa aléyküm assalóm! Agár salóm nížošt, lüqmá-i
 xomt akúnimišt. Jűwón oy, xayf avěšt!“ (38) Aždahór ajax, čilgušá čűwáně
 oč apáč, čil fatirě akún. Dútjič anídor, ax^hár. Ta iš žúta i lüqmá anós,
 aždahór pokizášint ax^hár.

(39) Aždahór bídón anós. Yak man tuxm zamín šüdgór avú. Aždahór
 it žútay adě^h. Žúta amír. (40) Gaštá ax kaftárt dorú aúror, digákě sárěš
 amón. Maydá vírótš awón ané: „Xay, dariγ, — akóm kuk xoy — amír!“.
 (41) Tík iš miltiq anós, asán, atér čě akóě sítámš. Asán naháú dáště.
 Aγór — aždahóre i payst ast. Naháx páystě aγór — iš tím asán, atér.
 (42) Aždahór rahbónísaš awón ané: „Bu, — bú-ě bandá-ī xokí!“ (43) Rahbó-
 nisa apúrs: „Čo kará rot šáutišt?“. Rahbón awón ané: „Har qadamš
 yak sang ro^h“. — „Nõn čo kará x^hórtišt?“. Rahbón awón ané aždahórísa:
 „Har nõně x^harákěš čófik nõn vot — x^hórtišt tíri vut“. — „Op čótě
 žáftišt?“. — „Darijó loiqáy-pěš darxášěšt“.

(44) Žúta asán, aždahóre rité atís. Aždahórísa salóm ažóy. Aždahór:
 „Wa aléyküm assalóm“, — awón. (45) Aždahór awón ané: „Agár salóm
 nížošt, lüqmá-i xomt akúnimišt. Jűwón oy, xayf avěšt“. (46) Aždahór
 ajax, čilgušá čűwáně oč axobón, čil fatirě akún. Aúr, ritéš amón. Ta
 aždahór i lüqmá anós, ax žúta hámaš ax^hár, amón.

(47) Gaštá ajaxor. Aždahór bídón taláb akún. Bídón anósor. Yak man
 tuxm zamín šüdgór akúnór. Čángě xok zõnkě ajax. (48) Aždahóre adě^h.
 Aždahór xálma akún: „Jáxom“, — tikš adě^h. I dafáy amír. (49) Naháú
 aždahóre i kátě jo^h-ü jondór ja'm íktaš iyór. Gaštá polwón atís. Jondórt
 awóvor. Iš wótěšt: „Man nax^hár, ax farběx — áwě x^har“. Ax wótěšt: „Áwě
 x^har“. (50) Gaštá iš awón ané: „Mánšint náx^haromíšt, hámmaišint jawób
 t^hfáromíšt“. Aživár, hámmayš jawób at^hfár. (51) Gaštá apúrs: „Man vírót
 kux?“. Íštít awóvor: „Vírótět nahíš aždahór at^hxóy“. (52) Dorú-ī bohušoná
 anós, akóě dímóyěš adór: akóš zindá avú. (53) Jondórtě jamišš jawób
 at^hfáror, ba müróššint arásor.

№ 2

(1) Были один старик, одна старуха, у них было три сына. (2) Отец
 заболел, умер. Разделили его вещи. Одному вот такой коврик достался,
 одному из них досталась рафида,* одному из них достался веник.

* Подушка из тряпок, которой прилепляют в печь хлебные лепешки.

(3) Тот, которому достался веник, сел, заплакал. Поднялся на край холма, сел. (4) Посмотрел, увидел — вышли сорок разбойников. Тогда он вскочил, поднялся вслед за разбойниками. Связал их имущество, принес к себе домой. (5) Его братья затеяли ссору: „У него оказались домашние вещи нашего отца. Он тебе сказал (про них), а нам нет“. (6) Потом они подрались друг с другом (букв. 'поддеремся-ка'). Говорит (хозяин веника): „Вы тоже поднимитесь, сядьте на край того холма“. (7) Другой тоже смотрит, видит — вышли сорок разбойников. Тогда и он вскакивает, поднимается. (8) Поднимается, смотрит, видит — сидят они у двери. Спускается — „Войду-ка я внутрь“. А они ударяют его, убивают.

(9) Старший брат смотрит — „Нет известий о моем брате“. Всккивает, поднимается. Поднимается, садится на край холма. (10) Он тоже видит: тридцать девять вышли, ушли. Поднимается, входит. Его тоже ударяют, убивают. (11) Потом меньший брат поднялся, вошел. Сел за дверь. Посмотрел, видит — пришли разбойники. (12) Взял нож, и (когда разбойник) сказал „Войду-ка я“, — (меньший брат) ударил его. Подряд всех их поразил, убил. (13) Притащил тридцать девять (разбойников), бросил в колодезь. Одного из них принес, бросил в яму в углу дома. (14) Потом привел наверх свою мать. — „Не мой головы в том углу дома“.

(15) Потом ушел ее сын на охоту. Она пошла, голову вымыла. Тот мертвец ожил. (И вот) они двое, женщина и мужчина, стали мужем и женой. (16) Потом у них родился сын. Вынесли, бросили его под деревом. Тот старший сын не знал (об этом) — он был на охоте. (17) Наступил полдень. Совершил он омовение, исполнил намаз, послышался ему голос ребенка. Закончил намаз, встал, поискал — не нашел. (18) Наступило время „намози дигар“.* Снова совершил он омовение, исполнил наполовину намаз, — снова послышался ему голос ребенка. (19) Встал он, поискал, на этот раз нашел его.

(20) Отнес его к матери, отдал его матери. Мать сказала: „Я не возьму“. Старший сын сказал: „Я нашел, возьми его“. (21) Тот мальчик за один день как за год вырастал, восемь дней ему стало, а он вырос как за восемь лет. (22) Потом отец решил убить старшего его брата. Пришел (тот) с охоты, а порог той двери мать смазала ядом. (23) Тот меньший брат понял: „Устроили это против моего старшего брата, чтобы его убить“. (24) Обхватил его, внес, поставил в доме. Потом обхватил его вынес из дома, поставил снаружи, отправил на охоту. (25) Пришел с охоты, они сделали плов, его мать бросила (в плов) яд. Вошел, сказал: „Я поем плова“. (26) Его младший брат не допустил его есть. Около него была кошка. Бросил он горсть плова кошке. (27) Кошку раздуло, (тут же) перед ним издохла. Спросил своего младшего брата: „Почему так?“. (28) Младший брат сказал: „И он, и моя

* Около 4 часов дня.

мать решили тебя убить“. (29) Встал, ударил свою мать, убил. Младший брат ему сказал: „В углу дома находится еще ее муж“. Пошел, его тоже ударил, убил. (30) Младший брат остался в том доме. Сам он встал, дал младшему брату ружье. Младший брат взял его, повесил на стену. (31) Сказал (старший брат): „Есть два голубя, они каждый день будут приносить порох. Если в эту сторону положат или в ту сторону положат, — я жив; когда же принесут порох, положат на полку (в ружье), скажи: «О горе! Мой старший брат, где бы ни находился, — умер!»“. (32) Старший брат вышел из дома, ушел. Пошел в степь. (33) Посмотрел, увидел — (виднеется) дым. Посмотрел на тот дым, пошел. (Там) был дракон. (34) У дракона был стерегущий дорогу. Дракон сказал: „Выйди, посмотри — слышался запах человека“. (35) Тот вышел, посмотрел. Увидел — кто-то взбирается. Вошел, сказал дракону: „Кто-то забрался“. (36) Дракон спросил: „Как он идет по дороге?“. Стерегущий дорогу сказал: „Идет по дороге, шагая“. — „Как он ест хлеб?“. — „Садится, потом ест“. — „Как он пьет воду?“ — „Садится, потом пьет“.

(37) Юноша поднялся, прибыл к дракону. Сказал: „Мир вам“. Дракон сказал: „И вам мир. Если бы ты не произнес приветствия, я превратил бы тебя в сырой кусок (мяса). Ты молод, было бы жалко“. (38) Дракон поднялся, приготовил плов в котле с сорока ушками, приготовил сорок пресных лепешек. Вдвоем сели, съели. Пока этот юноша взял один кусок, дракон съел начисто все.

(39) Начал дракон бороться с ним. Ногами они вспахали землю площадью под один ман зерна. Дракон поразил юношу. Юноша умер. (40) Потом те голуби принесли порох, положили его на полку (ружья). Младший брат сказал: „О горе! Мой старший брат, где бы он ни находился, — умер!“ (41) Затем он взял ружье, поднялся, ушел вслед за старшим братом. Пришел в ту степь. Посмотрел — (из дома) дракона поднимается дым. Посмотрел на тот дым, опять поднялся, пошел. (42) Дракон сказал стерегущему дорогу: „Запах — запах человеческий!“ (43) Спросил у стерегущего дорогу: „Как он идет по дороге?“. Стерегущий дорогу сказал: „Каждый его шаг — один санг пути“. — „Хлеб как ест?“. Стерегущий дорогу сказал дракону: „Всякий раз при еде, сколько хлеба ни будь, съедает“. — „Воду как пьет?“ — „Реку выпивает вместе с илом“.

(44) Поднялся юноша, вошел к дракону. Сказал дракону приветствие. Дракон сказал: „И вам мир“. (45) Дракон сказал: „Если бы ты не сказал приветствия, я превратил бы тебя в сырой кусок мяса. Ты молод, было бы жалко“. (46) Поднялся дракон, запарил плов в котле с сорока ушками, приготовил сорок пресных лепешек. Принес, поставил перед ним. Пока дракон взял один кусок, тот юноша съел все.

(47) Потом встали. Дракон захотел драться. Схватились. Вспахали (ногами) землю под один ман зерна. Пыль поднялась до колен. (48) Поразил (юноша) дракона. Дракон сделал усилие: „Встану-ка я!“, — (юноша) снова его поразил. На этот раз (дракон) умер. (49) Тем драконом были

собраны в одном доме птицы. Богатырь вошел. Птицы заговорили. Эта говорит: „Меня не ешь, — та жирная, ее ешь“. Та говорит; „Ее съешь“. (50) Тогда (юноша) сказал: „Я вас не буду есть, всех вас я отпущу“. Вывел их всех, отпустил. (51) Потом спросил: „Где мой брат?“. Они сказали: „Твоего брата убил этот дракон“. (52) Взял (юноша) лекарство, приводящее в чувство, поднес к носу старшего брата, — его старший брат ожил. (53) Всех птиц они отпустили, достигли своих желаний.

№ 3

Записано от Исмаил-бая, 42 лет, жителя сел. Маргтумайн, слышавшего эту сказку в сел. Зидди

Рассказчик нетвердо знал конец сказки и, видимо, несколько его скомкал и запутал. Так, здесь не говорится о причине вражды сестры к брату, не упоминается о лошади богатыря, отобранной у него после сражения и играющей некоторую роль в этой сказке.

Можно также отметить в данной сказке значительно бóльшую примесь таджикской речи, чем обычно, так как рассказчик очень хорошо знал таджикский язык.

(1) I poščobáča oy. Ínčiš amír. I γayk, i žútaš apíráxs. (2) I odám akü-sé¹, i poščóé γáyké gíránd avú. Poščóé γayk awón: „I šártim ast. Nahíš qabúl kúnót, — vómíšt“. (3) Awón: „Čo šártiš ast — qabúl kúnómíšt“. (4) Awón: „Šártim nahíš — γáyk-at žútaš i dástě varót, t^uxóyot, čě sárě tapáksint wax¹nolúd kúnót, úrot, nišóněm dórot, kě vómíšt“.

(5) Poščobáča qabúl akún. Wazírisa awón: „Γáyk-at žúta várov, dástě t^uxóyot“. (6) Γáyk-at žútay wazír aživár, avár dástisa, axóxk t^uxóyot. (7) Kordš čě bídón axáš, awón: „Γayk-at žúta t^uxóyom“. (8) Γáyk-at žúta zor-zór aróyor. Wazír tím aróy — ham kordš qayróqě tež akún, ham aróy. (9) Awón: „It güdák^{tě} čótě t^uxóyom?“. Zor-zór dúťič aróyor. (10) Wazír aγór, awén: „I kutšúja sítáměm arás“. Güdák^{tisa} awón ané: „Š^umox nášaut šá^hrisa — kutšúja t^uxóyom, čě sárě pášměšint nóm, wax¹nolúd kúnóm, várom, doróm“.

(11) Žúta-t γáyké akü-sé¹ dástě, kútě anós, akús, čáutitě sárě pašm anós, wax¹nolúd akún, avár poščóé γáyké ritisa. Awón: „Γáyk-at žúta at^uxóyem“. (12) Awón: „Sart bajó awés — atón nómíšt“. (13) Poščobáča a viyóra ašáu, haftód qatóre ũštúr qilíng avár, níxóxs akún, anós. Arúsě aǰaxor tífór qatór askárě-pě, anósor, avvówor. Avvóu kátěš.

(14) Poščobáča xúvni awén — „Dü janwárě čě dástěm apár“. (15) Fírón^ta ráxšin avú. Poščobáča wazírisa awón: „Man taabír-ě xob vir: čě dástěm dü janwárě apár“. (16) Awóniš: „Man taabír-ě xob^t víromíšt: naháx dü güdákě čě dast apáror“. Awón: „Tik xúvně awénim: xur asán, raušán avú, tik xíra avú — iš čox?“. (17) Wazír awón: „Čě xún-ę pústěm güdár kün — wómíšt, awóvem iš čox“. (18) Awón: „Agüdárem“. Wazír awón: „Čox, — awón — nahíš poščó düxtárx: i γüm dástět tístěšt, tik pártěšt“. (19) Čětě poščobáča bíšiyór xafá avú. Awón: „Iš mán-pě wafó ná-

karna vutáx!“. Awón: „Γáyk-at žútay wáxnim anós“. Bīsīyór xafá avú. (20) Čandón waxt adügar. Poščobáča xonadorí akún. Raftá-raftá dīlsīyó^h avú. (21) I mētī avú, čě inčě rítěš i kanizák dáukě-dáukě aněž, poščobáčaīsa awón: „Ínčēt kasál avú“. Iš awón: „Xay, dariy! Wazírě taabír-ě xob razg: inč čě dast atér“. (22) Foyátī oy, nīsp-ě rúzi inčīš amír. Awón: „Xay, dariy! Inč atér, žúta atér, γayk atér. Man naháutītě waxⁿ anós“. Sarš anós, aněž, atér, atér dáště vek.

(23) Γáyk-at žúta dáště amónor. Xórīš awón: „Mox dü ku šáimīšt? Mírīmīšt děváyžě!“. (24) Akóš awón: „Sabáb-ě rīzq man i kamoγülák tóšom, láksom dáště vek, síča děhóm — zóro sabáb-ě rīzq mox vot!“. (25) Aǰáx, kamoγülák anós, fīkě vekš anós, atér dáště vek. Ašáū i yókay, sayd akún. Tīfór síča-t alaaqqá adé^h, awúr. (26) Xórīsaš awón ané: „Vvou, mox nížim, tírim“. Anós xórěš, aněž, atér dáště vek.

(27) Ašáwor i yókay, i dášt-ě čúl-ě bīyobóně vek. Aγóror — i tūmán-ě sīyó-ū torík yáxšī avú. (28) Xórīsaš awón: „Magár i manzíl vot naháx?“. Xórīsaš awón: „Tū naxtát nid, man šáwom, γórum, wēnum — čox?“. (29) Ašáū, olám rot ašáū, awēn — nazárīsa šá^hrě ránkě yáxšī avu. Awón: „Yo tánim parwardīgór! I-m bīzónot, wóvot: «Tū naháx poščobáčaīšt!»“. (30) Awón: „Ušt, sáram čok vóvot — šáwom: iš xórim mírtīšt děvaznóykī“. Aǰáx, ašáū.

(31) Awēn — i qal'á. Darúněš atīs, awēn — qal'á xolí, híč čúks nešt. Ašáū, aγór, awēn — aft čūwáně paláū dam íktagí. (32) Ašáū, íkī kafgír anós — aft kafgírě. Tik sársīnt apūšón, anós paláū, xor rítěš atér. (33) Xórīsaš awón: „Ašáyem — i qal'á xolí“. Xorš awón: „Darúnš híč čúks noy?“. Awón: „Na, híč čúks noy: xolíx“. (34) Xorš awón: „Tū aǰáp gáptě děhīšt, — awón, — qal'á vot, kě darúněš čóttě xolí vútěšt?“. Awón: „Bowwárik ná-kún — ǰax, šáimīšt, γórim“.

(35) Aǰáxor, xórě-peš qal'áīsa atéror, atīsor. Xórīsaš awón: „Aná, níwoem qal'á xolí?“. (36) Ašáwor — aft čūwáně paláū dam íktagí. Awón: „Taū xotīr nahčētītēm vurt oy“. (37) Xorš awón: „Vvou, ídoka maslaǰát ast. Iš qal'ák vot, híč waxt be odám nax. Vvou, man var, i yókay bajó kún“. (38) Awón: „For, man kut varóm?“. Awón: „Vvou, číl xǰǰraē darúně děvár, yak man γúza wit sárēm“. (39) Akóš awón: „Nahīš kat sárě nūt agárd, «woy» náwovīšt“. (40) X^ač aněž, kord anós, ašáū, asán, děvár sáray awúšt. Awón: „Iš qal'ák vot — be xodīsá nax“.

(41) I zamónī awúšt, aγór — i xodīsá paydó avú. Aγór — i tūmán-ě sīyó^h asán: tik aγór — i kabūt tūmán asán, tik aγór — i sabz tūmán asán, tik aγór — i safēt tūmán asan. Aγór — čáutītě sītám aft aspakí yáxšī avú. (42) Awóvěšt: „Íštīt čo karáx or? Nahīš qal'áe sohīb or!“. Aγóror, arásor, darwóza apéⁿnor, atīs. Úxštīč bad-barobár awéSOR. Iš níweš. (43) Úxštīč adáwor, áwě qūltúqě atīs. Avárórš čě qūltúqš, táxtě sárě anídon. Awón: „An-nahīš káttašīnt vutáx!“. (44) Íiš adáū, dástop anós, awídš. Awón: „Daū, oč xaš!“. (45) Iš aněž čě darwóza véskě. Ax čě darwózay sar adé^hš — sarš apár, atér. (46) Čětě tik i áněš aǰáx, aněž. Ítě tīm adé^h, sarš apár. Tik i áněš aněž — tik ítě tīm adé^h, sarš apár. (47) Úxštītěš nahí ránkě adé^h, sarš

aparrón. Čětē káttasint awón: „Ey, ištīt aněžor, paláu ax^hár!“ (48) X^hatš qa’rš akún, čě jógaš ajax. Naháu ránkē čě raxš xaul aněž — osmón kúrák akún. (49) Ítē tīm adé^h, sarš apár. Awēs, aγór — Dēw-ě Af-Sár! Aft sarš anós pokizá.

(50) Ašáu, awón xórisaš: „Xotřja’m akúnim qal’á — vvou, niž“. Xorš aněž ritěš. Aγór — áftitış t^hxásta. (51) Awón: „Xor-ú, itón maslaḡát čox?“ Xorš awón: „Čó kē xap rezogit xóhtitš — naháx kún: man i múšt-ě par“. (52) Awón: „Man, — píráu, — tik šikórisa nížomišt, tiróm — tú nahiš qal’á boni kún!“ X^hač aněž, atēr šikórisa, xorš qal’áe amón.

(53) Ašáu, awén: dū řundorákī. Anóššint. Íiš ba zabón avvóu, awón: „Man šerbáčajm“. (54) Awón: „Mán-pě qaroběyát kúništ, tú-k šerbáča vu?“ Awón: „Hoň!“ (55) Awón: „Íš čot vútěšt?“ — „Íš xórim vútěšt“. (56) Awón: „Íš tīm řuš kúntěšt man-táu qául-ě?“ Awón: „Hoň“. — „Man sárē mónomišt, úfsüm — tú qalourím kún“.

(57) I wáxtī avú, i bulákī askár ašáu qal’áe sárē. Aγóror — i za’if. (58) Awóvor: „Tú čo kará za’ifitš?“ Awón: „I poščóē řaykim, i bahodúr akóm ast“. Awón: „Š^hmox čo kará odámišt?“ (59) Awóvor: „Falón poščóē odámš om“. Awón: „Čúwat dáštē maxtál avútē?“ (60) Awóvor: „Nahiš qal’áy Dēw-ě Af-Sár oy. Mox avvóyim, nahitē xěpár nósim, — falón poščóē mamlakátš nahiš Dēw-ě Af-Sár ax^hárěšt xiróř. Mox xiróř awúrim, bīšiyór čúkayrimitš“. (61) Awón: „Náčúkayr^{it} — Dēw-ě Af-Sárē akóm at^hxóy. Šařt, poščóisa xěpár vort, wovt: «Dēw-ě Af-Sárē falón bahodúr t^hxásta». Laškár kúnót, vvówot, akóyēm t^hxóyot — man naháu poščóē vómišt“.

(62) Avvóvor, poščóē xěpár at^hfáror. Poščó ařáb wáxtē xüş avú.

(63) Awón: „Laškárē xěpár t^hfort! Fírón^{ta} čě laškárē póda nápiraxsot!“

(64) Fírón^{ta} aněž, atēr, ašáu qal’áe děvārē. (65) řaykisa awóvor: „Akót kum rótē šikóřē atēr?“ Awón: „Nahiš rótē vek šikóřē atēr“. (66) Awóvor: „Agár šáyim, akóēt t^hxoim — nahiš poščóē vešt“. Awón: „Vómišt“.

(67) Aněžor, atēr. Ašáwor i šikorgáhē, aγóror — nřipistax. Šerbáča vřrótisaš awóvor: „Íš kax?“ Awón: „Akómx“. (68) Awóvor: „řuráyš — mox gap ast“. Awón: „Čo gápšint ast? Mán-pě dě^ht!“ (69) Awóvor: „Tú bačáitš, tá-pě mūnosíbē gap nešt“. Awón: „Čo gápšint ast, dě^ht mán-pě“.

(70) Awóvor: „Mox akóēt vántimišt, várim“. Awón: „Ta čófik man řasád xast — návastš kúništ“. (71) Awóvor: „Čúkē? Tú x^hat maydaák — gápit káttá. řuráyš akóēt — dām-ě tířēt řūdayrónimišt“. (72) Awón: „Čě dast čok vvóutitš — kúnt“. Gápē nitis, řuš nikún. (73) Awón: „Man šart ast. Šártēm bajóy ur* — akóēm řuráyšomišt. Šártēm nahiš: nahit bīdónē kómšint pahlawón vut, naháē-pěšint bīdón nósomitš. Agár adē^htīm — akóēm řuráyšomišt“. (74) Awóvor: „Obadón!“ (75) Awóvor: „Nahit pahlawónē-pě řax, bīdón nos“. (76) Ax čau nēma, iš čin nēma ařaxor, bīdón anós maydónē. Atisor, bīdónē čangól ba čangól avór, atis. (77) Laškár awón: „Púllakē ařalaš rásta vutáx“. I řüm zur aděhór, tik yalá akún. (78) Tik

* Bm. urt. (Pez.).

i da'á ašáwor, maydón at'fár, avvówor, adé^h čangól. Bačaák naháwě zur adé^h — káttay dēmóytě vekš wax^h avvóu. (79) Awóvor: „Čo kará zót-ī baló?“. Awóvor: „Čětě gap pürs — kay zodx?“. (80) Awón: „Man hič zótěm ná'rivomišt“. Awóvor: „Watánt kux?“. Awón: „Watáněm tīm nesst“. (81) Awóvor: „Hič mamlakát būdán γ'rivišť?“. Awón: „Áslo čě ku vuákěm ná'rivomišt“. (82) Awóvor: „Magám tū sěxrxóm vu? Tū x^hat maydaák“. Awóvor: „Tū zúr-išt yo akót?“. (83) Awón: „ÉÚmrěm na gūštíněm nóta, na jang iktá, na pahlawoním γ'rivomišt. Akóim i Dėw-ě Af-Sár t^hxásta, aft šá^hrě ba bozórě nóta“. (84) Awóvor: „Tū nahíš gap razg dēhíšť yo mox γ'úrda čūkayronišť?“. Awón: „Man š^hmox γ'úrda náčūkayronišť“. Awón: „Agár pahlawón vot — jaxt, bídón nósim, agár jangkará vot — jaxt, jang kūním!“. (85) Awóvor: „Nahít odámě tū-k aděhě — šaš moh oy kasál xoy. Áně odámě-pě nósišť?“. (86) Awón: „Kómsišt čě hámmaě zur vut, — naháě-pě nósomišt“. Awóvor: „Nahít askárě bídóněš noūmídá pahlawón ast. Nahítě-pě nos“. (87) Nahíš awón aně: „Man xūb noūmidá pahlawón. Ay^b nesst, man nahít gūdákě-pě nósak farmóytěšť?“. (88) Awóvor: „Náhě gūdákě aděhě zamíně, dáraū sar sūxóyīmīšt — awózš i yókay nárasot, hič čúčkě* gap mox nárasontěšť“. (89) Adáwor, maydóně atisor, čangól ba čangól avór. Bačaák dástěš axáš, adé^h pahlawóně sárě pūšt. Iš čanór ránkě atiráš pahlawón tákě vek. (90) Askárě xoy-fěγón avú. Awóvor: „Pahlawóně at^hxóy!“. Áně miltīq aživár, yakbóra talotúp avú. (91) Naxpírāū jang akūnór, wax^h zónkě asán. Taγmín pansád odáměš t^hxast oy.

(92) Yakborá bačaák tir ax^hár. Ašāū, atiráš akóě sárě nūš. Akóš apárr, ayūrós. Awón: „Ha, čo gap ast-o?“. (93) Awón: „Man adé^h, yaradór akūn — taū qásdē kúšix“. — „Xay, dariγ! Man ba waxt xabardór ču níkūni? Ark čě dast tórtax!“. (94) Aǰáx, darāū áspě vóra avú. Iš tīm dū xšáp-at dū mēti jang akūn. (95) Iš tīm tir ax^hár. Ašāū, atiráš nahāū vīrótě sárě nūš. Kordš, áspěš, kamóněš anósor. Áně maslaḡatě atisor, awón: „T^hxóyīmīšt!“. (96) Awón: „Naš-t^hxóim — naxpít varím“. Naxpírāū anósor — na huš, na γuš. (97) Pahlawóně mūrtaě-pě dūtītěš vor akūnór. Aváror qal'áisa, qal'áě dēvārě awúr. (98) Íi atis qal'áě darúně, xórěš xěpár akūnór: „Akóēt awúrim“. Awón: „Zīndáš awúrtě yo mūrta?“. Awóvor: „Mūrta“. (99) Awón: „Xūb! Agár mūrta vot, ruparúš kūnt!“. (100) Atisor, xórěš aživár. Awóvor xórisáš: „Iš mūrtax yo zīndáx?“. Awón: „Dūrúγ kūntěšťim — zīndáx“. (101) Awóvor: „Čótěš kūním, mirtišť?“. Awón: „Ítě kosxoná-ě čásměš koūt, namák wēt, kě γut mirót“. (102) Avvóū, ayór, awón aně: „I šūtūr-ě nor virt, vóraš kūnt, vort, Dayró-ě Pánjě vek pártou“.

(103) Ašáwor, i šūtūr-ě nor avíror, awúr. Naháě mūrtaγ vor akūnór, aváror i dáště. (104) I saūdogári avvóū čě rit. Nah^hát vor awúror, aníd. (105) Awóvor: „Čof meť ba'd rasímišt dayróě lápě?“. Saūdogár awón: „Ponzdá ruz ba'd“. (106) Awóvor: „Mox i šart ast“. Awón: „Čo šártšīnt

* Вм. hič čúksě. (Pед.).

ast?“. (107) Awów: „Šart mox nahiš — nahit murtay var, Dayró-ě Pánjē vek pártou. I x^hat mox xamrá-ī tū, nahitē vort, pártout Dayró-ě Pánjē vek“.

(108) Aǰáxor, vor akún. I čétit, i čaṭit — dútič ašáwor, atér. Ašáwor, i manzilē vor awúr. (109) Korwonboší awów: „Man zúwórtomíšt“. Íiš awów: „Agár tū zúwórt, man taṭ tūhmát kūnomíšt — nahiš hamráhēm at^hxóy“. (110) Íš nočór avú, tik aǰáxor, vor akún, aněž, atér.

(111) Ašáwor dayróē lápē. Nah^hát dayróē lápē xīrgá adéhór, aníd. Awóvor: „Ítē ítón čorá-ī partoftáňš wēnim“. (112) Fīrónta ráxšin avú. Avárorš, apártoworš ópē vek. I čē póda anós, i čē das. (113) Op anóšš, atér. Olám dayró avárš.

(114) I kampirákē žúta obí vútax oy. Nax kampirák ópē lápē aróíšt, aníd. Ímmay róyta xoy — ýúrdotš kur vútay iyór. (115) Awēn — op i múrta ažívár. Adáṭ, anós, awów: „Nahiš man žútax!“. Anós, čapón apártou sárē vekš, aróy. Awów: „Nahiš man žútax!“.

(116) I mětī oy — Xoǰá-ě Xīzīr avvóṭ, yáxši avú. Awów: „Ču róíšt?“. Awów: „I žútaim oy — ópēš avár“. (117) Awów: „Čē sárē tákēš ýīrēk nos; man dū^čó kūnomíšt — zīndá vot!“. Ax ýīrēk anós. Dū^čó ažóy, kūf akún ýīrēkē vek. Ax zīndá avú. (118) Kampír aṭór: „Man žúta nax!“. Kampírīsa awów: „Vvoṭ — tū ba ýóy-ě modárēm“.

(119) Nahčáwoka dútič aněžor, atér. Ašáwor i šá^hrē. Kúčāēš atisor. (120) Ašáṭ, kalandarí akún: „Ozúqá vírim — kampirē-pē čē děvaznýkē halóq vímíšt“. (121) Ašáṭ, atís, kalandarí akún, púl-ī bīšiyóre avír. A víyóra kampirē rítē atís. Awóvs: „Íš šá^hr — xūb šá^hr vútax: musofirparwár vutáx. Púl-ī bīšiyóre at^hfáror“. (122) Kampír awów: „I ránkē xūb odámtē vot, — i bozór ánē nídim, zoró i xárē púl vírim“. Ít bozóre tīm anídor. (123) Tik aněž, in-núr kalandarí akún. Tik púl-ī bīšiyórš at^hfáror. (124) Azúwórt, atís, awów: „I xárē púl at^hfáror. Fīrónta nížim, i xárē čē bozór nósim“. (125) Kampirákē awów: „Ta vóra kūním“. Kampír awów: „Man xáqqē nahípētī ranǰ axáše!“.

Kampirē xárē vóra akún. Aněžor, atér. (126) Tíráy xšáp-at tíráy mětī rot ašáwor. Kampírīsa awów: „Qaríp mamlakátē mox arásim“. Awów: „Man i xūb xúvnēm wēta — kóškē vírótīm zīndá vot!“. (127) Aǰáxor tik nísp-ī xšápē, kampirē vóra akún, aněž, atér. Ašáwor i yókay. Šūtūrakí bīšiyóre-šint woxúrd avú. (128) Awóvor: „Načít mamlakátēt hič xēpár ast — kay dastīx?“. (129) Korwonboší awów: „Ču pūrsíšt čē mamlakátē, i kampírēt vóra íktá i xárē-pē?“. (130) Awów: „I xórim Dēw-ě Af-Sárē dástē xoy — naxčáwē pūrsomíšt“. (131) Awóvor: „Šaṭ, xūb xēpár vutá! Čof sol ast xóre vírē t^hfárišt?“. Awów: „Taṭmín paň sol ast, vírē t^hfáre“. (132) Korwonboší dar xašm avú. Awóvor: „Ítē vántak darkór — dúzd vutáx, dūrúy awów“. Awésor, avánt.

(133) Kampirák dód-ū bedód akún. (134) Awów: „Nahiš man žútax paň sol oy kasál vutáx: ítē máyžē sárēš kamx. Čok awów — wóvtēšt, tīrē vut. Nahpíráu kasál avú paň sólē darúnēš, har xšáp-at har meť i ýum mánaxš avántimíšt“.

- (135) Awóvor: „Čě Dėw-ě Af-Sárě i dalil gap dēhěšěšt * kē xalós vu?“.
- (136) Awón: „Š^umox gap pūrst — man wom“. (137) Awóvor: „Čě Dėw-ě Af-Sárě xalēt čox xěpár ast?“.
- (138) Awón: „Nahít žútay man pėnáyštam; nahítěk kówakē avvówem, nahíš ša^r gap talotúp xoy. Íisa apúrsem: «Nahíš ša^r talotúp čux?»». Awón: «Dėw-ě Af-Sárěšint t^uxásta falón poščobáčay žútay»“.
- (139) Kampírīsa awóvor: „Agár taṽ xotīr nívěšt, mox nahíš žútayt at^uxóyīmīšt“.
- (140) Awón: „Čukě?“.
- Awón: „Íš rahakí vot, čukě Dėw-ě Af-Sárě qal’áě pūrsěšt?“.
- (141) Awón: „I gūnó^h akún — man i kampírē müsłím š^umox xáqqē dū^čó kúnomīšt“.
- (142) Awóvor kampírīsa: „Mox gap ast: nahít rótēt kaxk woxúrd avú, námoniš žútayt gápě dě^h, čukě askár-ū laškár hámmaš Dėw-ě Af-Sárěk or“.
- (143) Kampír rūxsát anós, ašáwor, atēr.
- (144) Ašáwor, i manzilē arásor. Sahlakák gūmón akún, awón: „Qaríp rásta vēm“.
- Kampír-očáīsaš awón: „Qaríp gūmón rástom“.
- (145) Awón: „Čo dalil kúnīšt?“.
- (146) Awón: „Naháṽ ṽogáxtē vek lakst óīm. Naháṽtītē ṽúrdam ṽarm vútěšt, wómīšt: «Nahíš man lakstagí ṽogáx vant!»“.
- (147) Očáš awón: „Hič taṽmínt íkta oy?“.
- (148) Awón: „Hoṽ, naháṽ čašmái lápě mětík ṽang akúnīmīšt, áspēm avárīmīšt čašmáē op at^ěfár“.
- Awón: „Nahít čašmáē lápě vīrótēm tir rast oy. Xórīm búřjěš pašaroniš akúntěšt“.
- (149) Awón kampír: „Man i pūrsomīšt — tū gap nádě^h“.
- Awón: „Xūb, man gap náděhomīšt, tū čě i pūrs“.
- (150) I odám woxúrd avú. Kampír awón: „Nahít rótē hīč čašmái ast?“.
- (151) Awón: „I čašmá ast, lápěš i kasalí žúta-t i ṽayk“.
- Awón: „Íč-či nósošt čě xarakí, aspakí?“.
- (152) Awón: „Dū tangá čě áspě nósošt, i tangá čě xarē nósošt“.
- (153) Awón: „An-nahíš man xór-at vīrót vútor“.
- Ašáwor, yáxšī avú. Aṽór — dar woqíán dū odámě ast čašmáē lápě.
- (154) Očáīsaš awón: „Naháxtīt man xór-at vīrót or“.
- Ašáwor, arás čašmáē lápě.
- (155) Xórěš abízónš. Ajáx, čě rítěš róyakē avvóṽ.
- (156) Žúta awón: „Vīrótīm kux?“.
- Awón: „Vīrótīt kasál“.
- (157) Aníd vīrótē sartákěš, aróy. Vīrótš behúš vútax.
- (158) Kampír awón: „Naháx muysafét vvówot, dū^čó kúnót, mox «omín» wóim — saṽxát vútěšt!“.
- Aṽóror — muysafét avvóṽ.
- (159) Awón: „Tū čo kará kampír-īšt? Kuk šáwomīšt, taṽ róyak ast“.
- (160) Awón: „Man pīšónēm naháṽ ránkē vutáx: kuk šáwomīšt — ṽám-at dárdě woxúrd vum“.
- Awón: „Tū dū^čó kún, man «omín» wóvom: nahítě dárdě xúdó šífó t^ěfarót!“.
- (161) Awón: „Ur, i múšt-ě ṽīřék t^ěfar — man dū^čó kúnóm naháē vek. Tū sárě vek čoš“.
- (162) ṽīřék anós, sárě vek ačós — apárr, aṽáx. Awón: „Aṽáb man úfta vútaīm!“.
- (163) Awóvor: „Úfsakě čot íkta oy? Tū panj sol oy — kasál oy“.
- Kampír awón: „Ítón maslaṽát čox? Hámma mox saṽxát avēm. Maslaṽátī — i yokáyīsa tírak kúním“.
- (164) Awón vīrótīsaš: „Čě qal’áě xěpár ast?“.
- Awón: „Íč xěpárēm nešt“.
- (165) Kátta akóš aṽáx, ašáṽ qal’áy, xěpár anós. Aṽór — hīč čúks nešt, qal’á xolíx.
- (166) Azūwórt, ašáṽ naháṽtītē rítě. Awón: „Hīč čúks nešt“.
- Aṽáxor, rawoná avú qal’áīsa.

* Вм. dēhěšt. (Ред.).

(167) Ašáwor, atís qal'áě. Awóvor: „Maslaḡát čox?“. — „Nahít qal'áě káttě vek lakst, wənt — hiě čizě vírtěšt?“. (168) Ašáu, káttě vek akówor. Xóršint awów: „Man kátě kúnčě i xúd-ě tilló tákě ikt oy“. (169) Awóvor: „ǰax, tis, zóro montagí ḡogáh vir“. Aǰáx, atís, akóu. (170) Awów: „Nahišoka kouť! Naxtátěm i xúd-ě tilló tákě ikt oy“. (171) Atisor, akóu, tilló avír. Awóvor: „Čof mětí aḡót mox vútěšt“.

(172) Káttá akóš awów: „Sof i ránkě mət nadüörtěšt. Vvout, tat maslaḡát küním! Man i něma ḡawób t'fort — zóro šáwom š^umox xotǰr i čizě vírom, úrom — i sabáb-ě ruzǰudaroní mox vot“. (173) Kampír-at ḡayk awóvor: „Maslaḡát vírótě-pě — ax sardorí mox kúnót, kě tanhó qal'áě kě ruz mox ḡudarót, něki zínhór: iporá dur nátir, tik mox darráu xěpár nos“. (174) Awów: „Vírótě áspěm urt, tǰyri künt. Man nahítě vóra vómíšt, nížom, tiróm“. (175) Kampír awów: „Tat i xosiyát ast. Man i kornamoyít kúnóm“. Awów: „Čo kornamoyím kúníšt?“. — (176) „Čě xorě sárě díráwět nos, čě vírótě bürútět nos: kom mětík arkt ba tang avú, nahíštět olówě nüt pártoḡ — áxtit xozǰr vímíšt“. Vóra avú, aněž, atěr, ašáu.

(177) Ašáu i dáště. I odámš woxúrd avú. (178) Awów: „Ba qaríbí i manzilě rasómíšt yo na?“. Awów: „Aspt ḡ^hrívětíšt: dü qamžíně saxtár dě^h, x^hápět manzilisa nósíšt“. (179) Šax akún, dü kamžíně adě^hš. Naxpíraḡ aněž, rawón avú.

(180) Kámakak waxt adüǰar — i payst yáxší avú. Ašáu, awěn — i kampír i káppa číntǰr nísstax. (181) Awów: „Oy, kampír, man ḡogáh^h t'far“. Awów: „X^hápět ḡogáh^h ast, áspět na!“. Awów: „Com t'farišt, ḡogáh^h t'fárom?“. (182) Awów: „Dü tillóě t'fáromíšt“. Awów: „Dü tillóě-pě ḡogáh^h nát'fáromíšt“. (183) Awów: „Čok dílt xohót — t'fáromíšt“. Awów: „Dü tilló x^hápěm, tǰfór tilló áspěm — üxš tilló t'fáromíšt“. (184) Awów: „Wəš!“ Awěšš čě áspě sar, áspě zinš akán, áspěš ḡul akún. (185) Awów: „Ur, üxš tillóě t'far!“ Axáš, üxš tillóě at'fár čě büǰúntš. (186) A vǰyóra nahwát aníd. Kampír ób-ü óžěš akún.* Dútiš ax^haror, aníd. (187) Awów: „Nahít šá^hrě qaríp avvówəm?“. Awów: „Nim sang — i dámakí šáwišt“.

(188) Fírónťa ráxšin avú. Aǰáxor, áspě zin akún. Kampír awów: „Man tǰm šáwomíšt šá^hrě: poščóě inčě žúta vúta oy — wěnakěš naęta óim“. (189) Aǰáxor, áspě vóra avór, amón, atěr. Ašáwor šá^hrě. (190) Kampír awów: „Tü bačaxónděm. Dü tilló t'fáromíšt, wəš, mawízěm xǰrín, sayn, la'lí kúnóm!“ (191) Dútič la'lí tayór akúnór. Dútič aft la'lí akúnór. Aněžor, kúča vek rawoná avór. Ašáwor árke děvárě. (192) Čě poščóě odámťě darráu soǰěbšint avór, čě darwózay děvárě. Darráu žúta aváror, bandíš akún, kampířě tǰm bandí akún. (193) Kampír awów: „Man návort — man i kírokáš-im. Nahíš awów: «Var, man qal'á nišón dor!»“. Awúřemš, nišón adóřš“.

(194) Fírónťa saxár avú. Poščóě inč awów: „Naháu bandí mánisa nišón dort“. Ažívarorš čě bandixoná, avárorš. (195) Xorš awów: „Xüb aǰ^hrívem — nahíš man akó vutáx!“ Poščóisa awów: „Tü nahítě sarišta kün, kě ḡut man

* Cp. т. ób-u óšašro kard.

tá-pě inč vom“. (196) — „Píraü, tik jallódě «xoy» woft!“. Jallódě „xoy“ awóvor.

(197) Žúta awén: „Árkēm ba tang avvóü“. Naháx sárě pašⁱm, būrúts olówě nůtěšint apártou. (198) Dárrau ax dü — xór-at vřótíš xozír avór. Nahpíraü aděhór — waxⁿ juybór avú. (199) Mardúm hámma apíráyžor. Askár avvóü. Askára t^uxastagiša at^uxóyor, píráyžtagiyaš aněž, apíráyž.

(200) Atisor, qal'á soxěb avú. Poščóě tīm at^uxóy. (201) Xorš ajáx akóě rítěš, aróy, awóv: „Man — i múšt-ě par, čě dástěm na bad vvóutěšt, na nik“. Bšiyór aróy. (202) Žútaě raxm avvóü. Awóv: „Čě gūnó^hš dūgárom“. (203) Iš ajáx, bšiyór xūrsánd avú. Awóv: „Jáxom, ób-ū oš kūnóm akóě xotřěš“. (204) Ajáx, oč akún, awúr, akóě rítěš amón. Akóš awóv: „Yózūm“. (205) Maydá xórákiš nímonš. Awóv: „Man yózūm kě tū“. (206) Ayóz, anós, ráxě akún, agárd, atěr, amír. Žúta kátta xórišaš awóv: „Tīm dšlyó^h vutáx móx-pě?“. At^uxóyorš.

(207) A vřyóra anídor qal'áy. A fřrón^{ta} i gadó avvóü kat děvărěšint. (208) Awóv: „O bobó, tū čo matlábě vvóutašt?“. — „Man i gadó odám“. Awóv: „Tū čě ku vešt — rázgěš wov!“. (209) Awóv: „Man rázgěš wom — falón poščó oīm. Gáyk-at žútaēm aživárem, at^uxóy i inčě xotřř. Kě čě inčě tīm baraká nivirēm: atřráyš, amír. Naháü žúta-t gáykě fřrókě aněžem, atěr“.

(210) Awóv: „Naháü gáyk-at žútat zindá vant — bžónišint?“. „Albát, — awóv, — bžónomišint!“. (211) — „Žútat čo nišóna oyš?“. Awóv: „Žútaēm árkaěš panjára oy“. (212) Awóv: „Mardúmě ja'm kūnómiš^t, lüč kūnóm, nišón doróm“. Ajáx, mardúmě ja'm akún, awúr. (213) Čě i lap lüč akún, fřktěšint ařór. Awóv: „Hič nišóna niviri, bobó?“. (214) Awóv: „Man žútay nišóna ititě navutáx!“. Awóv: „Man tīm lüč kūnóm, fřkěmt dorómt?“. (215) Awóv: „Tū fik lüč nákün: beodobí vútěšt“. Žúta ajáx, lüčš akún, adór fřkěš. (216) Muysafét ařór, awén: „Man žútay nišónax!“. Yak soátě „wax“ awóv, húšiš atěr. (217) Húšišk avvóü, dūtřič yak digáre káma anósor, aróy. „Čětě, — awóv, — poščoi taü řaqq: man mūródřm, maxsádřm nahípětř xoy“. (218) Dūtřič nahwátě iyór, ba mūród-ū maxsád arásor. Áxtř nahwátě iyór, mox amónim, avvóü.

№ 3

(1) Был один царский сын. Жена его умерла. Остались у него дочь и сын. (2) Послал человека, стал сватать дочь одного царя. Дочь царя сказала: „У меня есть условие. Если он его примет, я буду принадлежать ему“. (3) (Царский сын) сказал: „Какое бы условие ни было у нее, я согласен“. (4) Сказала: „Мое условие таково — дочь и сына пусть отведет в степь, убьет; волосы с их головы пусть выпачкает в крови, принесет, покажет мне, тогда я буду принадлежать ему“.

(5) Царский сын согласился. Сказал везиру: „Отведите дочь и сына, убейте в степи“. (6) Везир вывел дочь и сына, отвел в степь, хотел убить. (7) Вытащил свой нож из-за пояса, сказал: „Убью я девочку и мальчика“. (8) Девочка и мальчик горько заплакали. Везир тоже запла-

кал, — и нож на оселке точил, и плакал. (9) Сказал он: „Как я убью этих детей?“. Горько, горько оба плакали. (10) Везир посмотрел, увидел (сказал себе): „Сзади ко мне подбежал щенок“. Сказал детям: „Не ходите вы в город — я убью щенка, возьму у вас с головы волосы, выпачкаю в крови, отнесу, покажу“.

(11) Послал девочку и мальчика в степь, взял собаку, убил, взял у детей с головы волосы, выпачкал в крови, отнес к дочери царя. Сказал: „Девочку и мальчика я убил“. (12) Сказал (царский сын): „Вот условие выполнено, теперь я женюсь“. (13) Царский сын в тот вечер пошел, отвез вено на семидесяти верблюдах, совершил брачный обряд, женился. Пошли к невесте с четырьмя рядами войска, взяли невесту, пришли. Прибыл (царский сын) домой.

(14) Увидел царский сын сон: — „Две охотничьих птицы вылетели у меня из рук“. (15) На другой день рассвело. Царский сын сказал везиру: „Истолкуй мне сон: у меня из рук вылетели две охотничьих птицы“. (16) Сказал он ему: „Я найду толкование твоего сна: то двое детей, (что) вылетели из рук“. Сказал: „Еще сон я видел: взошло солнце, стало светло, а потом снова стемнело, — что это?“. (17) Везир сказал: „Пощади мою жизнь, (тогда) скажу, что это значит“. (18) (Царский сын) сказал: „Я простил“. Везир сказал: „Что это? — сказал он, — это дочь царя, (которую ты взял): войдет к тебе в руки и снова улетит“. (19) От этого царский сын опечалился. Сказал: „Она мне не была верной“. Сказал: „Кровь моего сына и дочери отомстила мне“. Очень опечалился. (20) Прошло некоторое время. Царский сын пребывал дома. Постепенно он загрустил. (21) Однажды к нему выбежала служанка от его жены, сказала царскому сыну: „Твоя жена заболела“. Он сказал: „О горе! Толкование сна везиром верно: жена ушла из рук“. (22) И совсем немного спустя, в полдень, его жена умерла. Сказал: „О горе! Ушла жена, ушел сын, ушла дочь. Кровь их на мне“. Один-одинешенек вышел, пошел в степь.

(23) Девочка и мальчик остались в степи. Сестра сказала: „Куда мы двое пойдем? Умрем мы с голоду“. (24) Ее старший брат сказал: „Для (добывания) пищи я выстрогаю лук, похожу по степи, буду бить воробьев для нашего пропитания“. (25) Поднялся, взял лук, взял его на плечо, пошел в степь. Пошел в одно место, охотился. Четырех воробьев и одну сороку убил, принес. (26) Сказал своей сестре: „Давай выйдем, пойдем“. Взял свою сестру, вышел, пошел в степь.

(27) Пошли они в одно место, в безводную пустынную степь. Видят — показался черный, темный туман. (28) Сказал своей сестре: „Не жильё ли это?“. Сказал своей сестре: „Ты здесь сиди, я пойду, посмотрю, что это?“. (29) Пошел, прошел много пути; посмотрел — показалось ему что-то похожее на город. Сказал: „О боже! Если кто-нибудь меня узнает, скажет: «Ты тот самый царский сын»“. (30) Сказал: „Постой, что бы со мной ни случилось, я пойду: моя сестра умирает с голоду“. Встал, пошел.

(31) Увидел — какая-то крепость. Вошел внутрь, посмотрел — крепость пустая, никого нет. Пошел, посмотрел, видит — в семи котлах запарен плов. (32) Пошел, взял по одной шумовке (из каждого котла) — семь шумовок. Опять закрыл котлы, взял плов, пошел к сестре. (33) Сказал своей сестре: „Я ходил — крепость пустая“. Сестра спросила: „Внутри никого не было?“. Сказал: „Нет, никого не было, пустая“. (34) Сестра его сказала: „Ты говоришь удивительные слова, — сказала она, — если это крепость, то как же внутри она пустая?“. Сказал: „Если не веришь, встань, пойдем, посмотрим“.

(35) Встали они, пошли с сестрой в крепость, вошли. Сказал своей сестре: „Вот, не говорил ли я, что крепость пустая?“. (36) Пошли — в семи котлах запарен плов. Сказал: „Для тебя я приносил из этих вот котлов“. (37) Сестра сказала: „Постой, здесь нужно посоветоваться. Если это крепость, то она никогда не бывает без людей. Уведи-ка меня, спрячь куда-нибудь“. (38) Сказал: „Посмотри, куда я тебя поведу?“. Сказала: „Давай, проводи меня внутрь сорока комнат, высыпь на меня один ман хлопка“.* (39) Брат ей сказал: „Если этот дом обвалится (тебе) на голову, не кричи «ой»“. (40) Сам он вышел, взял нож, пошел, поднялся вверх, встал над дверью. Сказал: „Если это крепость, то не без чудес“.

(41) Постоял некоторое время, посмотрел — произошла удивительная вещь. Посмотрел — поднялся черный туман; еще посмотрел — поднялся голубой туман; еще посмотрел — поднялся зеленый туман; еще посмотрел — поднялся белый туман. Посмотрел — за ними показалось семь конных. (42) Сказал: „Это кто такие? Хозяева этой крепости!“. Посмотрели, подъехали, отворили ворота, въехали. Шестеро спустились одновременно. Один из них не слез. (43) Шестеро подбежали, подхватили его подмышки. Отвели его, (держа) подмышки, усадили на престол. Сказал юноша: „Вот этот их главный“. (44) Один из них побежал, взял воду для рук, полил ему. Сказал (главный): „Беги, вынимай плов“. (45) Тот вышел через ворота наружу. Юноша с ворот ударил — голова его отлетела, укатилась. (46) Затем другой из них тоже встал, вышел. Этого тоже ударил — голова его отлетела. Еще один вышел, и этого тоже ударил — голова его отлетела. (47) Шестерых из них таким образом ударил, головы снес. Их главный сказал: „Э, они вышли, съели плов“. (48) Рассердился, встал со своего места. Из рта его такое дыхание вышло — небо покрылось густым туманом. (49) Его тоже юноша ударил — голова его отлетела. Слез, посмотрел — Семиглавый Див! Нечисто снял его семь голов.

(50) Пошел, сказал своей сестре: „Я успокоил крепость — иди, выходи“. Его сестра вышла к нему. Посмотрела — все семеро убиты. (51) Сказал: „Эй, сестра, каков теперь совет?“. Сестра его сказала: „Что ты хочешь, то и делай: я только горсть перьев“. (52) Сказал:

* Ман — мера веса, равная в Ягнобе 4 пудам.

„Я, если так, опять выйду, отправлюсь на охоту, а ты карауль эту крепость“. Он вышел, пошел на охоту, сестра осталась в крепости.

(53) Пошел, видит: двое детенышей. Взял их. Один из них начал говорить, сказал: „Я тигренок“. (54) (Юноша) спросил: „Подружишься ли ты со мной, раз ты тигренок?“. Сказал: „Да“. (55) (Юноша) сказал: „А это кто тебе будет?“. — „Это моя сестра“. (56) Сказал юноша: „А она тоже будет слушаться меня и тебя?“. Сказал: „Да“. (Сказал юноша): „Я прислоню голову, сосну — ты меня покарауль“.

(57) Наступило время, пошел отряд войска к крепости. Посмотрели — какая-то женщина. (58) Спросили: „Что ты за женщина?“. Сказала: „Я дочь царя, у меня есть старший брат богатырь“. Спросила: „Вы что за люди?“. (59) Сказали: „Мы люди такого-то царя“. Сказала: „Почему вы задержались в степи?“. (60) Сказали: „В этой крепости был Семиглавый Див. Мы пришли узнать о нем, с царства такого-то царя этот Семиглавый Див получает подать. Мы привезли подать, очень боимся“. (61) Сказала: „Не бойтесь: Семиглавого Дива мой старший брат убил. Идите, отнесите известие царю, скажите: «Семиглавого Дива убил такой-то богатырь». Пусть он соберет войско, придет, убьет моего старшего брата — я буду тогда принадлежать этому царю“.

(62) Пришли, передали известие царю. Царь очень обрадовался. (63) Сказал: „Оповестите войско! Завтра чтобы здесь ноги не осталось от войска!“. (64) Назавтра (войско) выступило, пошло, подошло к воротам крепости. (65) Сказали девушке: „Какой дорогой твой старший брат пошел на охоту?“. Сказала: „Вот этой дорогой пошел на охоту“. (66) Спросили: „Если мы пойдем, твоего брата убьем, будешь ли ты принадлежать этому царю?“. Сказала: „Буду“.

(67) Вышли, пошли. Пошли на место охоты, посмотрели — спит. Спросили его брата-тигренка: „Кто он?“. Сказал: „Мой старший брат“. (68) Сказали: „Разбуди — у нас есть дело“. Сказал: „Что у вас за дело? Скажите мне“. (69) Сказали: „Ты ребенок, с тобой (об этом) говорить не следует“. Сказал: „Какое бы у вас ни было дело, скажите мне“. (70) Сказали: „Мы твоего брата свяжем, отвезем“. Сказал: „До тех пор, пока я в силах, не сможете связать“. (71) Спросили: „Почему? Ты сам маленький, а речь твоя заносчивая. Разбуди твоего брата, не то мы пропустим через тебя лезвие меча“. (72) Сказал: „Делайте, что сможете“. Словам не внял, не послушался. (73) Сказал: „У меня есть условие. Выполните условие — разбужу моего старшего брата. Условие таково: кто из вас окажется силачом, с тем я буду бороться. Если вы меня поборете, я разбужу моего брата“. (74) Сказали: „Хорошо“. (75) Сказали (одному): „Встань, с этим богатырем поборись“. (76) Тот с той стороны, этот с этой стороны — поднялись, стали бороться на кругу. Вошли (в круг), обхватили друг друга руками, вошли. (77) Войско сказало: „Пришел малышу смертный час“. Один раз понатужились, потом отпустили (друг друга). (78) Снова отправились, пошли по кругу, подошли (друг к другу), схватились руками.

Малыш так сдавил того, что у большого носом пошла кровь. (79) Сказали: „Что это за демон?“. Сказали: „Спроси у него — кто он по рождению?“. (80) Сказал: „Я ничего не знаю о моем рождении“. Сказали: „Где твоя родина?“. Сказал: „И родины у меня нет“. (81) Сказали: „Знаешь ли ты о своем проживании в каком-нибудь государстве?“. Сказал: „Совсем я не знаю, откуда происхожу“. (82) Сказали: „Не колдун ли ты? Ты ведь маленький“. Спросили: „Ты сильнее или твой старший брат?“. (83) Сказал: „В жизни своей ни боролся, ни дрался, ни состязаний в силе не знаю. Мой старший брат убил Семиглавого Дива, взял семь городов с базарами“.* (84) Сказали: „Ты эти слова правдиво говоришь или нас запугиваешь?“. Сказал: „Я вас не запугиваю“. Сказал: „Если вы силачи, — вставайте, будем бороться, если вы воюющие, — вставайте, будем драться!“. (85) Сказали: „Этот человек, что ты поразил, шесть месяцев был болен. Будешь ли бороться с другим человеком?“. (86) Сказал: „Кто из вас сильнее всех, — с тем я схвачусь“. Сказали: „Среди этого войска есть один славный богатырь. Схватись с ним“. (87) (А) тот сказал: „Я очень именитый силач. Не зазорно ли, что вы приказываете мне схватиться с этим ребенком?“. (88) Сказали: „Этого ребенка как только ты ударишь оземь, мы тотчас снимем ему голову, чтобы слух о нем нигде не дошел, пусть никому про нас не расскажет“. (89) Побежали, вошли в круг, обхватились руками. Малыш дернул его за руки, ударил силача по затылку. Как чинар, рухнул этот богатырь вниз (на землю). (90) Войско захоло, закричало. Сказали: „Он убил богатыря“. Затем вытащили ружья, (и) сразу началась суматоха. (91) Так бились, что кровь поднялась до колен. Убил он приблизительно пятьсот человек.

(92) Вдруг в малыша попала пуля. Пошел, упал на голову своего старшего брата. Брат его вскочил, проснулся. Спросил: „Ну, в чем дело?“. (93) Сказал: „Меня поразил, ранил (враг), хочет тебя убить“. — „О горе! Зачем ты раньше меня не известил? Дело из рук ушло“. (94) Поднялся, сел на коня. И он тоже две ночи и два дня дрался. (95) В него тоже попала пуля. Пошел, упал на голову (младшего) брата. Взяли его нож, его лошадь, его ружье. Потом стали совещаться, сказали: „Убьем его!“. (96) Сказали: „Не убьем, — отвезем в таком виде“. Так взяли, ничего он не чувствовал. (97) Погрузили его вдвоем с мертвым силачом. Отвезли его к крепости, привезли к воротам крепости. (98) Один вошел в крепость, известил его сестру: „Привезли мы твоего брата“. Сказала: „Живого вы его привезли или мертвого?“. Сказали: „Мертвого“. (99) Сказала: „Хорошо! Если он мертв, поставьте меня перед ним!“. (100) Вошли, сестру его вывели. Сказали его сестре: „Он мертв или жив?“. Сказала: „Притворяется передо мной — жив еще он“. (101) Сказали: „Что нам с ним делать, (чтобы) умер?“. Сказала: „Выковыряйте ему глаза, бросьте (туда) соли, он тогда обязательно

* То есть больших городов, имеющих базары.

умрет“. (102) Пришла, посмотрела, потом сказала: „Найдите одногорбого верблюда, навьючьте (этого покойника), отвезите, бросьте в реку Пяндж“.

(103) Пошли, нашли одногорбого верблюда, привели. Навьючили покойника, отвезли в степь. (104) Подъехал навстречу купец. Спустили там вьюки (с верблюда), сели. (105) Спросили: „Через сколько дней мы доедем до берега реки?“. Купец сказал: „Через пятнадцать дней“.

(106) Сказали: „У нас есть одно условие“. Сказал: „Что у вас за условие?“. (107) Сказали: „Наше условие такое: этого мертвеца отвези, брось его в реку Пяндж. Один из нас (поедет) вместе с тобою — отвезите (мертвеца), бросьте в реку Пяндж“.

(108) Встали, погрузили. Один из этих, один из тех — вдвоем пошли. Пошли, на одной остановке вьюк спустили. (109) Караван-баши сказал: „Я поверну обратно“. Другой сказал: „Если ты повернешь, я на тебя наклевету, что ты убил этого моего спутника“. (110) Этот ничего не смог сделать, снова встали, навьючили, выехали, поехали.

(111) Поехали на берег реки. Там, на берегу реки, разбили шатер, сели. Сказали: „Поищем теперь средство бросить его“. (112) Наутро рассвело. Отнесли его, бросили в воду. Один взял за ноги, другой за руки. (113) Вода подхватила его. Далеко унесла его река.

(114) У одной старухи утонул сын. Та старуха на берегу реки плакала. Столько она плакала, что глаза ее потемнели. (115) Увидела — вода вынесла мертвеца. Побежала, схватила, сказала: „Это мой сын!“.

Взяла, набросила ему на голову халат, заплакала. Сказала: „Это мой сын!“.

(116) Однажды Ходжа Хызр пришел, показался. Спросил: „Почему ты плачешь?“. Сказала: „У меня был сын — унесла его вода“. (117) Сказал: „Возьми у него из-под головы земли; я помолюсь — он оживет“.

Она взяла земли. Прочел он молитву, дохнул на землю. Тот ожил. (118) Старуха посмотрела: „Не мой сын!“. (Юноша) сказал: „Будь ты мне вместо матери“.

(119) Вышли оттуда вдвоем, пошли. Пошли в один город. Вошли на улицу. (120) Пошел (юноша), стал как дервиш просить подаяния: „Достану пищи, не то со старухой мы погибнем с голоду“. (121) Пошел, вошел, как дервиш просил подаяния, добыл много денег. Вечером пришел к старухе. Сказал ей: „Этот город — хороший город оказался: заботится о странниках. Много дали мне денег“.

(122) Старуха сказала: „Если есть такие хорошие люди, посидим еще один базар, чтобы достать денег на осла“. Этот базар также пробыли. (123) Снова вышел, в этот день просил милостыню. Снова дали ему много денег. (124) Вернулся, пришел, сказал: „Надавали денег на (покупку) осла. Завтра выйдем, купим на базаре осла“. (125) Сказал старухе: „Тебя верхом посадим“. Старуха сказала: „Ты из-за меня столько беспокойства вытерпел!“. Усадил старуху на осла. Вышли, пошли.

(126) Три ночи и три дня шли они по дороге. Сказал старухе: „Мы почти достигли нашего государства“. Сказал: „Я видел хороший сон.

Ах, если бы мой младший брат был жив!". (127) В полночь снова поднялись, посадил он старуху верхом, вышел, пошел. Пошли они в одно место. Встретилось им много людей с верблюдами. (128) Спросили (юноша и старуха): „Есть ли у вас сведения об этом государстве — кто им правит?". (129) Караван-баши сказал: „Ты что спрашиваешь о государстве, (а сам) посадил на осла старуху?". (130) (Юноша) сказал: „Сестра моя была в руках Семиглавого Дива — о ней я спрашиваю". (131) Сказали: „Иди, вот так хорошее известие! Сколько лет, как ты выдал сестру замуж?". Сказал: „Приблизительно пять лет, как отдал ее замуж". (132) Караван-баши рассердился. Сказали: „Его нужно связать — оказался вором, сказал ложь". Слезли, связали.

(133) Старуха кричала, призывала на помощь. (134) Сказала: „Уже пять лет, как этот мой сын болеет: плохо соображает. Все, что кто-либо сказал, и он повторяет. Так он был болен в течение пяти лет, что каждую ночь и каждый день я ему подвязывала подбородок".*

(135) Спросили: „О Семиглавом Диве ты можешь представить какое-нибудь свидетельство, чтобы освободиться?". (136) Сказала: „Вы спрашивайте — я скажу". (137) Спросили: „Какие у тебя имеются сведения о положении Семиглавого Дива?". (138) Сказала: „Я потеряла этого сына; когда я пришла его разыскивать, этот город был в волнении. Я спросила у одного: «Почему этот город в волнении?». Сказал: «Семиглавого Дива убил сын такого-то царского сына». (139) Старухе сказали: „Если бы не ради тебя, мы этого твоего сына убили бы". (140) Сказала: „Почему?". Сказали: „Если это просто прохожий, то зачем он расспрашивает про крепость Семиглавого Дива?". (141) Сказала: „Он виноват, (но) я, старуха-мусульманка, буду молиться за вас". (142) Сказали старухе: „У нас есть наказ: кто бы тебе ни встретился по этой дороге, не позволяй своему сыну говорить, так как все войска — Семиглавого Дива". (143) Старуху отпустили, они (с юношей) пошли, ушли.

(144) Пошли, достигли остановки. (Юноша) немного подумал, сказал: „Мы почти прибыли". Старухе-матери своей сказал: „Кажется, мы почти прибыли". (145) Спросила: „Как ты докажешь?". (146) Сказал: „По этим местам я ходил. На них разгораются глаза мои, я думаю: «Это, должно быть, места, по которым я ходил»". (147) Его (нареченная) мать спросила: „Имеется ли у тебя какая-нибудь примета?". (148) Сказал: „Да, в день, когда я сражался, я на берег того источника отводил лошадь, чтобы напоить ее ключевой водой". Сказал: „На берегу того источника в моего младшего брата попала пуля. Сестра моя в уголке отгоняла от него мух". (149) Старуха сказала: „Если я спрошу у кого-нибудь, — ты не говори". Сказал: „Хорошо, я говорить не буду, спроси ты у кого-нибудь".

---

* То есть принимала его за умершего.

(150) Встретился один человек. Старуха спросила: „По этой дороге есть какой-нибудь источник?“. (151) Сказал: „Есть источник, на берегу его больной юноша и девушка“. Спросила: „Что-нибудь берут с едущего на осле, с конного?“. (152) Сказал: „Берут две таньги с лошади, одну таньгу с осла“. (153) Сказал (юноша): „Вот они и будут мои брат и сестра“. Пошли, (вдали) что-то показалось. Посмотрели — действительно, на берегу источника два человека. (154) Сказал (юноша) своей матери: „Они — мои брат и сестра“. Пошли, достигли источника. (155) Сестра его узнала. Вскочила, плача подошла к нему. (156) Юноша спросил: „Где мой брат?“. Сказала: „Твой брат болен“. (157) Сел у изголовья своего брата, заплакал. Его младший брат был без чувств.

(158) Старуха сказала: „Если бы здесь был тот старик, прочел бы молитву, мы сказали бы «аминь», он выздоровел бы!“. Видят — подошел старик. (159) Сказал: „Ну, что ты за старуха? Куда я ни пойду, ты все плачешь“. (160) Сказала: „Такова моя судьба: куда я ни пойду, встречаюсь с горем“. Сказала: „Ты прочти молитву, а я скажу «аминь», чтобы бог даровал исцеление его болезни“. (161) Сказал: „Принеси, подай щепотку земли — я прочту над ней молитву. Ты высыпь ее на голову (больному)“. (162) Взяла земли, посыпала на голову — он вскочил, поднялся. Сказал: „Удивительно я спал!“. (163) Сказали: „Разве ты спал? Уже пять лет, как ты болен“. Старуха сказала: „Теперь что делать? Все мы выздоровели. Вот что — отправимся куда-нибудь“.

(164) (Юноша) спросил своего брата: „Есть ли известие о крепости?“. Сказал: „Я ничего не знаю“. (165) Старший брат встал, отправился в крепость, осведомился. Посмотрел — ничего нет, крепость пустая. (166) Повернулся, пошел к ним. Сказал: „Никого нет“. Поднялись, отправились в крепость.

(167) Пошли, вошли в крепость. Сказали: „Что делать?“. (Старуха сказала): „Походите по домам этой крепости, посмотрите — не найдете ли чего-нибудь“. (168) Пошли, поискали по домам. Сестра им сказала: „Я в углу одного дома закопала тюбетейку золота“. (169) Сказали: „Поднимись, войди, чтобы найти место, где оставлено“. Встала, вошла, искала. (170) Сказала: „В этом месте копайте! Здесь я закопала тюбетейку золота“. (171) Вошли, раскопали, нашли золото. Сказали: „На несколько дней хватит нам на пищу“.

(172) Старший брат сказал: „Одним этим мы не проживем. Давайте здесь посоветуемся. Отпустите вы меня на сторону, чтобы я ради вас пошел, нашел бы что-нибудь, принес бы, чтобы было нам на жизнь“. (173) Старуха и девушка сказали: „Советуйся с младшим братом, пусть он будет нашим начальником, когда потом в одиночестве (без тебя) наша жизнь будет проходить в крепости, но берегись, не уходи далеко, а поскорее снова проведай нас“. (174) Юноша сказал: „Приведите мне лошадь младшего брата, приготовьте. Я сяду на нее, выведу, уеду“. (175) Старуха сказала: „Есть тут одна хитрость. Я научу тебя одному делу“. Сказал: „Какому делу ты меня научишь?“. (176) (Сказала):

„Возьми у сестры из волос на голове, у младшего брата — из его усов: в тот день, когда плохо тебе придется, брось (эти волосы) в огонь — они (брат и сестра) появятся“. Сел верхом, выехал, поехал, уехал.

(177) Поехал в степь. Встретился ему один человек. (178) Юноша спросил: „Скоро доеду до жилья или нет?“. Ответил: „(Про то) знает твоя лошадь: ударь раза два плетью посильнее — сам доставишь себя до жилья“. (179) Погнал (лошадь), ударил ее два раза плетью. Так выехал, поехал.

(180) Прошло немного времени — показался дым. Поехал, видит — внутри шалаша сидит старуха. (181) Сказал: „Эй, старуха, дай мне место“. Сказала: „Тебе есть место, твоей лошади — нет“. Спросила: „Что ты мне дашь, если я дам тебе место?“. (182) Сказал: „Дам два золотых“. Сказала: „За два золотых не дам места“. (183) Сказал: „Что твое сердце пожелает, я дам“. Сказал: „Два золотых дам за себя, четыре золотых дам за лошадь — шесть золотых дам тебе“. (184) Сказала: „Слезай!“. Слез с лошади, снял с нее седло, покрыл лошадь попоной. (185) Сказала: „Неси, давай шесть золотых!“. Вынул, дал шесть золотых из кармана. (186) Тот вечер пробыл там. Старуха сделала ему плов. Вдвоем съели, посидели. (187) Спросил: „Близко я подъехал к этому городу?“. Сказала: „Полсанга, в один миг доедешь“.

(188) Назавтра рассвело. Встали, (юноша) оседлал лошадь. Старуха сказала: „Я тоже отправлюсь в город: у жены царя родился сын — я еще не ходила его посмотреть“. (189) Встали, сели на лошадь, отправились. Поехали в город. (190) Старуха сказала: „Ты — мой нареченный сын. Я дам тебе два золотых, слезь, купи мне кишмишу, принеси мне, я приготовлю подношение“. (191) Приготовили вдвоем подносы. Приготовили вдвоем семь подносов. Вышли, пошли по улице. Дошли до двери цитадели. (192) Царские люди схватили их перед воротами. Тотчас юношу отвели, арестовали его, старуху тоже арестовали. (193) Старуха сказала: „Меня не уводите, я только проводник. Он сказал (мне): «Отведи, покажи мне крепость». Я его привела, показала“.

(194) Наступило утро. Жена царя сказала: „Покажите мне того узника“. Вывели его из тюрьмы, отвели. (195) Его сестра (царица) сказала: „Я точно узнала — это мой старший брат“. Царю сказала: „Ты с ним покончи, чтобы я осталась твоей женой“. (196) — „Раз так, кликните палача“. Кликнули палача.

(197) Увидел юноша: „Мое дело плохо“. Бросил в огонь волосы с головы (сестры) и усов (брата). (198) Тотчас появились те двое — его сестра и брат. Так ударили (по врагам), что кровь потекла рекой. (199) Люди все убежали. Пришло войско. Тех из войска, кому суждено было быть убитыми, убили, те, которые должны были убежать, выбрались, убежали.

(200) Вошли, овладели крепостью. Царя тоже убили. (201) Сестра его (юноши) вышла к своему старшему брату, заплакала, сказала: „Я — горсть перьев, из моих рук не получается ни хорошего, ни плохого“.

Много плакала. (202) Юноша сжалился. Сказал: „Прощу-ка я ее вину“. (203) Она встала, очень обрадовалась. Сказала: „Встану, сделаю плов для брата“. (204) Встала, сделала плов, принесла, поставила перед братом. Старший брат хотел протянуть руку. (205) Младшая сестра его не допустила. Сказала: „Я возьму, а потом уж ты“. (206) Протянула (руку), взяла, положила в рот, упала, умерла. Юноша сказал своей старшей сестре: „Ты все еще зла на нас?“. Убили ее.

(207) В тот вечер сидели в крепости. Назавтра пришел один нищий к двери их дома. (208) (Юноша) спросил: „О дедушка, зачем ты пришел?“. — „Я — нищий“. (Юноша) сказал: „Откуда ты? Скажи правду“. (209) Сказал: „Если сказать правду, то я был такой-то царь. Вывел я дочь и сына своего, убил их ради одной женщины. Потом и от жены я не нашел счастья — заболела, умерла. От разлуки с дочерью и сыном я вышел, ушел“.

(210) Спросил (юноша): „Если те дочь и сын окажутся живыми, ты их узнаешь?“. — „Конечно, — сказал он, — узнаю“. (211) — „Что за примета была у твоего сына?“. Сказал: „У моего сына на спине был след руки“. (212) Сказал (юноша): „Я соберу людей, раздену их, покажу“. Встал, собрал людей, привел. (213) Всех подряд раздел, (старик) смотрел на их плечи. Спросил (юноша): „Не нашел никакого знака, дедушка?“. (214) Сказал: „Отметки моего сына у них не оказалось“. Сказал (юноша): „Я тоже разденусь, покажу тебе мои плечи“. (215) Сказал: „Не обнажай ты плеч — будет неприлично“. Юноша встал, обнажил, показал свое плечо. (216) Посмотрел старик, увидел: „Примета моего сына!“. Охнул он и на час лишился чувств. (217) Когда пришел в себя, обняли друг друга за шею, заплакали. „С этого времени, — сказал (старик), — царство принадлежит тебе: мое желание, стремление было это“. (218) Оба они были там, достигли желания и цели. Они были там, мы (их) оставили, пришли (сюда).

№ 4

Записано от Мулло Ниёза, жителя сел. Маргтумайн

(1) Vúta návuta i kampír vúta. Dú žótayš vúta, iiš Xotám nom vúta.
(2) Mětī vútěšt — žótotš ba wóya rasošt. Bīsīyór badaulát vošt.

(3) Mětī vútěšt i kampír žótay-pěš podaboní kárna vutáx. Očáesaš žótayš wóvtěšt: „Man pošćóě ýaykě nómomíšt“. Očáš wóvtěšt: „Tū i pírau qílíng čě ku vírtíšt?“. (4) Žótayš wóvtěšt: „Arkt návot! Tū san, xūjǵoní kün“. Očáš wóvtěšt: „Yo, Bahowaddín! Man xūjǵoní kar náýrívomíšt“. Žótayš wóvtěšt: „Tíráy fíróntay darwózay tákě rant, kě pošćótě xūjǵoníšint nahíš!“.

(5) Očáš sántěšt, i fírónta darwózay tak rant; dū fíróntay sántěšt, kě žótaš púrštěšt, wóvtěšt: „Hič sátaíšt?“. Očáš wóvtěšt: „Hoⁿ, žótám!“ — „Čof

firóntay asáne? — wótěšt. Očáš wótěšt: „Dü firóntay, žotám!“ (6) Wótěšt: „It firónta tím san!“ Kampír: „Xayr“, — wótěšt.

(7) Ax xšap ráxšín vútěšt, tik sántěšt. Rántakš vúta darwozaxonay tak — pošćóě odámťš wěnošt, dáwošt, čakš dorór, vároiš* pošćóě rítě.

(8) Poščó wótěšt: „Haⁿ, kampír, matláp čox?“ Kampír wótěšt: „Matláběm nahíš ast — žótaěm ba farzandí qabúl kün!“ Poščó wótěšt aně: „Tü podabón vu, man pošćó — čóttě qabúl künóm?“ (9) Wazírtě-pěš maslaḡátě tērāštěšt. Wazírtš awóvor: „Poščó-ě olám, óněk š^umox ḡ^riftěšt — mox naḡ^rívimišt. Agár mox dílē vot, noúmíďš nazíwírt“. (10) Poščó awóv: „Xayr, x^aššint ḡ^riftěšt“. Kampírě „Xoy“ awóvor, aúr. (11) Kampírša wazírt awóvor: „Hazór róně — šou róně, torkš safět vot — vir! Hazór asp — šou áspě, pěšoníš qašqó vot — ur: mox pošćóě rítě düḡayronímišt“.

(12) Čítí kampír bšiyór ḡamgín avú. Aziwórt, atēr kátisaš. Ašáu kátěš.

(13) Žótaš apúrs, awóv: „Očá, čo aküní?“ Awóv: „Žótam, ašawěm, qaríp balóě ḡ^riftór avú“. (14) Žótaš awóv: „Očá, parwó nákün! I kampír man-tau máynta oy; dü žótayš oy; áxtit ba woyá arásor, badaulát avór; id wáxttē tau xěpár nešt. Naháutitě bšiyór xotamišint bínó iktá. I ḡüm man naháutitě rítě šómíšt“. Očáš awóv: „Xayr, žotám!“.

(15) Podabonák atēr Xotámě rítisa. Ašáu, aḡór — i kalandár „dust“ axáš. Kě awóv aně: „Górom, wěnúm: nahítě čo t^fórtišt?“ (16) Aḡór — i lā^liš tilló ažívaror. Kalandár awěťš külwóre nütš. Kalandár tik aḡ darwozaxonay ašáu, tik „dust“ axáš. Aḡór — tik i lā^lí tillóš ažívaror. (17) Naháx i kalandár avd darwózay vek aláks, ikē lā^liš tilló ažívaror. Naháu Xotámě x^alí gírdě avd darwózay oy. Čě ávdtětiš ažívaror.

(18) Podabonák awóv aně: „Xotámš wóvna vutaór — razḡš wóvna vutaór!“ Podabonák aḡax, ašáu darwózay děvárě. Čökkěši aúšt, óh-ě sar axáš. (19) Xotámš awén, awóv: „E, aḡ saḡíráy urt!“ Avvówor, avársš. Xotám awóv: „Haⁿ, saḡírá! Óh-ě sar ču xáše?“ Awóv: „Man i pošćóě ḡáykě ḡíranda avém, iporá m^uojizam“, — awóv. (20) Xotám awóv: „Čot awóv?“ Saḡírá awóv: „«Hazór šou qašqosár róně, — wótěšt, — hazór šou áspě — pěšoníš qašqó vot». Nam-oy — š^umox rítě avvówem. Avvówem — wěnúm: čo marḡamát vútěšt?“.

(21) Xotám awóv: „Daḡt, saḡíráy ark barobár künt!“ Ašáwor, hazór šou róně tórkšint safět žudó akünór, aúr: hazór šou áspě pěšoníšint qašqó žudó akünór, aúr. Saḡírá ri-rítěšint akün. Avársšint pošćóě daulaxónay děvárěš.

(22) Poščó awóv wazírtisa: „Iš saḡírá mól-at áspťě avír, aúr“. Wazírt awóvor: „Id da^hfáy i ḡápěš děhímišt, aně yáxší návut vútěšt“. (23) Poščó awóv: „Podabóně děvórt!“ Wazírt aněžór, podabóně aděvár. Poščó awóv: „Haⁿ, saḡírá, mól-at áspťě aúre?“ Awóv: „Hoⁿ, pošćó-ě olám“. Poščó awóv: „Čěkušint avíre?“ Saḡírá awóv: „Xotámě rítě ašawěm — Xotáměm at^efár“. (24) Poščó wazírtisa awóv: „Saḡíráy jawóbsš t^efort!“ Wazírt awó-

* Вм. várošiš или vágoriš. (Ред.).

vor: „Saḡirá, ítītē Xotámik t'ráfta vu, pošćó wótěšt: «Xotámě sarš tím úrot — ḡáykēm saḡiráy»“.

(25) Saḡirá óh-ě sar axáš, azíwórt, awěs ošáě rítěš. Očáš awón: „Žótam, ípítě xayál akúně?“. Saḡirá awón: „Čo kúnóm, očá? Xotámě rítě éta óim, naháu mól-at ásptěš aúřem, at'fár“. (26) Očáš awón: „Sof avě?“. Saḡirá awón: „Na, očál Tik wótěšt: «Šau, Xotáme sar ur!»“. (27) Očáš wótěšt: „Ey, žótam, nát-awoyem, Šúdda návěšt“. Saḡirá awón: „Xayr, očá: tán-ě mo — taqdír-ě xaqq. Tik tíromišť Xotámě rítisa“.

(28) Atér saḡirá Xotámě rítisa. Ašáu, Xotámě děvár pahlúyaš čukkeší aúšť, salóm akún. (29) Xotám awón: „Haⁿ, saḡirá, tík ču vvówe?“. Saḡirá awón: „Gap náděht kúnomišť“. Xotám awón: „Ne, gap dě^h“. Tik saḡirá awón: „Gap náděht kúnomišť“. (30) Xotám awón: „E beáql, gap dě^h, tē-rót“. Saḡirá awón: „Gap děhúm, píráy vot. Poščó wótěšt: «Xotámě sar tím ur, kě ḡáykēm — tau»“. (31) Xotám awón: „E beáql, tau aldáš íkta. Man idokáy sar děhíšť, sárēm várišť, pošćó wótěšt: «Iš Xotámě sar nax». Daḡ, hamrá šawím. Man sar xojátk vot — nahuát sárēm nósot“. Dúťič hamrá avór, atér.

(32) Ašáwor pošćóě rítě. Poščó awón: „Saḡirá, Xotámě sar aúře?“. Xotám awón: „Poščó-ě olám, saḡiráě mont, gápšint mán-pě bud vúna vu-táx: mána, man sárēm aúřem“. (33) Poščó awón: „Sart at'fáre?“. Xotám awón: „Hoⁿ“. Poščó ḡallódt fayród akún. ḡallódt adáwor, avvóḡ, Xotámě sárě tórkě aúšťor. (34) Poščó awón: „Xotám, sart at'fáre?“. Xotám awón: „Hoⁿ“. Poščó awón ḡallódtisa: „Wáxĩnš adūgářem, náš-kouť“. Poščó awón: „Xayr, Xotámě dūčó nósím“.

(35) Poščó awón: „Saḡiráy urť“. Wazírt adáwor, saḡiráě aúr. Poščó awón: „I mülló virt: ḡáykēm níko^h kúnóm, t'fárom saḡiráy-pě“. (36) Ašáwor, müllóě tím aúr. Poščó awón müllóěsa: „Nahít saḡiráy man ḡáykě-pě níko^h kún“. Mülló awón: „Xüb“. Níko^hš akún, at'fár. (37) Poščó awón: „Xotámě urť“. Xotámě aúror. Poščó čě táxtě sárě awěs, Xotámisa awón: „Xotamí tím táḡ-pě zěbtěšť, pošćohí tím táḡ-pě zěbtěšť“. Poščó awón: „San, táxtě sárě nid“. (38) Xotám asán, táxtě sárě aníd. Poščó awón: „Man wazirít kúnomišť“. Axtít arásor ba muród-u maxsát, man amónem, avvóḡ.

§ 4

(1) Было — не было, была одна старуха. У нее было два сына, один из них был по имени Хотам.* (2) Настал день — возмужали сыновья. Стали они очень богатыми.

(3) Случилось однажды, что другая старуха пасла стадо вместе со своим сыном. Говорит сын своей матери: „Я возьму в жены царскую дочь“. Говорит ему мать: „Откуда ты достанешь такое вено?“.

* Хотам 'щедрый'.

(4) Сын ее говорит: „Не твое дело. Ты пойдй, посватай“. Говорит его мать: „О Бахо-эд-дин! Я же не знаю, как сватать“. Говорит ее сын: „Три утра подметаёй под воротами — таково сватовство у царей“.*

(5) Идет его мать, подметает одно утро под воротами, идет на второе утро, потом сын ее спрашивает, говорит: „Ты ходила?“. Мать его говорит: „Да, сын мой“. — „Сколько раз ходила?“ — говорит он. Мать его говорит: „Два утра, сын мой“. (6) Говорит „В это утро тоже иди“. — „Ладно“, — говорит старуха.

(7) Как только в ту ночь рассвело, снова идет. Она подметает под воротами — видят (ее) люди царя, бегут, хватают ее, ведут к царю.

(8) Говорит царь: „Ну, старуха, что (у тебя за) желание?“. Старуха говорит: „Желание мое таково, чтобы ты принял моего сына себе в сыновья“. Царь тогда говорит: „Ты пастушка, а я царь, как же я приму?“.

(9) Обращается за советом к везирам. Сказали ему везиры: „Царь мира, то, что ты знаешь, мы не знаем. Если же нужно тебе наше мнение, то не отправляй ее без надежды“.

(10) Царь сказал: „Ладно, пусть будет по-вашему“.

Крикнули старухе: „Эй“, подвели ее. (11) Сказали старухе везиры: „Достань тысячу годовалых ягнят — черных ягнят, чтобы у них была белая отметина на темени. Приведи тысячу лошадей — вороных лошадей, с белой отметиной на лбу, — мы их проведем перед царем“.

(12) Очень от этого старуха опечалилась. Повернулась, пошла к себе в дом. Пришла домой.

(13) Спросил ее сын, сказал: „Что ты сделала, матушка?“. Сказала: „Пошла, сын мой, и чуть было не попала в беду“.

(14) Сын ее сказал: „Не заботься, матушка! Была одна старуха, подобно нам с тобою, было у нее два сына, они возмужали, стали богатыми — ты сейчас не знаешь (об этом). Они начали проявлять большую щедрость. Схожу-ка я разок к ним“. Сказала ему мать: „Ладно, сын мой!“.

(15) Пошел пастушок к Хотаму. Пошел, видит — какой-то каландар (дервиш) просит милостыню.** Сказал он тогда: „Погляжу-ка я, увижу, — что он этому подаст“.

(16) Увидал — вынесли ему блюдо золота. Каландар высыпал его в свой кожаный мешок. Потом каландар пошел еще к другим воротам, снова попросил милостыню. Увидал (пастух) — снова вынесли ему блюдо золота.

(17). Этот самый каландар обошел семь ворот, вынесли ему (из каждых) по одному блюду золота. У дома того Хотамы было семь ворот. Вынесли изо всех семи.

* Сватовство, выражающееся в подметании перед домом, не только сказочный вымысел. По преданиям, слышанным от ягнобцев, так действительно происходило будто бы сватовство в старину, когда сватали дочерей знатных людей. Это подтверждается выражением, употребляемым при сватовстве в некоторых местах среди равнинных таджиков: „Мы пришли подметать ваш дом“ (хонауато́на рӯфтáнба омадém). Так говорят и среди гиссарских таджиков, и среди таджиков Ура-Тюбинского района, т. е. по обе стороны Ягноба, на юг и на север от него.

** Букв. ‘кричит: dust’ или уо, dust ‘о друг’ — обычный возглас просящего милостыню дервиша.

(18) Сказал тогда пастушок: „Его называли Хотамом — правду про него говорили“. Поднялся пастушок, пошел к воротам. Встал прямо, вздохнул тяжело. (19) Увидел его Хотам, сказал: „Эй, приведите-ка того сироту“. Пришли, привели его. Хотам сказал: „Ну, сирота, почему ты тяжело вздохнул?“. Сказал пастух: „Задумал я жениться на дочери одного царя — сильно нуждаюсь“, — сказал он. (20) Хотам спросил: „Сколько он тебе назначил?“. Сирота сказал: „«Тысяча черных, с белой отметиной на темени ягнят, тысяча вороных коней с белыми отметинами на лбу пусть будет» говорит (царь). У меня не было, я пришел к вам. Пришел — посмотрю, какова будет милость“.

(21) Хотам сказал (слугам): „Бегите, уладьте дело сироты“. Пошли, отделили тысячу черных ягнят с белыми отметинами на темени, привели; отделили тысячу вороных коней с белыми отметинами на лбу, привели. Погнал их сирота перед собою. Привел их к дверям царского дворца.

(22) Сказал царь везирам: „Этот сирота достал и привел овец и лошадей“. Везиры сказали: „На этот раз мы ему скажем такое слово, чтобы больше не смог показаться“. (23) Царь сказал: „Введите пастуха“. Везиры вышли, ввели пастуха, царь (сказал): „Ну, сирота, привел ты овец и лошадей?“. Сказал пастух: „Да, царь мира.“ Сказал царь: „Откуда ты их достал?“. Сирота ответил: „Я пошел к Хотаму — Хотам дал мне их“. (24) Царь сказал везирам: „Придумайте ответ сироте“. Везиры сказали: „Сирота, раз этих (овец и лошадей) дал Хотам, то царь говорит: «Пусть принесет (сирота) и голову Хотамы — дочь моя тогда будет принадлежать сироте»“.

(25) Тяжело вздохнул сирота, повернулся, пошел к матери. Мать сказала: „Сын мой, ты так замешкался?“. Сирота сказал: „Что же мне делать, матушка? Я ходил к Хотаму, тех овец и лошадей его привел, отдал (царю)“. (26) Сказала ему мать: „Покончил (дело)?“. Сирота сказал: „Нет, матушка. (Царь) еще говорит: «Поди, принеси голову Хотамы»“. (27) Мать ему говорит: „О сын мой, не говорила ли я, что ты не сможешь?“. Сирота ответил: „Ладно, матушка, тело — мое, предопределение — божеское. Пойду я снова к Хотаму“.

(28) Пошел сирота к Хотаму. Пошел, встал прямо около двери Хотамы, произнес приветствие. (29) Хотам сказал: „Ну, сирота, зачем, ты еще пришел?“. Сирота сказал: „Не могу сказать“. Хотам сказал: „Нет, говори“. Снова сказал сирота: „Не могу сказать“. (30) Хотам сказал: „О неразумный, говори — пусть идет (твоя речь)“. Сказал сирота: „Скажу, пусть будет так. Царь говорит: «Принеси также голову Хотамы, тогда моя дочь — твоя»“. (31) Хотам сказал: „О неразумный, он тебя обманывает. Отрежешь ты мне здесь голову, принесешь мою голову, а царь скажет: «Это не голова Хотамы». Давай, пойдем вместе. Когда понадобится моя голова, пусть возьмет мою голову там“. Пошли вдвоем, отправились.

(32) Пошли к царю. Царь спросил: „Сирота, принес ты голову Хотаму?“. Хотам сказал: „Царь мира, оставьте сироту, ваша речь заканчивается на мне — вот я принес свою голову“. (33) Царь сказал: „Ты отдаешь свою голову?“. Хотам сказал: „Да“. Царь крикнул своих палачей. Палачи подбежали, встали над головой Хотамы. (34) Царь сказал: „Хотам, отдаешь ли ты свою голову?“. Хотам сказал: „Да“. Царь сказал палачам: „Я простил его, не убивайте его“. Сказал царь: „Ладно, примем молитву Хотамы“.*

(35) Царь сказал: „Приведите сироту“. Везиры побежали, привели сироту. Царь сказал: „Найдите муллу — обвенчаю свою дочь, отдам ее за сироту“. (36) Пошли, привели муллу. Царь сказал мулле: „Жени того юношу на моей дочери“. Мулла сказал: „Хорошо“. Обвенчал ее, отдал. (37) Царь сказал: „Приведите Хотаму“. Хотаму привели. Сошел царь с трона, сказал Хотаму: „И роль Хотамы к тебе подходит, и царское достоинство“. Царь сказал: „Поднимись, сядь на трон“. (38) Поднялся Хотам, сел на трон. Царь сказал: „Я буду служить тебе везиром“. Они достигли цели, желаний, а я остался, пришел (сюда).

№ 5

Записано от Мулло Нлѐза, жителя сел. Маргтумайн

(1) Vúta návuta i pir vutá-t i kampír. I ýaykšint vutá. (2) Mětí vútěšt i pošćó odáměš móntěšt. Pirakí wótěšt: „Man ýayk pošćóě loiq nax ast, atón pošćó^hek odám montá — t^ofáromiš“. (3) Xüzgõñš qullúq küntěšt, ýaxt, mont, tert. Šáwtěšt pošćóě rítě, salóm künt. (4) Poščó wótěšt: „Ha, šer avvówe yo rubá?“. Xüzgõñ wótěšt: „Balóšint nósom — šer avvówem, yo pošćó-ě olám!“. Poščó wótěšt: „At^ofár ýaykěš?“. Xüzgõñ wótěšt: „Hoⁿ, pošćó-ě olám!“. (5) Poščó wótěšt: „Píráu vot, say — tífór odámě ja'm künim, küšé^lim, fot^lxáš künánt“. (6) Xüzgõñ wótěšt: „Balotóna girám, pošćó-ě olám, áslo naháwě ýaykěšint wéta yo na?“. Poščó wótěšt ané: „E, beaql, hič čúksě op náweta xómna xaštá? Wétam xoy kě taу aküšé^llēm“. (7) Xüzgõñ wótěšt: „Xüb, pošćó-ě olám, wazirtě-pěšint maslaḡát künt, odám küšé^llt — fot^lxá künánt“.

(8) Poščó wazirtě-pěš maslaḡát küntěšt, odámtě küšé^llt. Odámtě šáwošt, fot^lxá künór. Pirakí wótěšt: „Man ýaykēm xüd at^ofárem, nekí avd qatóre šütür pošćó vóre-pěš úrtěšt kě níko^h künt“. — „Xüb“, — wówošt, jáxor, mónor, téror.

(9) Šáwošt **poščóě rítě, salóm künóišť pošćóisa. Poščó wóčě: „Wa aláyküm assalóm!“. Poščó wóčě: „Fot^lxá aküntě?“. Wóvoišť: „Hoⁿ“. (10) Poščó wótěšt: „Qilñg tím awón pirakí?“. Wóvoišť: „Hoⁿ“. Poščó

* Подразумевается, что Хотам должен помолиться за царя, оказавшего ему милость.

** Вар. šáwoišť.

wótěšt: „Čófě qǐlǐng awón?“. Awóvor: „Aft qatóre šütúr vóre-pěšint“.
(11) Poščó awón; „Šütúrtě vórsint čo or?“. Awóvor aně: „Aǐnós!“. Poščó awón: „Xayr — hič gápě návutax!“. Poščó awón: „Man acúkayrěm — tillóš nawófta vot!“. Xüzgónt awóvor: „Na, poščó-ě olám!“.

(12) Sě — čor rúžě poščó taraddúd akún, qa'm xěpár akún. Aǐaxor, atěr. Šütúrtě vor akünór, anós, atěr. (13) Ašáwor, arás. Qǐlǐng adügayrónor pirakí ritě. Pirakí qabúl akún. Aǐ vǐyóra nah^uát anǐpídor. (14) Aǐ fírónťaš pirakí tuy xěpár akún. Čǐ qadar vúz-at bozǐ avú! Oč dam akún, mardúmtě axáš, at^efár. (15) Ba'd az mardúmtě ǐawób at^efár. Ašáǐ domódě ritěš, awón: „Mǐhmónt, nǐkó^h naxkě kúntěšt yo vǐyóra?“. Poščóě odám^t awóvor: „Vǐyóra“.

(16) Aǐ vǐyóra avú, nǐkó^h akünór. Anǐpídor naháuyoka. Aǐ fírónťa čoštǐgá^hě rawón akünór. Pirakí fot^ǐxášint at^efár, čě sǐtámšint aróy. (17) Poščó aǐ mět vǐyóraysa rot ašáǐ. I'er avú — neras. I máyně atísor, aníd. (18) Poščó inčěš i kampírě kat amón. Kampírě i ǐayk oy, Aš-Bibíš nom oy. (19) Aǐ vǐyóra avú, poščóě inčě apúč. Poščóě inč awón: „Momí, bibí Aš-Bibí man púštěšt“. Kampír awón: „ǐáykěm, taǐ kafš ǐaǐt“. Poščóě inč kafš at^efár. (20) Tikš apúč. Poščóě inč awón: „Momí, bibí Aš-Bibí tǐkǐm apúč“. Kampír awón: „ǐáykěm, taǐ sállataš ǐaǐt“. Sállattaš tǐm apěňš, at^efár. (21) Har kardá libósč púčakě-pě anós, avón. Aš-Bibí poščóě inčě libóštš hámmaš anüǐunt. Aš-Bibíyě i žandaš oy, axáš, poščóě inčě at^efár. (22) Aš-Bibí očáě-pěš poščóě inčě as^uxóyor, apártou čóxě nüt. I kátta tobá aváror, sárě vekš amón.

(23) Aǐ xšap ráxšǐn avú. Poščó aǐ fírónťa nón-at čoy ax^uár, awón: „Ásptě zin kúnt!“ . Ásptě zin akünór. (24) Awón: „Man inčě kúčě žǐvórt!“ . Aš-Bibí ažǐváror, vóra akún. Poščó nǐǐ^ǐrǐv, anóšš, atěr. Avářiš kátěš. (25) Aǐ mět anídor. Aǐ fírónťaš tuy xěpár akünór. Avt mětě tuy at^efár. (26) Čě túyěš xotǐrǐjá'm avú, awón: „Ušt, i ǐüm inčě ritěm tǐsom!“ . Poščó atís, aǐór — Aš-Bibí aǐax, taazǐm akún. Poščó dǐlě-pěš awón: „ǐš man inč nax“. (27) Poščó dǐlě čúddaš nǐvu, Aš-Bibí ǐap apúrs, awón: „Pirakí ǐayk tú i zaylá na oy — pǐt ču vútaǐšt?“ . Aš-Bibí awón: „Sě moh oy man kasál óǐm“ .

(28) Ítǐtě nahtát moním, čě poščóě inčě ǐap děhím. Kampír poščóě akúsě^ǐ, poščóě inčě čě čo^h axáš, Aš-Bibí pádě ritěš anós. Čof mětě aláks. I mět zǐqq avú poščóě inč, aněž, apǐráyž. (29) Ašáǐ i dáště vek, i ǐálay urkš woxúrd avú. Urkš adáwor, awóvor: „X^uárǐmǐšt!“ . (30) ǐayk awón: „E, urkt, š^umox i ǐálay ot, man i odám — čóšint vómǐšt?“ . Aǐ urkt arkš nádorošt, düǐórtěšt, tirt.

(31) Xélé rot šáǐtěšt, čě i bóǐě děwól-ě kú^hná i urk dáǐtěšt, vvout. Urk wóčě: „X^uáromǐšt!“ . ǐayk har čan zorǐ kúntěšt, ǐuš nakúntěšt. (32) ǐayk wótěšt: „Pǐráǐ vot, naháǐ bóǐěm děvár, kě x^uar!“ . Urk kašólaš kúntěšt, děvórt naháǐ bóǐě, x^uórtěšt bóǐě darúně. (33) Ax boǐ naháǐ poščóě boǐ vutá. Naxčáǐ poščóě inčě wáxně avt dǐráxtě sántěšt — safedóre dǐráxt vúta or.

(34) I mětě vútěšt, Aš-Bibí žóta vútěšt. Poščóhǐsa wótěšt: „Naháǐ safe-dórtě pákka kún — žótay xotǐrěm ǐowóra farmóy“ . (35) Poščó naxčáǐ dǐ-

ráxtë pákka kúntëšt, ústóë t^ffort, — „Gowóra toš“, — wótëšt. Ústó gowóra atóš, pošćóë-pě at^ffár. Poščó aúr, kátëš at^ffár. (36) Aš-Bibí gowóra anós, žótayš avánt. I xšap žótayš amón naháu gowóray nüt. (37) Au firónta ajáx, aγór — žótayš azó-ë badánš sīyó^h. Aš-Bibí awón: „Sárëš píráxsot gowóray toštagiš!“. Poščóë fayród akún, aúr, žótayš adór. (38) Poščó aγór — žótayš azó-ë badánš sīyó^h. Awón: „Iš žóta id zaylá ču vútax?“. Aš-Bibí awón: „Náy^lrivomišt“. (39) Poščó awón: „Rítit šou, púčtatx!“. Aš-Bibí awón: „Na, nám-púčtam“. Poščó awón: „Píráu vot — man púčćomišt, tau nápućtax?“. (40) Aš-Bibí awón: „Gowóray púštax“. Poščó awón: „Gowóra xūd odámě napúštëšt“. Aš-Bibí awón: „Man nápuštax, áně odámě nápuštax vot, kaxš púštëšt?“. (41) Poščó awón: „Xayr, gowóra únxoy, suč!“. Aš-Bibí gowóra aúnxoy, asuč.

(42) Naháu sūxtagi firóntayš i xamsoyá kampírīš atīs. Awón: „Olówem γaūt“. Awón: „Nos, momí“. (43) Xam avú, awón: „Olóu nómom“ kampír, aγór — olówě darúně i xaqıq. Axás, ažívár, anóšš, dúšaěš bajó akún. (44) Aš-Bibí awón: „Momí, čox oy — dúšaysat anós?“. Kampír awón: „Hič-čī na, γáykēm: dástīm asúxs, dúšaysamš axášēm“. Aš-Bibí awón: „Xay, momí“. Kampír aněž, atér.

(45) Kampír ašáu kátëš. I sandúqış oy. Xaqıq naháwě darúnīsa appártoū. (46) Da — ponzdá — bis ruz adügár. Kampírě i žóta oy. I metě atīs, očáisaš awón: „Očá, i yóčam t^ffar: čormayz-f^urúš vvóuta — čormáyz nómom“. (47) Kampír awón: „Žótam, hič-čik nešt“. Kě kampírě yódě arás, awón: „E, naháu sandúqě nüt i xaqıq partóuta oy!“. Awón: „Žótám, naháu sandúqě γor — i xaqıq oy. Naháx nos, čormáyz xīrín“. (48) Žótaš ašáu, aγór sandúqě nüt. Aγór — i xušrú γayk nīssta. Awón: „Očá, sandúqě nüt i γayk ast“. (49) Kampír adáu, avvóu, aγór — razg i γayk nīsstax. Nahípīray xušrúx oy — hič taarífě tūγrī nívvowišt. (50) Sandúqě sárīš maḡkám akún, žótayš awón: „Žótam, i yókay náwov áppay na oy: iš ba jó-yě appát“. Žótaš awón: „Na, očá, ču wóvom?“.

(51) Kampír čof mětě γáykě naháu sandúqě nüt auqót at^ffár. Vīyóray čīróyě rité axášiš, ritéš anidón. (52) I vīyóra čīróyě rité nīsstax oy, pošćóë odám kúčě vekš adügár. Xam avú, aγór rúčay nüt: i xušrú γayk nīssta kampírě rité. Poščóë odám dáukě-dáukě ašáu, pošćóīsa awón. (53) Poščó awón: „Kamp rě au-zaylá xušrú γayk čě ku vīyórta vutá?“. Odámš awón: „Náy^lrivomišt čě kuš vīyórta vot!“. Poščó awón: „I vīyóra man x^uátīm šom, póyomiš“. (54) I vīyóra pošćó ajáx, ašáu, kampírě rúčay nüt aγór. Aγór — razg, bīsīyór xušrú γayk nīssta. Azüwórt, avvóu, kátëš anid. (55) Čof mětě adügár, xápěš üylá akún pošćó, awón: „Čo čělój kúnúm — naháu kampírě γáykěš nómom?“.

(56) Naháu šá^hrě i zol oy. Poščó odámš amón, aúr. Poščó awón: „Falón kampírě kat i nahí zaylá xušrú γayk ast. Naháwě čělójš čox?“. (57) Kampír awón: „Áwě čělójš salx?“. Poščó awón: „Čo čělój ast?“. Kampír awón: „Γáyktě ja'm kün, wov: «Čárxam rīwěšant!»“. Poščó awón: „Xayr“.

(58) Poščó čil γáykě ja'm akún. Awón: „Šaūt, kampírě γayk tīm urt!“. Poščóë odámš ašawor, kampírīsa awón: „Γáykēt žívár — pošćóë xotīr čárxa

rīwéšot!“. Awóvor: „Poščóě čil γáykě ja'm iktá“. (59) Kampír awón: „Man γayk ɳesst“. Poščóě odámt har čand gap aděhór, γuš n.kün. Awón: „Man γayk ɳesst“. (60) Poščóě odámt azüwórtor, ašáu poščóě ritě. Salóm akünór, awóvor: „Kampír wótěšt: «Man γayk ɳesst»“. (61) Poščó awón: „Áspīma zin künt — man x^hátīm šómišt“. Poščóě asp zin akünór, x^hátš vóra avú, ašáu. (62) Kampírīsa awón: „Γáykēt žīvár“. Kampír awón: „Man γayk ɳesst!“. Poščó awón: „I vīyóra ritět nótat xoy, nīssta. Man kúčě vekt adügarəm, rúčay nüt aγóřem — naháx γayk ritět nīsstax“.

(63) Kampír azüwórt, atīs, atér kátisa. Γáykīsaš awón: „Poščó namóntěšt — čo künóm?“. Γaykš wótěšt: „Niž, očá, poščóīsa wov: i múř-ě zarrín vírot, i čárx-ě xüşowwóz, kě man šómišt“. (64) Kampír ništěšt, poščóīsa woft: „Poščó-ě olám, i áržem ast“. Poščó wótěšt: „Ářžēt kün!“. (65) Kampír wóčě: „Aržem künóm — i múř-ě. zarrín vir, i čárx-ě xüşowwóz, kě man γáykēm mónomišt, šawót“. Poščó wótěšt: „Xayr!“.

(66) Poščó züwórtěšt, tirt. Šáučě, múř-ě zarríně xotīř odám aküšé^lltě. Čárx-ě xüşowwóz vírtěšt, múř-ě zarríně tīm úroīšt. Kampírě γáykě xotīř odám kúšé^lltěšt. (67) Šáwošt, kampírě γáykě úror, čárxa ritěš móntěšt. Wóčě: „Múř-ě zarríně tīm urt!“. Šáwošt, múř-ě zarríně tīm úror.

(68) Čárxa rīwéštěšt, múř-ě zarríně-pě gap déhtěšt, wótěšt: „Man gap děhúm, tū, poščó-ě nodón, γuš dor“. (69) Múř-ě zarrínīsa wótěšt: „Man poščóě inč óīm — nahpět na, múř-ě zarrín?“. Múř-ě zarrín wótěšt: „How-wó, how-wó, Laxčá-Bibí!“. (70) — „Man, — wótěšt, — čě do-dóě kátēm ník^hēm akún, aúr poščó — nahpět na, múř-ě zarrín?“. Múř-ě zarrín wótěšt: „How-wó, how-wó, Laxčá-Bibí!“. (71) — „Au vīyóra, — wótěšt, — i máyně poščó apěráxs, man aděvár, i kampírě kat amón. Kampírě γayk man apúč, hámma libóštēm axáš, anós. Lúčīm akünór, i ĵandá man anüγuntúnor, γáykě-pěš avárorīm, appártou čóxě nüt, sárě vekēm i kátta tobá amónor. Xap γaykīš man libóst anüγuntún, au fīrónta poščóě-pě yak ráha akún — nahpět na, múř-ě zarrín?“. (72) Múř-ě zarrín wótěšt: „How-wó, how-wó, Laxčá-Bibí!“.

(73) „Ax poščó-ě nodón, — wótěšt, — níř^lřiv, kampírě γáykě anós, avvóu. (74) Man čof wáxtě kampír rit anós. I fīrónta aĵáxim, apīráyž. (75) Avvówem, i rótě vek — i galáy úrkēm woxúrd avú. Zorīšint akū ním, — čáūtītě xató avú. (76) Poščóě čorbóγě ritě avvówem — i pírgürg čě dēwól-ě kú^hná aĵax, awón: «X^háromīšt!». (77) Har čand zori aküním — γúšēm níkūn. Awóvem: «Děvárēm, nahít poščóě čorbóγě x^har». Pírgürg aděvárēm, čorbóγě ax^hár. Čě man wáxně čof safedóřě asán.

(78) I mětě poščóě inčě žóta avú. Awón: «Naxčáu safedór pákka kün, žóta xotīřēm gowóra kün». Poščó pákka akún, it žótaš xotīřš gowóra afarmóy. Gowóraš tayyór avú. (79) Žótayš gowóray avánt. Gowóra apúš, žótay azó-ī badánš sīyó^h akún. Poščó inčěsas awón: «Pártou, suš!». Poščóě inč gowóraš appártou, asúš, i řaqíq avú. (80) I kampír olówě xotīř atīs, řaqíq awěn, dúšaisaš anóšš, aněž, atér. Avár, sandűqě nüt appártou. Čof mət ba'd xěpár anós, aγór — i γayk nīssta. (81) Čof mětě sandűqě nüt γayk aníd. Vīyóray očáš ažīvárīšt, čīróγě ritě anidón. (82) I vīyóra poščó kúčě

vek adügár, naháú ýáykě awén. Bahóna akún, awón: «Čárxay řiwěšakě ýáýktě ja'm künomíšt». Gáýktě ja'm akún, čárxay řiwěš afarmóy. Ašáu, man řim aúr, bahónay-pě čárxay řiwěš afarmóy“. (83) Poščó awón: „Píráu vot — tú man íně-íšt!“ Laxčá-Bibí awón: „Tú poščó-ě nodón návu agár, wáxtěš mant wěta oy, aú firónta ajaxe Aš-Bibí anós, avvóú?“.

(84) Poščó tuy xěpár akún, aft šáb-ű aft ruz tuy at^ofár. Gaštá Laxčá-Bibí níkó^h akún, anós. Áxtit arásor ba müród-u maxsád, man amónem, avvóú.

№ 5

(1) Было — не было, был один старик, одна старуха. Была у них дочь.
(2) Однажды царь посылает человека (сватать). Старик говорит: „Моя дочь не достойна царя, но раз царем послан человек (сватать) — я ее выдам“. (3) Сват кланяется, поднимается, уходит. Идет к царю, совершает приветствие. (4) Царь говорит: „Ну, пришел ты тигром или лисой?“.* Сват говорит: „Да возьму я на себя ваше несчастье, — я пришел тигром, о царь мира!“ Царь говорит: „Отдал он свою дочь?“. Сват говорит: „Да, царь мира“. (5) Царь говорит: „Если так, соберем трех-четырех человек, пошлем, чтобы совершили молитву (при сговоре)“. (6) Сват говорит: „Да возьму я ваше несчастье, царь мира, — видели ли вы когда-нибудь эту девушку или нет?“. Царь тогда говорит: „О глупый, есть кто-нибудь, кто, не выдав воды, стащил бы обувь (чтобы перейти вброд)? Я видел, раз послал тебя“. (7) Сват говорит: „Хорошо, царь мира, посоветуйтесь с везирами, пошлите людей, пусть совершат благословляющую молитву“.

(8) Царь советуется с везирами, посылает людей. Идут его люди, совершают благословляющую молитву. Старик говорит: „Я-то свою дочь отдаю, но царь пусть приведет семь верениц верблюдов с вьюками, потом пусть делает свадьбу“. — „Хорошо“, — говорят (сваты), встают, уходят.

(9) Идут они к царю, приветствуют царя. Говорит царь: „И вам мир!“ Спрашивает царь: „Совершили благословляющую молитву?“. Говорят: „Да“. (10) Говорит царь: „А про вено сказал старик?“. Говорят: „Да“. Говорит царь: „Сколько назначил он вена?“. Сказали: „Семь верениц верблюдов с вьюками“. (11) Царь сказал: „Что за вьюки на верблюдах?“. Сказали: „Красный товар“. Царь сказал: „Хорошо, это нетрудно“. Царь сказал: „А я-то боялся, как бы он не сказал золото“. Сваты сказали: „Нет, царь мира“.

(12) Три-четыре дня царь производил приготовления, известили родственников. Поднялись, отправились (свадебным поездом). Навьючили верблюдов, взяли, отправились. (13) Доехали, достигли. Провели вер-

* Выражение „придти тигром“ значит вернуться с успехом, с удачей, „придти лисцей“ — вернуться, потерпев неудачу. Это выражение встречается повсюду у таджиков.

блюдом с веном перед стариком.* Старик принял. В тот вечер там легли спать. (14) На другое утро старик известил о свадьбе. Сколько было козлодрания и игр! Запарили плов, вынесли людям, роздали. (15) Потом старик гостей отпустил. Пошел к зятю, сказал: „Гости, брачный обряд сейчас совершите или вечером?“. Люди царя сказали: „Вечером“.

(16) Наступил вечер, совершили брачный обряд. Легли там спать. На другое утро во время чошт** отправились. Старик дал им благословляющую молитву, заплакал им вслед. (17) Царь в тот день ехал до вечера. Стало поздно — не доехал (до дома). Вошли в одно селение, остановились. (18) Царь оставил свою жену в доме одной старухи. У старухи была дочь, имя ее было Аш-Биби. (19) Настала ночь, ущипнула она жену царя. Жена царя сказала: „Бабушка, госпожа Аш-Биби меня щиплет“. Старуха сказала: „Дочь моя, ей нужны твои башмаки“. Жена царя отдала башмаки. (20) Снова ущипнула. Жена царя сказала: „Бабушка, госпожа Аш-Биби снова меня ущипнула“. Старуха сказала: „Дочь, моя, ей нужен твой головной платок“. Жена царя развязала и свой головной платок, отдала. (21) Всякими способами, щипаньем ее одежды она взяла. Аш-Биби надела все одежды жены царя. У Аш-Биби были лохмотья — сняла, отдала жене царя. (22) Аш-Биби вместе с матерью подняли жену царя, бросили в яму. Принесли большой плоский камень, положили на отверстие.

(23) Рассвело. Закусил царь в то утро хлебом и чаем, сказал: „Седлайте лошадей!“. Лошадей оседлали. (24) Сказал: „Выведите на улицу мою жену“. Вывели Аш-Биби, посадили на лошадь. Царь не понял, взял ее, поехал. Отвез ее в свой дом. (25) В тот день сидели (дома). Наутро известили о пире. Семь дней царь давал пир. (26) Успокоился после пира, сказал: „Постой, схожу-ка я разок к своей жене!“. Царь вошел, увидел — Аш-Биби поднялась, поклонилась. Царь сказал про себя: „Это не моя жена“. (27) Не вытерпело сердце царя, спросил он у Аш-Биби, сказал: „Дочь старика ты такой не была, — почему ты стала такой?“. Аш-Биби сказала: „Три месяца я была больна“.

(28) Оставим их там, поговорим о жене царя. Отослала старуха царя, вытащила жену царя из колодца, вместо Аш-Биби взяла ее к себе. Несколько дней ходила. Однажды скучно стало жене царя, вышла, убежала. (29) Пошла в степь, повстречалась ей стая волков. Подбежали к ней волки, сказали: „Мы (тебя) съедим“. (30) Девушка сказала: „О волки, вас — стая, а я — только один человек, что я для вас?“. Волки ее не трогают, проходит она, уходит.

---

* Обычай пропускания привозимого вена перед отцом невесты, перед его глазами, чтобы он мог удостовериться в его исправности, существует и теперь в ягнобских свадебных обрядах. Представители невесты, отбиравшие в доме жениха вено, показывают отцу невесты все полученное, после чего отец невесты читает молитву и объявляет о своем согласии.

** Чошт — около 10 часов утра.

(31) Проходит много пути — бежит от старого дувала какого-то сада волк, подходит. Волк говорит: „Я (тебя) съем“. Сколько девушка ни плачет — не слушает. (32) Девушка говорит: „Если так, то внеси меня в этот сад, потом съешь“. Волк ее втаскивает, вносит в сад, съедает в саду. (33) Тот сад был садом того самого царя. Кровь жены того царя входит в семь деревьев — стали тополями.

(34) Наступает день, появляется у Аш-Биби сын. Говорит она царю: „Сруби те тополя, прикажи (сделать) колыбель для моего сына“. (35) Царь рубит те деревья, дает мастеру, говорит (ему): „Вытеши колыбель“. Вытесал мастер колыбель, отдал царю. Царь принес, отдал к себе в дом. (36) Взяла Аш-Биби колыбель, привязала своего сына. Остался ее сын ночью в той колыбели. (37) Наутро Аш-Биби встала, посмотрела — все тело ее сына черное. Аш-Биби сказала: „Пусть померет человек, вытесавший колыбель!“. Кликнула царя, привела его, показала ему сына. (38) Посмотрел царь — тело его сына черное. Сказал: „Почему этот сын стал таким?“. Аш-Биби сказала: „Я не знаю“. (39) Царь сказал: „Да почернеет твое лицо, — ты его щипала“. Аш-Биби сказала: „Нет, я не щипала“. Царь сказал: „Вот как, я щипал, что ли, если ты не щипала?“. (40) Аш-Биби сказала: „Щипала колыбель“. Царь сказал: „Колыбель ведь сама людей не щиплет“. Аш-Биби сказала: „Я не щипала; если другой кто-нибудь не щипал, то кто же его щиплет?“. (41) Царь сказал: „Ладно, колыбель сломай, сожги“. Аш-Биби сломала колыбель, сожгла.

(42) В то самое утро, когда сожжена была (колыбель), вошла одна старуха, соседка. Сказала: „Мне нужно огня“. Аш-Биби сказала: „Возьми, бабушка“. (43) Наклонилась старушка, сказала: „Возьму-ка я огонь“, посмотрела — внутри огня сердолик. Вытащила, вынула, взяла его, спрятала себе в рукав. (44) Аш-Биби сказала: „Что это такое, бабушка, ты взяла в рукав?“. Старуха сказала: „Ничего нет, дочь моя; я обожгла руку, втащила ее к себе в рукав“. Аш-Биби сказала: „Ладно, бабушка“. Вышла старуха, ушла.

(45) Пошла старуха к себе домой. У нее был сундук. Бросила она сердолик в него. (46) Прошло десять-пятнадцать дней. У старухи был сын. Однажды он вошел, сказал своей матери: „Мать, дай мне что-нибудь; пришел торговец грецкими орехами, возьму орехов“. (47) Старуха сказала: „Сын мой, ничего нет“. Потом вспомнилось старухе, сказала она: „А, в том сундуке брошен сердолик“. Сказала: „Сын мой, взгляни в тот сундук — там был сердолик. Возьми его, купи орехов“. (48) Ее сын пошел, взглянул в сундук. Видит — сидит красивая девушка. Сказал: „Матушка, в сундуке девушка“. (49) Старуха подбежала, посмотрела — верно, сидит девушка. Такая красивая — ни с каким описанием не сравнится. (50) Закрывает (старуха) крышку сундука, сказала своему сыну: „Сын мой, нигде не говори, что (у тебя) не было старшей сестры: она тебе вместо старшей сестры“. Сын ее сказал: „Нет, матушка, зачем же я скажу?“.

(51) Старуха несколько дней давала девушке в том сундуке пищу. Вечером при светильнике ее вынимала, усаживала перед собой. (52) Однажды вечером сидела она перед светильником, по улице прошел царский человек. Наклонился, посмотрел в дымовое отверстие — сидит перед старухой красивая девушка. Царский человек побежал, сказал царю. (53) Царь сказал: „Откуда нашлась у старухи такая красивая девушка?“. Его человек сказал: „Я не знаю, откуда она могла бы найтись“. Царь сказал: „Как-нибудь вечером я сам пойду, подстерегу“. (54) Однажды вечером царь встал, пошел, посмотрел в дымовое отверстие (дома) старухи. Посмотрел — правда, очень красивая девушка сидит. Вернулся, пришел, сел у себя дома. (55) Прошло несколько дней, думал про себя царь, говорил: „Что мне сделать, чтобы взять ту девушку у старухи?“.

(56) Была в том городе одна хитрая старуха. Послал царь за ней человека, привел (ее). Царь сказал: „В доме такой-то старухи есть очень красивая девушка. Что можно сделать?“. (57) Старуха сказала: „Сделать легко“. Царь сказал: „Что сделать?“. Старуха сказала: „Собери девушек, скажи: «Пусть они мне попрядут».“ Царь сказал: „Ладно“.

(58) Собрал царь сорок девушек. Сказал: „Идите, приведите и дочь старухи“. Отправились люди царя, сказали старухе: „Выведи свою дочь — пусть она попрядет для царя“. Сказали (еще): „Царь собрал сорок девушек“. (59) Старуха сказала: „У меня дочери нет“. Сколько люди царя ни говорили, она не слушала, говорила: „У меня дочери нет“. (60) Вернулись люди царя, пошли к царю. Совершили приветствие, сказали: „Старуха говорит: «У меня дочери нет»“. (61) Царь сказал: „Оседлайте мне лошадь — я сам поеду“. Оседлали царю лошадь, сел он верхом, поехал. (62) Сказал старухе: „Выведи свою дочь“. Старуха сказала: „У меня нет дочери“. Царь сказал: „Однажды вечером ты взяла ее к себе, она сидела. Я проходил по твоей улице, посмотрел в отверстие в крыше — та девушка сидела перед тобой“.

(63) Старуха повернулась, вошла, пошла в дом. Сказала девушке: „Царь не оставляет — что мне делать?“. Девушка ей говорит: „Выйди, матушка, скажи царю — пусть достанет жар-птицу и прялку с приятным звуком, тогда я пойду.“ (64) Старуха выходит, говорит царю: „Царь мира, у меня есть просьба“. Царь говорит: „Проси!“. (65) Старуха говорит: „Скажу я мою просьбу — достань жар-птицу и прялку с приятным звуком, тогда я пушу мою дочь, пусть пойдет“. — „Ладно!“, — говорит царь.

(66) Поворачивается царь, идет. Идет, посылает человека за жар-птицей. Находит он прялку с приятным звуком, приносит также жар-птицу. Посылает (царь) человека за дочерью старухи. (67) Идут, приводят дочь старухи, помещают ее перед прялкой. Говорит (царь): „Принесите и жар-птицу“. Идут, приносят также жар-птицу.

(68) Прядет (девушка) на прялке, разговаривает с жар-птицей, говорит: „Я буду говорить, а ты, неразумный царь, слушай“. (69) Говорит жар-птице: „Я была женой царя — не так ли, жар-птица?“. Жар-птица

говорит: „Да, да, Лахча-биби!“.* (70) „Меня, — говорит, — из дома отца, совершив брачный обряд, привез царь, — не так ли, жар-птица?“. Жар-птица говорит: „Да, да, Лахча-биби“. (71) „В тот вечер, — говорит (девушка), — царь остановился в одном селении, привел меня, оставил в доме одной старухи. Ущипнула меня дочь старухи, сняла с меня все одежды, взяла (себе). Раздели меня, надели на меня лохмотья, отвели, меня (старуха) с дочерью, бросили в яму, на отверстие надо мной положили большой плоский камень. (Старуха) одела свою дочь в мои одежды, отправила наутро вместе с царем — не так ли, жар-птица?“. (72) Жар-птица говорит: „Да, да, Лахча-биби“.

(73) „Тот неразумный царь, — говорит (девушка), — не понял, что он привез дочь старухи. (74) Некоторое время старуха меня около себя держала. Однажды утром я встала, убежала. (75) Пошла я по дороге — встретила мне стая волков. Заплакала я перед ними — освободилась от них. (76) Пришла я к саду царя — поднялся от разрушенного дувала старый волк, сказал: «Съем (тебя)!». (77) Сколько я ни плакала — не послушал он меня. Сказала я: «Внеси меня, съешь в саду царя». Старый волк втащил меня, съел в саду царя. Из моей крови выросло несколько тополей.

(78) Однажды у жены царя появился сын. Сказала она: «Срубил ты тополя, сделай для моего сына колыбель». Срубил царь, приказал для сына сделать колыбель. Колыбель была изготовлена. (79) Привязала она своего сына к колыбели. Колыбель ущипнула, сделала черным тело мальчика. Сказал царь своей жене: «Брось (колыбель), сожги». Бросила жена царя колыбель, сожгла, появился сердолик. (80) Одна старуха пришла за огнем, увидела сердолик, взяла его в рукав, вышла, пошла. Отнесла, бросила в сундук. Через несколько дней проведала — сидит девушка. (81) Несколько дней девушка сидела в сундуке. Вечером ее мать выводила, усаживала перед светильником. (82) Однажды царь прошел по улице, увидел ту девушку. Выдумал предлог, сказал: «Для пряденья на прялке соберу я девушек». Собрал девушек, приказал прясть на прялках. Отправился, меня тоже привел, найдя предлог, приказал мне прясть“. (83) Царь сказал: „Если так, то ты моя жена“. Лахча-Биби сказала: „Если бы ты не был неразумным царем, то видел меня, разве поднялся бы ты в то утро, взял бы ты Аш-Биби?“.

(84) Царь оповестил о пире, давал пир семь дней и семь ночей. Потом совершил брачный обряд с Лахча-Биби, взял ее. Они достигли целей, желаний, я их оставил, пришел (сюда).

---

* Название Лахча-Биби, даваемое жар-птицей девушке, не совсем понятно. Слово Лахча в ягнобском языке обозначает горящие древесные угли. По объяснению рассказчика, это название вытекает из того, что девушка, превратившаяся в дерево, сгорела и только потом возродилась.

Место записи не указано. По языковым особенностям текст должен быть отнесен к сел. Маргтумайн

(1) I vúta návuta i poššo vúta. I wazírš vúta, Xasán-ě Gülríz nomš vúta. Čof mětě, čof soátě güdórtišť — poššo zangír vútěšť. Xasán-ě Gülrízisa xotír odám küse'ltěšť. (2) Poššo wótěšť: „Şaṭ, Xasán-ě Gülrízě wovt — man tũ vvwot“. Odám šaṭěšť. Xasán-ě Gülríz ṡuš náküntěšť. (3) Poššoě odám züwórtěšť, vvwot poššo^hě ritě. Poššo wótěšť: „Xasán-ě Gülríz nívvou?“ . Odám wótišť: „Na, poššo-ě olám“. Poššo wótěšť: „Tík şaṭ!“ . (4) Tík züwórtěšť, şaṭ, Xasán-ě Gülrízisa wótěšť: „Poššo awóv: «Vvwot»“. Xasán-ě Gülríz wótěšť: „Zan bewafóx, nášomišť“. Xasán-ě Gülríz poššo^hě odámisa wótěšť: „Şaṭ poššo^hě, wov — inš nánosot“.

(5) Poššo^hě odám züwórtěšť, şaṭ poššo^hě ritě. Poššo wótěšť: „Ha, Xasán-ě Gülríz nívvou?“ . Odámš wótěšť: „Xasán-ě Gülríz awóv aně: «Zan bewafóx. Şaṭ, poššo^hě wov — inš nánosot». Nahípítě gápěm adé^h, xwatš nívvou“. (6) Poššo wótěšť: „Şaṭ, xukmán urťš“. Gaštá dü avór,* aşaṭ Xasán-ě Gülrízě ritě. Awóvor: „Poššo awóv: «Xukmán vvwot»“. Xasán-ě Gülríz awóv: „Xay, şumóx züwórt, tířě vut. Man biyopóměšint“. Áxtit azüwórtor, atér.

(7) Xasán-ĩ Gülríz tēm áspě zin akún, vóra avú. Avvou i nówě, ayór — i kal kištay kar ast, xofízí kúntišť. Xasán-ě Gülríz awóv: „Nahiš kal be gap nax. Ušť, — awóv, — fayróťš kúnóm, wěsot“. (8) Fayróťš akún, aúr. Awóv: „E ĵurá, i zaylá basúz xofízí kúnišť. Čo gap ast dílit?“ . Kal awóv: „Hič gap na“. Xasán-ě Gülríz awóv aně: „Čoyĵuš mon, i op ešón“. Kal čoyĵuš amón, olou akún, op ayěšón. (9) Xasán-ě Gülríz awóv: „Ĵurá, razg wov — dílit čo gap ast?“ . Kal awóv: „Razg wóvom — i Xasán-ě Gülríz wóvošť, naháwě inč-pě xušdórim“. Xasán-ě Gülríz wótěšť: „Xasán-ě Gülríz wěta?“ . Kal wótišť: „Na, nam-wétax xüt, néki nomš düĵúšťamx“.

(10) Xasán-ě Gülríz wótěšť: „Tü, kal, wótěšť Xasán-ě Gülrízě inč-pě xušdórim. Xasán-ě Gülríz xaṭliš ohaní dēwól ast, čil gaz balandiš ast. Tu áwě čótě sáněšť? Darwózaš pūlotix, küľš ast. Xasán-ě Gülríz kúskik tirót, küľš kúntišť. Či Xasán-ě Gülrízě inčě hič nišónat ast?“ . Kal awóv: „Hoň“. (11) Xasán-ě Gülrízě awóv: „Čox nišónat?“ . Awóv: „Maná, sárě dírauš, ũngüşpónaš tēm xast“. Xasán-ě Gülríz awóv: „Xasán-ě Gülrízě inčě či taṭ čo nišóna ast?“ . Kal awóv: „Či man sárě pašmí, či xómna lápim áwě dástě nišóna ast. Xasán-ě Gülrízě inčě tümór íkta or, xášta“. (12) Xasán-ě Gülríz awóv: „Kúmokay xáštaš or?“ . Kal awóv: „Raská fikěš“. Xasán-ě Gülríz awóv: „Darwózaš küľfx. Xaṭlí dēwólěš čótě sáněšť?“ . Kal awóv: „Čangákě ohaním ast. Nahix pártomišť, sanóm, a bar nüt wěsom. Xasán-ě Gülríz inč-pě bozí kúnóm, nižóm, tiróm“. (13) Xasán-ě Gülríz awóv: „Ĵax, kal, kištayť ĵer návot“. Kal aĵax, asán, atér.

* Видимо пропущено, надо было бы: tířě avór. (Ред.).

(14) Xasán-ě Gülríz aǰax, kátisaš atér. Ašáu, darwózaš taq-taq akún. Inč avvóu, darwózaš apé^yn. Xasán-ě Gülríz atís xauliš. Aǰór — inč* i raská fikěš kálě guftagi tümór kašólx. (15) Xasán-ě Gülríz ayóz, tümór akán, anós, apé^ynš, aǰór — kálě sárě pašm, či xómnay lápěš tím ast. Inčš xay akún, atér, ašáu poššó^he ritě. (16) Poššó awóv: „Ha, Xasán-ě Gülríz, avvówě?“. Xasán-ě Gülríz awóv: „Xom, poššó-ě olám“. Poššó awóv: „In-núr man tuy ast, mēxmóntēm tamošó tēfár — xant, tamošó kúnánt“. (17) Xasán-ě Gülríz awóv: „Xafsálam nešt“. Poššó awóv: „^he, vortš saíxónay, qabá kúnt“. Avárorš saíxónay, qabá akún.

(18) Aǰ xšap nahwát aníd. Soát düwozdá xoy. Oxúr nüt nissta xoy. Aǰór — poššó^hě inč aněž. Saíst áspě liǰóm anóror, čofš adě^h. Awóror: „Ítě xšap ǰer aněžě“. Poššó** inč awóv: „Čo kúnóm, árkem oy“. (19) Xasán-ě Gülríz ǰórak oy. Xántaš avvóu — áspťe poyǰá^hě sar púnňi gül avór.

(20) Aǰ xšap ráxšín avú. Poššó awóv odámťisaš: „Šaǰt, Xasán-ě Gülrízě xěpár nost“. Ašáwor, xěpárs anós. Aǰóror — Xasán-ě Gülríz xántax, áspťe poyǰá^hě sar púnňi gül vúta or. Azüwórtor, ašáu, poššóisa awóv: „Xasán-ě Gülríz it xšap xántax“. (21) Poššó awóv: „Šaǰt, urťš“. Ašáwor, Xasán-ě Gülrízě aúr. Poššó awóv: „Ha, pǰyón mant awóvēm «Xant!» — níxantě, ítě xšap poyǰá^htě sárě xánta íšť?“. (22) Xasán-ě Gülríz awóv: „E poššó, aǰap beaǰl íšť. Tu odám aküsé^ylě man xotír. Odámťisat awóvēm: «Zan bewafóx, poššó inč nánosot». Tu gápēm ǰuš níkүнě. Man inč i kálě-pě bozí kárna vútax. Ínčēm xáyim íkta xoy, dílēm síyó xoy, čau xotír níxantēm. Tu man aváre saíxónay, qabá akún. Aǰórem — taǰ inč tím saístě-pě bozí kárna vútax. Čau xotír xántam avvóu“.

(23) Poššó tím inčš xay akún. Dúťič aněžor, atér ša^hártě vek gadoí. Áxtit wáskě atéror, man táskě amónēm, avvóu.

№ 6

(1) Было — не было, был один царь. Был у него один везир, было имя его Хасан Гульриз.*** Проходит несколько часов, несколько дней — царь хочет жениться. Посылает он людей за Хасаном Гульризом. (2) Царь говорит: „Идите, скажите Хасану Гульризу, пусть придет на мою свадьбу“. Человек отправляется. Хасан Гульриз не слушает. (3) Царский человек возвращается, приходит к царю. Царь говорит: „Хасан Гульриз не пришел?“. Человек говорит: „Нет, царь мира“. Царь говорит: „Иди опять!“. (4) Опять возвращается, идет, говорит Хасану Гульризу: „Царь сказал: «Пусть придет»“. Хасан Гульриз говорит: „Женщина неверная, не пойду“. Хасан Гульриз говорит (еще) царскому человеку: „Иди к царю, скажи — пусть не женится“.

* Вм. inčě. (Ред.).

** Вм. poššóě. (Ред.).

*** Гульриз — букв. 'рассыпающий цветы'.

(5) Царский человек поворачивается, идет к царю. Царь говорит: „Ну что, Хасан Гульриз не пришел?“. Человек говорит: „Хасан Гульриз сказал: «Женщина неверная. Иди, скажи царю — пусть не женится». Так сказал мне, сам не пришел“. (6) Царь говорит: „Идите, обязательно его приведите“. Снова двое отправились, пошли к Хасану Гульризу. Сказали: „Царь сказал: «Пусть придет обязательно»“. Хасан Гульриз сказал: „Хорошо, вы идите. Я нагоню вас“. Они повернулись, пошли.

(7) Хасан Гульриз оседлал лошадь, сел верхом. Приехал он в одну долину, видит — плешивый пашет (и) поет. Хасан Гульриз сказал: „С этим плешивым что-то не так. А ну-ка, позову я его, — сказал, — пусть он подойдет“. (8) Позвал он его, привел. Сказал: „О друг, ты так страстно поешь — что у тебя на сердце?“. Плешивый сказал: „Ничего (у меня) нет“. Хасан Гульриз сказал: „Поставь чайник, вскипяти-ка воду“. Плешивый поставил кувшин, развел огонь, вскипятил воду. (9) Хасан Гульриз сказал: „Друг, скажи правду, что у тебя на сердце?“. Плешивый сказал: „Сказать правду — (есть) один, (которого) называют Хасаном Гульризом, жену его я люблю“. Хасан Гульриз говорит: „Ты видел Хасана Гульриза?“. Плешивый говорит: „Нет, хотя самого его я не видел, но имя его слышал“.

(10) Говорит Хасан Гульриз: „Ты, плешивый, говоришь, что любишь жену Хасана Гульриза. (Вокруг) двора Хасана Гульриза железный забор, высота его сорок аршин. Как же ты взбираешься на него? Ворота у него стальные, на них замок. Куда бы ни шел Хасан Гульриз, запирает их на замок. У тебя от жены Хасана Гульриза есть что-нибудь на память?“. Плешивый сказал: „Да“. (11) Хасан Гульриз сказал: „Что есть у тебя?“. Сказал: „Вот волосы с ее головы, и кольцо ее тоже есть“. Хасан Гульриз сказал: „А у жены Хасана Гульриза от тебя что есть на память?“. Плешивый сказал: „У нее есть волосы с моей головы и обрезки кожи от моей обуви. Жена Хасана Гульриза сделала (из них) амулеты, носит их“. (12) Хасан Гульриз сказал: „Где она их носит?“. Плешивый сказал: „На правом плече“. Хасан Гульриз сказал: „На воротах у него замок, как же ты взбираешься на забор его двора?“. Плешивый сказал: „Есть у меня железный крюк. Я его бросаю, поднимаюсь и спускаюсь на ту сторону. Развлекаюсь с женой Хасана Гульриза, выхожу, ухожу“. (13) Хасан Гульриз сказал: „Подымайся, плешивый, чтобы не опоздать с пахотой“. Плешивый встал, ушел.

(14) Хасан Гульриз поднялся, пошел к себе домой. Пошел, постучал в ворота. Пришла жена, отперла ворота. Хасан Гульриз вошел во двор. Видит — у жены на правом плече висит амулет, о котором говорил плешивый. (15) Хасан Гульриз протянул (руку), сорвал амулет, взял его, открыл, видит — волосы с головы плешивого и (обрезки кожи) от его обуви тоже есть. Прогнал он свою жену, ушел, пошел к царю. (16) Царь сказал: „А, Хасан Гульриз, пришел?“. Хасан Гульриз сказал: „Да, царь мира“. Царь сказал: „Сегодня моя свадьба. Поразвлекай моих гостей: пусть посмеются, повеселятся“. (17) Хасан Гульриз сказал: „Мне не

хочется". Царь сказал: „Эй, отведите его в конюшню, заперите". Отвели его в конюшню, заперли.

(18) Ту ночь он сидел там. Настало двенадцать часов. Сидел он в яслях. Видит — вышла жена царя. Конюхи взяли уздечки лошадей, несколько раз ударили ее. Сказали: „Сегодня вечером ты поздно вышла". Жена царя сказала: „Что же мне делать, было у меня дело". (19) Хасан Гульриз видит (это). Напал на него смех — на лошадином навозе стало полно цветов.

(20) Настал день. Царь сказал людям: „Идите, узнайте о Хасане Гульризе". Пошли, узнали. Посмотрели — Хасан Гульриз смеялся, на лошадином навозе стало полно цветов. Повернулись, пошли, царю сказали: „Хасан Гульриз этой ночью смеялся". (21) Царь сказал: „Идите, приведите его". Пошли, привели Хасана Гульриза. Царь сказал: „А, вчера, когда я тебе говорил: «Смейся!», ты не смеялся, а этой ночью на навозе смеялся?". (22) Хасан Гульриз сказал: „О царь! Удивительно ты глуп. Ты за мной прислал человека. Я сказал твоему человеку: «Женщина неверная, пусть царь не женится». Ты не послушал моих слов. Моя жена развлекалась с одним плешивым. Я прогнал свою жену. Сердце мое было опечалено, поэтому я не смеялся. Ты отвел меня в конюшню, запер. Увидел я, что твоя жена также с конюхами развлекается. Поэтому напал на меня смех".

(23) Царь также прогнал свою жену, оба они вышли, пошли по городам нищенствовать. Они там остались, а я сюда пришел.

№ 7

Записано в сел. Маргтумайн

(1) I posšóe oy, aft žútějš oy. Žútot zangír avór — áftič. Awóvor: „Inč nósīmīšt". (2) Kě dodóšint awón ané: „Bozórě wěst, miltiq nost". Ašáwor, čě bozór miltiq anós.

(3) Posšó awón: „Nižt, i šáhrisa ģort, de^ht". Anížor, adéhor nah šáhrisa. (4) I tirš ašáw — i posšóe darwóza děvárě adé^h, ĩkš ašáw — qozí darwóza děvárě adé^h, ĩkš ašáw — raisě darwóza děvárě adé^h, ĩkš, ašáw — mĩkbošĩ darwóza děvárě adé^h, ĩkš ašáw i kalourběgĩ darwóza děvárě adé^h, ĩkš ašáw — i tũqsabóy darwóza děvárě adé^h, áwěkš — tik aně i dástě adé^h.

(5) Ašáwor — iš posšóe ģáykě anós, iš — qozí ģáykě anós, iš raisě ģáykě anós, iš — mĩkbošĩ ģáykě anós, iš — kalourběgĩ ģáykě anós, iš — tũqsabóy ģáykě anós. (6) Iš — áwě tirš dástě veg atir — ašáw, kówakš ašáw. Awěn — i ópě lápě maymún nĩstax. Aģór, awěn — tirš naháwě dástě. (7) Awón ané: „Dastm yozónom, tířě čě maymúně dast nósom". Maymún apĩráž, atís i ģórě darúně.

(8) Posšóe žúta ašáw dúyměš, atís. Awěn — i kampír nĩstax ģórě darúně. (9) Kampír awón ané: „E ĵwónmard, tat ču tísě?". Awón ané: „Tir aděhĩm, avvówěm — tířěm i maymúně dástě. Dodóm wóftax: «Tirt kay dástěk.

atís, naháwě tífáromišť». (10) Kě kampír awów ané: „Tirt man γáykě dástě tírástax, kě maymún man γaykx“. Kě awów ané: „Man čítě maymúně nósom? Man maymún nanósomišť“. (11) Kampír awów ané: „Taqdírt nahětě-pě wútax, nahětě nost“. Awów ané: „I yoč pácom — wxar!“ . Aǰáx, qáylaš akún, wórzayě axáš, awúr, rítěš amón. (12) Wxárě avé possóě žúta. Maymún tēm avvóu, čof qaylá ayóz, anós čě wórzaě darún. Kě possóě žúta dast pok akún, aně niwxár. (13) Očáš awów ané: „Man γayk dast adě^h, čau tuš níwxarě?“ . Awów ané: „ǰax, sar mon, něpíd“. Sarš amón, aněpíd possóě žúta.

(14) Xšap aǰürós, aǰáx — naháx γórě darún i yoč rüşnoí kúntišť. Kě kampírša awów: „Iš čo karáx, čě xüşruíš γórě darúně rüşnoí kúntišť?“ . (15) Aǰór possóě žúta — i γáykě xüşrú awěn kǐ xüşš atér, kě du métiša xüşš atér. Du métě ba'd xüşš avvóu. Kampír awów ané: „Naháx man γaykx“. (16). — „Čuké — awów, — au ráňka xoy?“ . Awów ané: „Man iš γórěm rótě sárěx, id γáykěm nahět ráňka kúnómišť, navót — naníst wómišť“. (17) Possóě žúta awów ané: „Pǐráu vot, ętón šmox nidť náhtat, man ǰaxóm, tiróm, i ǰüm dodó-t akó rítěm šom“. Aǰáx, amón, atír.

(18) Ašáu, dodóě xaǰliš atís, kě dodóš awów ané: „Tu ipětě ku avé?“ . Kě awów ané: „Nahě atírěm, ašáym, akówm — tírěm ęta wétax, i maymúně dáste tírástax, kě man náhaǰ maymúně anósěm“. (19) Kě dodóš xafá avé, awów: „Tu possóě žúta xoy. Naxót tu šau, maymúně nos?“ . (20) Awów ané: „Taqdířěm naháwě-pě wétax“. Kě dodóš awów ané: „Xayr, xápět řizogí nahěš“ .

(21) Possóě i γaykš oy. Awów ętón žutóťš: „Wxór^ššint tuy kúnt“. Kě avvówor, maslaxát akúnór: „Tuy kúním ętón“. Kě awóvor ané v'róťěšint: „Laks, tuy xǐpár kún“. (22) Kě aláks, hámmaě tuy xǐpár akún. Kě naháxtit inčěš xǐpár níkúnor. Kě ax vǐrót ǰamǰín avé. Kě čítě possóiša akóťš awóvor: „Püllčák žútat ǰamǰín avé“. (23) Kě possó awów: „Čóttěm maymúně xǐpár kúnóm, man possó vom?“ . Žútotš awóvor: „Nahětě inč xǐpár kúnt, ǰamǰín navót“. (24) Possó aǰáx, i akóyš aküsé^{yl}. Ašáu, maymúně tuy xǐpárs akún. (25) Possó awów ané: „Man xápě kasál kúnómišť, i xǰǰra něpídóm, to tuy kütá^hě wáyča. * Man mardúmě táxě veg nálakst wómišť, to túyě sófě wáyča. Tuy adó avé, kě xabardórěm kúnt“ .

(26) Tuy avé, kě ax kělín avvóu, atís possóě xaǰlí. Náhaǰ ráňkě xüşrú — iš kělínt áwě dástěš op navíst akúnór. (27) Paně métě possó tuy atífár mardúmě. ętón tuy adó akún, possóě žútotš avěš, possóě xabardór akún, awów: „San, ǰawób tífár mardúmě“. Awów ané: „To nah maymún natirót, man nasánomišť“. (28) Kě žútotš dǰrúřš awów: „Atír, — awów, — maymún“. Aǰáx, asán xaǰlíša, kě darúně xaǰlíša aǰór, awěn — i xüşrú inčě láksak ast. Awów ané: „Iš čo kará inčě láksakš ast i ráňka?“ . Awóvor ané: „Iš püllčák žútay inčtx“. (29) Čětě possó dar fíkrě atír: „Iš mán-pě múnosíb wétax, manš nósom“. Čětě kom atís, kělínša xǐpár gap adě^h, awóvor: „Xüsúrět náhpětě wów ast“ .

* Вм. wátišť. (Pеd.).

(30) Četě virš atis, xipárs gap adě^h, awón ané: „Dodót wóvak ast: «Žútaēm txóyomíšt, inčš nómom»“. (31) Četě possóě žútaš awón: „Čo kúním etón? Man híč ilójaš naviyórt kúnomíšt“. Ínčěš awón: „Ílój man viromíšt tik xšap“.

(32) To nisp xšápisa possó^h ģūróta xoy, kě nisp xšap kě avé — xúvniš avár. Kě kělínš ajax, aněž, i dorúěš atifár, xipár nívə niġūrós. (33) Virisaš awón: „Jax, vóra vim“. Ajaxor, vóra avé dútič, xúddi náxaġ ģórě ašáwor.

§ 7

(1) Был один царь, было у него семь сыновей. Сыновья захотели жениться — все семеро. Сказали: „Мы женимся“. (2) Тогда их отец сказал так: „Пойдите на базар, купите ружья“. Они пошли, купили на базаре ружья.

(3) Царь сказал: „Выйдите, посмотрите в сторону города, выстрелите“. Они вышли, выстрелили в (сторону) того города. (4) Пуля одного полетела, попала в ворота царя; (пуля) одного полетела, попала в ворота казия, (пуля) одного полетела, попала в ворота раиса,* (пуля) одного полетела, попала в ворота мингбоши,** (пуля) одного полетела, попала в ворота караулбеги,*** (пуля) одного полетела, попала в ворота туксабо,**** а (пуля) того (младшего) попала в степь.

(5) Отправились они — один из них взял царскую дочь, один — дочь казия, один — дочь раиса, один — дочь мингбоши, один — дочь караулбеги, один — взял дочь туксабо. (6) Один, пуля которого ушла в степь, пошел, отправился ее искать. Видит — у воды сидит обезьяна. Взглянул, увидел — его пуля у нее в руках. (7) Он сказал: „Протяну-ка я руку, возьму пулю от обезьяны“. Обезьяна убежала, вошла в пещеру.

(8) Царский сын пошел за ней, вошел. Видит — в пещере сидит старуха. (9). Старуха сказала: „О юноша, зачем тыходишь сюда?“ Он сказал: „Я выстрелил, пришел, — пуля моя в руках обезьяны. Отец мой говорил: «В чьи руки попадет твоя пуля, — ту я выдам (за тебя)»“.

(10) Тогда старуха сказала: „Твоя пуля попала в руки моей дочери, обезьяна — моя дочь“. Сказал царевич: „Как я женюсь на обезьяне? — Я не женюсь на обезьяне“. (11) Старуха сказала: „Суждено было тебе быть с этой, возьми ее“. Сказала еще: „Я сварю что-нибудь, поешь“. Встала приготовила жареное мясо, выложила в чашку, принесла, поставила перед ним. (12) Царский сын начал есть. Обезьяна тоже пришла, протянула (руку), взяла несколько кусков мяса из чашки. Тогда царский сын вытер руки и больше не стал есть. (13) Мать (обезьяны) ска-

* Блюститель порядка, полицейский.

** Мингбоши — тысячник.

*** Караулбеги — один из придворных чинов.

**** Туксабо — один из придворных чинов.

зала: „Моя дочь дотронулась, поэтому ты не ешь?“. Потом сказала: „Встань-ка, ложись, спи“. Царский сын лег и заснул.

(14) Ночью он проснулся, встал — внутри пещеры что-то светится. Спросил старуху: „Что это такое, от чьей красоты внутренность пещеры светится?“. (15) Взглянул царский сын, увидел (такую) красивую девушку, что на два дня потерял сознание. Через два дня он пришел в себя. Тогда старуха сказала: „Это — моя дочь“. (16) Он спросил: „Почему она была такая?“. Тогда старуха сказала: „Эта моя пещера на дороге, я придаю своей дочери такой вид, а не то я не смогла бы здесь жить“. (17) Царский сын сказал: „Если так, то теперь вы сидите здесь, а я подымусь и схожу разок к отцу и братьям“. Поднялся, ушел.

(18) Пошел, вошел во двор отца, отец его спросил: „Где ты был столько (времени)?“. Он сказал: „Вот я вышел, пошел, искал — пуля моя полетела и попала в руки обезьяны, и вот я взял в жены эту обезьяну“. (19) Отец его опечалился и сказал: „Ты — царский сын, неужели ты пойдешь и возьмешь обезьяну?“. (20) (Сын) сказал: „Суждено мне быть с этой“. Тогда отец сказал: „Хорошо, если ты согласен на это“.

(21) У царя была дочь. И сказал он сыновьям: „Устраивайте свадьбу своей сестры“. Они пришли, посоветовались: „Устроим теперь свадьбу“. И сказали они своему младшему брату: „Иди, сообщай (всем) о свадьбе“. (22) Он пошел, известил всех о свадьбе. А те (братья) жену его не уведомили. Опечалился тот брат. После этого старшие его братья сказали царю: „Твой младший сын огорчился“. (23) Тогда царь сказал: „Как мне звать обезьяну, если я царь?“. Сыновья его сказали: „Позовите его жену, пусть не огорчается“. (24) Царь встал, послал одного из старших братьев. Он пошел и позвал обезьяну на свадьбу. (25) Потом царь сказал: „Я притворюсь больным и буду лежать в комнате до конца пира. Я не могу находиться среди людей, пока пир не кончится. Как только кончится пир, вы меня известите“.

(26) Настал праздник, пришла та невестка, вошла в царский двор. Так хороша, что другие невестки не были достойны (букв. 'не могли') полить ей на руки воды. (27) Пять дней устраивал царь для народа празднества. Вот пир кончился, царские сыновья пришли, уведомили царя и сказали: „Выйди, попрощайся с народом“. Он сказал: „Пока не уйдет та обезьяна, я не выйду“. (28) Тогда сыновья солгали ему: „Обезьяна ушла“, — сказали они. Царь поднялся и вышел во двор, заглянул во двор, увидел — (там) ходит красивая женщина. Он сказал: „Это что за красивая женщина ходит (там)?“. Ему сказали: „Это жена твоего младшего сына“. (29) Тогда царь задумался: „Она подходит мне, я (сам) на ней женюсь“. Кто-то вошел и сообщил (об этих) словах невестке, сказал: „Твой свекор вот так говорит“.

(30) Затем вошел ее муж, она ему сообщила о новости и сказала: „Отец твой говорит: «Я убью своего сына и возьму его жену»“. (31) Царский сын сказал: „Что мы теперь будем делать? Я не могу

найти никакого средства". Жена сказала: „Ночью я найду средство“.

(32) До полуночи царь бодрствовал, когда настала полночь, он заснул. Невестка его встала, вышла и дала ему лекарство, он не слышал, не проснулся. (33) Она сказала мужу: „Вставай, сядем верхом (на лошадей)“. Они поднялись, сели оба на лошадей и отправились прямо в ту пещеру.

№ 8

Записано от сапожника Усто Карима, 35 лет, в сел. Маргтумайн

(1) Du lavánd véta — iš vir, iš inč. I wásašint véta. Iš wótišt: „Wásay tu wid“, ax wótišt: „Tu wid“. (2) Kę viriš wótišt: „Kaх gap adé^h, wásay naхáх wídot“. Kę dútišt gap níđehor, anídor šúk.

(3) Kę virš ajáx, izmě ašáу. Kę izmě acín, rot* sárę amún. Kę i aspaki avvóу, naхčáwę izmě áspěš arám. (4) Kę awóv: „Ízmě nos čę rótě sar“. Gap níđe^h. Kę aspaki čę asp awés, awén — gap níđe^h. Kę ríšaš atóš — tík gap níđe^h. (5) Kę ríšaš tášta kátisaš avvóу, kę inč awóv: „Ríшат táštašintx!“.

Kę avóv: „Tu gap adé^h, wásay tu wídišt“.

№ 8

(1) Были два лентяя — муж и жена. У них был теленок. Один из них говорит: „Ты бросай (корм) теленку“, другой говорит: „Ты бросай“. (2) Тогда муж говорит: „Кто (первый) заговорит, тот пусть бросает теленку (корм)“. Не говорили они оба, сидели молча.

(3) Муж ее встал, пошел за дровами. Собрал дрова, положил на дороге. Подъехал всадник, лошадь его шарахнулась от дров. (4) (Всадник) сказал: „Убери дрова с дороги“. Он ничего не сказал. Всадник сошел с лошади, посмотрел, — он ничего не сказал. (Тогда всадник) сбрил ему бороду. Опять ничего не сказал. (5) Потом со сбритой бородой пришел домой, а жена его сказала: „Тебе сбрили бороду!“. Тогда он сказал: „Ты заговорила, ты будешь бросать теленку (корм)“.

№ 9

Записано на летовке Кули Ворсоут

(1) I saḍogár oy, i žútěš oy. Wxač pir vétax oy, žútěšiš awóv: „Čil šútúřě vor tířaromíšt, saḍogarísa tєr“. (2) Ajáx, atєr žúteš, čil šútúřě vor anós, atєr. (3) Saḍogár žútísa awóv: „Xiq ašáwě — i posšó^h ast, naháwě salóm kün — kę gúdár, tєr. Mán-pę ošnóx“.

(4) Ašáу, naháwě salóm akún, kę awóv: „Ĵavóběm tířar, tєrom!“.

Posšó ĵavóbš nířar: „Dodót mán-pę ošnó хoy. Id vıyóra ópě-toxrát tířaro-

* Вм. rótě. (Pе.д.).

míšt". (5) Viyóra avé, awón: „Man táu-pě i šart ast. Sártēm nahíš, — awón, — čiróγ olxašónomíšt, pěši sárěš mónüm. Agár nah čiróγ partowót pšak, posšohím tau, agár nápartowot ráxšinísa, čil šütúřě vort xápě-pě nómomíšt". (6) Viyóra čiróγě waxt avé, kě čiróγdón olxáš,* píšákě „büşé, büšé“ akún, avvóu, rítíšint aněpid. Čiróγ naháwě árkey sárě amónor, kě anídor dútič. (7) Ráxšin avé, čiróγ nípartou pšak. Posšó saudogárě žútay anós čil šütúřě vorě-pěš, kě avár, xápěš zindón akún.

(8) Kě čandín ruz agúdár zindóně, kě posšó awón wazírísaš: „Šau, wən, čo árķě maxšúlx zindóně darúně?“. Ašáu, aγór, awén — dástěš i anγūštarín-oy, naháwísa aγórišt, waxtš bíssiyór xuš avěšt. (9) Kě avvóu, posšóísa awón: „I anγūštarínš ast, naháwísa γórtěšt, waxtš bíssiyór xuš vátíšt“. Kě awón: „Šaut, urt man rítě, kě man čáwě gap pürsómíšt“. (10) Ašaworš, awúr, kě posšóš apürs: „Tau čo voqíá ast, anγūštarínísat γórišt, wáxtit xuš vátíšt?“. — „Man i inč ast, bíssiyór xušrúx, nahěš anγūštarín naháwíx, naháwísa kě γóřem, waxt bíssiyór xuš vátíšt“.

(11) Ax anγūštarín azín, anós čě dastš, xapš avár, tik zindóně akún. Kě čil odámě avír posšó^h, asp, miltíq atífár, awón: „Šaut, nahétě inčě urt man xotřr“. (12) Ašawór naháwě kátě děvárěš. Awovór: „Mox mēxmónom, tisímíšt nahét kátě, nídím“. Kě atíisor, děvár apén, atíisor, aníd kátíš. (13) Kě saudogár aněž, mīxmondorí taradútsínt akún. Ajax, i sūtúr akúš, du pud bīrínj axīrín, čóysínt akún, la'li akún, ažívár, rítšint amón, kě oš karé avé viyóra. Oš akún, dam apartou. (14) Kě nahěš kělinš ašáu, γuš adór děvárě sítámě. Wóvakšint ast: „Várimíšt nahít kělinš posšóě xotřr sauyót“. Adūγúš wxašš. (15) Ašáu, za^hr axīrín, awúr naháx. Oš axáš vóřzotísa, kě naháu zá^hrě ačóš, avár, rítšint amón. Íķě lunj anósor hámaš čil odámě, hámmaš amirór.

(16) Kě ajax, hánmay sarkalláš anós, sandúqt awéd, kě anós, atér, du šütúřě vorš akún atér, i čoáně anós, i mušúja áně anós atér sanduqáķě darúně. (17) Ašáu, arás posšóě kat. Salóm akún, atés, aníd. Kě awón ané: „Man javób tífár, tíromíšt“. Posšó awón: „Javób nátífaromíšt, viyóra nídišt, id viyóra mīxmón kūnómíšt“. (18) Kě viyóra aníd, nahwát tik aníd. Kě viyóra avé, awón ané: „Man šart ast tik, čiróγ olxašónomíšt, pěšě árě mónom, kě agár čiróγ pěš partowót, nah vířet čil šütúřě vorě-pěš, posšó^hím tēm — tau, agár napartowót — xápět tēm nómomíšt“.

(19) Kě viyóra avé, pěšákě „büši, büši“ akún tik. Atís, aněpid tik rítěšint. Čiróγ olxašónor,** amón pěšákě sárě, kě anidór. (20) I xúvnj xšap atír, píšák níjumb. Kě naháx inčak ajax, čě sanduqáķě darúnš múšě anós, kě avvów, aníd pěši rubarúy. (21) Kě nísp-i šab avé, pěš níjumb as: Kě čě dúšay darúnš múšay dum čak adór, pěšísa níšón adór. Pšak i γüm qáddě asán. Posšó awón ané: „Id xšap čiróγ partóutíš*** čox?“. (22) Inčak tik yáxšě akún múšě, id dáurě pšak ázmě akún xíst kūnót, tik

* Bm. ol axáš? (Ped.).

** Bm. ol axašónor? (Ped.).

*** Bm. partóutíš. (Ped.).

pínáhš akún múšě dúšaysaš. Tik possó awón: „It sabíl čiróγ partóutíšt, man garáu boy tífáromíšt“. (23) I xúvní ráxšínisa apíráxs. Id dáurě inčak múšě xay akún yákkě, xayš akún námtay sárísa. Pšak xez akún, múšě čak adór — čiróγ čě sarš apár atér.

(24) Possó^h dar külfát avó: „Iš čo kará donó odám vétax, zaíf tēm vétax — baló vétax“. Awón: „Possoí tau, vírět tēm, xápět šau, ur čě zindón, čil šütúřě vorš tēm“. (25) Ašáwor, awúr, atífár. Kě inč awón: „Man tau possoí nanósomíšt“. Naháx čil šütúřě vorě vířě-pěš anós, amón, atér. (26) Naháx sandúqt ax čil sarkallótě-pě nívar, amón, atér. Kě possó apén, aγór: „Xap odámě sarkallótěm“.

(27) Kě žúta ašáu, arás kátěš, kě dodóš awén, waxtš xuš avó: „Žútěm avvów“. Kě žútaš awón aně: „I jogaēm aküsělí, ošnót anósěm, zindón akún, azóbě bíssiyóri awéněm“. Kě atíisor, aníd.

(28) Čof mětě anidor, kě dodóš awón aně: „I ráňke mět nagüdürtíšt, tik aně šá^hřě šau saüdogarí“. Awón: „Bíssiyór xübx“. (29) Ajáx, tik čil šütúřě vor taradút akún, üxš odámě hamráhš taradút akún. Ajáxor atún, atír tik. (30) Ašáwor, čě šahr vastár aníd, kě hamráhš vástar ašáwor, güşakí akún. Kě awóvor aně: „Nahěš possó nahípět zindón akún, kě inč ašáu, kě itě inčě possó aparwéd“. (31) Kě awón aně saüdogarě žúta: „Čo güşakí aküntě? Čě man [pínáh nákünt“, — awón. Kě awóvor aně: „Mox awoím aně — nahwátěk inčt possóě rítě ašáu, xolí possóš aparwéd“. (32) Kě awón aně: „Ná-a, man inč xalólx“. Kě nahwát šart akünór. Awón: „Naháx dástě anyüštarín nos, vvoü, agár xaróm vot“.

(33) Kě ašáu nah odámš, xaüliš atís, kě xápěš bečorá akún, aníd i vüyóra. Kě saüdogár wxač awón: „Man pířim, jónim nist. Nahět bečoráe xotír auqót žěwár“. (34) Kě kělínš ajáx, auqótš ažěwár, kě non awxár nahwát, kě awón aně: „Vvoü, i ýümim mon“. Kě awón: „I lagándě tilló tífáromíšt“. Gušš nikún. (35) Awón: „Du lagándě tífáromíšt“. Gušš nikún tik. Awón: „Tíráy tífáromíšt“. Kě xayrš awón. Kě akúnš, čě čěncílákš anyüštarínš axáš, anós.

(36) Avár vířě, rítíš apartóu, awón aně: „Aná, xík awóvě — inčem xalólx — maná inčt, nahěš anyüšpóna awúřem“. (37) Kě saüdogarě žúta awón aně: „Inčě oqübátš nahíš vot, nahít čil šütúřě vort dodóě-pěm tífórt, man sárě nósomíšt, nížom, tířom“. (38) Anósor, avvóü, awurór, atífár dodóě-pěš. Dodóš awón: „Žútěm ku vø?“. * Awóvor: „Žútat aníž, atír falón šá^hřisa“. (39) Čětě inčš adüγúš. Bíssiyór vířěš azíz adóříšt. Kě awón aně inčš: „Man tířomíšt čě dümš“. Kě aníž, xapš kalandár akún.

(40) Virš ašáu, i samovorčí rítě opkáš aníd. Inčš tēm ašáu naháu šá^hřě, kówě avó. Tíráy mětě aláks, axřš ašáu, avírš, abízónš, awón: „Nahěš man virx“. (41) Kě awón aně samovorčiša: „Jogá^hēm tífár, nídom vüyóra“. Kě awón aně: „Jogá^h nět, i mardikóřem ast, nahět wxač xíllá yáttíšt“. (42) Kě awón aně: „Müsofír odám, rótěm tífár“. Zoríš akún, kě rotš atífár. Kě atís, aníd.

* Из авó. (Ред.).

(43) Kě vīyóra samovorčī amón atér kátisaš. Kě iš du vīyóra anidór naháwokay. Kě aněpidor vīyóra. Kě awóv aně: „I ģúmēm mon“. (44) Kě awóv aně: „Piyóñ vīyóra xǰainīsam awóvę: «Man bečoráim», kě mánīsa wóvīšt: «I ģúmīm mon»“. Awóv: „Yak tangát tífáromīšt!“. Awóv: „Ná-a“. Awóv: „Du tangá tífáromīšt!“. Kě awóv: „Xayr!“. (45) Kě aǰáx, poǰjomáē núčē akún. Kě kamčínē dástēš anós, kamčínē dástē-pě áwē kúnē líkát akún. (46) Kě ritš agardún, pañ-ǰxš kamčínēš adé^h, awóv aně: „Man tǰráy lagándē tilló anósēm, ké amónēmš. Tu du tangáē xotǰr kún atífářę, kě čóttē man aybdór išt?“.

(47) Kě dútič aǰ firónta aǰaxór, xap kátisašǰnt amón avvóu.

№ 9

(1) Был один купец, был у него сын. Состарился (купец), сказал своему сыну: „Я дам тебе сорок груженных верблюдов, отправляйся торговать“.

(2) Сын его поднялся и отправился, взял с (собой) сорок груженных верблюдов. (3) Купец сказал своему сыну: „Когда ты поедешь, — есть один царь, поклонись ему, а потом поезжай (далее). Он мне друг“.

(4) (Сын) поехал, поклонился царю и сказал: „Отпусти меня, я поеду (далее)“. Царь его не отпустил, сказал: „Отец твой мне друг, в эту ночь я подам тебе воду для омовения, (ты будешь моим гостем)“.

(5) Настал вечер, (царь) сказал: „У меня есть одно условие. Условие мое такое, — сказал, — я зажгу светильник и поставлю его на кошку. Если кошка уронит этот светильник, мое царство — твое, если же до света она его не уронит, я возьму сорок твоих груженных верблюдов и тебя самого“. (6) Вечером настало время (зажигать) светильник, тогда он зажег светильник, сказал кошке „буше, буше“, (кошка) пришла и легла около них. Светильник поставили кошке на спину, оба сели. (7) Наступил день, кошка не уронила светильник. Царь взял сына купца с сорока груженными верблюдами, отвел его самого и посадил в темницу.

(8) Несколько дней он пробыл в тюрьме. Затем царь сказал своему везиру: „Пойди, посмотри, чем он занят в тюрьме“. Везир пошел, взглянул, увидел — в руках у него кольцо, как только он на него посмотрит — делается очень веселым. (9) Тогда (везир) пришел и сказал царю: „У него есть кольцо, он смотрит на него и делается очень веселым“.

(Царь) сказал: „Идите, приведите его ко мне, я у него кое-что спрошу“.

(10) Пошли к нему, привели, царь спросил: „Что с тобой — ты смотришь на кольцо и радуешься?“ (Ответил): „У меня есть очень красивая жена, это кольцо — ее, когда я смотрю на него, мне делается очень весело“.

(11) (Царь) отобрал это кольцо, снял у него с руки, а его повели и снова посадили в темницу. Потом царь набрал сорок человек, дал им

лошадей и ружья и сказал: „Отправляйтесь, привезите для меня его жену“. (12) Они отправились к дверям его дома. Сказали: „Мы — гости, войдем в этот дом, сядем“. Потом открыли дверь, вошли, сели в доме. (13) Купец вышел и стал хлопотать о приеме гостей. Встал, зарезал барана, купил два пуда риса, приготовил им чай, приготовил поднос с лакомствами, вынес, поставил перед ними, потом вечером стал готовить плов. Сделал плов, запарил его. (14) Та его невестка пошла, подслушала из-за двери. Они говорят: „Эту его невестку повезем в подарок царю“. Она услышала. (15) Пошла купила яду и принесла (его). Выложила плов в чашки, высыпала яд, понесла и поставила перед ними. Все сорок человек взяли по одной горсти, все умерли.

(16) Тогда она встала, взяла (отрезала) головы всех, сложила их в сундуки, взяла их и отправилась, навьючив на двух верблюдов, взяла также котел и мышонка в ящичке. (17) Отправилась, достигла дома царя. Приветствовала (его), вошла и села. Потом сказала: „Отпусти меня, я пойду“. Царь сказал: „Я тебя не отпущу, ты останешься на ночь, эту ночь ты будешь (моей) гостьей“. (18) Она осталась на ночь там. Настала ночь, он сказал: „У меня есть еще условие: я зажгу светильник и поставлю (его) на кошку, если кошка перевернет светильник, твой муж с его сорока груженными верблюдами и мое царство — твой, если же не перевернет, я возьму тебя самое“.

(19) Настала ночь, он снова позвал кошку, (кошка) вошла, улеглась около них. Зажгли светильник, поставили на кошку, потом легли спать. (20) Прошел один сон ночи,* кошка не двигалась. Тогда женщина встала, взяла из ящичка мышь, пришла и села напротив кошки. (21) Наступила полночь, кошка совсем не двигалась. Тогда она взяла из своего рукава мышь за хвост, показала кошке. Кошка было поднялась. Царь сказал: „Неужели этой ночью она сбросит светильник?“. (22) Женщина снова показала мышь. На этот раз кошка хотела прыгнуть, она опять спрятала мышь в рукав. Опять царь сказал: „Эта злощастная уронит светильник, и я проиграю заклад“. (23) До утра остался один сон. На этот раз женщина сразу отпустила мышь, выпустила ее на кошму. Кошка вскочила и схватила мышь — светильник с нее упал.

(24) Царь опечалился: „Что она за умница! Хоть и женщина, а ловкая“. Сказал: „Царство — твое, муж твой — тоже, иди сама, приведи (его) из темницы и также (возьми) его сорок груженых верблюдов“. (25) Пошли, привели, отдали. Потом женщина сказала: „Я твоего царства не возьму“. Взяла тех сорок груженых верблюдов и своего мужа и ушла. (26) Сундуки с сорока головами не увезла, оставила, уехала. Царь открыл сундуки и посмотрел: „Головы моих собственных людей!“.

---

* Считается, что ночь состоит из четырех снов — два до полуночи и два после полуночи.

(27) Потом юноша отправился, достиг своего дома, отец его увидел и обрадовался: „Сын мой приехал!“. Сын его сказал: „Ты послал меня в такое место, друг твой взял меня, заключил в темницу, я много выстрадал“. Потом они вошли (в дом), сели.

(28) Они просидели несколько дней, потом отец его сказал: „Так день (жизнь) не проходит, иди опять в другой город торговать“. Юноша сказал: „Очень хорошо“. (29) Поднялся, снова приготовил сорок верблюдов товару, набрал с собой шесть человек. Поднялись они и пошли. (30) Пошли, остановились подальше за городом. Спутники его отошли подальше и стали шептаться. Они сказали: „Царь его заключил в темницу. Потом, когда жена пришла, царь домогался его жены“. (31) Тогда сын купца сказал: „Что вы шептались? Не скрывайте от меня“, — сказал. Они сказали: „Мы говорили, что раз твоя жена пришла к царю, (значит) он ее домогался“. (32) Он сказал: „Нет, моя жена чистая“. И там они заключили условие. Юноша сказал (одному из спутников): „Возьми с ее руки кольцо, принеси, если она нечестна“.

(33) Тогда этот человек пошел к нему, вошел в его дом, притворился бедняком, остался на ночь. Купец сказал (невестке): „Я стар, сил у меня нет, вынеси пищу этому бедняку“. (34) Тогда невестка его поднялась, вынесла пищу. Он там поел, потом сказал: „Давай-ка, пусти меня разок“. И добавил: „Я дам тебе блюдо золота“. Она не слушала. (35) Он сказал: „Я дам два подноса“. Она опять не слушала. Он сказал: „Я дам три“. Тогда она согласилась. Он ею овладел, стащил с ее пальца кольцо и взял его.

(36) Понес (кольцо) мужу, бросил перед ним и сказал: „Вот, ты же говорил: «Жена моя чистая», — вот твоя жена, я принес ее кольцо“. (37) Тогда купеческий сын сказал: „Раз жена в конце концов (оказалась) такой, отдайте этих сорок верблюдов товару моему отцу — я останусь один, уйду“. (38) Они взяли, приехали, привезли и отдали (верблюдов) его отцу. Отец сказал: „Где мой сын?“. Они сказали: „Сын твой ушел в такой-то город“. (39) Жена его об этом услышала. Она очень любила своего мужа. Жена сказала: „Я пойду за ним“. Вышла и пошла, переодевшись каландаром.

(40) Муж ее отправился, сделался водоносом у одного содержателя чайной. Жена его тоже пошла в тот город, стала его искать. Три дня она бродила, наконец пошла, нашла его, узнала и сказала: „Этот (человек) — мой муж“. (41) Потом она сказала содержателю чайной: „Дай мне место, я переночую“. Он сказал: „Места нет, у меня есть рабочий, он сам едва умещается“. (42) Она тогда сказала: „Я — странник,пусти меня“. Упросила его, он ее впустил, она вошла и села.

(43) Вечером содержатель чайной ушел к себе домой. Эти двое сидели там вечером, заснули...

(47) Наутро оба встали, пришли к себе домой.

Записано на летовке Кули Ворсоут

(1) I véta navéta, i possó véta, du inčš véta, du inčě ikě žútašint véta. Dútě žútot čüpón vətór. (2) Očótš vóvošt: „Šaym, sar šinóem xáuzě lápě“. Possó iš inčěš azíz dórtišť, iš šum. Iš vótišť: „Tu rítě šau“, axš vótišť: „Tu rítě šau“. (3) Azísš xáuzě lápě sar šinóyakě šáutišť. Iš ašáu čě sítám, télaš akún. Adé^h xáuzě darúně nüt.

(4) Žútot ajaxor, čüponísa asán, atěr. Viyóra avé, avésor. Iš avón: „Man očá ku?“. Ax inč avón: „Man náγrivomišť“. Possó avón: „Inčem kux?“. Inč avón: „Man náγrivomišť, man kasálím“. Possó ajax, aníž, děvária atír.

(5) Inč xápě žútěy xotírš ajax, čüponí non akún, saγiráě xotír súbúsě non akún. Ax asán, sáňkě lápě aníd, non awxár — gúlúěš čak avé.

(6) Aróy, avón: „Man gúlú nüt čótě tirót, man iš súbúsě non nawxórt kúnomišť“. Aróy. I sütúr čě mol jüdó avé, avés, avón: „Čo xotír róišť?“. Avón: „Non gúlú nütěm nátirtišť“. (7) Qüşqór avón: „Ur, man ráxěm mon, manš wxárom. Man šóxě nüt dě^h, dunyóě čo čízík aríxs tuš wxar“. Avón: „Agár aldám akúnišť“. Qüşqór avón: „Xápěm küš, wxar, agár aldát akúněm“. (8) Ajax, nonš atífár, awxárš qüşqór. Šóxě nütš adé^h — čiz-í dunyó aríxs, awxárš. Viyórak avé, ax du žútot avés kátisašint.

(9) Čof wáxtě nahpíráu adügár. Ax inčak žútisaš avón: „Saγirá farbíh vétax, žútam, tu xarób vétaišť. Ítě poy, wən, čo wxórtišť?“. Žútaš avón očáisaš: „Man čě sáňkě kúnaš póyomišť“. (10) Žútaš saγiráě apóy. Awən — qüşqór vēstišť, nonš naháwě ráxě móntišť, wxórtišť qüşqór. Qüşqóre šóxě nüt dě^htišť, čiz-í dūnyó ríxstišť, ax wxórtišť.

(11) Ajaxor, avésor, atěr žútot. Očádór avés, očáě rítěš xipár aúr: „Očá, man awėnim — qüşqóre ráxě non móntišť, šóxě nüt dě^htišť, očá, qánd-at nabót rėxstišť, wxórtišť, čau xotír farbíh avé“. (12) Očáš vótišť: „Xápěm kasál kúnomišť dodóy rítěš, saγiráě kúšomišť, wxárom“.

(13) Possó kátěš vvóutišť. I širóna tákěš vítišť žútěš, námta širónaě rügáěš partóutišť, očáš čě rügáš nėpítišť. (14) Possó títišť, vótišť: „Čot véta?“. Vótišť: „Kasál vétaim“, qabúrɣa gártišť, non tákě vėgš ūnxóytišť, „qars-qars“ kúntišť. Kě vótišť: „Qabúrɣam aŋxóy“. (15) Vótišť: „Tau dorú čox?“. Vótišť: „Müllóem pŋrst oy, avón: «Dorút — odámě yótax, wxar agár, saxát vėšt». Saγirá žútat küš, wxaróm, saxát vómišť“.

(16) Žútay aúrór, atírášor, kámaysš kort amónor. Saγirá avón: „Man tašná ast, man šaum, op žavóm“. Očáě xáuzě tírakš γiriftaš véta. (17) Šáučě xáuzě lápě, ópě žavě vétišť, vótišť: „Očá, man kúšošt“. Očáš čě xáuzě darúně vótišť: „Kórtě ritš námta gardót, kórtě sítámš xⁱmirmóya gardót, tau kámay pad nákuŋot“.

(18) Odámť várošt tírašor. Čof kort úrošt, — kámaysš pad nákuŋtišť. Possó inčě rítiš šáutišť, vótišť: „Kort kámaysš pad nákuŋtišť“. Inč avón: „Žúta híččókay éta xoy yo na?“. Avón: „Xáuzě lápě éta xoy“. Inč avón: „Naháu xáuzě xipár nost“.

(19) Possó xašár akún, xáuzě ritě yalá akünór. Čof rúzisa xáuzě op aníž, atír. Aγóror — xáuzě nüt saγiráe očáš vótax. (20) Inč vótišt: „Man liblúčim, libósím urt, nūγúñtom“. Libósš úrošt, nūγúñtišt. Górošt — i zúnkě sárěš Xasán, i zúnkě sárěš — Xüsín. (21) Čě xauz žěvárošt, kátěš várošt. Possó xūšwaxtí kúntěšt, vótěšt: „Man žútot avirēm tik“. Jáxtišt, žútotěš i mětě vótišt tuy dórtišt.

(22) Possóyě γáyktě děvě várak váta. Nahěš possó čě áně inčěš i γayk vátaš. I mětě vótišt đev sántišt, γáyktiš nišún dorošt. Čof γáykě živárošt, ritěš dorošt, — nanóstišt. Possóe γáykě živáror, žulidaxól kúnošt, naháwě birzontěšt, vótišt: „Possóe γaykx“. Nóstišt, tirt.

(23) I wáxtě vótišt, čě áně yóka possó vvóutišt possóe ritiš, vótišt it possóisa: „Man γáykě děvě vórtax, maslaxát čox?“. Iš possó vótišt: „Mánik tēm avár, — vótišt, — maslaxát čox?“. Vótišt: „Tau žútotě kūsélím, šáwant, γáyktě mox úrant“. Iš possó — „Xayr“, — vótišt. (24) Žútotěš fayród kúntěšt, vótišt: „Žútam, šmox šaṭ, naháṭ wxorsint, nahěš possóe γáykě urt. Íkěšint nikóxš kúnomišt, tifárom, tik áspě baafzól tēm tifáromišt“.

(25) Čil nóněšint kúnóšt, čil róně yótayšín* víráyošt. Jáxošt, nósor, tíror. Nonš iš fíkě nütš vítitišt, ax iš yóta fíkě nütš vítitišt. Soqí-t Boqí jáxošt, tírošt. (26) Šáwošt i tēpáe lápě, naháṭ possóik vónna xoy, naháwě γáykě vírošt. γayk vótišt: „Đev vvóutěšt, dútěšint wxórtišt. Vvóut, man bārě také tist, đev navvówot, nawxaróššint“. Šáwošt, bārě také tíror.

(27) Górošt — đev avvóu. Vótišt: „Buy — bý-i odámizot, odám-i xokí vótax“. Boqí nížtišt čě bārě takš, děvě děhtišt, tūxóyt. I tásmá nóstišt čě sárě torkš to dúymě núlisaš, vanniš čil gaz vótišt.

(28) γaykák vótišt žútotiša ané: „Maslaxát čox? Ítě atūxóytě, man dodóe ritisam čótě vórtišt?“. Íštit vóvošt ané: „Tu nid, xápě apá mox nax, vírimš, kě tírim hámma mox“. Vótišt: „Apáit vīyórtamx, i tēpáe lápěx, ritiš i kítób ast, žóyakš ast“. (29) Vóvošt: „Ču dáměš vírimišt, agár šáyim?“. Vótišt: „Xúřě rásě šaṭ agár, vírtišt — đevt mónošt, tíror, toqáš vírtišt. Ğap nahěš — đěvšint vvóutišt, wxort, íxtyiót kúnt — šou đevx“.

(30) Ajáxor, ašáṭ, avír apáyš. Apášint avón: „Čújam, čo xotír avvóutě?“. — „Dodóm mox akúsél: «Šaṭ, apáyšint virt, urt»“. — „Avvóutě xūt, někí đěvšint wxórtišt“. (31) Boqí avón: „Áwě děvě atūxóyēm, itě tēm tūxóyomišt“. Avón ané apáisa: „Soqí bārě takéť nos to vvówakisaš, man sítámě nídomišt. Agár avvóu, ilóž kúnomišt“. Ajáx, bārě takéť šaš Soqíya téla akún, xwatš sítáměš aúšt.

(32) I waxt avé, aγór — đev avvóu. Avón: „Bu — bý-i odám-i xokí“. Apáš avón ané: „Wxátěm odám-i xokím, wxápě wúđěmx“. Avón: „Xápě wudt γirívomišt, it áně wudx“. (33) Boqí čě sítámš ajáx, kort anós, aděhš, atūxóy. γáykě anósor, rawón avé. Aṭ γáykě ritě ašáwor, arás. Aṭ γáykě tēm anósor, ajáxor, rawón avé. Xūšwaxtí karké dodóe ritisaš atíror. (34) Boqí xūšwaxtí kúntěšt, Soqí — na. Vótišt: „Man šáwomišt, áspě baafzól-t

* Вм. yótayšint. (Ред.).

inč nóm? Man dévě natuxásta, possóem nám-tifortišť hčči. Man itě čotě tuxóyom, iš Boqí?“.

(35) Hámmaš i yóre lápě ašáwor, aýóror — i odámě sarkálla yóre lápě vátax ast. Áxtitk ašáwor, yóre nüt atér: „Man túra bēn, man túra bēn“, — vóvkě. Pěná^h avé, atír yóre nüt. (36) Boqí xušwaxtı kúntěšt, vótišt: „Man itě tuxóyomışť“. Xam vétišt, ýort — yóre nüt i miltiq yáxštišt. Boqí vótišt Soqíša: „Bídont vantom, tu yóre nüt wēs, miltiq sayn“. Soqí vótišt Boqíša: „Man náwēsomışť, tu devt atuxóē, tu ráxněšt, wēs, saynš. Posšóisa vóimışť: «Boqí devt atuxóy, miltiq tēm aúr», — boobru yáxšě vešt“.

(37) Boqíě bídón avántor, xayš akúnór, avēs, atér yóre nüt. Góre awēs, miltiqě rité arás. Bídónš apēñ, miltiq avánt, sarboló ayožón. Íštít axášorš, asáynor yóre lápěsa. (38) Tik Boqí avón: „Man bídón vantom, sanóm“. Víta apartówor, xwač bídónš avánt, sarboló axášorš. Nímays asáynor Soqí víta pákka akún, — ax dangál avé atér, awēs, i kabúd áspě sárě adéh, čě kabúd áspě sar xató avé, adéh i yówě sárě, čě yówě sar xató avé, adéh i kampirákě rité, tág-ě zamíně.

(39) Aýór — kampirák sárěš šónay karš ast. Avón: „Momí, čo kúnışť“. — „Čújam, — avón, — man sar sínóyomışť“. I ýum rítiš aníd, avón: „Múrytět balánd «tū-tū-tū» ču navóveštť“. Avón: „Čújam, rubášint wěstišt, wxort“. (40) Kě kampirák žútakisa apúrs: „Čě ku úxtaištť“. Avón: „Čě rúy-ī dūynó tīráštaim tág-ě dūynóisa“. Avón: „Momí, man ilóž čoxť“. Avón: „Tau ilóž — Simúry: sáyntišt rúy-ī dūynóisa“. (41) Avón aně: „Simúry kuxť“. Avón: „Falón xáuzě lápěx, yótkš íkta čanóre sárě“. — „Pěraú vot, i dámě rítět nídom, kě jáxom, šom. Ur múryě don, tífár, man védom“. (42) Avón: „Tu balánd „tū-tū-tū“ vóvišt — rubá wěstišt, wxort“. Avón aně: „Očá, dévěm tuxásta, rubá tēm tuxóyomışť. Dóněm tífár, man múrytisat čóšom, wxarant“.

(43) Don anós, múrytisaš ačóš, «tū-tū-tū» avón. Aýór — rubá awēs Ajáx, dum par dúmšint anós, adéh, atuxóy. Momó xušwaxtı akún, kě nóměša apúrs: „Čújam, nomt čoxť“. Avón aně: „Očá, Boqíx nómim“. Avón: „Šerzodá nómít, satqál! Har sol něiptě múryēm rubá awxárešint, man jun ra^hó avír“. Ajáx, momóisa avón: „Panóē xūdó, man tíromišt Simúryě rítisa“.

(44) Ajáx, ašáu, i juftgárě rité arás, avón: „A, jurá, mondahó!“.

Ax avón: „Salomát“. Avón aně: „Jurá, čě ku avvówěť“. — „Jurá, — avón, — čě rúy-ī duynó awēsīm tág-ě dūynóisa, Simúryě darákt ast kumokótěť“. Avón: „Jurá, qarib avvówě, rítiš arásě“.

(45) Avón aně: „Balánd «boš-bě^h!» ču navóvišt, ýowt čaqqón šáwant, vvówantť“. Avón: „Šeršint wěstišt, wxort“. (46) Avón: „Úmoč man dástě mon, man i ýum ýóutět xay kúnóm“. Avón: „Jurá, údda náišt, šert wěstišt, wxort“. Avón: „Dévě-t rubáēm tuxásta, šerě tēm tuxóyomışť, tau jon rahó virót“.

(47) Úmoč anós, xay kárě avé. „Boš-bě^h“ avón, šert avēsor. Úmoč apartóu, šertě nósě avé, déhě avé, tuxóyě avé. Jufrón aróy, avón: „A rítēm šou, ýóutēm awxáror“. Avón: „Naróy, iš atuxóyēm, hámmaš tuxóyomışť“. (48) Šudgóre nüt adáu, abiyóp, hammáyš čak adór, adéh,

atuxóy. Juftróně xušwaxtí avé, ajax čě pač,* ritéš mus akún: „Man jun-rahó avír, har sólě xoy nahěš γóutēm awxaréšint nahét zóyēm“. Avón: „Jurá, man javób tifár, tírom Símúryě rítisa“.

(49) Ajax, atěr, ašau—i mol rité, aγór—čüpóně astá-astáy mólěš^h áyě karš ast. Avón: „Mondahó, čüpón!“ Avón aně: „Balánd «kurráyja» ču navóvišt?“. Avón: „Mólēm urg wěstiš, wxórtiš“. Avón aně: „Jurá, tayóq man tifár“. Avón: „Nanós, tu údda náiš, úrkšint wěstiš, wxort“.

(50) Avón aně: „Šěřě, dévě, rubáy tuxástam, úrkě xatt ast man girdě vvówoť?“. Tayóq anós múště čintřiš, mólě „kurráyja“ balánd vóvě avé.

(51) Aγór—urkt awěsor. Čüpón kúttě anós, adáu: „Xoy, jurá, mólēm úrktě atífare“. Xút avón: „Jurá, γam nawxár, man naxkěšint tuxóyomišt“. Adáu, úrktě čak adór, dúymtěšint atób dástě věkš, aděh, atuxóy.

(52) Čüpóně xušwaxtí avé, adáu, awěs ritéš, pódotě rité sar amón, avón: „Kéríta xurám, maryagláp,** man jon rahó avír, navót bóyim man atuxóyišt“. (53) Avón: „Jurá, Símúryě jogá^hš vov kux, man šawóm, zóro vot, rúě důynóisa saynótēm“. Avón: „Jurá, nahét těpáyě sítámek ašawě, víriš. Nėpid, ufs čanóre tákě, xáuzě lápě. Agár γuróta nid, Símúry vvoútěšt, wěstiš, děht, tuxóyt“.

(54) Ašau, nahét čanóre lápě anėpid, aúfs. Aγūrós, aγór—naháx xauz eši asán, čě xáuzě darúně aždahóřě sának ast. Iš apárr, ajax, šamsír anós, napášk aděh, atuxóy. Aγór—xauz sib-súrx agárd. (55) I wáxtě aγór—Símúry sárě věkiš avvoú, iš xápěš xúvně awéd. Símúry awěs, odámě aγūrayšón, atún avón: „E odámězot, tat ču išť?“. Avón: „Man Símúryě sūróqě karé vvóutaim“. (56)— „Har sólě naγirívomišt, aždahóřšint wxarót yo odámězotšint varót, čújotēm“. Čújotš čě čanóre sar ba zabón-ī xol fayród akúnór, avóvor: „E očá, man šmóx-pě gap ast,—naγirívomišt nahčěť xáuzě darún i oč asán, aγóřem—nahěš odámězot aděhš, atuxóy. Áwě-pě ark nadórt“.

(57) Símúry avón aně: „E odámězot, Símúryě suróqě kart ast—mánim Símúry“. Avón: „Píráu vot, man rú-ī důynóisa saynt“. Avón aně: „Aγqót ast? Agár šinóxt ast, šau, aγqót ur, man sáynomišt“. (58) Avón: „Xūrókšint čox?“. Avón: „Xūrókēm—čil róně yótay víráyšt, čil máškě šarób ur, man aγqót but, man sáynomišt“. (59) Iš ajax, čüpóně rité ašau, aγór, čüpónisa avón: „Jurá, man i yóčě xotřr vvóutaim“.— „Jurá, čot γaut?“. Avón: „Jurá, čil róně yótaim vir“. Avón: „Axút*** čil róně yótay, man jóněm tifáromišť“. (60) Ajax, ašau, čě molš róntě aúr čil róně, akúš, xápě ritéš amónšint. Boqř avón: „Juftgářě rité tēm árkēm ast. To man vvówakisa úštíšť rítěť“.

(61) Ajax, atěr, ašau, aγór—ax áwě kıştay karš ast. Avón: „Jurá, man tau rité avvówēm“. Avón: „Jurá, čo arkt ast?“. Avón: „Čil máškēm

* Из чě patš. (PеА.).

** Вм. márd-ī yakláfz?

*** Из ax xut (ср. тадж. vay ku). (PеА.).

šarób γut“. (62) Avón ané: „Γούτēm xay kárē və, man wēsom, čē kátēm sáynom“. Avón: „Man tífár γούτēt“. Atífár γούτēs ítē-pě, ajáx, awés, atír kátisaš, iš γούtē-pěš kíšt xay karé avé. I—du tóbay akíš, híč darák níve, ajáx, it bečoráy dīwáz avé. (63) I wáxtē ašáu, aγór—xūrjínē darún nūts i non véta, anóšš, awxár. Non awxár, γούtē rítisaš ašáu, aγór—ax tēm asán. (64) Avón: „Jurá, rot šau, man γer avé“. Asán, rítēš arás, avón: „Jurá, man asáynēm“. Čil máškē šarób atífárš. Ajáx, anós, atér. Ašáu, čúpónē rítiš arás, avón: „Jurá, yótotēm tífár, man tiróm“. Yótotš anós, γúrksīnt avánt, anós, ajáx, atír.

(65) Ašáu, Símúry rítē arás. Avón: „Jurá, rítit avvówēm, atún čóttēm sáynēšt?“. Avón: „Op-t yótat i qanótē sárē mon, xwátēt—i qanótē sárēm vóra və. Agár ráskay agárdēm—yótēm tífár, čápay agárdēm—ópēm tífár“. Vóra avé qanótē sárēš. Afúrr, asán, atér. Ráskayaš agárd—yótaš atífár, čáppayaš agárd—opš atífár. (66) Nima osmón asán, tīk čáppayaš agárd, tīk opš atífár, ráskayaš agárd—yótēš atífár. Aγór—osmón duk avé, yóta adó akún. Avón: „Yóta adó akúnēm, naxké tákisa tīrásīmīšt“. (67) Símúry avón: „Dor póday, yótat kanóm, wxaróm, kē sáynomīšt, rasónom“. Boqí avón: „Čulóqīm kúnīšt“. Avón:—„Gam nawxár, man saxát kúnomīšt, rú-ī dūynōik asánēm“. Póday yótaš akán, anós, awxár. Avón: „Odámēzotē yóta šírín vétax“. Ajáx, afúrr, sánē avé, tīrē avé. (68) Osmónē sárīsa asán, arás. I wáxtīk Boqí aγór—zaminēš amún. Avón ané: „Pódat dor!“ Pódaš axáš, adór. Urt akún, yóta asán čē gúlúš. Avárš, abūdúf-sōñ—saxát avé. Ajáx, avón: „Panóyšīnt ba xūdó, man wēsomīšt, tírom, šmox tēm tirt“.

(69) Iš žútak ajáx, ašáu, naháu γórē lápēš arás. Aγór—jűftē γówē pad. Avón ané: „Miltiqē nšīnt jűftē γówē-pē vórtax“. Šájtēšt šaut, i máynē tísakē γórišt—i xanópa vvótax. Górtīšt—miltiqš loy nūt xūrúftax. Nóstišt fikē vėgš, tīrē vátēšt—bėqínaš kort, fikē nūts miltiq. (70) Jáxtīšt šawē vétišt, i máynē tētišt. Gort—kúčáy vėgš i odám avvóγ. I dámē nídtīšt, xasrát kűntēšt: „Man pīt avēm: čof sol ast man tágē dūynó tī-rášta óyīm, nahēš miltiqēm čē γórēm xáštax oy. Virótēm jűftē γóγ-pē úx-tax, xanópay vėg našīnt dūzayrónt iktax, kē γóγtē pėta nóta tórtax. Wxátēm avvówēm, γúrkēš anósēm, aúr“.

(71) Avón: „Xalólat bod, ůlđaš vétaīšt“. Avón: „Jurá, dodóē rítīsam tíromīšt“. Avón: „Nahípētē qobīl vótaīšt, nahēt mox máynē i γurbát ast: har sólē čē xauz aždahór sántēšt, nūbátē-pē har sólē ikē žúta tífárimīšt, kē ax wėstīšt, tirt. Agár natífárim—xap tēm mox wxórtīšt“. (72) Vóvtīšt: „Man šúmīšt, dēhomīšt, tūxóyom“. Ajáx, ašáu, xauzē lápē aníd, aγór—i žútayšīnt xauzē lápē úxtašīntx mónta. Kē γórtīšt dodóš vvótax, žútay pa^hlúš nísstax. Žútay pahlúyš nísstax róyak: „Čóttē far-zándēm jűdó kúnóm, žútaym tífárom?“. Boqí avón: „E dodó, naróy, man—nahēš sanót—tūxóymīšt“.

(73) I wáxtē miltí jš telpúr kűntīšt mont. Górtīšt—xauz ba la γqás ēšē asán, jáxtīšt dugazáy sárē. Aždahór sarš yáxšī kűntīšt. Miltí j olxástīšt, dēhtīšt, tūxóyt. (74) Mardák xūšwaxtí kűntēšt, žútayš kűč kűntēšt, Boqí

rítisa vóvtišť: „Vvou, šau, mēxmónim vø“. Muysafidákē-pē jáxtišť, tirt. Šáučē, au vīyóra nid. Izzatdori bīssiyóřēš kũntēšť.

(75) Au firónta jáxtišť, dodóē rítisaš tirt. Šaut, šaut, dodóē rítišť rástišť. — „A, — vóvtišť, — man tau apáy xotřrt kűseltam oy — ku avé it dāmīsa? Čof sol oy — ku oy?“. (76) Avón: „Ašáim, i possóē řáykē avír, děvě adéhēm, atũxóy, tik ařáxēm, xápē apáyē rité ašáwēm. Apáyē rítēm k ašáwēm, sítámēš aníd. Dev avvóu, adéhīmš, atũxóy. Ařáxēm, apáym anósēm, aúrēm it possóē řáykē rítīsa. Avóvēm: «Jaxt, tīrim». Ařáxēm, itēš tēm anósēm, amón avés. (77) I řóřē lápē avvówīm, ařóřēm, — i sarkallá «Man túra beŋ» vóvkē, pīná^h avé, atír. Řóřē darúnē atīsēm, i miltīř avírēm, miltīř ayzónēmšint, anósor. Xápēm naubátēm avé, víta pákka akũnór. Adéhēm tág-ē dũnyó. Navót — man děvte xápēm tũxásta oy“.

(78) Possó avón: „Sořī mánīsa avón: «Man wxápēm děvtē atũxóyēm»“. Bořī avón: „Dũřúřš vóvtax, urt, rugarúm kũnt“. Aúrš, rugarú akũn. Avón ané: „Man děvtē tũxóyom — asp tēm tu anósē, inč tēm tu anósē, nahtát děhom, tũxóyom tau dũřúřgúē“. (79) Possó vóvtišť ané: „Žútam, nahētē natũxóy, man áspē tau tífáromišť, inč — nahētē“. Ařáx, áspē anós, atífár. Ařáx au žúta, alló akbársint iktá vótax, ařáxor, nīkóxs akũn, atífár. Tuy akũnór, wuz atífár, asáyŋor áspē-pēš. (80) Possó xűšwaxtí akũn: „Čof sol oy, žútam pīnáštax oy, atún yáxsš avé“. Bořī xűrsánd nivé áspē-pē, řamš anós. (81) Possó avón: „Žútam, řam nawxár, man inčt tífáromišť“. Avón: „Kádēm inč tífářišť?“. Avón ané: „Odám mómomišť, inčt virómišť“. — „Pěráu vot, inčēm tífár, řam nawxáromišť, naxót — man mīxnát kũnóm, inč iš nósot, man i xolí asp“. (82) Avón: „Žútēm, kulfátēm natífár itē túē. Man possó nómīmx, kayk «řayk» vóvom, — tífároštim“.

(83) Au meť vīyóraysa tuy vóvtišť. Jáxtēšť žútak, áspē vóra vøt, dawóntēšť, i wuz úrtišť, dodóē rítēs partóutišť. Dodóš xűšwaxtí kũntēšť: „Man žúta wuz ažívár“.

(84) I wáxtí avé wazír avvóu possóē rítīsa. Žúta (Bořī) ařáx, wazirē qűčóq adéh. Wazír avón: „A bačá, saxát-salomát ašáwē avvóu? Ku oy it maxálīsa?“. Xwač žúta gap nadéhtišť. (85) Wazír possóīsa vóvtišť ané: „Žútat xafá čux?“. — „Inčēš řaut, čau xotřř xafáx. Hīč řayksint nist, nahētē tífóřt?“. Avón: „I řáykēm ast — oyó loiqš vot yo na?“. Possó avón: „Xwátēm šáwomišť, řórom, xűš kũnóm agár, žútam tífáromišť“.

(86) Ařáx, ašáu wazirē kat. Wazír itēstar ašáu, řogá rask akũn. Possó aráš, atīs, ařóř — ocáy rítēš řayk nístax. Wazír avón inčesaš: „Nahēš possóx“. Avón: „Čo xotřř vvóutax?“. Avón ané: „Nahēt řáykē mox xűš kũntēšť agár, žútayš tífóřtēšť“. (87) Ařáxor, inčak salómēš ašáu. Atīs, děvārē rité salóm akũn. Possó avón inčesa: „Man arz ast“. Avón: „Ářzšint čox?“. Avón: „Arz mox nahēt — řáykēšint žútēy mox tífóřt“. Avón: „Pěráu vot, řáykēm dorúm“.

(88) Ařáxor, řáykēšint aváror, adór. Xűšš akũn. Avón: „Pěráu vot, man žútēy mũnosīb“. Řáykē sar vėg du řũm dast avár, avón: „Kělínt kũnomišť“. (89) Ařáxor, wazír avón ané: „I ářzīm ast, řáykēm har ka-

dómě odámě mon ast, daráu tuyš künt, čě sárēm dur vot“. Possó avón: „Fütümet vjyóra nĭkóx kŭnimĭšt“.

(90) Du meť agŭdár, tuyš aúror — das šütúřě vor aúror, žútěy tēm aúror. Adĭvárors, i kátě amón. Šütúrtě anĭpáydor, vórtšĭnt aúror, kě xašóně avór vazírě kátĭsa. Axašonor, avón. Du čapóně ažĭvár wazír, aúr, šüturakĭtě anŭyúntoň. (91) Mullóě aúror nĭkóhě karé. Aĭáxor, žútay du dodár-ě šá^hě-pě čŭkkěšĭ akŭnór. Nĭkóhě karé avór, kaškŭlě čŭk kŭn, * op amónor. Nĭkóx akŭnór, atĭfár.

(92) Aĭáxor aŭ firónta. Possó kĕlĭnšĭnt anósor, kátĭsašĭnt rawón avór, atér. Aváror kátěšĭnt, anidónor kĕlĭněšĭnt. Žútakě očáš adáu, aněž, kĕlĭně rĭtěš mus akŭn. (93) Aŭ firónta avé, possó wuz atĭfár, aŭ meť vjyóráysa wuz atĭfár, áwě meťš tēm wuz atĭfár, wuz xŭnŭk avé, awěsor kátšĭnt. Wuzxáště oč atĭfáror, kutá^hšĭnt akŭnór. Ašáwor, ba mŭród-ĭ maq-sádšĭnt arás.

№ 10

(1) Было — не было, был один царь. У него было две жены, у двух жен было по одному сыну. Оба мальчика были пастухами. (2) Матери их говорят: „Пойдем, вымоем головы на берегу пруда“. Царь одну жену любит, а другую не любит. Эта говорит: „Ты вперед иди“, та говорит: „Ты вперед иди“. (3) Любимая жена идет на берег пруда мыть голову. (Нелюбимая жена) пошла сзади и толкнула ее. Та упала в пруд.

(4) Сыновья встали, пошли пасти скот. Наступил вечер, они пришли. Этот сказал: „Где моя мать?“. Та жена сказала: „Я не знаю“. Царь сказал: „Где моя жена?“. Жена сказала: „Я не знаю, я больна“. Царь поднялся, вышел наружу.

(5) Жена поднялась, для своего сына сделала „пастушеский“ (сдобный) хлеб, а для сироты сделала хлеб из отрубей. Он поднялся (в гору), сел на камень, стал есть хлеб, хлеб застрял у него в горле. (6) (Сирота) заплакал и сказал: „Как он пойдет мне в горло? Я не могу есть этот хлеб из отрубей“. Заплакал. Один баран отделился от стада, спустился, сказал: „Что ты плачешь?“. Он сказал: „Хлеб не проходит мне в горло“. (7) Баран сказал: „Давай, клади мне в рот, я его съем. Стукни меня по рогам, когда посыплются всякие (вкусные) вещи, какие есть на свете, ты съешь“. Он сказал: „А если ты меня обманешь?“. Баран сказал: „Если я тебя обману, убей меня самого и съешь“. (8) Встал, отдал ему свой хлеб, баран его съел. Ударил его по рогам — посыпались все, какие есть на свете, (вкусные) вещи, он съел. Когда настал вечер, оба мальчика поднялись и пошли домой.

(9) Так прошло некоторое время. Та женщина сказала своему сыну: „Сирота растолстел, а ты, сынок, похудел. Ты последи за ним, посмотри,

* Вм. akŭn. (Ред.).

что он ест". Сын сказал матери: „Я послежу за ним из-за камней“. (10) Сын ее следил за сиротой. Увидел, что спускается баран, (сирота) кладет ему в рот свой хлеб, баран его ест. Он ударяет по рогам барана, сыплются всякие (вкусные) вещи, какие только есть на свете, он их ест.

(11) Мальчики встали, пошли. Имеющий мать пришел и сообщил матери: „Мать, я увидел — он кладет свой хлеб в рот барану, ударяет его по рогам, сыплются сахар и леденцы, он их ест, от этого он и потолстел“. (12) Мать его говорит: „Я притворюсь больной перед отцом, убью сироту и съем его“.

(13) Царь приходит в дом. Сын кладет под мать тонкий хлебец, поверх него стелет кошму, мать ложится на нее. (14) Входит царь, говорит: „Что с тобой случилось?“. Она говорит: „Я заболела“, поворачивается на бок, хлеб под ней ломается, хрустит. Тогда она говорит: „У меня сломалось ребро“. (15) Царь говорит: „Чем тебя лечить?“. Она говорит: „Я спрашивала муллу, он сказал: «Твое лекарство — человеческое мясо, если поешь — выздоровеешь». Убей своего сына-сироту, я поем и поправлюсь“.

(16) Мальчика привели, повалили (на землю), приложили к его шее нож. Сирота сказал: „Я хочу пить, я пойду, напьюсь воды“. Он знал, что мать его упала в пруд. (17) Идет на берег пруда, начинает пить воду и говорит: „Мать, меня убивают!“. Мать его из пруда отвечает: „Пусть острое ножа превратится в кошму, пусть тыльная сторона ножа превратится в тесто и не оставит следа на твоей шее“.

(18) Люди ведут мальчика, валят (на землю). Приносят несколько ножей — они не оставляют следа на его шее. Царь идет к своей жене и говорит: „Ножи не режут его шею“. Жена сказала: „Сын твой куда-нибудь ходил или нет?“. Он сказал: „Ходил на берег пруда“. Жена сказала: „Разузняйте об этом пруде“.

(19) Царь устроил помочь, и (запруду) в передней части пруда вскрыли. Через несколько дней вода из пруда вытекла. Увидели — в пруде находится мать сироты. (20) Женщина говорит: „Я совсем голая, принесите мне одежду, я оденусь“. Приносят ей одежду, она одевается. Смотрят — на одном колене у нее Хасан, на другом колене — Хусейн (близнецы). (21) Ее вытаскивают из пруда и ведут домой. Царь радуется, говорит: „Я нашел еще сыновей“. Поднимается и однажды устраивает (по случаю рождения) сыновей пир.

(22) Один див уносил царских дочерей. У этого царя от другой жены была дочь. Однажды приходит див, ему показывают девушек. Несколько девушек выводят, ставят перед ним — он не берет. Выводят дочь царя, одевают ее в лохмотья, он ее узнает и говорит: „(Это) дочь царя!“. Берет ее и уходит.

(23) Однажды приезжает из другого места царь к (этому) царю, говорит царю: „Мою дочь унес див. Что ты посоветуешь делать?“. Этот царь говорит: „И мою тоже унес, — говорит, — что делать?“. Он гово-

рит: „Пошлем твоих сыновей, пусть они отправятся, привезут наших дочерей“. Этот царь говорит: „Ладно“. (24) Зовет своих сыновей, говорит: „Сыновья мои, вы идите, приведите вашу сестру и эту царскую дочь. Я повенчаю ее с одним из вас, выдам ее (замуж) и еще дам лошадь со сбруей“.

(25) Делают им сорок хлебов, жарят им мясо сорока ягнят. Они поднимаются, берут, идут. Один из них кладет себе на плечи хлеб, другой кладет себе на плечи мясо. Соки и Боки поднимаются и идут. (26) Идут и у одного холма, как и говорил царь, находят ту девушку. Девушка говорит: „Придет див и съест вас обоих. Идите, залезайте мне под подол, чтобы див не пришел и не съел бы вас“. Они идут и залезают ей под подол.

(27) Смотрят — пришел див. Он говорит: „Запах — запах человека, земного человека“. Боки выходит из-под ее подола, бьет дива, убивает. Берет (вырезает) ремень от темени до конца хвоста — длина его получается сорок гязов.

(28) Девушка тогда говорит юношам: „Что теперь делать? Вы этого убили, как вы отведете меня к моему отцу?“. Они тогда ей говорят: „Ты сиди, нашей собственной сестры нет, мы ее найдем, потом пойдем все вместе“. Она говорит: „Я нашла твою сестру, она (находится) на вершине одного холма, перед ней книга, она читает ее“. (29) Говорят они: „В какое время мы ее найдем, если пойдем?“. Она говорит: „Если вы пойдете когда выйдет солнце, найдете ее, — дивы оставляют ее, уходят, вы найдете ее одну. Только вот что — придет див и съест вас, остерегайтесь, это черный див“.

(30) Поднялись они, пошли, нашли свою сестру. Сестра их сказала: „Детки, зачем вы пришли?“. — „Отец послал нас: «Идите, найдите свою сестру, приведите ее»“. — „Хоть вы и пришли, но див вас съест“. (31) Боки сказал: „Того дива я убил и этого убью“. Потом сказал сестре: „Возьми Соки под подол до прихода дива, а я буду сидеть сзади. Если он придет, я с ним справлюсь“. Встал и толкнул Соки к ней под подол, а сам встал у нее за спиной.

(32) Наступило время, видит — пришел див. (Див) сказал: „Запах — запах земного человека“. Сестра их сказала: „Я сама земной человек, это мой собственный запах“. Он сказал: „Твой запах я знаю — это другой запах“. (33) Боки встал из-за ее спины, взял нож, ударил его, убил. Взяли они девушку и отправились. Пошли к той девушке — дошли. Ту девушку тоже взяли, поднялись и отправились веселясь, отправились к своему отцу. (34) Боки веселится, а Соки нет. Говорит он: „(Как) я пойду, возьму лошадь со сбруей и жену? Я дива не убил, царь не даст мне ничего. Как бы мне его убить — этого Боки?“.

(35) Все они подошли к краю пещеры, посмотрели — у края пещеры человеческая голова. Когда они подошли, голова ушла в пещеру, говоря: „Вот я тебе, вот я тебе!“. Она скрылась и ушла в пещеру. (36) Боки веселится, говорит: „Я ее убью“. Нагибается, смотрит —

внутри пещеры виднеется ружье. Боки говорит Соки: „Я обяжу тебе поясницу, ты спустишься внутрь пещеры, вытащи наверх ружье“. Соки говорит: „Я не спущусь, ты убил дивов, ты отважишься, — спустишь, вытащи его. Царю скажем: «Боки убил дивов, и ружье тоже он принес» — ты станешь уважаемым“.

(37) Обвязали Боки за поясницу, отпустили, он спустился, ушел во внутрь пещеры. Спустился он в пещеру, подошел к ружью. Развязал пояс, привязал ружье, протянул его кверху. Те его потащили, подняли на край пещеры. (38) Боки сказал: „Я обяжусь, поднимусь“. Они бросили веревку, он обвязал себе поясницу, они его потащили кверху. Как подняли его до половины, Соки обрезал веревку, — он упал, полетел вниз, упал на серую лошадь, соскользнул с серой лошади, упал на быка, соскользнул с быка, упал перед старушкой, под землей.

(39) Посмотрел — старуха расчесывает гребнем голову. Он сказал: „Бабушка, что ты делаешь?“. — „Дитя мое, — сказала она, — я мою голову“. Он немного посидел перед ней, сказал: „Почему ты не кричишь громко своим курам «ту-ту-ту»?“. Она сказала: „Дитя мое, приходит лиса и ест их“. (40) Потом старушка спросила юношу: „Откуда тебя принесло?“. Он сказал: „Я упал с поверхности земли под землю“. Сказал (еще): „Бабушка, как мне спастись (букв. 'каково мое средство')?“. Она сказала: „Твое спасение — Симуург, он поднимет тебя на поверхность земли“. (41) Он спросил: „Где Симуург?“. Она ответила: „На берегу такого-то пруда. Он свил гнездо на вершине чинара“. — „Если так, то я посижу около тебя немного, а потом подымусь и пойду. Принеси зерно для кур, дай, я (им) брошу“. (42) Она сказала: „(Если ты громко будешь говорить «ту-ту-ту», придет лиса и съест их“. Он тогда сказал: „Матушка, я убил дива, убью и лису. Дай мне зерно, я посыплю твоим курам, пусть поедят“.

(43) Взял он зерно, сыпал курам и сказал „ту-ту-ту“. Посмотрел — спустились лисицы. Он поднялся, схватил их хвост к хвосту, ударил и убил. Бабушка обрадовалась, спросила его имя: „Дитя мое, как тебя зовут?“. Он сказал: „Матушка, мое имя Боки“. Она сказала: „Твое имя — сын тигра (герой), дорогой! Каждый год вот постольку моих кур съедали лисицы. Теперь душа моя освободилась“. Он поднялся и сказал бабушке: „Да хранит (тебя) бог, я пойду к Симургу“.

(44) Поднялся и пошел, дошел он до одного пахаря, сказал: „Эй, друг, бог на помощь!“. Тот ответил: „Спасибо“. Тогда он спросил: „Откуда ты пришел?“ — „Друг, — сказал (Боки), — я спустился с поверхности земли под землю. Есть ли у тебя известия о Симурге, где он?“. Сказал: „Друг, ты уже подошел близко, достиг“.

(45) Тогда он сказал: „Почему ты не кричишь громко «Бош-бе!», чтобы быки твои проворнее ходили?“. Он сказал: „Придут тигры и их съедят“. (46) Сказал: „Дай мне плуг, погоняю-ка я разок по пашне твоих быков“. Тот сказал: „Друг, ты не сможешь, придут тигры и

съедят их". Он сказал: „Я убил дивов и лисиц, убью и тигров, душа твоя обретет свободу“.

(47) Взял плуг и начал погонять. Сказал: „Бош-бе!“ — пришли тигры. Он бросил плуг, начал хватать, бить, убивать тигров. Пахарь заплакал, сказал: „Ах, я несчастный! Они съели моих быков“. (Боки) сказал: „Не плачь, я убил одного, убью и всех“. (48) Он прибежал на пашню, догнал, схватил всех (тигров), бил их, убил. Пахарь обрадовался, поднялся с места, поцеловал его лицо: „Душа моя освободилась, каждый год, бывало, они съедали моих быков на этом поле“. (Боки) сказал: „Друг, отпусти меня, я пойду к Симургу“.

(49) Поднялся, ушел, пошел — (подошел) к стаду, посмотрел — пастух тихонько погоняет свое стадо. Он сказал: „Бог на помощь, пастух!“ . Потом сказал: „Почему ты не кричишь громко «курхайджа»?“. Тот сказал: „Волки приходят, съедают мой скот“. Тогда (Боки) сказал: „Друг, дай мне палку“. Он сказал: „Не бери, ты не сможешь, придет волк и съест их“. (50) Он сказал тогда: „Я убил тигров, дивов, лисиц, разве у волков есть грамота (амулет), чтобы они (безнаказанно) ходили вокруг меня?“. Взял палку в кулак, начал громко кричать скоту „курхайджа“. (51) Посмотрел — пришли волки. Пастух взял собаку, прибежал: „Эй, друг, ты же отдал мой скот волкам!“ . Он же сказал: „Друг, не беспокойся, я сейчас их перебью“. Побежал, схватил волков, накрутил их хвосты себе на руку, ударил (их об землю), убил.

(52) Пастух обрадовался, побежал, спустился к нему, поклонился ему в ноги, сказал: „Благодарю тебя, правдивый человек, душа моя освободилась, не то мой хозяин убил бы меня“. (53) (Боки) сказал: „Друг, скажи, где место Симурга, я пойду, — о, если бы он вынес меня на поверхность!“ . Он сказал: „Друг, когда ты пойдешь за этот холм, ты найдешь его. Ложись и спи под чинаром на берегу пруда. Если ты будешь сидеть бодрствуя, прилетит Симург, спустится, ударит, убьет тебя“.

(54) Он пошел, лег под чинаром и заснул. Проснулся, видит — пруд вскипел, из пруда выходит дракон. Он вскочил, схватил меч, как его вот этак ударил — убил. Посмотрел — пруд стал красный-красный. (55) Вдруг он увидел — над ним пролетел Симург. Он притворился спящим. Симург спустился, разбудил человека и сказал: „Эй, человек, ты почему здесь?“. Он сказал: „Я пришел сюда, разыскивая Симурга“. (56) (Симург сказал): „Я не знаю, каждый год дракон ли их съедает, человек ли их уносит, моих птенцов?“. Дети его с верхушки чинара закричали, языком обстоятельств (свидетельствуя), сказали: „О матушка, у меня (нас) есть к вам один разговор — я не знаю, из этого пруда поднялась какая-то вещь, я видел — этот человек ударил ее, убил. Не трогайте его“.

(57) Тогда Симург сказал: „О человек, ты ищешь Симурга, я — Симург“. Он сказал: „Если так, — вынеси меня на поверхность земли“.

Тогда (Симург) сказал: „Пища у тебя есть? Если есть у тебя знакомые, пойди, принеси мне пищу, я тебя вынесу“. (58) (Боки) сказал: „Какова ваша пища?“. Сказал: „Моя пища (такова) — ты зажаришь мне мясо сорока ягнят, принесешь сорок бурдюков вина, — пища моя готова, я тебя вынесу“. (59) (Боки) поднялся, пошел, посмотрел, сказал пастуху: „Друг, я пришел к тебе за одной вещью“. — „Друг, что тебе надо?“. Сказал: „Друг, найди мне мясо сорока ягнят“. Он сказал: „Это ведь (только) мясо сорока ягнят, я ведь жизнь свою (готов) отдать“. (60) Поднялся, пошел, привел из своего стада ягнят — сорок ягнят, убил и положил их перед ним. Боки сказал: „У меня есть дело также к пахарю, пусть они побудут у тебя до моего прихода“.

(61) Поднялся, пошел, отправился, посмотрел — он пашет на том поле. Сказал: „Друг, я пришел к тебе“. Сказал: „Друг, что у тебя за дело?“. Сказал: „Мне нужно сорок бурдюков вина“. (62) Тогда (пахарь) сказал: „Погоняй-ка моих волов, а я схожу, принесу из дома“. (Боки) сказал: „Давай мне своих быков“. Он отдал ему быков, встал, пошел в свой дом, Боки начал распахивать пашню его быками. Вспахал одну-две полосы, (о пахаре) — никаких известий; поднялся, проголодался этот бедняк. (63) Прошло некоторое время, посмотрел — в хурджине есть хлеб, он взял его и съел. Съел хлеб, пошел к быкам видит — и тот пришел. (64) Сказал: „Друг, иди (поскорее), я опоздал“. Поднялся (пахарь), дошел до него, сказал: „Друг, я принес“. Отдал ему сорок бурдюков. Поднялся он, взял (их), ушел. Пошел, дошел до пастуха, сказал: „Друг, дай мне мое мясо, я пойду“. Взял мясо, привязал к себе на спину, поднялся, пошел.

(65) Пошел, дошел до Симурга, сказал: „Друг, я пришел к тебе, теперь как ты меня поднимешь?“. Сказал: „Воду и мясо положи мне на одно крыло, сам ты садись верхом на другое. Если я обернусь направо, — дай мне мяса, обернусь налево, — дай мне воды“. Сел он верхом на его крыло. (Симург) взлетел, поднялся. Обернулся направо — он дал ему мяса, обернулся налево — он дал ему воды. (66) Поднялся до половины неба, снова обернулся налево, он снова дал ему воды, обернулся направо — дал ему мяса. Посмотрел — в небе сделалось отверстие, мясо он прикончил. Сказал: „Я кончил мясо, теперь мы упадем вниз“. (67) Симург сказал: „Держи ногу, я оторву (кусок) твоего мяса, вынесу тебя, доставлю (на землю)“. Боки сказал: „Ты сделаешь меня калекой“. Он сказал: „Не печалься, я сделаю тебя здоровым, как только поднимусь на поверхность земли“. Он вырвал (кусок) мяса из ноги и съел. Сказал: „Оказывается, человеческое мясо вкусное“. Поднялся, вспорхнул, полетел. (68) Долетел до вершины неба, достиг. Боки посмотрел — (Симург) поставил его на землю. Потом (Симург) сказал: „Держи свою ногу“. Он вытянул и держал. Симург оторкнул, мясо вышло у него из горла, он поднес и прилепил его к ноге — (нога) стала здоровой. Поднялся (Симург), сказал: „Да хранит тебя бог, я спущусь, уйду, вы тоже идите“.

(69) Юноша поднялся, пошел, достиг края той пещеры. Посмотрел — след пары быков. Тогда он сказал: „Они увезли мое ружье на паре быков“. Идет-идет, при входе в одно селение видит — протекает канал. Смотрит — ружье его погружено в грязь. Он берет его себе на плечо и отправляется — на боку у него нож, на плече ружье. (70) Поднимается, отправляется. Входит в одно селение, видит — по улице идет человек. Он садится на минуту, жалуется: „Со мной вот что случилось — уже несколько лет как я упал под землю, это ружье я вытащил из пещеры. Брат мой увез его на паре быков, они не смогли перевезти его через канал, тогда он распряг быков, взял их и ушел. Я сам пришел, взял (ружье) на спину, принес“.

(71) (Человек) сказал: „Да будет оно для тебя доставшимся по праву, ты справишься с ним“. Сказал: „Друг, я иду к моему отцу“. Он сказал: „Ты такой ловкий, в нашем селении — беда: каждый год из пруда выходит дракон, по очереди каждый год даем ему по одному мальчику, потом он спускается, уходит. Если мы не дадим, он съест нас самих“. (72) Боки говорит: „Я пойду, побью и убью“. Поднялся, пошел, сел на берегу пруда, посмотрел — одного своего мальчика они привели и оставили на берегу пруда. Потом смотрит — пришел его отец, сел рядом с сыном. Сел он рядом с сыном поплакать: „Как я расстанусь со своим сыном, отдам своего сына?“. Боки сказал: „Отец, не плачь, как только он выйдет, я убью его“. (73) Пришло время, он зарядил свое ружье. Смотрит — пруд с плеском вскипел, поднялся до развилки (фитильного) ружья. Показывается голова дракона, он зажигает (фитиль) ружья, стреляет и убивает его. (74) Человек радуется, обнимает своего сына, говорит Боки: „Давай пойдем, будь моим гостем“. Поднимается, идет со старичком. Идет и сидит этот вечер. (Старик) оказывает ему большое почтение.

(75) Наутро поднимается, идет к своему отцу. Идет, идет, доходит до отца. „А, — говорит (отец), — я послал тебя за твоей старшей сестрой, где ты был до этих пор? Сколько лет ты пробыл, — где ты был?“. (76) Он сказал: „Я пошел, нашел дочь царя, ударил и убил дива, опять поднялся, пошел к своей старшей сестре. Когда я пошел к моей старшей сестре, я сел у нее за спиной. Пришел див, я ударил, убил его. Поднялся я, взял мою старшую сестру, привел ее к этой дочери царя, сказал: «Подымайтесь, пойдем». Поднялся, взял также и эту, пошли вниз. (77) Пришли к краю пещеры, посмотрел я — человеческая голова скрылась и ушла, говоря «Вот я тебе». Я пошел в пещеру, нашел ружье. Я протянул им ружье, они его взяли. Настала моя очередь, они перерезали веревку. Я упал в подземный мир. Не будь так — я сам ведь убил дивов“.

(78) Царь сказал: „Соки мне сказал: «Я сам убил дивов»“. Боки сказал: „Он солгал, приведите, поставьте его против меня“. Его привели, поставили напротив. (Боки) сказал: „(Если) я убиваю дивов, а ты взял и лошадь и жену, то здесь я ударю и убью тебя, лжеца“. (79) Тогда

царь говорит: „Сын мой, не убивай его. Я лошадь отдам тебе, а жену ему“. Поднялся, взял лошадь, отдал. Поднялся тот сын (Соки), их просватали, совершили брачный обряд, отдали (ему жену). Устроили пир, устроили козлодрание, подняли козла на лошадях. (80) Царь радовался: „Сколько лет сын был потерян, теперь он появился“. Боки не был доволен лошастью, загрустил. (81) Царь сказал: „Сын мой, не грусти, я дам тебе жену“. Он сказал: „Когда ты дашь мне жену?“. Тогда он сказал: „Я пошлю людей (сватать), найду тебе жену“ — „Если так, дай мне жену, и я не буду грустить, а то я тружусь, а этот (Соки) берет жену, я же — только лошадь“. (82) Сказал царь: „Сын мой, не огорчай меня на его свадьбе. Ведь меня же зовут царем, кому бы я ни сказал «(Дайте) девушку!» — мне дадут“.

(83) В тот день до вечера идет пир. Поднимается юноша, садится верхом на лошадь, пускает ее вскачь, до вечера на ней скачет, привозит козла, бросает его перед отцом. Отец его радуется: „Мой сын добыл козла!“.

(84) Однажды пришел к царю везир. Юноша (Боки) поднялся, обнял везира. Везир сказал: „О сын мой, благополучно ли ты ходил? Где ты был до этого времени?“. Юноша не отвечает. (85) Тогда везир говорит царю: „Почему твой сын печален?“. — „Ему нужна жена, потому он печален. Нет ли у вас дочери, чтобы выдать ее за него“. Сказал: „У меня есть дочь, (но) достойна она его или нет?“. Царь сказал: „Я сам пойду, посмотрю ее, если одобрю — выдам за моего сына“.

(86) Поднялся, пошел в дом везира. Везир пошел вперед, приготовил место. Царь приехал, вошел, посмотрел — перед матерью сидит дочь. Везир сказал своей жене: „Это царь“. Она сказала: „Зачем он пришел?“. Тогда он сказал: „Если эта наша дочь ему понравится, он выдаст ее за своего сына“. (87) Поднялись. Женщина пошла приветствовать его. Вошла и поклонилась около двери. Царь сказал жене (везира): „У меня есть просьба“. Она сказала: „Что у вас за просьба?“. Сказал: „Просьба наша такова — отдайте свою дочь за нашего сына“. Она сказала: „Если так, я покажу вам свою дочь“.

(88) Поднялись, привели свою дочь, показали. Понравилась (она царю). Он сказал: „Если так, она достойна моего сына“. Он погладил два раза девушку по голове, сказал: „Я сделаю тебя невесткой“.

(89) Они поднялись, а везир сказал: „У меня есть просьба. К моей дочери каждый присылает людей (сватов), поскорее устраивайте свадьбу, пусть она будет подальше от меня“. Царь сказал: „Послезавтра вечером устроим свадьбу“.

(90) Прошло два дня, привезли ее свадьбу (вено), привезли десять верблюдов груза, привезли юношу. Ввели его и посадили в одном доме. Верблюдов уложили, сняли с них вьюки и начали переносить в дом везира. Перенесли. Везир вынес два халата, принес, надел на погонщиков верблюдов. (91) Привели муллу для совершения брачного обряда. Поднялись, поставили прямо юношу с двумя друзьями. При-

ступили к совершению брачного обряда, поставили чашку, налили воды. Совершили брачный обряд, отдали (девушку).

(92) На другой день поднялись. Царь взял свою невестку, отправились домой, пошли. Привезли домой, посадили невестку. Мать юноши выбежала, поцеловала лицо невестки. (93) Настал следующий день. Царь дал козла (для козлодрания), в тот день до вечера он давал козлов, и на другой день также дал козла, игра в козла затихла, вернулись домой. Участникам игры в козлодрание дали плов, отправили их. Пошли они, достигли желаний и стремлений.

№ 11

Записано от Авваза, 40 лет, жителя сел. Хисоки Дарв

(1) I poššóí oy, inč bezüriyód хой. (2) I meṭ šikóre anéž. Tíráy γáykē avvóu. Bídúniš poššóisa avón: „Man nos: man púllam vútēšt, soib-i aql vútēšt“.

(3) Poššó šikóriša anéž. Naxsír nínot akún. (4) Poššó avvóu kátēš, odámē aküsé^l. Gáykē fo^xtá akúnór, tuy akún. Níkó akún, avár kátisaš. (5) Poššó anēpéd inčē-peš. Inč būyúz avú. Nu mo nósakēš, zánakēš waxt avu.

(6) Poššó anéž, atēr šikóriša. (7) Atúni dárd-ē bačáš anós. Pínōñč avón: „Sa, čē rúčay sar ušt. Mox čē tak: púllatk avú, mox nosím“. (8) Púllotš pínōñč ayór: i žúta-t i γayk avúš. Kampír-i zólē avón ané: „Lagánd-ē tillóm t^ofar — žúta-t γaykēt živáromišť, čulé pártom“. (9) Kē dū kúčújay aúr, tákēš amón. Avón: „Wes, púllotē nos“.

(10) Poššóisa sívinčigír atēr: „Inčit azán — dū kútē aúr“. Poššó avón: „Man inčē kúčújotē-pe živár, čulé partou“. (11) Poššó inčēš kúčújotē-pe aživár, i jaziráy appártou.

(12) Kampír-ē zol žúta-t γáykē avár, i čulé appártou. I naxsírē yáxši avú, dútitiš čičē at^ofár. (13) Áxtit, nax kúdák, kátta avór. I bobó-ē xaskáš avíršint, anós, avvóu. Aúršint kátēš, boní akún. Kátta avór, γayk arusí avú.

(14) I mēti poššó avvóu, agúdár, atēr. Gayk anéž, poššóisa tamošó akún. (15) Poššó γáykē awén. Ašáu šikóre, hič-či nivír. Avvóu kátēš. Wazírisaš avón: „Šau, bobó-ē xaskášē γáykēš man xotír xošγoní kún!“. (16) Gáykē poššóē at^ofáror. Poššó tuy bínó akún, hámma tuy xēpár akún. (17) Gayk avón vírotisaš: „Tū jax, čümčá nos, poššóē tuy šau, mardúmē qatóre nid. Óč-ē uyro úrtēšt, dastarxónē sárē moṭ, — poššóē čümčáš lis, dastarxónē sárē pártou, xápē čümčá xaš, óč-ē uyro žav. (18) Mardúmt vóvošt: «Var, poššóē-pe maalúm kún — beodobí akún!». Kē poššó vóvtēšt: «Čo beodobí akúni?». Tū vov: «Kum šariyátē γayk dodóē rawó vot?». Poššóisa vov: «Mox γayk žútat om»“.

(19) Žúta tuy ašáu. Óč-ē uyro aúror, rítiš amón. Poššóē čümčá alís, dastarxónē sárē appártou, čē bidónēš čümčá axáš, óč-ē uyro ažáv. (20) Avóvor: „Nos, poššóē ríti var!“. (21) Poššó apúrs: „Čukē man čümčáy-pe

nižave?“. Žúta avón: „Kum šarijátě γayk dodó-pě rawó vot? Man-t x^orim taγ žúta-t γáyk-om“.

(22) Poššo xabardór avú, wáxtiš xüş avú, tuy at^fár mardúmē. Žútisa γáykisa avón aně: „Očáěšint γⁱrifišt?“. Avónor: „Xo! I čúl-ī ĵazirá xástē du kútē-pě“. (23) Avón odámtisaš: „Šaγ, čē čúl-e ĵazirá incēm nos, urt!“. Ašáwor, aúror poššoē kátisaš. Poššo avón aně: Xamúmēš vort, tán-ī badán sīnoyot, libósč nüýúntot“.

(24) Poššoē kátisaš incēš aúror. Gayk žúta očáē rítišint ašáwor. (25) Poššo ba muród-ē maxsádš arás. Poššo galabúnē avón: „Šaγ, tīráy áspē úr ma^{*} rítī“. Galabún tīráy áspē aúr poššoē rítī. (26) Poššo avón: „Kündóšē žívórt tīráy áspē dúmēšint vant!“. Galabúni avón: „Qamčínē-pē dě^ht ásp^té!“. (27) Ínčakē anós, dáštē apíra^ž. Likátē-pěš adé^h, ínčak tiká-tiká avú.

№ 11

(1) Был один царь, жена (его) была бездетной. (2) Однажды отправился царь на охоту. Подошли три девушки. Средняя из них сказала царю: „Возьми меня: у меня будет сын, умный будет“.

(3) Царь отправился на охоту. Диких коз не смог взять. (4) Прибыл царь домой, послал человека (сватать). Девушку просватали, сыграли свадьбу. Совершил (царь) брачный обряд, привез к себе в дом. (5) Лег спать со своей женой. Жена забеременела. Через девять месяцев наступило ей время родить.

(6) Царь выехал, отправился на охоту. (7) А у нее наступили родовые схватки. Ее пинонч ** сказала: „Поднимись, встань у отверстия в крыше, (а) мы снизу: как только появится твой ребенок, мы (его) возьмем“. (8) Посмотрела пинонч на детей — мальчик и девочка. Сказала хитрой старухе: „Дай мне золотое блюдо — вынесу девочку и мальчика, выброшу в пустыню“. (9) Потом принесла двух щенков, положила внизу. Сказала: „Слезай, возьми детей“.

(10) Отправился к царю гонец: „Жена твоя родила, принесла двух щенят“. Царь сказал: „Выведите мою жену вместе с щенками, бросьте в пустыне“. (11) Вывели жену царя вместе с щенками, бросили в пустыне.***

(12) Хитрая старуха отвела мальчика и девочку, бросила в пустыне. Появилась дикая коза, обоим (детям) дала грудь. (13) Они, те дети, выросли. Один дед-собиратель хвороста нашел (детей), взял, принес их домой, воспитал. Выросли (дети), девушка стала невестой (на выданье).

* Вм. тап. (Ред.).

** Пинонч — вторая жена мужа; жены многоженца в отношении друг к другу.

*** Слово ĵazirá в ягнобском языке значит не 'остров', как в таджикском, а 'пустыня'.

(14) Однажды царь прибыл, прошел (мимо). Девушка вышла, полюбилась на царя. (15) Царь увидел девушку. Отправился на охоту, ничего не нашел. Прибыл к себе домой. Сказал везиру: „Иди, посватай для меня дочь деда-собирателя хвороста“. (16) Девушку выдали за царя. Царь устроил пир, всех позвал на пир. (17) Девушка сказала своему брату: „Ты встань, возьми ложку, иди на царский пир, садись среди людей. (Когда) подадут лапшу и поставят на скатерть, — оближи ложку царя, брось ее на скатерть, вынь свою ложку, хлебай лапшу. (18) Люди скажут: «Отведи (его), сообщи царю, (что) он совершил дерзость». Потом царь скажет: «Что (за) дерзость ты сделал?». Ты скажи: «По какому закону дочь дозволено (выдавать) за отца?». Скажи царю: «Мы твои дочь и сын»“.

(19) Отправился юноша на пир. Принесли лапшу, поставили перед ним. Облизал он ложку царя, бросил на скатерть, вытащил у себя из-за пояса ложку, похлебал лапшу. (20) Сказали: „Бери (его), веди к царю“. (21) Царь спросил: „Почему ты не хлебал моей ложкой?“. Юноша сказал: „По какому закону дочь дозволена (в жены) отцу? Я и моя сестра — твои сын и дочь“.

(22) Царь узнал, обрадовался, устроил народу пир. Сказал сыну (и) дочери: „Знаете ли вы о вашей матери?“. Сказали: „Да. (Она) находится в пустыне с двумя собаками“. (23) Царь сказал своим людям: „Отправляйтесь, найдите в пустыне мою жену, приведите“. Пошли, привели в дом царя. Царь сказал: „Отведите ее в баню, пусть она вымоет тело, пусть наденет свои одежды“.

(24) Привели в дом царя его жену. Девушка и юноша подошли к матери. (25) Достиг царь цели, желания. Царь сказал табунщику: „Поди, приведи мне трех лошадей“. Табунщик привел трех лошадей к царю. (26) Царь сказал: „Выведите другую жену, привяжите (ее) к хвостам трех лошадей“. Табунщику сказал: „Ударь лошадей плетью“. (27) Схватили (лошади) жену, убежали в степь. Залягали ее (на смерть), разорвалась женщина на куски.

№ 12

Записано в сел. Науметкон

(1) I notawónakě oy, t'ray γáykěš oy. Wazirě žúta odámš amón, nóščš. I γayk avów: „Man vómışt“, ax γayk avów: „Man vómışt“. (2) Kě na its anós, na áwěš anós, čě hámma púllaš anós. Níkóx akún. Naų moh, naų mětě, naų soátě azán, — i γaykš awúr, i žútaš awúr.

(3) Apótš du kutčúja aúror, tákěš amón. Gáykiš, žútěš aváror, dodóišaš x'par aváror: „Íncět du kutčúja úxtaš“. — „Čě qismátim“, — avów. Nah púllot aváror xólay kátisaš. Xólaš káttašint akún.

(4) Nah žúta xáuzě lápě awěs, kě aspák atóš. Kě dodóš tēm aspě ów-pě awúr, iš žúta tēm aspákě awúr, ob atěfár. (5) Dodóš avów: „Naxót

dórkak tēm ob žavót?“. Žúta avów: „Тау агар аql vótě, naxót zaif zánót, kut úrot?“. Dodó taxsín apěráxs. (6) Dodóš avów: „Óyo pīt ču vówot?“. Aǰáx, atír kátisaš. Ašáú, incěš apúrs: „Xáúzě lápě něy* ráňka púlla nístax?“. (7) Nah očáš avów: „Šau, nah púllay púrs: «Kay žúta víšt?»“. Dodóš ašáú, apúrsš, avów: „Tu kay púlla-išt?“. (8) Avów: „Nam-abězóně, тау žútaim,— avów, — xólot avárorim, káttam akünór, aúr, nahtát amón. Očáy tákim aváror du kutčúja amón“.

(9) Kě ašáú, xólotiš áspě dúmě avánt, áspšint adě^h, atúxóy. Avvóu, žútěš ǰaykěš anós, atír, tuy atífár, tamošó atífár. Ba mūród-ī maqsád arasór. Axtit vátě yor, man amóněm, avvóu.

№ 12

(1) Был один бедняк, у него было три дочери. Сын везира послал свата (букв. 'человека'), берет (одну дочь в жены). Одна дочь сказала: „Я стану (его женой)“, другая дочь сказала: „Я стану“. (2) А он ни эту, ни ту не взял, а взял самую младшую. Совершил брачный обряд. Через девять месяцев, девять дней, девять часов она родила — принесла ему дочь, принесла ему сына.

(3) Ее сестры принесли двух щенят, положили под нее. Ее дочь и сына унесли, отца известили: „Твоя жена принесла двух щенят“. — „Такова моя судьба“ — сказал он. Малюток унесли в дом тетки. Тетка их вырастила.

(4) Мальчик пошел к хаузу, вытесал (из дерева) лошадку. Потом и отец его привел лошадь к воде, мальчик тоже принес лошадку, дал ей воды. (5) Отец его сказал: „Разве деревяшка будет пить воду?“. Мальчик сказал: „Если ты умный, разве (поверишь), что женщина родит и приносит щенят?“. Отец удивился. (6) Сказал отец: „Отчего бы ему так говорить?“. Встал, пошел к себе домой. Пошел, спросил у жены: „Что это за ребенок сидит на берегу у хауза?“. (7) Мать (мальчика) сказала: „Пойди, спроси у того ребенка: «Чей ты сын?»“. Отец его пошел, спросил, сказал: „Ты чей ребенок?“. (8) (Мальчик) сказал: „Ты меня не узнал, я твой сын, — сказал он, — тетки унесли меня, вырастили меня, привели, оставили здесь. Принесли двух щенков, подложили под мою мать“.

(9) Тогда отец пошел, привязал его теток к хвосту лошади, лошадь их лягала, убила. Пошел, взял своего сына и дочь, пошел, устроил пир, устроил развлечения. Они достигли целей и желаний. Они там, а я пришел сюда.

№ 13

Записано в сел. Науметкон

I potšó víta. Wazírisaš masalá púrsčě, wóčě: „Něhit dūnyóě čě sang sáxtě čox?“. Wóčě: „Notawoni“. Kě maakúlš avé, kě i čapónša aněyuñtón.

* Вм. nah, něh (Ред.).

№ 13

Был один царь. Он задает своему везиру вопрос, говорит: „Что в этом мире тверже камня?“. Говорит: „Бедность“. (Это царю) понравилось, надел царь (на него) халат.

№ 14

Записано от Худо Назара, 45 лет, жителя сел. Шовета

(1) I vřta návřta i kambayál vřta. Kambayál jáxtiřt, mardikori řařt. řařčě — řiráy odámř sřróx křntiřt: „Otiřtánik nun čřt — xalól vant yo na?“.

(2) řařtiřt káttá akói řitiř, wóčě: „Nun xalólř ast yo na?“. Wóčě: „Náa“. Bidónčikř řitiř řařtiřt, ax řim wótiřt: „Núnřm xalól nax“. Maydá řitiř řařtiřt, áwřsa přrřtiřt: „Nunt xalól xast yo na?“. Ax wótiřt aně: „Ixtřmól xalól vot“. Xalól vot — móhř árkiř křntiřt, yak tangář nóstiřt.

(3) Čř řáhrř řařdogár řařtiřt. Nax yak tangá nahář-pě řřfóřtiřt: „Var, man řřta-pě řřfóř“. Axř nóstiřt, řřt. Votř* i řáhrř, i přak řřřřt, i áňř řá^hřř řařtiřt. Muř řřlú** vřtá. (4) Oč úra,*** řitiř múnor. Muř řřřřřř řam vřřtiřt. Přřkř múřřřsa nřřón dóřtiřt. Muř řřřřřř(t), řřřř. (5) Pořřóř odámř wěntiřt naxáx přak. řařtiřt pořřóřřa, wovt. Pořřóř wovt: „Wóřř řáwřř,**** řřřřřř“. Du xačřř řřřó atřřřř, axřřřř. řřřóř avár, řřtář atřřřř. řřtář ářáx, xařřř akřř.

(6) Dodóř avóř, nax xařřř awěň. Xářřř i omorř nřt řřřř akřř. I odámř vóvak oy. Awěňř, axář naxčá(ř) omorř. Awóv: „Rřřř čř vřřtářřt?“. Awóvřř: „Xařřř máňřk nax“. Nax odám awóv: „Xařřř táwřkx“. Dačř***** anós, adřřřř, avár xařřřřa. řřřřřřř awěň, bowwár akřř. (7) Kě awóvřř: „Kačř***** rask akřřřř?“. Awóv: „Xářřř pul křřřřt oy“. Kě awóv aně: „Nahář řařdogaré awóvřřřř“. Awóv: „Man yak tangá řřřřřt oy“. (8) Čř řařdogaré apřřř. řařdogár awóv: „Yak tangá atřřřřřř, i přř axřřřř. Přř atřřřřřř — du xačřřřř řřřó anós. řřřóř awóvřřř, řřřřřřřřřřřř atřřřřřř“.

№ 14

(1) Было — не было, был один бедняк. Поднимается бедняк, идет на поденную работу. Идет, у трех человек спрашивает: „Хлеб (вашего) очага чистый (доставшийся по праву) или нет?“. (2) Идет к старшему брату, говорит: „Чист (твой) хлеб или нет?“. Говорит: „Нет“. Идет к среднему брату, тот тоже говорит: „Чистого хлеба у меня нет“. Идет к младшему, спрашивает у него: „Хлеб твой чистый или нет?“. Тот

* Из vvóřtiřt? или из vortř? (Ред.).

** Вариант: řalbalá.

*** Вм. úřřř? (Ред.).

**** Вм. wat 'туда'? или wóřř řáw 'беги как ветер'? (Ред.).

***** Вм. dastř (Ред.).

***** Из kad-ř. (Ред.).

говорит: „Может быть, будет чистым“. Раз хлеб будет чистым, — месяц он у него работает, получает одну теньгу.

(3) Из города (бедняка) идет купец. Тот (бедняк) дает ему одну теньгу: „Отнеси, отдай моему сыну“. Тот берет (теньгу), идет. Приходит (?) в один город, покупает кошку, идет в другой город. Там было много мышей. (4) Приносят плов, ставят перед ним. Собирается много мышей. Он показывает мышам кошку. Мыши убегают. (5) Царский человек видит ту кошку. Идет к царю, говорит. Царь говорит: „Беги к нему (?), купи ее“. Дал (ему) два мула (с грузом) золота, купил ее. Отвез (купец) золото, отдал сыну (бедняка). Сын поднялся, построил дом.

(6) Отец пришел, увидел тот дом. Спрятался в водосточную трубу. Шел один человек. Увидел его, вытащил из той трубы. Сказал: „Почему ты прячешься?“. (Тот) сказал ему: „Дом не мой“. Тот человек сказал ему: „Дом твой“. Взял его за руку, ввел, привел в дом. Он увидел своих сыновей, поверил. (7) Затем он сказал: „Когда ты его построил?“. (Сын) сказал: „Ты же сам прислал деньги“. Затем сказал: „С тем купцом привезли их“. Сказал (отец): „Я ему давал одну теньгу“. (8) Спросил у купца. Купец сказал: „Ты дал мне одну теньгу, я купил кошку. Отдал кошку, получил два мула золота. Я привез золото, отдал твоим сыновьям“.

№ 15

Записано от Джумы, 42 лет, жителя сел. Бидив, слышавшего сказку в том же селении в детстве от своего деда

(1) Vúta návuta i poššo vúta. Tíráy žútaš vúta. (2) Žútotišaš avón: „Mětik amirím, tíráy vjýóray qabrboním künt, — avón, — ikī vjýóra har išint qabrboním künt“, — avón.

(3) I meť amír. Awwálě vjýóra kátta žútaš núbát arás. Avón: „Man qabrboní nákünomišt: amír — amír!“. (4) Bídónčik žútaš avón: „Man tím nášomišt, boní nákünomišt“. (5) Púlla žútaš avón: „Man šómišt, x^hátim tíráy vjýóray boní künóm“.

(6) Qábrě sárě ašáu, boní akún. Aγór — i dástay olóu awés, čě osmón awés. (7) Apíráyž, i čordiwólě ašáu, ačúkáy, avón: „Iš čo sékīl vot?“. Ačúkáy. (8) „E, — avón, — etón šawóm!“. (9) Ašáu, awen: tíráy áspě jaυ x^harákšint ast. Tik awen: i odám avvóu. Ajáx, salóm ažóy. (10) Avón: „Nahíš tíráy áspě man dástě amonát iyór“. Avón: „Nóššint, tir“. (11) Avón: „Xap dástět amonát úštant“. Čě tíráytitě důměš ikī qīl anós.

(12) I meť naháu šáhrě poššo tuy akún. Nahín nur jarčí amón, fayród akún: „Kay asp sad zináě sanót, man γáykēm naháwě t^hfáromišt“. (13) Fírónťaš wuz anosór. Ax dü vjírótiš avvówor. Vjírótišaš avón: „Poššo vóvtěšt: «Kay asp asán sad zináy — man γáykēm naháwě t^hfáromišt»“. (14) Amónor, atēr tamošóisa. Podáyš aúr, anípáyd.

(15) Šou áspě důměš asúj. Asp avvóu — zamín lárzě avú. Lībóšč* anūyúnt, áspě vóra avú. Ašáu, qamčín akún, wúzě anós, póday také akún.

(16) Adawwún — ponzdá zinapóya asán. Žiláw adě^h, azīwirt; čank avú, aněž, güm avú, atér. (17) Ašáu, čě áspě sar awés, lībóšěš axáš, áspě sárě apártou — asp jogáisaš atér. (18) Podaboní žandáš anūyúnt. Podá xay akún, asán, atér. (19) Vīyóraš avú. Góutěš aúr, au vīyorá aněpéd.

(20) Au fīrōnta ráxšin avú. Akótisaš avón: „Podaboní šau“. Akóts̄ yuš níkūnor. Avón: „Man tīm tamošóě šawóm“. Akóts̄ amónor, atér.

(21) Sūrx áspě důměš asúj. Awén — šamolī ránkě avvóu. (22) Lībóšč** tīm čě sárěš anós, anūyúnt, podaboní žandáš axáš, ax áspě sárě libóšč anūyúnt. Adě^h qamčín, čank avú. Aněž, atér.

(23) Ašáu, wúzě anós. Adawwún — šast zinapoya asán. Žiláw adě^h, azīwirt.

(24) Avvówor, čakš adór, avóvor: „Nid, oč x^har!“ . Oč aúror. Óčě x^harě avú. (25) Aγór — akóts̄ qáryě sárě nístaor. — „Nahíš vórzay také oč vort, naháutitī t^ofort — x^hárant“. Ax^háror. Vóra avú, aněž, atér.

(26) Tik fīrōnta safét áspěš vóra avú. Čank avú, — aněž, atér. Qamčín adě^h, sad zináy asán, arás, γáykě ráxě děvārěš mus akún, aníd. (27) Gayk lalí afarmóy, nún-ī čoy afarmóy. Ax^hár, fotixá abáxs̄.

(28) Poššo avón odámisaš: „Šau, mullóya urt — γáykēm níkóx kúnót nahít odámě-pě t^ofárot!“ . (29) Mulló níkóx akún. Žúta γáykě anós, ba mu ródš arás. (30) Poššo x^hatě čě táxtě sar awés, dūmóděš xa*** páděš anídón. (31) Žúta safét áspě x^hatě anós, surx áspěš bídóncik vīrótě at^ofár, šou áspěš kátta vīrótě at^ofár.

(32) Čof mət agūdár. Poššo amír. Vīrótš kord-miltiqš anós, aněž, atér šikórisa. (33) Púlla vīrótš avón: „Mětík miltiqě ráxě vékšint payst aněž, γⁱrift — man i baló awénim“. (34) Vīrótš avóvor: „Áspě dūmé qil suj — mox kuk om, xozír vīmīšt“. Atéror šikórisa.

(35) I aně poššo ad^hγús: naháu podaboní poššóyi γáykěš nóta. I kampír-ě zolé šūtūrě vóra akún, akúsé^{yl}. Kampírīsa avón: „Naháu γáykě dīl vir, man rítīš ur, manš t^ofar — daulát šarikt kūnomīšt, kišmīš-ě bedoná xall kūnomīšt, ráxēt múnūm, gaworá-ě nózət vántūm, i kanízák múnūm — jūmbúnot, čě rit poyandóz wídomīšt“.

(36) Kampír aněž, atér. Qarib arás. Šūtūrě póday takěš daráfš adě^h, čúlóqš akún. (37) Püllčák vīrót čě kat aněž, kampírě awén. Raḡmš avvóu. Avón: „Ey, očá, ku šáwišt?“ . Kampír avón: „Xájīsa tíromīšt, šūtūrēm čúlóq avú, xayrón avém, apíráxs“. (38) — „Sa****, man ínčě xīzmát kún!“ . Kampír asán. Rübč anós, kat děvār rántě avú. Gaštá kēlíně rítī atís. Du-se rúzī aníd. Gáyk-pě dust avór, dīlěš avír.

(39) I mət čě γáykě apūrsiš: „Tau kat iš čoy dorúx?“ . Avóviš: „Dorú-ě behušoná xast“. (40) Ajáx, oč akún. Kampír nax dorú anós, vórzay óčě darúně amón. Gayk anós, avár, vīrě rítīš amón. Tīfór lūnjīša ax^hár, behúš

* Вм. libostš. (Ред.).

** Вм. libóštš.

*** Вм. xap. (Ред.).

**** Вм. san. (Ред.).

avú, atěraš. (41) Kampír atís, šütúrtě ažívár, xámma čiz qatór-ě šütúrtě vor akün. Aněž, atěr šáhrísaš.

(42) Saísč * avvóu, aγór — žúta behúš vúta, těrašta. Náysěš dorú anós, adór — ũšiyór avú. (43) Ásptě dŭmě qil olówě apartóu. Čank avú — víróts avvówor, arás. Aγóror — „Yángaē mox žiyátaš vúrta“. Gazáb akünór. (44) Aněžór, atěr. Ašáwor, šáhrě darúne atís. Aγóror — wúzšint nóta. Gaštá kord axášor, wuzxašótě t"xoy avór. (45) I odám avón: „Ču t"xóišť?“. Avóvor: „Mox yangáy b"γúšta ũxta. Poššóē xaŭliš móxísa dor“. Sáynti-šint, dort. (46) Górošt — kampiríšint gaworá-ē nózi vastá. Anósorsš, čókěš akünór, apartówor. (47) Tík poššóē kat sanóšt. Poššóē-pě jaŋg künóšt. Kórtě-pě děhóšt, poššóē t"xóyor. Aγ γáykē avíror, anós, xəlósěš akün. (48) Aγ poššóē du xušrú γáykē oy. Maktábě ažóyošt. Odám aküsělor, γáyk-tě aúr. Íki níkóx akünór, anós. (49) Áwē yangáēšint aúror, vírě-pěš at'fáror. Hámmaš ba mərəd maxsád arásor.

№ 15

(1) Было — не было, был один царь. У него было три сына. (2) Сказал своим сыновьям: „Когда я умру, караульте три вечера мою могилу. Каждый из вас пусть караулит мою могилу по одному вечеру“.

(3) И вот однажды он умер. В первый вечер настала очередь старшего сына. Он сказал: „Я могилу стеречь не буду: умер — умер!“.

(4) Средний сын сказал: „Я тоже не пойду, караулить не буду“.

(5) Младший сын сказал: „Я пойду, три вечера сам покараулю“.

(6) Пошел на могилу, стал караулить. Видит — спустился с неба огонь.

(7) Убежал юноша, вошел в какое-то строение, испугался, сказал: „Это что за чудо будет?“. Испугался. (8) „Эх, — сказал он, — теперь пойду“.

(9) Пошел, увидел: три лошади едят ячмень. Еще увидел: подошел один человек. Встал (юноша), произнес приветствие. (10) Сказал (тот человек): „Эти три лошади были у меня на хранении“. Сказал (еще): „Возьми их, иди“. (11) Юноша сказал; „Пусть побудут у тебя на хранении“. Взял он по одному волосу из хвоста трех (лошадей). **

(12) Однажды царь той страны устроил пир. В тот день он послал глашатая, кликнул: „Чья лошадь на сто ступеней заберется, тому я свою дочь отдам“. (13) Назавтра схватили козла (принялись за игру в козлодранье). Пришли те двое (старших) братьев. Сказали своему (младшему) брату: „Царь говорит: «Чья лошадь заберется на сто ступеней, тому

* Вм. saísš. (Ред.).

** Рассказчик перепутал содержание этой сказки. Вместо того, как полагалось бы по сюжету (и как было упомянуто им самим в начале сказки), чтобы юноша караулил три вечера и получал бы каждый вечер по лошади, в его изложении он получает всех трех лошадей сразу, в первый же вечер. В таджикском варианте этой сказки, слышанном мною от одного жителя Пенджикента, юноша ходит три ночи и получает каждый раз по лошади.

я свою дочь отдам». (14) Оставили (стадо),* отправились на зрелище. Привел (младший брат) свое стадо, уложил его.

(15) Сжег волос черной лошади. Лошадь прибежала — земля задрожала. Надел одежды, сел верхом на лошадь. Отправился, ударил плетью, схватил козла, подложил под ногу.** (16) Пустил (лошадь) вскачь — поднялся на пятнадцать ступеней. Дернул поводья, поворотил; поднялась пыль, он выбрался, исчез, ушел. (17) Поехал, слез с лошади, снял одежду, бросил на лошадь — лошадь ушла на свое место. (18) Надел он пастушеские лохмотья. Погнал стадо, пошел вверх. (19) Наступил вечер. Он привел коров, заснул в ту ночь.

(20) Наутро рассвело. Сказал он старшим братьям: „Идите пасти стадо“. Не послушались его братья. Сказал он: „И я пойду на зрелище“. Оставили его братья, ушли. (21) Сжег он волос рыжей лошади. Видит — прискакала подобно ветру. (22) С нее также взял одежды, скинул пастушеские лохмотья, надел одежды с той лошади. Ударил плетью, поднялась пыль. Выехал, уехал. (23) Отправился, схватил козла. Пустил вскачь лошадь — поднялся на шестьдесят ступеней. Потянул поводья, поворотил. (24) (Люди) подбежали, задержали, (сказали): „Садись, ешь плов“. Принесли плов. Начал есть плов. (25) Посмотрел — его братья сидят на камнях. (Сказал): „Этот остаток плова в чашке отнесите, отдайте им — пусть едят“. Они съели. Сел верхом, выехал, уехал.

(26) Назавтра сел на белую лошадь. Поднялась пыль — он выехал, уехал. Ударил плетью, поднялся на сто ступеней, добрался (до девушки), поцеловал губы девушки, сел. (27) Девушка приказала (подать) угощение, приказала (подать) чай и хлеб. Поел, прочел молитву.

(28) Царь сказал своему человеку: „Идите приведите муллу — пусть он совершит брачный обряд над моей дочерью, выдаст ее за этого человека“. (29) Мулла совершил брачный обряд. Юноша взял девушку, достиг своего желания. (30) Царь спустился с трона, посадил зятя на свое место. (31) Юноша взял себе белую лошадь, рыжую лошадь отдал среднему брату, вороную лошадь отдал старшему брату. (32) Прошло несколько дней. Царь умер. Братья взяли свои ножи и ружья, отправились на охоту. (33) Младший брат сказал: „В тот день, когда из дул ваших ружей выйдет дым, знайте, что я попал в беду“. (34) Братья его сказали: „Сожги волос из хвоста лошади — где бы мы ни были, появимся“. Отправились на охоту.

(35) Услышал другой царь, (что) тот пастух взял царскую дочь. Посадил он одну хитрую старуху на верблюда, послал. Сказал он старухе: „Завладей сердцем той девушки, приведи ее ко мне, отдай ее мне — я сделаю тебя соучастницей (в управлении) государством, буду

* После смерти отца братья вынуждены были наняться пасти общественное стадо.

** Во время игры человек, выхвативший козла и скачущий с ним, стараясь, чтобы у него не отняли козла другие участники игры, кладет его сбоку седла себе под ногу, обхватывает и прижимает ногой тушу к лошади.

растирать кишмиш без косточек, буду класть его тебе в рот, привяжу тебя в колыбель неги, поставлю служанку, чтобы она качала тебя, растелю перед (тобою) ткани“.

(36) Вышла старуха, отправилась. Приблизилась (к дому юноши). Вонзила шило снизу в ногу верблюда, сделала его хромым. (37) Вышел младший брат из дома, увидел старуху. Жалко ему стало. Сказал: „О мать, куда ты едешь?“. Старуха сказала: „Еду в хадж,* охромел у меня верблюд, растерялась я, остановилась“. (38) (Юноша сказал): „Иди, служи моей жене“. Старуха поднялась (в дом), взяла веник, стала подметать перед дверью дома. Потом вошла к невестке. Посидела (у нее) два-три дня, подружилась с ней, завладела ее сердцем.

(39) Однажды спросила она девушку: „Что это у тебя в доме за лекарство?“. Сказала: „(Это) лекарство для того, чтобы лишить чувств“.

(40) (Девушка) встала, приготовила плов. Старуха взяла лекарство, положила в чашку с пловом. Девушка взяла, отнесла, поставила перед мужем. Съел он четыре глотка, лишился чувств, упал. (41) Старуха вошла, вывела верблюдов, все вещи нагрузила на караван верблюдов. Вышла, отправилась в свой город.

(42) Пришел конюх, увидел — юноша без чувств, болен. Поднес ему к носу лекарство — (тот) пришел в себя. (43) Бросил (юноша) волосы из хвостов лошадей в огонь. Поднялась пыль — приехали братья. Увидели: „Невестку нашу увезли“, — рассердились. (44) Вышли, отправились. Отправились, вошли в город. Видят — играют в козлодрание.** Тогда (они) вытащили ножи, начали убивать игравших. (45) Один человек спросил: „Почему ты убиваешь?“. Они сказали: „Наша золовка украдена. Покажи нам царский дом“. Проводит он их (наверх), показывает. (46) Видят — привязали старуху к колыбели неги. Схватили ее, разорвали, бросили. (47) Потом поднимаются к дому царя. Дерутся с царем, ударяют (его) ножом, убивают царя. Нашли ту девушку, взяли, освободили ее. (48) У того царя были две красивые дочери, учились они в школе. Послали человека — привел (он) девушек. Взяли их (братья) в жены. (49) Привели (братья) свою золовку, отдали ее мужу. Все достигли цели, желаний.

№ 16

Записано от Сафара, 35 лет, жителя сел. Бидив, слышавшего эту сказку от Ашура, жителя сел. Пулля-Роут

(1) I kal vutá, i kampír očáš oy. I zočaróuš oy. I xěrmákě zérta rúyīn jamš ikt oy. Kě avón aně: „Žútam, man píř vītaím. Tū atúnī ark kün — man x^haróm“. (2) Žútaš avón: „Xayr, očá, — avón, — tū naháx rúyīnt katmól kün, man žívárūm, pířóntūm“. (3) Očáš ajax, katmól akün i vórzay. Ajax kal, anós, aněž, atér. Avár i dīwólě kúnay, aníd, ax^hár.

* Хадж — путешествие к святым местам.

** Игра идет по случаю радостного события — привоза к царю жены юноши.

(4) Viyóra atís, avón: „Násiyašint akünim. Tik firónta katmól kün“. Tik firónta katmól akün. Tik aživárs, diwólě künay aníd, ax^hárs. Avón: „Násiyaš akünim“. Tik avón: „Firónta tim kün“, — avón. Aživár iš tim diwólě künay, ax^hárs. Avón: „It tim násiya akünim“. Avón: „Tiráy mětí dam nómíšť, kě šom“. (5) Tiráy mětí bad očáš avón: „Jax, tər!“ . Ajáx, ašáu. Awén — i odámě rúpak ast. Avón: „I dirót t^hfar — man tim rúpum“. Avón: „Inčě rítim šau, vov — dirót t^hfarót“.

(6) Ašáu, ayór, awén — i xšrú γayk awén. Očáišaš avón aně: „Man poššóě odámšim, düxtarxónt jam künomíšť. γaykět t^hfar — várom“. Avón: „Guyt ax^hare — nát^hfaromíšť“. (7) Agárt, dodóišaš fayród akün, avón: „Nát^hfortišť“. Dodóš avón: „T^hfar, padár nalát!“ . (8) Inčíš avón: „Rítíš šou vot dodóiš t^hráfta vutáx!“ . γaykěš sárěš asinóy, libósčěš anųuntún, aživár, ritoritš akün. Káliš anós, atér.

(9) Ašáu i xáužě lápě. Ayór — i odám tifór γówě awúr. Avón: „Γóutě čo küníšť?“ . Avón: „Óbšint t^hfaromíšť“. Avón: „Xáužě nüt dangála vošt. Šau, satilě ur, satilě-pěšint op t^hfar, man rítíšint úštomíšť“. (10) Satilě xotír atér. Iš kal dűmsšint pákka akün tifórtěitkš. Avár, γóutě bajó akűš. (11) Avvóu: „Γout ku?“ . Avón: „Xáužě nüt atėror“. Avón: „Γor, dűmtiš yáxšak ast!“ . Avón: „Čo künűm?“ . Avón: „Xáužě op xaš!“ . Xáužě op xášě avú. Kal γóutě anós, atér.

(12) I yókay ašáu, ayór — i kallák čupón xast. Róyakš ast. Avón: „Ču roíšť?“ . Avón: „Sárěm dorúyš návirom:šť“. Avón: „Man dorúy ast“. Avón: „Man sárě dorúy kün — i sűtúr t^hfaromíšť“. (13) — „Sar lűč kün“, — avón. Sárěš lűč akűn. I kadú-i nos awětš sárěš. Kállě hűšiš atér. Móltě, sűtúrtě xay akűn, atér. (14) Ašáu, kátěš arás. Ožáš čě rit aněž. Avón: „Poydá i ránka künóšt!“ . Avón: „Šűkr sárět!“ . Očáě avón: „Ham inč avírəm, ham tifór kišóké avírəm, ham sat mólě avírəm“. (15) I mólěš aúr, akűš i sűtúřě. Avón: „Qáylay čűwán mən!“ . Očáš aživár, čűwán amón. Yóta réza akűn, avár, qáyla víráyě avú. (16) Qáyla apűxs. Aúr, rítí amón. X^harě avór tiráytič. (17) Ax^haror, avón. Kal sárěš amón, aúfs. Au mət viyóra avú. Au x^hšap ráxšin avú.

(18) γaykě dodóš viyóra avvóu. Avón: „γayk ku?“ . Očáš avón: „Ritt šou vot: γaykě at^hfarě — anóšš, atér“. (19) Avón: „Man xěpár nəst, ey, ritt šou!“ . Avón: „Fayródk akűni?“ . Avón: „Man dirótě xotír kűsě^lta xoy!“ . (20) Avón aně: „Ax avón: «Man poššóě düxtarxónt jam künomíšť, γaykě t^hfar, várom!» . Man avóvəm: «Guyt ax^hare!» . Ax avón aně: «Dodóiš avón». Fayród akűn, avón: «Nat^hfortišť!» . Tű avóvə: «T^hfar». Man aživárəm, at^hfar. Kal anóšiš, atér“. (21) Dodóš avón: „Man čo künűm? It x^hšap kuy šom?“ . Ráxšinisa árkaš diwólěš amón.

(22) Ráxšin akűn. Ajáx au firónta, γaykě kówakěš atér. Ašáu, ayór — i odámě čě xauž ópě xášak ast. Avón: „Op ču xašišť?“ . (23) Avón: „Piyóni i kal avvóu. Γóutěm ópě uxt oy. Avón: «Tű šau, satil ur, man γóutě rítíš úštomíšť». Man satilě xotírěš akűš^l. Avvówəm — γóutě dűměš pákkaš iktór xáužě nüt. (24) Avóvəm: «Γóutim ku?» . Avón: «Γout xáužě nüt atėror». Avóvəm: «Čo künűm?» . Avón: «Xáužě op xaš!» . Man op xášě avém,

ax kal atér“. (25) — „Ku vęg atér“. — „Nahit kúçay vęg atér“. Avón: „Çóiš oy?“. Avón: „I ęáykiř oy“. Avón: „Man ęayk xast!“. Avón: „Man tım naháwě kówomiřt“. Avón: „Dútay mox kówakě řawım“. Aјáxor, atér.

(26) Ařáwor, aęóror — i kállı róyak ast. Avón: „Çu roiřt?“. Avón: „I odám du řou kiřókě, du zard kiřókě, i ęayk naxtát avvóu. Avónęem: «Man řaré i dorúy kün». Man řaré i dorúy ačóř — húřim atér. I sat mardımę sútúr oy — nótařor, tórta“. (27) Avón: „Mox tım naháwě kówimiřt. Vvou, tıraytım mox tırımıřt kówakěř“. Ařáworř, avır. Anęžor, aęóror — mol tım, ęou tım, ęayk tım xaılıř uřtor.

(28) Kal anęž, „Salóm aláyk“, — avón. Męxmóntę męxmęnxónaysař adęvár. I sútúr akúř, řızzát-i bıřıyóri adór. (29) Vıyóra avú. Xiřómřınt atfár. Nępędakę waxt avú. Avón: „Guz nádę^{ht}: i očám ast — mırtıřt. İřınt, — avón, — guz dę^{ht} — očám dárau mırtıřt“. Avón: „řımox nępędt — man kátıřam tıromıřt“. (30) Anęž, dęvárřınt avánt, çę dęvárę řıtám ęuř adór. Aęór — řıř pınakı adę^h. Áxiř ačũmfıř, avón: „Náũfs — guz dęhıřt“. Naháwě xũmnı avár. — „Jung!..“ avón, guz adę^h. (31) Ax kal adũęúř: „Očám, ey!.. Očám, ey!“. Avón: „Očám amır!“. Áxtıt avóvor: „Xũndór avım!“. — „Jaxt, — avón, — pırayžiřıřt“. Aјáxor, apırayž.

(32) Ařáwor i dářtę, będúnę maslaęat akünór. Avóvor: „Gúęę-pę odám námırtıřt“. Avóvor: „I mox řawım, ýorım!“. (33) Iáykę dodó avvóu, aęór — darwózař maxkámx. Darwózař nahıpıtı duk oy. Sarkallář naháy vęk adęvár. Kal aęór, awęn — i odámę sarkallář darwozáy dúkę vęk žıęátařx. (34) Avón: „Očá, sad ęım vóvomiřt: darwózay gúrũmęř dę^h — gúrũmęř nádę^htax. Ur, — avón, — tęřá, man řũm, gúrũmęř dęhũm“. Tęřá anós, çę rit avvóu. (35) İř mardák talóř akün, avón: „Sarkállam žıvárom“, — sarkállář nınęž. Darwóza i tabakář akán, kámayřıř anós, apırayž.

(36) Ařáu amrátę řıtıř. Avón: „Ax baló çox oy — iř baló avú!“. Aјáxor, kámař çę darwóza xató akünór. (37) Soıb-i ęayk avón: „I ęayk, — avón, — sat ęáykę vot, çę bá^xřęř agüdářęm“. Iówę soıb avón: „Ax tıfór ýówęx satř tım vot — çę bá^xřęř agüdářęm“. Kal avón: „Sat sútúřęx hazóřř tım vot — çę bá^xřęř agüdářęm“. (38) „Jaxt, tırım“, — avóvor. Aјáxor, atér, kátıřařınt atęror.

№ 16.

(1) Был один плешивый, была у него старуха мать. Была (у них) корова. (Старуха) насобираала в крынку коровьего масла. Сказала она потом: „Сын мой, я состарилась. Ты теперь работай, а я буду есть“. (2) Сын ее сказал: „Ладно. Мать, — сказал он, — ты свое масло употреби на катмол,* — я вынесу, продам“. (3) Его мать встала, сделала чашку катмола. Плешивый встал, взял, вышел, ушел. Отнес под забор, сел, съел.

(4) Вечером вошел, сказал: „Я отдал его в долг. Завтра снова сделай катмол“. Назавтра (мать) опять сделала катмол. Снова он вынес

* Катмол — слоеные лепешки, зажаренные в масле.

(его), сел под забор, съел. Сказал: „Я отдал его в долг. Завтра снова сделай“. Вынес и эту (чашку) тоже съел под забором. Сказал: „И этот я отдал в долг“. Сказал: „Три дня я отдохну, потом пойду“. (5) Спусти три дня его мать сказала: „Вставай, иди“. Встал, пошел. Увидел — какой-то человек жнет. Сказал: „Дай мне серп, я тоже буду жать“: (Жнец) сказал: „Пойди к моей жене, скажи, чтобы дала тебе серп“.

(6) Пошел, посмотрел, увидел красивую девушку. Сказал тогда ее матери: „Я царский человек, собираю девушек на выданье. Давай твою дочь — отведу (к царю)“. Сказала: „Не дам“. (7) (Плешивый) повернулся, закричал отцу (девушки): „Не дает“. Отец сказал: „Отдай, будь проклят (твой) отец!“. (8) Жена его сказала: „Чтобы почернело лицо его, (сам) отец ее отдал“. Вымыла голову девушке, одела ее, вывела, поставила ее перед ним. Взял ее плешивый, ушел.

(9) Пошел на берег одного пруда. Видит — привел какой-то человек четырех быков. Спросил: „Что ты будешь делать со своими быками?“. Сказал: „Дам им воды“. (Плешивый) сказал: „Они упадут в пруд. Пойди, принеси ведро, дай им воды ведром, а я пока постою с ними“. (10) Тот пошел за ведром. Плешивый отрезал у них хвосты у (всех) четырех: Отвел, спрятал быков. (11) Пришел (хозяин): „Где быки?“. Сказал: „Ушли в пруд“. (И еще) сказал: „Посмотри — виднеются их хвосты“. (Хозяин) спросил: „Что мне делать?“. Сказал: „Вычерпай воду пруда“. (Хозяин) принялся вычерпывать воду пруда. Плешивый взял быков; ушел.

(12) Пошел в одно место, видит — (сидит) плешивый пастушок; плачет. Спросил: „Почему ты плачешь?“. Тот сказал: „Я не найду лекарства для моей головы“. Сказал: „У меня есть лекарство“. (Пастушок) сказал: „Полечи лекарством мою голову — я тебе дам барана“. (13) Сказал: „Обнажи голову“. Высыпал одну тыкву-горлянку жевательного табаку ему на голову. Плешивый (пастушок) лишился чувств, а тот угнал овец, ушел. (14) Пошел, добрался до дома. Его мать вышла навстречу. Сказал: „Вот так зарабатывают“. Сказала: „Спасибо тебе“. Он сказал матери: „И жену нашел, и четырех быков нашел, и сто овец нашел“. (15) Привел одну овцу, убил ее, сказал: „Поставь котел для жаркого“. Мать достала, поставила котел. Нарезал мясо, отнес, начал жарить. (16) Жаркое поспело. Принес, поставил перед (ними). Начали втроем есть. (17) Поели. Лег плешивый спать, заснул. Тот день сделался вечером. Та ночь стала светлой (рассвело).

(18) Пришел вечером отец девушки. Сказал (жене): „Где дочь?“. Мать ему говорит: „Пусть почернеет лицо твое — (ведь) ты отдал дочь; взял ее (тот), ушел“. (19) Сказал: „Я не знал об этом, о, чтобы почернеть твоему лицу!“. Сказала: „Ты же кричал?“. (Отец) сказал: „Я послал его за серпом“. (20) Сказала: „Он сказал: «Я царю собираю девушек; давай дочь, отведу». Я сказала: «Поешь грязи». Он сказал: «Ее отец велел». Потом закричал (тебе): «Не дает!». Ты сказал: «Отдай». Я вывела, отдала. Плешивый взял, ушел“. (21) Отец сказал: „Что же

мне делать? Куда я пойду ночью?". До рассвета просидел, прислоняясь спиной к стене.

(22) Рассвело. Утром встал, отправился искать дочь. Пошел, видит — какой-то человек вычерпывает воду из пруда. Сказал: „Зачем ты вычерпываешь воду?". (23) Тот сказал: „Вчера пришел один плешивый. Я привел своих быков к воде. Он сказал: «Ты иди, принеси ведро, (а) я постою с быками». Послал меня за ведром. Пришел я, (вижу) — хвосты быков отрезанные в пруду. (24) Я сказал: «Где мои быки?». — «Твои быки ушли в пруд». Я сказал: «Что же мне делать?». Сказал: «Вычерпай воду из пруда». Я стал вычерпывать воду, а тот плешивый ушел". (25) — „В какую сторону ушел?". — „По этой вот улице ушел". (Отец девушки) спросил: „Что у него было?". Ответил: „С ним была одна девушка". Сказал (отец девушки): „(Это) моя дочь. Я тоже этого самого разыскиваю". Сказал: „Пойдем мы вдвоем на поиски". Поднялись, ушли.

(26) Пошли, увидели — плачет какой-то плешивый. Спросили: „Почему ты плачешь?". Сказал: „Пришел сюда один человек с двумя черными быками, с двумя рыжими быками (и) с девушкой. Я сказал: «Полечи мою голову». Посыпал на мою голову какое-то лекарство — я лишился чувств. Была сотня овец, (принадлежащих) людям, — забрал их, ушел". (27) (Отец девушки) сказал: „Мы тоже его разыскиваем. Давай, пойдем мы втроем на поиски его". Пошли, нашли, посмотрели — и овцы, и быки, и девушка находятся в его доме.

(28) Плешивый вышел, сказал: „Мир вам". Ввел гостей в мехмонхону. Зарезал барана, много выказал почтения. (29) Наступил вечер. Подал им ужин. Наступило время спать. Сказал: „Не портите воздух, у меня есть мать — умрет. Если кто-нибудь из вас испортит воздух, моя мать тотчас же умрет". Сказал: „Вы ложитесь спать, (а) я пойду в свой дом".* (30) Вышел, закрыл дверь, стал слушать за дверью. Видит — один засыпая покачнулся. Другой толкнул его, сказал: „Не спи: ты испортишь воздух". Но тот заснул. „Джунг!.." — испустил он звук. (31) Плешивый услышал: „Ах, матушка моя, ах, матушка моя! — воскликнул он, — моя мать умерла". Те сказали: „Мы в ответе за кровь". — „Поднимайся, — сказал (один из них) — убежим". Поднялись, убежали.

(32) Отправились в степь, посоветовались между собой. Сказали: „От порчи воздуха человек не умирает". Сказали: „Пойдем, посмотрим". (33) Отец девушки пришел, посмотрел — ворота (у плешивого) заперты. В воротах вот эдакая дыра была. Просунул свою голову в нее. Плешивый посмотрел, увидел — человеческая голова выступает в дыре в воротах. (34) Сказал: „Мать, сто раз я (тебе) говорю: сруби сучок в воротах, — сучок не срублен. Принеси, — сказал он, — топорик, — я пойду, срублю сучок". Взял топорик, подошел (к воротам). (35) Тот человек

* Обычно помещение для гостей (мехмонхона) бывает расположено несколько в стороне от дома, где проживает семья.

стал возиться, сказал (себе): „Выдерну-ка я голову“. Его голова застряла. Сорвал створку ворот, понес ее на шею, убежал.

(36) Отправился к своим спутникам. Сказал: „Разве то было несчастьем? Вот это так стало несчастьем“. Поднялись, сняли ворота с его шеи. (37) Отец (букв. 'хозяин') девушки сказал: „Одна дочь — будь она хоть сотней дочерей, — я от нее отступаюсь“. Хозяин быков сказал: „Те четыре быка — будь они хоть сотней, — я от них отступаюсь“. Плешивый (пастушок) сказал: „Сто овец — будь они хоть тысячью, — я от них отступаюсь“. (38) — „Встанем, пойдем“, — сказали они. Поднялись, пошли в свои дома, ушли.

№ 17

Записано от Джумы, 42 лет, жителя сел. Бидив, слышавшего эту сказку около 1900 г. от одной старухи из сел. Таги Чанор

(1) I mórti vúta, i zaif. Dúťič šart künóšt: „Kum mox rítik amírím, awé kur mox boní küním“.

(2) Gaštá inč mírtišť. Vórtišť, tákěš künt. Beğóí awwálě nášaqtěšť. Xápě-pěš fíkríš küntěšť: „Ínčě-pě šart íktaš oy — qabrboníš küntěšť, tíráy mětě qabrboníš küntěšť“. (3) Qábrě sárě čodár dětěšť, nidť. Wěntišť — i musafít paydó avú. Avón: „Tú čo kará odámíšť — ir-ránka tašná-ű gűšná nístaíšť“. Avón: „Ínčěm-pě šártím íkt oy“.

(4) Avón: „Beáql návu, zaifě čo áxd-ű paymón ast?“ . Avón: „Ínčit vírüm. t^éfárüm — wáxtě xűš vútěšť?“ . Avón aně: „Həm!“ . (5) Gaštá tahorát akűn, rítíš qíbláisa akűn, munojót akún parwardígórísa. Avón: „Šarmánda nákün“, — avón. (6) Inč xokístár vútax tórta. Qíbláisa rítíš agardón: naxáx xokístár síták avú. Tik tahorát akűn, tik rítíš qíbláisa akűn, munojót akűn parwardígórísa: „Man šarmánda nákün!“ . (7) Mórtísa avón: „Níma úmrět ínčět t^éfárišť? Az ínik, — vóvčě, — zíndá vot“. Avón: „Níma úmrēm t^éfáromíšť“.

(8) Qíbláisa munojót akűn — nax mūrta zíndá avú. Qábrěš apé^rnor, ağóror — zíndá vútax. (9) Múrtě libóšč* axáš, ínčakě anűyuntún. Čě kúrě darúně asán, vírě rítíš aníd. Víriš avón: „Man dű-sě ruz náuftaim“. Aúfs qábrě sárě.

(10) Inč awěn: odám avvóu áspě vóra, salóm ažóy. (11) Inč xűšdór avú, avón: „Píráyž — t^xóyťišť!“ . Gaštá: „Zíwórt, vvoų“, — avón. Avvóu ínčakě rítí. (12) Avón: „Nahíšim abűyűnj: nósım, tir, áspě kanjuğám kűn“. Anósış, atér, níma dáště ašáų. (13) Awěn: dű odámě rúpak ast. Avóvor: „Nahíš odám be gap nax — ínčakě bűyűšta“. Čakš adóror. (14) — „Nax sítámě odám wēsot — dűťič rugarú küním“. Dűťič rugarú akünór. — „Nax ínčě naxáx aspakí bűyűštax“. (15) Ínčak avón: „Dűrúy vóvtěšť man bűyűšt oy: man ítí inč náyim“. (16) Odámť bowwár akünór, dást-at pódoč** avántor. Ax čank karké aněž, atér.

* Вм. libóštš. (Pед.).

** Вм. pódotš. (Pед.).

- (17) Iš so^bib-ī zan zori akūn: „Inč mánik, xáyim künt“. Xáyiš akünór.
 (18) Iš tīm atér, ašáu, arás kátěš. Ašáu, poššóe xauli děvárě arás. Děvár apé'n, atís. (19) Aγór: poššó nistax táxtě sárěx. — „Assalóm aléykūm, — avón. Žútat man inčě abūyūnj“. (20) Avón: „Gap rasg vot, žútam t"xóyom-
 mišt“. Avón: „Šau, žúta inčě-peš urt“. Ašáwor, aúr. (21) Avón ané: „Íti inčě ču būyūnjě aúr?“. Inčak avón: „Man ití inč náyim: dūrúy vóvtěšt“. (22) — „Tau inč agár vot, ispót ast?“. (23) Avón: „Ispótēm ast: i musafídx“. — „Píráu tik ispótēt xozír kün, inčēt nos“. (24) — „Dū mēti mühlátēm t'far: man ispótēm vírom“. Mühlátiš at'fár. Aněž, atér ispótě xotírěš. (25) Ašáu činóre také, xūvniš anós. Aúfs, awén — nax odám xūvniš atís, gaštá avón: „Fírónta pišín xozír vómišt poššóe kátě děvárěš. Xafá-ū yamkín navú“.
 (26) Aγūrós — tíráy aspakí asán. Avántorš, aúr, avár. (27) Avón: „T"xoyé* — toxmačix!“ . Avón: „Mühlátēm t'far pišínisa. Agár gápim dūrúy aněž, kém t"xoyt“.
 (28) Pišín avú — tahorát akūn, nímóšče agúzór. Awén: musafít xozír avú.
 (29) Poššó apūrs: „Naš** inč káyikx?“. Avón: „Tau žútay nax — naxáh mardákix“. (30) Inčak avón: „Musafít toxmatčix — dūrúy vóvtěšt“. Avón: „Nahítě amonati t'fárišt — man dūrúyēm vóvta vot?“. — „T'fáromiš! At'fárim,** — avón, — tamóm at'fárim“. (31) Hazrát-ī Azroíl junš qabz akūn, anós. Árka-pě sítamakó**** agárd, atér. Aγóror — xokístár avú, atér. (32) Musafít tíráy qadám akán, gūm avú, atér. (33) Poššó avón: „Xojá-ī Xizr vūtáx xast: ní'rivim“.

№ 17

(1) Были муж и жена. Они заключили условие: „Кто из нас раньше умрет, могилу того мы (оставшийся) будем охранять“.

(2) Спустя некоторое время жена умерла. Отнес (муж), зарыл ее. Первый вечер не пошел. (Потом) пораздумал сам с собою: „Ведь с женой заключил условие, что будет охранять ее могилу, будет охранять ее три дня“. (3) Разбил над могилой палатку, сел. Видит — появился какой-то старик. Старик спросил: „Ты что за человек, сидишь здесь такой жаждущий и голодный?“. Сказал: „Я заключил с женой условие“.

(4) Сказал (старик): „Не будь глупцом — что за условие и договор для женщины?“. (И еще) спросил: „Если твою жену добуду и (тебе) дам — будешь ты доволен?“. Сказал: „Да“. (5) Тогда совершил (старик) омовение, обратился лицом к кыбле, помолился. Сказал: „Не стыди меня“. (6) Женщина превратилась в пепел. Обратил (старик) лицо свое

* Вм. T'xoyš. (Ред.).

** Вм. Nahiš. (Ред.).

*** Букв. 'отдал'. Употребление формы прошедшего времени соответствует обычной формуле, употребляемой среди народов Средней Азии для оттенения окончательности действия, для ясного юридического оформления говорящим своего согласия, решения и пр. Например, таджикское tawbá kardám — 'я раскаялся', giriftam wa qabúlaš kardám — 'взял и согласился на нее' (вм. „беру и соглашаюсь“) — слова жениха в старинной формуле брачного обряда в верховьях Пянджа и т. п.

**** Из sítam — óka? (Ред.).

к кыбле: та зола превратилась в кости. Снова совершил омовение, снова обратил лицо к кыбле, помолился богу: „Не стыди меня“. (7) Сказал мужчине: „Отдаешь ли ты половину своей жизни жене? От этого, — говорит, — она оживет“. Ответил: „Я отдаю половину своей жизни“.

(8) Помолился (старик) в сторону кыблы — ожила та покойница. Открыли могилу, посмотрели — живая стала. (9) Снял (муж) с тела жены саван, одел ее. Поднялась из могилы, села перед мужем. Сказал ее муж: „Я не спал уже два-три дня“. Заснул у могилы.

(10) Увидела жена — подъехал человек верхом на лошади, поздоровался. (11) Женщина (в него) влюбилась, сказала: „Беги, — убьет“. Потом сказала: „Повернись, подъезжай“. Подъехал (он) к женщине. (12) Она сказала: „Этот меня украл: возьми меня, поезжай, посади сзади на лошадь“. Взял ее, поехал, доехал до середины равнины. (13) Увидел — два человека жнут. Сказали (жнецы): „Этот человек неспроста, — женщину украл“. Схватили его. (14) — „Пусть подойдет тот, (идуший) сзади — (мы) их поставим друг против друга“. Поставили их друг против друга. (Тот человек сказал): „Эту женщину украл вот тот верховой“. (15) Женщина сказала: „Он говорит ложь, что тот меня украл, — я не его жена“. (16) Люди поверили, связали (мужу) руки и ноги. Тот (всадник) поднял пыль, выехал, уехал.

(17) Муж заплакал: „Женщина — моя, отпустите меня“. Его отпустили. (18) Он тоже отправился, пошел, достиг своего дома. Пошел, добрался до двери дома царя. Отворил дверь, вошел. (19) Видит — царь сидит на троне. „Мир вам, — сказал (вошедший). — Твой сын украл мою жену“. (20) Царь сказал: „Если эти слова верны, убью своего сына“. Приказал: „Идите, приведите сына вместе с женщиной“. Пошли, привели. (21) (Царь) спросил: „Зачем ты украл и привез его жену?“. Женщина сказала: „Я не жена его — он говорит ложь“. (22) (Царь сказал): „Если она является твоей женой, есть (у тебя) доказательство?“. (23) Сказал: „У меня есть доказательство — один старик“. — „Если так, представь свое доказательство и возьми свою жену“. (24) — „Дай мне два дня отсрочки — я найду доказательство“. Дал ему царь отсрочку. Вышел, отправился за доказательством. (25) Пошел под чинар, овладел им сон. Заснул, видит — вошел к нему во сне тот человек, потом сказал: „Завтра во время полуденного намаза я буду у дверей дома царя. Не печалься и не горюй“.

(26) Проснулся — поднялись к нему трое конных. Связали его, привели, отвели. (27) (Царь) сказал: „Убейте его, он — клеветник“. (Человек) сказал: „Дай мне отсрочку до полудня. Если мои слова окажутся ложью, тогда меня убейте“.

(28) Настал полдень, совершил (он) омовение, исполнил намаз. Видит — появился старик. (29) Царь спросил: „Эта женщина чья?“. Сказал: „Не твоего сына, а того человека“. (30) Женщина сказала: „Старик — клеветник, ложь говорит“. Сказал (старик): „Если я сказал ложь, отдашь ли ты то, что дано (тебе) на хранение этим (человеком)?“. — „Отдам!“

Я отдала, — сказала (она), — полностью отдала“. (31) Святой Азраил схватил ее душу, взял ее. Упала на спину, навзничь. Посмотрели — превратилась в пепел. (32) Старик отступил на три шага, исчез. (33) Царь сказал: „(Это) был Ходжа Хызр — мы не узнали“.

№ 18

Записано от Сафара, 35 лет, жителя сел. Бидив, слышавшего эту сказку от Мулло, жителя сел. Шовета

(1) I vúta návuta, i kaltá rúbá vúta. (2) Jáxtišt, šaṭ, i xĩrsē vúnē tíst. Xĩrs x^aç návútax. Dũ čújaš nĩpista vútór. (3) Avón: „Očát kux?“ — „Očám nížtax, tórta“. (4) — „Agár očát avéšt, očáyata akũnímišt“.

(5) Aṭ vĩyorá očáš avvóu. Avón: „Očá, in-núr i kaltá rúbá atís, avón: «Očát kux? Agár očát avéšt, očáyata akũnímišt»“. (6) Xĩrs avón ané: „In-núr nánĩzomišt“. Aṭ met xĩrs níniž. Aṭór — kaltá rúbá avvóu. (7) Žútaš avón: „Aná, očá, nahíš xoy“, — avón. Ajáx, núkěš akũ. (8) Ašáu, i xútánay čarxxúnayš atís. Rúbá xató akũ, xĩrs rúst avú. (9) Rúbá asán xútánay nauxúnay sárěš, poyjómaš axáš, kištakaráisa avón: „Man vėsomišt, xĩrsē kũnom“. (10) Avēs, xĩrsē akũ. Asán, poyjómaš anũyunt, apĩráyž.

(11) Xĩrs xató akũ. Ašáu kištakaráy rítĩ. Avón: „I yókay navón: «Rúbá xĩrsē akũ», — x^aáromišt-o!“ Avón: „Na! Návovomišt“. (12) Aṭ vĩyóra kištakará atér, ašáu kátěš, xántaš anós. Žútaš avón: „Ču xantišt?“ (13) Avón: „In-núré rúbá avvóu, xĩrsē akũ“.

(14) Kě xĩrs rúčay sárě xoy. Avón: „E badbaxt, — avón, — kištay našáwišt firók? Taṭ x^aáromišt“. (15) Avón: „E, rítim šou avú! — avón, — firók kištay náed vómišt!“ (16) Dũ mětĩ kištay níšau. Rúbá avvóu súróqěš. Avón: „Kištay ču našáwišt?“ (17) Avón: „Taṭ kasofátě man kištay náed vómišt“. Avón: „Čúkě?“ (18) Avón: „Oxĩr tũ xĩrsē akũne! Xĩrs avón: «Kátětk ašáwə, navón — rúbá xĩrsē akũ». (19) Kátěm avvówem — xántam anós. Žútam avón: «Ču xantišt?» Avówem: «In-núr i rúbá xĩrsē akũ». Xĩrs rúčay sárě xoy. Avón: «E badbáxt, kištay našáwišt? X^aáromišt». Dũ mət avú, kištay naétaim“.

(20) Rúbá avón: „Tik kištay šau“. Avón: „Xĩrsēm xórtěšt“. (21) Avón ané: „Man i tíyě sárěš sánomišt, i xũrũra nósomišt, čánkě kárě vom. Kě xĩrs vvóutěšt taṭ ritĩ, vóvtěšt: «X^aáromišt», kě vov ané: «Ax čank čoy čank xast?». Ax vóvtěšt: «Čoy čank?». Tũ vov: «Poššóě odám xast». Vóvtěšt: «Ax čox kũntěšt wat?». — «Poššóě odám šaš sólě xĩrs kóutěšt»“.

(22) Kištakará firók zóě sárěš ašáu. Aṭór — xĩrs avvóu. (23) Avón: „Ax čank čóikx?“ Kištakará avón: „Poššóě odám xast — šaš sólě xĩrs kóutěšt“. (24) Avón: „Šaš sólě xĩrs mánim — ku šom?“ Avón: „I yókay bajó vu“. (25) Avón: „Kúmokay bajó vum?“ Kištakará avón: „Hiččóokay jogá nest“. (26) Avón: „Kúšě tákěm kũ“. Avón: „Γoút čówošt, t^xoyor“. (27) Avón: „Máryě tákěš kũ!“ (28) Avón: „Γoútěm xũrók awéděm — yáxši věšt“. (29) Avón: „Táxmě turbáy nũt mónim“. Avón: „Vvóu, pĩráy

tik vot". (30) Anós, turbáy nútěš amón, sárěš avánt. Rübáisa dast agar-
dón. (31) Rübá tım avés, i kalták anós, i áně tik kištakará anós, dūtīč
déhě avór. Aděhór, xīrsě at^uxóy, mūrtajš amón, atér.

№ 18

(1) Было — не было, был один короткохвостый лис. (2) Поднялся, пошел в берлогу медведицы. Медведицы самой не было, два ее детеныша спали. (3) (Лис) сказал: „Где твоя мать?“. — „Моя мать вышла“. (4) — „Если твоя мать была бы (здесь), я бы ею овладел“.

(5) Вечером вернулась его мать. Сказал (медвежонок): „Мать, сегодня приходил короткохвостый лис, сказал: «Где твоя мать? Если бы твоя мать была здесь, твоею матерью я бы овладел»“. (6) Медведица сказала: „Сегодня я не выйду“. Не вышла в тот день медведица. Видит — пришел короткохвостый лис. (7) Медвежонок сказал: „Вот, мать, этот самый был“, — сказал он. Вскочила (медведица), погналась за ним. (8) Побежал (лис), вбежал в помещение для мельничного колеса. Лис проскочил, (а) медведица застряла. (9) Поднялся лис на мельничный жолоб, сказал пахарю: „Я слезу, овладею медведицей“. (10) Спустился, медведицу взял. Поднялся, убежал.

(11) Медведица высвободилась. Пошла к пахарю, сказала: „Нигде не рассказывай, что лис медведицу взял, а то я (тебя) съем“. Сказал: „Нет, не расскажу“. (12) Пошел в тот вечер пахарь, отправился к себе домой, разобрал его смех. Его сын спросил: „Ты чего смеешься?“. (13) Сказал: „Сегодня пришел один лис, овладел медведицей“.

(14) А медведица (в это время) была над дымовым отверстием. Сказала (пахарю): „Ах (ты), злосчастный, — сказала она, — не пойдешь ли ты завтра на поле? Я тебя съем“. (15) — „О горе мне, — сказал (пахарь), — завтра я не смогу пойти на поле“. (16) Два дня не ходил на поле. Пришел лис справиться. Спросил: „Почему ты не идешь на поле?“. (17) Сказал (пахарь): „Из-за скверности твоей не могу пойти“. — „Почему?“. (18) Сказал: „Да ведь ты же медведицу взял. Медведица сказала (мне): «Когда ты пойдешь домой, не говори, что лис медведицу взял». (19) Пришел я домой — разобрал меня смех. Сын мой спросил: «Ты чего смеешься?». Я сказал: «Сегодня лис медведицу взял». Медведица была над дымовым отверстием. Сказала: «Несчастный, не пойдешь ли ты на поле? Я тебя съем». Два дня прошло, как я не ходил на поле“.

(20) Лис сказал: „Иди опять на поле“. (Пахарь) сказал: „Медведица меня съест“. (21) (Лис) сказал: „Я поднимусь на гребень (холма), возьму колючий кустарник, буду пылить. Потом медведица придет к тебе, скажет: «Я тебя съем», а ты тогда скажи: «Та пыль — чья (это) пыль?». Она спросит: «Чья пыль?» Ты скажи: «(Там) царский человек». (Она) скажет: «Что он там делает?». — «Царский человек ищет шестилетнюю медведицу»“.

(22) Пошел назавтра пахарь на поле. Видит — пришла медведица. (23) Спросила: „Та пыль — чья (это) пыль?“. Пахарь сказал: „(Там) царский человек, разыскивает шестилетнюю медведицу“. (24) Сказала: „Шестилетняя медведица — это я. Куда мне уйти?“. (Пахарь) сказал: „Спрячься куда-нибудь“. (25) Сказала: „Куда я спрячусь?“. Пахарь сказал: „Нигде нет места“. (26) Сказала: „Положи меня в борозду“. Пахарь сказал: „Быки раздавят, убьют“. (27) Сказала: „Помести меня под сено“. (28) Сказал: „Если я пушу быков кормиться, ты обнаружишься“. (29) Сказала: „Помести меня в мешок из-под семян“. Сказал: „Если так, то иди“. (30) Взял, поместил ее в мешок, отверстие его завязал. Махнул рукой лису. (31) Лис тоже спустился, взял палку, другую взял пахарь, стали они оба бить. Избили, убили медведицу, оставили мертвую, ушли.

№ 19

Записано от Сафара, 35 лет, жителя сел. Бидив, слышавшего эту сказку лет 10 тому назад в том же селении

(1) Tifór mardikóri oy. Ajáx, i šá^hriša mardikóriša anəžór, atér. (2) Čof mēti agūdár. Íš i doná gaḡhár oy. I hamrás awénš, aḡ x^šap abüŷñč. (3) Aḡ firónṭa ajáx, aḡór — gaḡhárēš naḡ. Avón: „Kóumīšint notáx?“. (4) Avóvor: „Na mox wēta“. Avón: „Šómīšt, poššóiša arz künüm“. Avóvor: „Šaḡ, arz kün — na mox wēta“. (5) Ašáḡ, arz akün. Poššó odámšint amón. Tifórtič ašáwor. (6) Poššó avón: „Íti gaḡhár t^ofort“. Avóvor: „Mox na wēta“. (7) Avón: „Qasámšint t^ofáromīšt“. Avóvor: „Qasám x^hárimīšt“. Ajáxor, tahorát akün. Avóvor: „Qasám x^hárimīšt“. (8) Poššóē ḡayk avón: „Dodó, qasámšint nát^ofar. Xáyšint kün — tiránt, kē man x^hátim víromīšint“. Xay akünór, anəžór, aterór.

(9) Poššóē ḡaykē virē at^ofáror. ḡayk ajáx, čorbóḡē tamošóy ašáḡ. Ašáḡ, sarxáuzē ḡüsl akün. (10) Čorboḡbúnē žúta dīwólē taráqē veḡ aḡór, awén — tirmór ajáx, túḡrí avú poššóē ḡaykē, atúnī déhtišt. (11) Íš miltiq anós, tirmóre adé^h. (12) Poššóē ḡayk aḡór — i miltiqē núva avú. Xarbák akün, libósēš anüŷunt, ašáḡ, aḡór. (13) Awén — čorbóḡbúnē žútaš. Avón: „Tū tat čo künīšt?“. (14) Avón ané: „Avvówəḡm, čorbóḡē tísom; aḡórəḡm — tū čorbóḡē íšt. Aḡórəḡm — i tirmór ajáx sárisat, čut akün taḡ déhót, miltiqē-pēm adé^həḡmš“. (15) Avón: „Barakalló, barakalló — namák pos adóre!“. Avón: „Taláb kün: čok taláb künīšt, man t^ofáromt“. (16) Avón: „Man^hič-čē talábim nesst“. (17) „Ne, — avón, — taláb kün, man t^ofáromt“. (18) Avón: „Talábim: níkóxa víyóray čē čimilíqē tak i ḡüm rítim vvóu — talábim nahíš“.

(19) Poššóē ḡaykēš tuy akünór. Poššobáča atís rítiš. (20) ḡayk avón: „E poššobáča, man i šart ast“. Avón: „Čo šart ast?“. (21) Avón: „Man

šart nahiš: i wáxtē dodóē čorbóyēm et óim, i sarxáuzē ýušl aküním, i tirmór man qásdē ajáx, avón: «Děhómíšť». Čorboybúně žútaš tirmóre at"xóy. Avóvēm: «Taláb kün». Avón: «Talábim — níkóxa vıyóray i ýüm vvou: talábim nahış». Man nax"át šáwomışť. (22) Avón: „Xayr — jax, šau“.

(23) Ajáx, aněž. Óstonay aněž. Aýór — i šer voxúrdš avú. Avón: „Oím, dástēm atıráš!“. (24) Avón: „Ho, atırášim“. Avón: „Ku šawışť?“. (25) Avón: „Čorboybúně žútay-pěš, — avón, — i áxdim iktá“. Avón: „Čo axdt iktá?“. (26) Avón: „Axd nahış níkiš iktá — nax"át šomışť“. Avón: „Čo níkiš iktá?“. (27) Avón: „I tirmór man qásdē ajáx, naháwē at"xóy. Avóvēm: «Taláb kün». Avón: «Talábim nahış: níkóxa vıyóray vvou!». Man, — avón, — naháwē xotır šáwak ast“. (28) Avón: „Tü zaif vu, áxdē sárēt ušt, kē man, šer vum, kē man taų vęg rásom — nárasomışť. Agár, — avón, — man tím taų vęg rásom — man tím zaif“. Ĵawóběš at"far, atēr.

(29) Ašáu, aýór — i ránaš voxúrd avú. (30) Avón: „Oím, kúi šaut ast?“. Avón: „Dodóē čorbóyēm“. (31) Avón: „X"šápē ču šawışť?“. Avón: „I čorboybúně žúta i wáxti níkiš ikt oy. Avóvēm: «Taláb kün». Avón: «Talábim nahışk: níkóxa vıyóray i ýüm vvou». Man, — avón, — naháu áxdēm vvówak ast“. (32) Ránna avón: „Man mórti vum, tü zaif vu, tü nahit áxdē sárēt ušt; man tím taų vęg rásom, man tím — zaif!“.

(33) Ašáu, čorboybúně žúta fayród akün. Čorboybúně žúta aněž. Avón: „Kax išť?“. Avón: „Man poššóē ýáykim“. — „Čoy xotırē avvówē?“, — avón. Avón: „Man naháu áxdē sárē avvówēm“. (34) Avón: „Man i píray bohúnam ikt oy, zóro návvou“. Poššóē ýayk avón: „Taláb kün“, — avón. Avón: „Talábim nahış: tir, — avón, — qıyomátē maalúm vot, tü tím i x"óřē qatóřēm“. Ĵawóbš at"far.

(35) Ašáu, aýór, awēn — poššobáča tím čimlíqa tákē nístax. Avón: „Avvówe, oím?“. Ajáxor, dütıč jógax awıdor, anıpéd.

(36) Au fırónta ráxšin avú. Gayk ajáx, dodóē rıtış ašáu. Avón: „Naháu tifór düzdı xozır künt“. (37) Poššó odám amón, xozır akün. (38) Gayk aněž, faranjı sárēš anós. Naháu tifór odámısa avón: „Man i mas'alám ast, — avón. Nahit mas'alám vóvomışť, nahitē š"mox Ĵawób t"fort“. (39) Avóvor: „Xüb vúta — Ĵawób t"farımışť“. Avón: „Čo mas'aláx?“. (40) Avón: „Nahit vıyóra poššobáča Ĵawóbēm at"far. Avóvēm: «I šártım ast». Avón: «Čo šartt ast?». — «Šártım nahış, — avóvēm, — čorboybúně žútaš i níkiš ikt oy». Avóvēm: «Taláb kün». Avón: «Talábim nahış: níkóxa vıyóray man rıtı vvou». (41) Poššobáča Ĵawóbēm at"far. Aněžim i kúčay sárē, i šerım voxúrd avú. Šerım ark nídor. (42) Ašáwēm — i rána voxúrdım avú. Ax tím árkēm nídor. Ašáwēm čorboybúně žútay rıtı. Ax tím ark nídor. Nahitē máněš vovť“.

(43) Íiš avón: „Čē hámmaē mard — poššobáča“. (44) Íiš avón: „Čē hámmaē mard šer“. (45) Íiš avón: „Čē hámmaē mard — düzd“. (46) Íiš apıráxs. Avón: „Čē hámmaē mard — čorboybúně žúta“. (47) Gayk dodóısaš avón: „I doná-i gauhár, — avón, — náhē mórti dástēx. Lüč künt, — avón, — naxčētēš vırtışť“. (48) Naháwē lüčış akünór, čē küně tarakēš avıror.

(1) Были четыре поденщика. Поднялись они, пошли в город на поденную работу. (2) Прошло несколько дней. У одного из них был драгоценный камень. Его товарищ увидел (камень), ночью его украл. (3) (Тот) наутро встал, посмотрел — драгоценного камня нет. Спросил: „Кто из вас взял?“. (4) Сказали: „Мы не видели“. Сказал: „Я пойду, пожалуюсь царю“. Сказали: „Иди, жалуйся — мы не видели“. (5) Пошел, пожаловался. Царь направил за ними человека. Пошли они четверо. (6) Царь сказал: „Отдайте драгоценный камень этого (человека)“. Сказали: „Мы не видели“. (7) (Царь) сказал: „Я вас приведу к присяге“. Сказали: „Мы примем присягу“. Встали, совершили омовение. Сказали: „Мы примем присягу“. (8) Дочь царя сказала: „Отец, не приводи их к присяге. Отпусти их, пусть идут, я сама найду у них“. Отпустили (их), вышли они, ушли.

(9) Дочь царя выдавали замуж. Девушка встала, пошла пройтись по саду. Пошла, искупалась в пруду. (10) Сын садовника посмотрел сквозь трещину в стене, увидел — стрела-змея поднялась, приготовилась поразить девушку. (11) Он взял ружье, поразил стрелу-змею. (12) Дочь царя слышит (видит) — раздался ружейный выстрел. Поспешила, оделась, пошла, посмотрела. (13) Видит — сын садовника. Спросила: „Что ты здесь делаешь?“. (14) Сказал: „Я пришел, чтобы войти в сад. Посмотрел — ты в саду. Увидел, что стрела-змея поднялась на тебя, приготовилась тебя поразить, — я убил ее из ружья“. (15) Она сказала: „Очень хорошо, — ты соблюдаю (обязанность отплаты за хлеб и) соль“. Сказала: „Проси: что бы ты ни попросил, я тебе дам“. (16) Сказал: „У меня нет никакой просьбы“. (17) — „Нет, — сказала она, — проси, я тебе дам“. (18) Сказал он: „Моя просьба: в вечер свадьбы приди один раз из-под свадебной занавеси ко мне — вот моя просьба“.

(19) Справили свадьбу царской дочери. Царский сын вошел к ней. (20) Девушка сказала: „О царевич, у меня есть одно условие“. Сказал: „Какое условие?“. (21) Сказала: „Мое условие таково: однажды я пошла в сад моего отца, стала купаться в пруду, поднялась на меня стрела-змея, чтобы поразить (букв. сказала: „Поражу-ка“). Сын садовника убил стрелу-змею. Я сказала: «Проси (награду)». Он сказал: «Моя просьба, чтобы ты пришла (ко мне) один раз в вечер свадьбы — вот моя просьба». Я туда пойду“. (22) Сказал (царевич): „Хорошо, встань, иди“.

(23) Встала, вышла. Вышла за порог. Видит — навстречу ей тигр. Сказал (тигр): „Госпожа, попалась ты мне в руки“. (24) Сказала: „Да, попалась“. Спросил: „Куда идешь?“. (25) „С сыном садовника, — сказала она, — я заключила договор“. Спросил: „Какой ты заключила договор?“. (26) Сказала: „Этот договор я заключила за его добро — иду туда“. Спросил: „Что за добро он сделал?“. (27) Сказала: „На меня поднялась стрела-змея — он ее убил. Сказала я: «Проси (награду)». Он сказал:

«Просьба моя такова: чтобы ты пришла в вечер свадьбы». Я, — сказала она, — иду из-за этого». (28) Сказал (тигр): «Ты — женщина и стоишь на своем обещании, а чтобы я, тигр, дотронулся до тебя, — (нет), не дотронуся. Если, — сказал он, — я до тебя дотронуся — я буду женщиной». Отпустил ее, ушла (она).

(29) Пошла, видит — навстречу ей вор. (30) Спросил: «Госпожа, куда идешь?». Сказала: «В сад моего отца». (31) Спросил: «Почему ты идешь ночью?». Сказала: «Сын садовника однажды сделал мне добро. Я сказала: «Проси (награду)». Сказал: «Моя просьба такова — приходи в вечер свадьбы один раз (ко мне)». Я, — сказала она, — по тому моему обещанию иду». (32) Вор сказал: «Я — мужчина, ты — женщина, (и все же) ты стоишь на этом своем обещании; если я дотронуся до тебя, тогда я — женщина».

(33) Пошла, позвала сына садовника. Вышел сын садовника, спросил: «Кто ты?». Сказала: «Я дочь царя». — «Для чего ты пришла?», — сказал он. Сказала: «Я пришла по тому обещанию». (34) Сказал: «Я сделал такого рода оговорку (предлог) для того, чтобы ты не пришла». Дочь царя сказала: «Требуй (награду)». Он сказал: «Моя просьба такова: иди, на страшном суде выясится, что ты для меня то же, что сестра». Отпустил ее.

(35) Пошла, посмотрела, видит — царевич сидит еще под брачной занавесью. Сказал он: «Ты пришла, госпожа?». Встали они, постлали постель, легли.

(36) Назавтра рассвело. Девушка поднялась, пошла к отцу. Сказала: «Приведите тех четырех воров». (37) Царь послал людей, представил. (38) Девушка вышла, надела на голову паранджу. Сказала тем четырем людям: «У меня есть один вопрос, — сказала она. — Я скажу этот вопрос, (а) вы мне дайте ответ». (39) Сказали: «Хорошо, мы дадим ответ». Сказали: «Что за вопрос?». (40) Она сказала: «В этот вечер меня царевич отпустил. Я сказала: «У меня есть одно условие». Спросил: «В чем заключается твое условие?». — «Условие то, — сказала я, — (что) сын садовника сделал мне добро». Я сказала: «Требуй (награду)». Сказал: «Мое требование таково: в вечер свадьбы приходи ко мне». (41) Царевич отпустил меня. Вышла я на улицу — встретился мне тигр. Тигр не тронул меня. (42) Пошла я — встретился мне вор. Тот тоже не тронул меня. (Теперь) скажите мне о каждом».

(43) Один из них сказал: «Мужественнее всех — царевич». (44) Один из них сказал: «Мужественнее всех — тигр». (45) Один из них сказал: «Мужественнее всех — вор». (46) Остался последний. Он сказал: «Мужественнее всех — сын садовника». (47) Девушка сказала своему отцу: «Драгоценный камень находится в руках этого человека. Разденьте его, — сказала, — у этого найдете». (48) Раздели его, нашли камень.

(1) I pir i kampiré avd γáykēs vúta. Kē jáxošt, kočí munór. Ūxš jáxčē xurt dodó-t očáe-pěš. Íšš ūfstax, apíráxs. Qaríp ráxšín vúčē — ax tīm ajáx, aγór, ax^hár, aṽ xūrmáē nūt axérd. (2) Dodóš pagóē ajáx, torikí-pē ax^hár, ríšē tīm ačák. Nīmóčē masčídē ašáu. (3) Mardūmt awóvor: „Γŷýtē vud adē^h“. Awón aně: „Man kočí x^hórtam“. Mardūmt ajáx, číróγ akūn, aγóror: ríšēš γŷt! (4) Ajáx, ašáu, xókē ríšēš asenóy, avvóū, kátēš atís. Ínčē-pěš jang anós. Awón: „Váromíšt, γáyktē xay kūnóm“.

(5) Ajáx, aft xárē pŷrsk vor akūn. Ham pŷrsk, ham γáyktēš avár, i dáštē apártou. Ajáxor, har némay vek atēr. Ax ūxš ašáwor, i kátē atís. (6) Maydaákīš apíráxs dáštē. I métē aníd, dŷ métē aníd, ax tīm ašáu i dē^hqón rítē. (7) „Děvázim ast“, — awón. Awón: „Čē γállotē čin, x^har“. Ačín, ax^hár. (8) Ax tīm ajáx, atēr, ašáu i kampirákē kat, atís. Ašáu, kūn-ē děvārēš aníd. Kampirák γart akūn — i guz adē^h. (9) Ax kampirák aγór: „Kūn-ē děvārēm i γayk“. Kē awón: „Tŷ čē ku vvówē?“. Awón aně: „Tŷ guz adēhē — man avēm“.

(10) Kampír awón: „Γáykēm noy — tŷ γáykēm avé. Jax, dodóē xotŷrt omóč var!“. (11) Du nónē, i kállay omóč avár, apaótēš at^hfár. Dastš xŷrŷrotē vek afás, avvóū, očáēsaš awón: „Qozíē kut akánēm“. (12) Kampír tik ajáx, akŷsē^vl γáykē dástēš i kállay omóč, du nónē. Tik avár, apaótēš at^hfár. Tik avvóū. (13) Kampír awón: „Omóčt dodóē at^hfáre?“. Awón: „Tik qozíē kut akánēm, naháx ax^hár, amón“. (14) Dodóš vŷyóra avvóū. Awón: „In-núr omóčēm ču nēvarē?“. Awón aně: „In-núr man γáykē-pē akŷsē^vlēm, qozíē kútē x^hórtax“.

(15) Γayk apaótē-pěš ašáu, maslaṽat akūn. Awón: „Ítē čo kūnīm?“. (16) Apaótēš awóvor: „Tŷ wov: «Očá, dor, sart sēnóyom». I kállay op ešón, sárē nŷš wid — qoqá vúčē, sŷxčē. Čóhē nŷš pártou!» Γayk naxpít akūn.

(17) Vŷyóra dodóš čē kēšta avvóū. Awón: „Očát ku vutáx?“. Awón aně: „I hamsóyē kátē etáx“. (18) Awón: „Navvóučē?“. Awón: „Náa!“ — „Ur, xšómēm t^hfar — x^három“. Omóč ax^hár, anēpéd.

(19) Γayk ajáx, atēr apaótē rítisaš. Awón: „Kampiré at^hxóyom“. (20) Awóvor: „Šau, dodóē ríšat sēnóy. Wov: «Ríša^t šŷpŷš íktá». Naháu čóhē lápē áwēš tīm t^hxoy, naháwē nūt pártou. Kē vvou, mox var, kē šáyim, x^hárim, nídim, «xŷdó» wóvim“. (21) Γayk naxpít akūn.

(22) I odámšint tuy xēpár akūn. Ajáxor apaótēš, atēr, áwē nēvaror. (23) Áxtit ašáwor, šŷrbó ax^hár, áwē xotŷr ikē — ūxš šŷšay aúror. Anóššint, sŷtámē-vek apártou. Awón aně: „Naxót man nahíštēt x^haróm!“ (24) Áwē metš tik apaótiš atērór. Ax tīm čē sŷtámšint ašáu. Tik šŷrbó ax^háror. (25) Tik apaótēš avvówor kátisašint. Ax tīm avvóū. Atís, amborxónayš anēpéd Rafidá-Sarák. (26) Tik áwē metš ajáxor, atēr. Tik ax tīm noŷiriwón adrás-at kŷmxób anŷγúnt, čē sŷtámšint atēr. Ašáu, op ažáv — kafš xáužē nūt atēr.

(27) Poššóé žúta áspěš ópě aúr. Xúrrást akún, op nížav. Asán, awóv mardúmtisa: „West, xáuzě rit pě³nt, wěnt — xáuzě čo ast?“. (28) Awésor, xáuzě rit apě^vn. Aγóror — darúněš toqá kafš. Pagoí kanizákisaš awóv: „Járči mont, nahíš kafš kay poday čen vot — man naháwě nósomišt“. (29) Alaksónorš tíráy métě šá^hrě vek — hič čúks poday čen nívu. Awóvor: „Varš naháú pirakí kat, áutítě poday čen kún: nūγúntans!“.* (30) Ůxš anūγúnt: i podayš tím čen nívu. Rafída-Sarák líbóšš anūγúnt, adáú, aněž, podayš van akún. Anūγúnt — podayš čen.

(31) Poščóé ritisaš aváror kafš. Poššó awóv: „Čen akúntě kafš?“. Awóvor: „Čen akúním: naháú avd γáykě maydaákě podayš čen avú“. (32) Poščó awóv: „Šaūt, áftě ítítš urt, man x^hátím γórom“. Tík nax kafš xámmaě podayš čen akún — naháú maydaákě podayš čen avú. Naháwě ní^ó akún, anós.

(33) I métě xámlla avú. Púllaš avú: i γayk, i žúta. (34) Poššóé i áné inčěš γáykě-t žútay avár, kampirákě at^fár. Dú kutýáfčakě aúr, kúrpáě tákěš amón. (35) Ax virš čě šikór avvóu. Awóv: „Inčem čo avú?“. Awóvor: „Dú kutýáfčayš avú“. (36) Poššó awóv: „Sěynš, kúsě rúčay rítě mont, kě tákě, kútě sóxtě, nun partóuč.** Inčem naháwokě vot!“ Kě naháú zaylá, kútě sóxtě, núněš partóuna vutaór.

(37) I métik met avú, poššó jáxčě, áspěš ópě vort, kě kampirákě žúta dorkěna áspěš ópě úřčě, kě ax tím áspěš op t^fóřčě. (38) Poššó wóvčě: „Tú-í beáql vútaěšt: naxót dork op žavót!“ Kě ax žúta wóvčě: „Naxót man beáql vom — tú-íšt beáql!“ (39) Ax wóčě: „Naxót man poššó vom — beáql vom!“ Ax žúta wóvčě: „Naxót inč zánót, kutýáfča urót!“ (40) Kě ziwóřčě, kátisaš vvóut. Wóvčě: „Man in-núr i xoděsá awéņem: áspě ópě avářem, i žúta dorkěna áspě ópě aúr, awóv: «Dorkěna asp, op žav!»“. (41) Kě man agárdžm, awóvem: «E marg, naxót dorkěna asp op žavót?» Kě awóv aně: «E poššó-ě nodón, naxót inč zánót, kutýáfča urót?» (42) I mardák gárdčě, wóvčě: „Gúftáš xaqq. Kax bowwár kúnčě, inčēt zanót, kútyáfčat urót? An-nahíš taū inčě žútax, kátta vútax“. (43) Poššó wóvčě: „Kay ayb vutáx iš ark nahí záylašint iktáx?“ Kě wóvčě: „Naháú inčēt iktax nahíš ark“.

(44) Poššó wóvčě: „Áwě inčem žívórt — vězš xášomišt“. Inčěš žívárošt, kě vězš xašóšt. Pákkotš har čorraháě sárě partowóšt. (45) Poššó sánčě, farmóyčě, čě kus inčěš uróšt. Kě šawóšt, žúta-t γáykěš tím uróšt. Kě poššóé wáxtěš xúš vúčě, ba mūród-ū maxsád rásošt.

№ 20

(1) У одного старика и старухи было семь дочерей. Поднимаются, ставят (варить) кочи.*** Шесть (дочерей) встают, едят с отцом и матерью. Одна из них спала, осталась. Почти рассвело — она также поднялась.

* Вм. nūγúntantš. (Ред.).

** Вм. partóutš. (Ред.).

*** Кочи — род киселя, приготовляемого из муки и воды с добавлением солода.

посмотрела, съела, наполнила тот горшок грязью. (2) Отец ее на рассвете встал, в темноте съел, закапал также бороду. Пошел на намаз в мечеть. (3) Люди сказали: „Запахло нечистотами“. Сказал: „Я ел кочи“. Люди встали, зажгли светильник, посмотрели — на его бороде грязь. (4) Встал, пошел, вымыл бороду в ручье, пришел, вошел в дом. Поссо-рился с женой. Сказал: „Выведу (из дома), прогоню дочерей“.

(5) Встал, навьючил семь ослов бараньим пометом. И бараний помет, и дочерей своих в степи бросил. Встали (девушки), отправились в разные стороны. Те шесть пошли, вошли в один дом. (6) Младшая из них осталась в степи. Сидела день, сидела два, — пошла и она к одному крестьянину. (7) Сказала: „Я голодна“. Скавал он: „Собирай колосья, ешь“. Собрала, поела. (8) Она встала, отправилась, пошла в дом к одной старушке, вошла. Вошла, села у стенки. Старушка испустила громкие ветры. (9) Та старушка посмотрела: „У меня под стенкой какая-то девушка“. Потом спросила: „Откуда ты пришла?“. Сказала (девушка): „Ты испустила звук — я появилась“.

(10) Старуха сказала: „У меня не было дочери, ты стала моей дочерью. Встань, отнеси умоч* твоему отцу“. (11) Отнесла (девушка) два хлеба, один горшок умоча, отдала своим старшим сестрам. Потерла руки о колючий кустарник, пришла, сказала своей матери: „Меня укусила собака судьи“. (12) Старуха снова встала, послала через девушку один горшок умоча и два хлеба. Снова отнесла, отдала своим старшим сестрам. Снова пришла. (13) Старуха спросила: „Ты отдала умоч твоему отцу?“. Сказала: „Снова меня искусала собака судьи, она-то (и) съела“. (14) Вечером пришел отец. Сказал: „Почему (ты) мне сегодня не принесла умоч?“. Сказала (старуха): „Сегодня я посылала с дочерью — съела собака судьи“.

(15) Девушка пошла к старшим сестрам, посоветовалась. Сказала: „Что с ней мы сделаем?“. (16) Сестры ее сказали: „Ты скажи: «Дай, матушка, я вымою тебе голову». Вскипяти в горшке воды, вылей ей на голову — сварится, сгорит. Брось ее в яму“. Девушка так сделала.

(17) Вечером пришел ее отец с поля. Спросил: „Где твоя мать?“. Сказала: „Пошла к соседке“. (18) Сказал: „Не придет?“. Сказала: „Нет“. — „Принеси, дай мне ужин — поем“. Поел умоч, лег спать.

(19) Девушка встала, пошла к своим старшим сестрам. Сказала: „Убила я старуху“. (20) Сказали (сестры): „Иди, вымой бороду твоему отцу. Ск жи: «В твоей бороде завелись вши». На краю той ямы убей также и его, брось в ту яму. Потом приди, отведи нас, потом пойдем, будем есть, поселимся, будем славить бога“. (21) Девушка так и сделала.

(22) Один человек пригласил их на пир. Встали ее старшие сестры, пошли, (а) ее не взяли. (23) Пошли они, поели супа, (а) для нее принесли по одному (кусочку) — шесть (кусочков) легкого. Взяла она их, бросила назад. Сказала: „Еще не хватало, чтобы я это ела!“. (24) На

* Умоч — род похлебки с мелкими клецками.

другой день ее сестры снова отправились. Она тоже пошла вслед за ними. Снова поели суп. (25) Снова ее старшие сестры пришли домой. Она также пришла. Вошла Рафида-Сарак,* легла спать в амбаре. (26) На другой день (ее сестры) снова поднялись, отправились. Она тоже, неузнаваемая, надела адрас и камку, отправилась вслед за ними. Пошла, выпила воды — башмак упал в пруд.

(27) Привел царский сын своего коня к воде. Захрапел (конь) не стал пить. Поднялся (царский сын), сказал людям: „Спуститесь, откройте отверстие (для спуска воды)**, посмотрите, что в пруде“. (28) Спустились, открыли отверстие в пруде. Посмотрели — в пруде один башмак. Наутро (царевич) сказал служанке: „Пошлите глашатая: на чью ногу этот башмак придется по мерке, я на той женюсь“. (29) Три дня гоняли (глашатая) по городу — ни на чью ногу (башмак) не пришелся впору. Сказали: „Отнеси (башмак) в дом того старика, померяй на ноги тех девушек — пусть они наденут“. (30) Шесть (девушек) надели: ни на одну ногу (башмак) не пришелся впору. Рафида-Сарак надела свои одежды, побежала, вышла, протянула ногу. Надела — ее нога по мерке.

(31) Башмак принесли царю. Царь спросил: „Башмак примерили?“. Сказали: „Примерили — из тех семи девушек младшей пришелся по ноге“. (32) Царь сказал: „Идите, приведите их семерых: я сам посмотрю“. Снова тот башмак примерили на ноги всех — пришелся по мерке той меньшей. Женился на ней, взял (ее).

(33) Настал день — она забеременела. Появились у нее дети: девочка и мальчик. (34) Другая жена царя отнесла девочку и мальчика, отдала старушке. Принесла двух щенят, положила под одеяло. (35) Ее муж

* Rafidá-Sarák, Rafída-Sarák — из тадж. rafidá — род плоской, лепешкообразной подушки, набитой обычно старыми тряпками, на которую кладут раскатанное в хлебные лепешки тесто для прикрепления к внутренним стенкам танура (печки для хлебов). Sarák — уменьш. от sar 'голова'. Все название, являющееся характерным именем Золушки в ягнобских сказках (как и в сказках соседних таджиков, откуда, вероятно, и заимствован этот вариант), выражает местное представление о том, что девушка *покрывала себе голову рафидой*, подобно тому, как Золушка (в европейских названиях Cinderella, Cendrillon) представляется имеющей отношение к золе. К сожалению, неумелый рассказчик недостаточно подчеркнул этот любопытный образ Золушки и его характерные формы и атрибуты и даже самое название привел только во второй половине сказки. Можно, между прочим, отметить, что отношение Золушки к золе сохранилось и в некоторых вариантах равнинных сказаний о Золушке. Мачеха прячет Золушку в печку для выпечки лепешек, чтобы ее не увидели посланные, которые ходят по домам, примеряя всем потерянный ею башмачок.

** Можно предположить, что данное место сказки сложилось в предгорьях. В маловодных местностях, где селение расположено у ручейка, воды которого в знойный период года бывает недостаточно для орошения полей, в таких случаях устраивается в подходящем месте запруда, благодаря которой текущая вода собирается в пруд. Когда приходит очередь для полива, то выбирают пробку (из тряпок и пр.), затыкающую отверстие внизу плотины, и вода разом, сильным потоком, устремляется вниз, достигая намеченных очередных полей и обводняя их. Если бы не прибегать к этому способу, то многие дальние поля не могли бы быть орошены, так как текущая поне-много вода впитывалась бы по дороге в землю и не доходила до них.

пришел с охоты. Сказал: „Что стало с моей женой?“. Сказали: „У нее родилось двое щенят“. (36) Царь сказал: „Поднимите ее, положите вверху перед отверстием на крыше, бросайте снизу хлеб, как собакам.* Моя жена пусть будет там“. Стали бросать ей таким образом хлеб, подобно собаке.

(37) Настал день — встает царь, ведет свою лошадь к воде; потом сын старушки приводит к воде свою деревянную лошадку, он тоже дает воду своей лошадке. (38) Царь говорит: „Ты — глупый: еще этого не хватало, чтобы дерево пило воду“. Тогда тот мальчик говорит: „Вот еще, чтобы я был глупый — ты глупый“. (39) (Царь) говорит: „Вот еще — чтобы я, будучи царем, да был бы глупым“. Тот мальчик говорит: „А как же, чтобы женщина родила, (да при этом) принесла щенят!“. (40) Тогда царь повертывается, приходит к себе домой. Говорит: „Я сегодня видел удивительное дело: отвел я лошадь к воде, привел к воде какой-то мальчик деревянную лошадку, сказал: «Деревянная лошадь, пей воду». (41) Я повернулся, сказал: «О, чтоб подохнуть (тебе), как же это, чтобы деревянная лошадь пила воду?». Сказал он: «О невежественный царь, как же это, чтобы женщина родила, принесла бы щенят?». (42) Один человек повертывается, говорит (царю): „То, что он сказал, правильно. Кто поверит, чтобы твоя жена родила бы, принесла бы щенят? Вот этот самый (мальчик) — сын твоей жены, он вырос“. (43) Царь говорит: „Чья была вина, что поступили с ними таким образом?“. Говорит (человек): „Та другая твоя жена сделала это дело“.

(44) Царь говорит: „Выведите ту мою жену: будем таскать ее (в игре) с козлом“. Выводят жену, потом таскают ее в игре с козлом. На всех перекрестках рвут ее на части, разбрасывают. (45) Царь поднимается, приказывает, приводят с крыши его жену. Потом идут, приводят также его сына и дочь. Тогда весело становится царю, достигают они цели и желания.

№ 21

Записано от Коры, 35 лет, жителя сел. Пулля Роут

(1) I pirakí-t i kampirák, i ýayksšint váta. Kę inč, ax kampirák, wóčě vírīsaš: „Jax, iz^omě šau, iz^omě ur, non küním, wxarím“. Jáchčě ax, wítaš nost, iz^oměsa tirt. (2) Šáučě i dáště, iz^om čínčě, urt, wítay sárěš moñt. Wítay-pěš váñčěš, kę ýúrkě sūxóyčěš, č údđáš naváčě, partóyčěš, péñčěš. Górchě — vóřě darúně kírím. (3) Kę kírímīsa wóčě: „Ču vvóytajšť“. Kírím wóčě: „Táwě i ýayk váta, naхěťě man nósomīšť“. Ax wóčě: „Gáykěm

* Так в действительности дают часто в Ягнобе хлеб собакам, находящимся на крыше, бросая его через gúča — дымовое отверстие в крыше. В высокогорном Ягнобе плоская крыша дома является скорее двором, улицей, чем таким редко посещаемым местом, как наши крыши. В ягнобских селениях на крышах сидят, работают, веселятся, совершают похоронный обряд над покойником и пр. Там же лежат и собаки. Сообщение с домами обычно возможно через крыши других помещений, лежащих ниже.

náast“. Kírím wóčē: „Ástīt“. Ax wóžē: „Nám-ast“. Kírím wóčē: „Ástīt“. Ax wóčē: „Nátifaromīšt“. Kírím wóžē: „Nátik tífár — wxáromīšt“.

(4) Kē ax pirakí čukéyřčē, wóčē: „Tífáromīšt“. Kē jáxžē, vorš vañt, jáxošt, tířē vor. Ax pirakí tífór qadám nakánčē, ax kírím šáučē rast kátisaš, tik čē sítám pirakí tēm šáučē — rast. (5) Kē inš nēžžē čē kat, wóčē: „Kátē mox kírím táxta, — tis, tūxóyīmīšt“. Kē ax pirakí wóčē: „Ax ýáykē xotír mox vvóutax, magár ýáykē mox tífárim, agár nátifarim — tūxóyčē mox“. (6) Kē dútiž — vír-at inč — maslaxát kūnošt. Kē ax pirakí wóžē: „Jax, šau, i mulló ur, ýáykē níkoh kūn, tífár“. Ax inčš wóčē: „Naxót ýáykē kírímē tífárimīšt?“. Pirakí wóčē: „Zur mox narásčē, oxír tífárimīšt“. Mullóē úrošt, níkohš kūnt. Kírím au ýáykē avár. Očáš aróy, dodóš awóv: „Naróy — ámr-ī xúdó nahěš vétax!“.

(7) Kē ax kírím maxállē tírakěš awóv: „Man katk ašáwē, i dastarxónē sīncówa kūn, var, xárra kūn — kómokayk aúšt, naháwokē man katx“. (8) Kē i met pirakí domódē kátěsaš tířē avó, inčš sīncówa akún, pirakí aváršint. Xárray kárē avó, hámmayš awésoř, atēr dayróē nūt, išš awés, kírímē kat děvárē aúšt. Pirakí awés, atís kátěš. Ax domóts aněž, salóm ažóy-oy, domód xūsúřisaš awóv: „Čukú avvówē?“. Awóv: „Čē kátēm“. Kē domót xūsúřē tákěš námta apártou, awóv: „Xuš omadí“. (9) Gaykš tēm aněž dodóē rítíš, kē dodóš awóv: „Kírím čo karáx?“. Ax awóv: „Dodó, nahěš kírím nax, paríx. Viyóray mox čiróy nákūnimīšt, kat mox tūčá tífóřčē — rušánx“. Dodóš awóv: „Nahpěrá vot, ruzbozór tífárot“. Au viyóra dodóē xotírš paláwē akún, čoy akún, awxáror, aněpidor, aúfs.

(10) Ráxšin avó, tik ajáxor, čoy akún, non akún, awxár. Gayk wírisaš awóv: „Dodóm tírna vétax, čoš tífářišt?“. Kē kírím awóv: „I xar tífáromīšt“. Atífárorš, yak rahš akúnór. (11) Pirakí xárē anós, atír, ašáu i dáštē. Id xšápē xar taňgá axřrd, rótē sar púnňē taňgá avór. Müsaféd awóv xářisa: „Taňgá naxřrd“. Xar bas akún taňgáē xřrdakš. Müsafét taňgót anós, ašáu, xárē avár kátěš, arasóñ. (12) — „Kad rant, — awóv incisaš, — man xárē děwárom“. Inčš awóv: „Pokšudá, xárē kátē nádēwar“. Kē pirakí awóv: „Iš xar taňgá xřřčē“. Adēwár, kūrpaē sárěš amón, awóv: „Iš bě^h, taňgá rē^h“. Axřrd xar taňgá, kat púnňē avó. Tik awóv: „Iš bě^h, taňgá nářē^h“.

(13) Ráxšin avó, du xūrjínē počákē taňgá axáš, xárē vor akún, bozórē awés, xaríd akún: kūrpot, nümólt, kúrta-at čapóñ-at kafš. Aséyn, avár, kátěš arasóñ, adēwár. Xůřřē apečēn, taxt akún. (14) Tik fírónta ajáx, bozórē awés. Kampirák awóv: „Id xárē náur, pokšudá!“. Awóv: „Úromīšt, man pīyodá náwšomīšt“. — „Wěšišt — kúřt káništ“. Vóraš avó, awés, atēr bozórřisa. Aúřš, avánt xárěš. Ašáu, xaríd akún. Púľš kamí akún. Azűwóřt, avvóu xářisaš, awóv: „Iš bě^h, taňgá rē^h!“. Xar taňgá axřrd. Poššóē odámť čē dėwólē kúna ýóřak oy. Pirakí taňgótē anós, tik atír. (15) Poššóē odámť xárē anósoř, atír, i anē xar xap xárē ráňkaš aúror, avánt — i guytxřřda xárē. Avvóu ax mardák, nēyřriv, vóraš avó, asán, atír kátisaš. Kampírřisaš awóv: „Kad rant, tik xar mox taňgá xřřdot!“. Xárē adēwár kátěš, awóv: „Iš-šá bě^h, taňgá rē^h!“. Kē xar xarýutá axřrd.

(16) Pirakí inčě-peš jaṅg anósor, inčš awón: „Xárět kut íkta? Awovēm: «Xárě náur, pokšüdál», — aná anósorš, xǐrdakēm wxářišt“. Pirakí awón: „Janjól nákün, man jáxomišt, šinčówa kün, ýáykě kátēm šómīšt“. (17) Inčš sinčówa akün, pirakí ajax, ýáykě kátěš ašáu, šinčówot avár, xárrě akün. Awěsor, dayróě nüt atíror, tĭk i áně xárra akün, awěs, i yókay' aušt. Xwačš tēm awěs pirakí, aýór: „Domódě kat děvaram“.* (18) Domódš nínž, inčšisaš awón: „Dodóě rítit než, man náněžomīšt, xárēm avár, nobúd akün“. Gayk awón: „Maylš, iš müsafědx, vvóutax kat děvárayt“. Xwačš aněž, aděwárš kátisa, mĭxmondoriš akün. Ax vĭyóra paláuš akün, čoyš akün. Ax xšap kátěš aněpěd.

(19) Ráxšin avé. Gayk vĭrĭsaš awón: „Dodóm tĭrčě, čoš tĭfářišt?“. Awón: „I qayróqš tĭfáromīšt. — «Qayróqēm, oš tĭfár, yótay tĭfar», — rótě vĕg náwovot, kátěš šáwot kĕ wóvot“. Qayróqš avár, atĭfárš, awón: „«Qayróqam, oš tĭfár, yótay tĭfár», — rótě vĕg náwovt, kátěk ašáwtě kĕ wóvt“. (20) Pirakí qayróqě anós, avárš, kátěš arasōñ. Kampirák awón: „Čot atěfár?“. Awón: „I qayróq atěfár“. Awón: „Qayróq kūrě sárět mónīšt?“. Awón: „I ýüm kat pokĭza kün, gĭlím partou!“ . Inčš kat pokĭza akün, gĭlím apártou. Kĕ virš awón: „Qayróqēm, oš tĭfár, rúyĕn tĭfár, bĭrĭnj tĕfár“. Qayróq apártou, apártou — kat pŭnna akün. Čŭwántě vĕg axášor bĭrĭnj, dam akünór, awxáror, aněpĭdor.

(21) Pago^hí avé, pirakí bozórě awěs, rúyĕn-at bĭrĭnj aúr, apĭrōñt. Posšóě odámť awóvor pirakĭsa: „Čŭkú avĭrĭ rúyĕn-at bĭrĭnj?“. Awón: „Man dě^bqó-nĭm, mólēm ast, šolikorím tēm ast“. Posšóě odámš awón: „Mĭxmónt vĭmīšt, vĭyóra sánĭmīšt“. Pirakí awón: „Bĭssiyór xub“. Asán, arás kátěš. (22) Áxtĭ-tēm** posšóě odámť hámmaš asánor. Pirakí awón: „Xŭdó-ba šŭkr, man tēm posšóě odámť mĭxmónēm avór“. Xŭjraš ašáu, qayróqĭsaš awón: „Oš tĭfár, rúyĕn tĭfár“. Qayróq apártou.

(23) Posšóě odámť ĭiš ašáu, rŭčay nüt aýór — qayróq óš-at rúyĕn, yóta partówak ast. Azŭwórt, odámťĭsa awón: „Na olówaš, na opš, hĭč čĭz nĭst, i qayróqěš ast, čok wóvot — partóučě“. (24) Pirakí oš aúr, mĭxmóntě atĭfár. Xšap avé, aněpĭdor. Ráxšin avé. Tĭk pirakí avvóu mĭxmóntě rítĭš, čoy akün, tĭk ašáu, paláu aúr, awxáror, ajaxor, awóvor: „I qayróq tĭfár“. Ašáu kátěš, inčšisaš awón: „Posšóě odámť namónoštēm, «Qayróq tĭfár» — wóvošt“. (25) Kampirák awón: „Iš qayróq var, tĭfár“, — i bekorá qayróq atĭfárš. Pirakí avárš posšóě odámťě rĭtĕ. Naš-anós. Tĭk avvóu kátěš, inčšisaš awón: „Namónčě, naháx qayróq tĭfár“. Awón: „Kūrě nokandát akáně, — nátĭfáromīšt“. Virš awón: „Posšóě odámť yazáb ĭktá, man tŭxóyošt — tĭfáromīšt“. Anós, avár, atĭfár.

(26) Ax inčš janjól akün. Awón: „Janjól nákün, man šawómīšt ýáykě kátēm, šinčówa kün, jáx“. Šinčówa akün kampirák, ýŭrkě nŭtš amón, atĕr. Ašáu, xárray karě avé. Iš awěs, ópě nüt atír. Axĭš*** xárra akün, domódě

* Вм. domódě kát(ě) děvárĭm? Ср. ниже domódě kat děvárays (Ред.).

** Вм. áxtĭt tēm. (Ред.).

*** Вм. ax ĭiš. (Ред.).

kat dēvárays awés. (27) Ğaykš aněž, tĭk azüwórt, atís virē rítěš, awóv: „Dodóm vvóutax“. Domóděš qa^hrš asán, awóv: „Ćúllam tífáromišt, xárēm avár, qayróqēm avár“. Ğayk id vĭyóra mēxmónš akún, domód nínžž.

(28) Id xšap aněpidor, ráxšĭn avé. Ğayk virĭsaš awóv: „Dodóm tĭrakē ast, čoš tífárišt?“. Awóv: „Ćom ast? I kadúš tífáromišt, někĭ rótě vĕg šawótk — «Ćil kálē něžt» nawóvot, navót — něžošť, tŭxóyošt“. (29) Ğayk dodóisaš kadú ažĕvár, atífár, awóv: „Rótě vĕg náwov: «Ćil kállē něžt»“. Pirakĭ kadú anós, atír. Rótě sárē awóv: „Kal něžt“. Aněžor, děhěš avór. Tĭk awóv: „Ćil kálē kadú darúně tis“. Atísor áxtit. Dástěš anóšš pirakĭ, ašáŭ kátěš. (30) Inčš awóv: „Ćot atífár?“. Awóv: „Ćom tífórčĕ — i kadúm atífár“. Dútĭč jaňg anósor. Inč awóv: „Iš kadú čóĕ xotĭr aúrĕ?“. Awóv: „Mán-pĕ darkórx. Fĭrók bozórĭsa wĕsomišt, kadúm tĕm úromišt kĕ wómišt: «Ćil kálē něžt, posšóĕ tŭxóyt», — xárēm tĕm, qayróqēm tĕm nóm“.

(31) Pago^hi avé. Bozór awés pirakĭ, awóv: „Ćil kal něžt, posšóĕ tŭxóyt“. Aněžor ax kalt, posšóĕ děhĕ avór. Possó awóv: „Nám-dĕ^ht, xár-at qayróqĭt nos“. Anóššĭnt, asĕyn kátěš. Kampirák awóv: „Pagoĭ var, ba soxĭbš tífár“. (32) Awóv xárĕ: „Iš-šá bě^h, taňgá rĕ^h“. Xar taňgá axĭrd. Ğamš akún, sandúqĕ awéd. Tĭk qayróqĭsa awóv: „Yóta partóŭ, rúŷĕn partóŭ, bĭrĭnj partóŭ“. Qayróq hámmaš apartóŭ. Ğam akúnór, sandúqĕ awéd.

(33) Kampirák awóv: „Hámmaš but avé, púnna avé, ĵax, váršĭnt, soxĭbĕpěš tífár — xar, qayróq, kadú“. Aĵax, anóššĭnt, atír domóday kátĭsaš, sárĕš qayróq-at kadú. Domóděš wáxtĕ xŭš avé. Xŭsúrĕš adĕwár, mēxmón akún, oč akún, yótay aešón. Vĭyóra avé, aĵaxor, aněpéd. (34) Ráxšĭn avé. Ğayk virĭsaš awóv: „Dodóm tĭrčĕ, čoš tífárišt?“. Awóv: „Kal, něžt, dě^ht!“. Kalt aněžor, adĕhorš, pirakĭ amír. Ğayk awóv: „Dodóĕmk atŭxóyĕ!“.

Awóv: „Dodót tŭxóyakĕ bob xoy, dodót“.

№ 21

(1) У одного старика и старухи была дочь. И вот жена, та старуха, говорит своему мужу: „Вставай, иди за дровами, принеси дров, испечем хлеб, поедим“. Он поднимается, берет свою веревку, идет за дровами. (2) Идет в степь, собирает дрова, приносит, кладет на веревку. Связывает веревкой, поднимает на спину, у него не хватает силы, он бросает (вязанку), развязывает. Глядит — внутри ноши змей. (3) Он говорит змею: „Ты зачем пришел?“. Змей отвечает: „У тебя есть дочь, я женюсь на ней“. Тот говорит: „У меня нет дочери“. Змей говорит: „У тебя она есть“. Тот говорит: „Нет у меня“. Змей говорит: „У тебя она есть“. Тот говорит: „Я ее не отдам“. Змей говорит: „Если не отдашь — я съем тебя“.

(4) Тогда старик пугается, говорит: „Отдам“. Потом встает, завязывает свою ношу. Они поднимаются и отправляются. Старик не делает

и четырех шагов, как змей ползет прямо в его дом, за ним идет и старик — прямо (в дом). (5) Жена его выходит из дома, говорит: „В наш дом заполз змей, входи, убьем (его)“. А старик говорит: „Он пришел за нашей дочерью, не отдать ли нам (ему) нашу дочь? Если не дадим, он убьет нас“. (6) Пошли оба они, муж и жена, советуются. Потом старик говорит: „Подымайся, иди, приведи муллу, соверши брачный обряд над дочерью, отдай“. Жена его говорит: „Неужели мы отдадим дочь змею?“. Старик говорит: „Силы у нас не хватит, отдадим в конце концов“. Приводят муллу, совершают брачный обряд. Змей увел девушку. Мать ее плакала, отец ее сказал: „Не плачь, таково было веление божье“.

(7) Тот змей при уходе сказал: „Когда ты пойдешь в мой дом, приготовь узелок маленьких хлебцев и неси, кати их (по земле), там, где остановится один из них, — там мой дом“. (8) И вот однажды старичок собрался идти к зятю в дом, жена его приготовила хлебцы, старик понес их. Он начал их катать, все они покатались вниз и укатились в реку, один из них скатился вниз и остановился у дверей дома змея. Старик спустился, вошел в его дом. Вышел его зять, поздоровались, зять сказал своему тестю: „Откуда ты пришел?“. Он сказал: „Из своего дома“. Зять постелил кошму для тестя, сказал: „Добро пожаловать“. (9) Дочь его тоже вышла к отцу, отец сказал: „Змей каков?“. Она сказала: „Отец, он не змей, он добрый дух (пери). Вечером мы не зажигаем светильника, дом наш светится — светло!“. Отец сказал: „Если так, пусть (бог) даст веселья“. В тот вечер для отца своего сделала она плов, приготовила чай, покушали, легли спать, заснули.

(10) Настал день, снова поднялись, сделали чай, испекли хлеб, поели. Дочь сказала своему мужу: „Отец мой собирается уходить, что ты ему дашь?“. Тогда змей сказал: „Я дам ему осла“. Дали ему осла, отправили его в дорогу. (11) Старик взял осла, ушел. Пошел в степь. В эту ночь из осла высыпались деньги — (вся) дорога покрылась (букв. 'наполнилась') деньгами. Старик сказал ослу: „Не высыпай денег“. Осел перестал сыпать деньги. (Старик) взял деньги, пошел, повел осла домой, привел. (12) — „Подмети дом, — сказал он своей жене, — я введу осла“. Жена его сказала: „Злосчастный, не вводи осла в дом“. А старик сказал: „Этот осел сыпет деньгами“. Ввел (осла), поставил его на одеяло, сказал: „Иша-бе, сыпь деньгами“. Осел посыпал деньгами — дом наполнился. (Старик) сказал: „Иш-бе, не сыпь деньгами“.

(13) Наступил день. Он положил в обе части хурджина деньги, погрузил на осла, отправился на базар, сделал покупки: одеяла, платки, рубашки, халаты и калоши. Привез, доставил к себе домой, внес в дом. Сложил в кладовой. (14) Назавтра снова поднялся, пошел на базар. Старуха сказала: „Не веди (с собой) осла, злосчастный!“. Он сказал: „(Нет), поведу, я пешком не пойду“. — „Пойдешь — выроешь себе могилу“. Он сел (на осла) верхом, поехал на базар. Привел его, привязал осла. Пошел, сделал покупки. Денег у него не хватило. Повернулся,

пошел к своему ослу, сказал: „Иш-бе, сыпь деньгами“. Осел посыпал деньгами. Царские люди из-под стены смотрели. Старик взял деньги, опять ушел. (15) Царские люди взяли осла, ушли, привели и привязали другого, похожего на него, — осла, испражняющегося ослиным пометом. Тот мужчина (старик) пришел, не понял, сел на него верхом, поехал, отправился к себе домой. Сказал своей старухе: „Подмети дом, пусть наш осел посыпет деньгами“. Ввел осла в свой дом, сказал: „Иша-бе, сыпь деньгами!“ Тогда осел высыпал ослиный помет.

(16) Старик со старухой начали браниться. Жена его сказала: „Куда ты девал своего осла? Я сказала — не бери осла, злосчастный, вот (и) забрали его, чтоб ты сдох!“ Старик сказал: „Не ругайся, я встану, делай хлебцы, я пойду в дом моей дочери“. (17) Жена его сделала хлебцы, старик поднялся, пошел в дом дочери, понес хлебцы, покати (их). Спустились они, укатились в реку, еще один (хлебец) покати — скатился и остановился в одном месте. Старик тоже спустился, посмотрел: „Я у дверей зятя“. (18) Зять его не вышел, сказал своей жене: „Выйди к своему отцу, я не выйду, он увел моего осла, сгубил его“. Дочь его сказала: „Ну ладно, он — старик, пришел к дверям твоего дома“. Сама она вышла, ввела его в дом, угощала его. В этот вечер сделала ему плов, чай. Ночь он проспал у нее в доме.

(19) Настал день. Дочь сказала своему мужу: „Отец мой уходит, что ты ему дашь?“ Он сказал: „Я дам ему кремень: «Кремень мой, дай плова, дай мяса», — пусть во время пути не говорит, когда придет к себе домой, тогда пусть скажет“. (Дочь) принесла ему кремень, дала, сказала: „«Кремень мой, дай плова, дай мяса», — по дороге не говорите, когда придете домой, тогда говорите“. (20) Старик взял кремень, унес его, доставил к себе домой. Старуха сказала: „Что он тебе дал?“ Старик сказал: „Он дал мне кремень“. Она сказала: „Ты кремень себе на могилу положишь?“ Он сказал: „А ну, вычисти дом, постели ковер!“ Жена его убрала в доме, постелила ковер. Тогда муж ее сказал: „Кремень мой, дай плова, дай масла, дай риса“. Кремень бросал, бросал — наполнил дом. Собрали в котлы рис, запарили (плов), поели, легли спать.

(21) Настало утро, старик пошел на базар, привез (туда) масло и рис, продал. Царские люди сказали старику: „Где ты нашел масло и рис?“ Он сказал: „Я крестьянин, у меня есть скот, у меня есть рисовые посеы“. Царские люди сказали: „Мы будем твоими гостями, вечером пойдем“. Старик сказал: „Очень хорошо“. Пошел, дошел до своего дома. (22) Царские люди также пошли. Старик сказал: „Слава богу, царские люди стали и моими гостями“. Пошел в кладовую, сказал кремню: „Дай плова, дай масла“. Кремень набросал.

(23) Один из царских людей пошел, заглянул в дымовое отверстие в крыше — кремень выбрасывает плов, масло, мясо. Он вернулся и сказал людям: „У него нет ни огня, ни воды — ничего нет, есть только кремень. Что (старик) ни скажет — он выбрасывает“. (24) Старик принес плов, дал гостям. Настала ночь, легли спать. Настал день. Снова старик

пришел к гостям, сделал чай, снова пошел, принес плов, поели, поднялись сказали: „Дай кремень“. Он пошел к себе в дом, сказал своей жене: „Царские люди не отпускают меня, говорят: «Давай кремень»“. (25) Старуха сказала: „Неси и отдай этот кремень“, — дала ему негодный кремень. Старик отнес его царским людям — они его не взяли. Он снова пришел к себе в дом. Сказал своей жене: „Не отпускают, давай тот кремень“. Она сказала: „Ты (сам) роешь себе могилу, я не дам“. Муж ее сказал: „Царские люди сердятся, убьют меня — я отдам“. Взял, понес, отдал.

(26) Жена его бранилась. Он сказал: „Не бранись, я пойду в дом к моей дочери, вставай, делай хлебцы“. Старуха сделала хлебцы. Он взял их на спину и ушел. Пошел, начал (их) катать. Один (хлебец) скатился и упал в воду. Покатил другой — спустился к двери дома зятя.

(27) Дочь его вышла, потом вернулась, вышла к мужу и сказала: „Отец мой пришел“. Зять его рассердился. Он сказал: „Чтоб ему! Осла моего увел, кремень мой унес“. Дочь в этот вечер угощала его, зять не вышел.

(28) Проспали они эту ночь — настал день. Дочь сказала мужу: „Отец мой уходит, что ты ему дашь?“. Он сказал: „Что у меня есть? Я дам ему тыкву, но только, когда он пойдет по дороге, пусть не говорит: «Выходите, сорок плешивых», — а то выйдут и убьют его“. (29) Дочь вынесла отцу тыкву, отдала, сказала: „По дороге не говори: «Выходите, сорок плешивых!»“. Старик взял тыкву, ушел. По дороге он сказал: „Плешивые, выходите!“ . Они вышли и начали бить его. Он снова сказал: „Сорок плешивых, войдите в тыкву!“ . Старик взял тыкву в руки, пошел к себе домой. (30) Жена его сказала: „Что он тебе дал?“. (Старик) сказал: „Что он мне даст? Он дал мне тыкву“. Оба они стали браниться. Жена сказала: „Для чего ты принес эту тыкву?“. Он сказал: „Она мне нужна, завтра я пойду на базар, возьму и мою тыкву, скажу: «Сорок плешивых, выходите, убейте царя», — и осла своего, и кремень возьму“.

(31) Настало утро. Старик пошел на базар, сказал: „Сорок плешивых, выходите, убейте царя“. Вышли плешивые, начали бить царя. Царь сказал: „Не бейте меня, бери своего осла и кремень“. Он взял их, принес домой. Старуха сказала: „Утром отнеси, отдай их хозяину“. (32) (Старик) сказал ослу: „Иша-бе, сыпь деньгами!“ . Осел посыпал деньгами. Он собрал их, ссыпал в сундук. Потом сказал кремню: „Бросай мясо, бросай масло, бросай рис“. Кремень все выбросил, (они) собрали, положили в сундук.

(33) Старуха сказала: „Все закончено, наполнилось — вставай, веди их, отдай их хозяину — осла, кремень, тыкву“. Он поднялся, взял их, пошел в дом к зятю, на (осле) кремень и тыква. Зять его обрадовался. Ввел своего тестя (в дом), угощал его, сделал плов, сварил мясо. Настал вечер, поднялись, легли спать. (34) Настал день. Дочь сказала своему мужу: „Отец мой уходит, что ты ему дашь?“. Он сказал: „Плешивые, выходите, бейте!“ . Плешивые вышли, побили его — старик

умер. Дочь сказала: „Ты ведь убил моего отца!“. Он сказал: „Отец твой заслужил того, чтобы его убить, твой отец!“.

№ 22

Записано в сел. Пулля Роут

I wáxtě qadímě Púlla Róutě méyně i pšak i pělě taxt oy. Mardům jam avú, awóvor — šər xástě. Čínkě-pěš líkát akünór, rití sánkěš anóvor. Pšak apěréyž, ašáu, díráxtě sárě asán. Gášta ax díráxt arrá amúnor, čě kúněš pákka akün. Kě gášta zamínisa atěráyš akěš,* aų díráxtě sárě asán. Aų díráxtě tım čě kúněš pákka akünór. Gášta anósošt — pšak. To těráy sólě nax zoy nékišor — balozadá avú guftá.

№ 22

В старое время в селении Пулля Роут кошка попала в капкан. Люди собрались, подумали (букв. 'сказали'), что это тигр. Толкали ее палкой, загородили ей (путь) камнями. Кошка убежала, взобралась на дерево. То дерево спилили, подрезали снизу. Тогда она упала на землю (r), взобралась на другое дерево. И то дерево срубили у основания. Вот схватили ее — (оказывается это) кошка. Три года не засевали это поле, говоря, что оно проклятое.

№ 23

Записано в сел. Каши

(1) I possó^h oy, t̄ray inčš oy, t̄ráyt̄iš bezüryótě oy. I qalandár avóu, gadoyí. Possóyě t̄ray s̄ibě at̄fár, awóv: „Iš káttay inčt, iš bídónc̄ik, iš púllay t̄far. T̄ráyt̄iš žúta úrošt, púllay inčě žúta mánik vóččě. Man wówomišt, iš nósom“.

(2) Possó s̄ib anós, aděwár — iš káttay inčš at̄fár, iš bídónc̄ikě at̄fár, iš púllay inčš at̄fár. Gadó amón, at̄er. T̄ray inčš púlla avó, t̄ráyt̄ič žúta avó.

(3) Qalandár avóu tik gadoi, avóu, dust axáš. Possó aněž čě kat: „Hañ, diwoná-ī qalandár?“ — awóv. Qalandár awóv: „Návrě xot̄ir avówem, návrēm t̄far“. (4) Káttay inčě žútaš aživár — yuš nekün, bídónc̄ikš aživár — tik yuš nekün. Púllaš aživár — anóšš, at̄er. Avárš, rótě sárě i sarkallá voxúrd avó. Líkátě-pěš adě^h ax žúta. (5) Sarkallá awóv: „Man nádě^h, man tēm tau měnta óyım, nahěš qalandár nahpētēm akün. Čüwáně rúyēn awéd, awóv: «Laks!». Man aláksēm, tēlam akün, adě^hēm čüwáně darúně, apüxsónēm, awxár. Tau tēm nahpēt künčě. Tu wov: «Bobí, xū^{al}** tu laks, kě tik man láksomišt“.

* Значение слова установить не удалось. (Ред.).

** Из awwál? (Ред.).

(6) Dütč atirór. Dütč qalandárë katš avowór. Žúta aγór — čüwánë rúyën. Qalandár awóv: „Olóu kün, čüwánë tákë mon“. Olóu akün, amón, rúyën éšë asán. (7) Qalandár awóv: „Jax, girdiš laks“. Žúta awóv: „Bobí, i ýum tu laks, man wënom“. Bobí čarx akün, tēlaš akün, čüwánë rúyënë nüt amír. (8) Žúta ašáu, toqčót akóu, čil kalítë avír. Čil kalítë anós, ašáu, čil xǔjrá apën. Awálë dëwáraš apën, bist odámë: „Tú farbi^h, man xarób“, — wóvakšint ast. Žúta awóv: „Man qalandár atxóyëm, hámmašint ozód künó-mišť“. Hámma dëwár apën, hámma ozód akün.

№ 23

(1) Был один царь, у него было три жены, все были бездетны. Пришел один каландар — просить милостыню. Он дал царю три яблока, сказал: „Это ты дай старшей твоей жене, это — средней, это — младшей. Все три принесут сыновей, сын младшей жены будет моим. Я приду и возьму его“.

(2) Царь взял яблоки, принес (домой), одно дал старшей жене, одно дал средней, одно дал младшей. Нищий ушел. У трех жен родилось по ребенку — все трое мальчики.

(3) Каландар снова пришел просить милостыню. Затянул (свое): „О друг!“ . Царь вышел из дома и сказал: „А, блаженный?“ . Каландар сказал: „Я пришел за обещанным, давай то, что ты мне обещал“.

(4) Вывел сына старшей жены — не согласился (его взять). Вывел (сына) средней жены — опять не согласился. Вывел (сына) младшей жены — каландар взял его, ушел. Повел его, по дороге попалась человеческая голова. Тот мальчик пнул ее ногой. (5) Голова сказала: „Не бей меня, я ведь был подобным тебе, этот каландар меня сделал таким. Налил в котел масла, сказал: «Ходи (вокруг котла)!». Я ходил, он толкнул меня в котел, изжарил меня и съел. То же самое он сделает и с тобой. Ты скажи: «Дедушка, сначала ты походи (вокруг котла), потом я похожу»“.

(6) Оба они пошли. Пришли в дом каландара. Мальчик посмотрел — в котле масло. Каландар сказал: „Разведи огонь, положи под котел“. (Мальчик) развел огонь, положил (под котел), масло закипело. (7) Каландар сказал: „Вставай, ходи вокруг него“. Мальчик сказал: „Дедушка, походи ты разок, я посмотрю“. Дед пошел кругом, он его толкнул, тот умер в котле, в масле. (8) Мальчик пошел, пошарил по полкам, нашел сорок ключей. Взял сорок ключей, пошел, открыл сорок кладовых. Открыл первую дверь — двадцать людей говорят: „Ты — жирный, я — худой“. Юноша сказал: „Я убил каландара, всех вас освобожу“. Открыл все двери, всех освободил.

№ 24

Записано в сел. Каши

(1) I síča oy. Pašm jam akün, γotk akün. Panč tǔxm akün — iš vayrón avé, tǔfór čújay ažívár. (2) Tǔfórtëtë xotǔrš boroní akün. Pašm nadóf

ritë avár: „Nahěš birt-birt kün“. Tik avár i incë ritë: „Rëwěš t'far“. Tik avár bofandáy ritë: „Nahěš wof, t'far“. (3) Tik avár i odámě ritë: „Naxěš müll t'far“. Tik avár i incë ritë: „Naxěš p'xoy, túfórtětě xot'irs ši, zěhák mon“. (4) Túfórtitš nüyuntánt, ba müród-ü maqsád arasór.

№ 24

(1) Был один воробей. Он собрал шерсть, сделал гнездо. Снес пять яиц — одно испортилось, вывел четырех птенцов. (2) Для всех четырех он сделал чекмени. Отнес шерсть к шерстобиту: „Перебей это“. Потом понес к одной женщине: „Спряди это“. Потом понес к ткачу: „Сотки это“. (3) Потом понес к одному человеку: „Сваляй это“. Потом понес к одной женщине: „Это скрой, шей для всех четверых, положи оторочку“. (4) Все четверо надели, достигли цели, желаний.

№ 25

Записано от Мулло Юсуфа, 63 лет, жителя сел. Каши

(1) I posšóě oy, i wazírš oy. Posšó avów: „Kas ba tarbiát aql paydó künčě?“. Wazír avów: „Na, áqlim komíl xoy“. Posšó avów: „Nižd*, i aḫmáqě virt, děwórt“. (2) Anížor, aḡóror — i aḫmáqě díráxtě sárě sátax. I aḫmáq pódáy tákě šóxaš pák kay karkš ast — qaríbě děwíyot, mirót. (3) Posšó avów: „Aḫmáqě urt, čil mětě kawá künt. Čil mětě kawá künt, aḡúrě čillagí tifórt, non natifórt“.

(4) Posšó rüboló nípista xoy. Wazír atis, salóm akún. Posšóanaxpít rüboló ḡórakš oy. Avów: „Šau, ur“. Haft mət wazír aláks, nívir. Xúkmě „küš!“ avó. (5) Aḡáx wazír, aḫmáqě ritě atis, avów: „Posšó man ritě vówta xoy: «Šau, ur!», i haftá aláksım, maslaxátš nívirım. Man čě taḡ maslaxát pürsómışt“. (6) Aḫmáq avów: „Posšó cütü** nípista xoy?“. Avów: „Rüboló“. Aḫmáq avów: „Posšó rüboló nípista xoy! Šau, üstó ur, kat rask künót“. (7) Posšó avów wazírša: „Aḫmáq wazír vot, tu noib vu“. Aḫmáq wazír avó.

№ 25

(1) Был один царь, был у него везир. Царь сказал: „Человек умнеет от воспитания?“. Везир сказал: „Нет, мой ум совершенен“. Царь сказал: „Выйдите, найдите какого-нибудь дурака, приведите“. (2) Вышли, посмотрели — один дурак взобрался на дерево. Рубит дурак ветку под своими ногами, — вот-вот упадет, умрет. (3) Царь сказал: „Приведите дурака, на сорок дней арестуйте его. Арестуйте на сорок дней, давайте ему виноград чиллаги,*** а хлеба не давайте“.

4) Царь лежал на спине (лицом кверху). Везир вошел, приветствовал (царя). Царь вот так смотрел вверх. Сказал (везиру): „Иди, при-

* Вм. nižt.

** Вм. čüttě? или из т. či tavr?. (Ред.).

*** Ранний сорт винограда.

веди!". Семь дней везир ходил, не угадал (букв. 'не нашел'). Был (отдан) приказ: „Убить (везира)". (5) Встал везир, пришел к дураку, сказал: „Царь мне сказал: «Пойди, приведи!», я ходил целую неделю, смысла (его слов) не разгадал. Я прошу у тебя совета". (6) Дурак сказал: „Царь как лежал?". Сказал: „Лицом кверху". Дурак сказал: „Царь лежал лицом кверху! Пойди, приведи мастера, пусть починит дом". (7) Царь сказал везиру: „Дурак пусть будет везиром, ты будь (его) помощником". Дурак стал везиром.

№ 26

Записано в сел. Каши

(1) Númîš Xasán-î Gülríz i xofiz xoy. Potšóë-pë písánd xoy. I med * dáštë vëg aníz, atér, aγór — i kállë vowák ast, čë qadár žóykë vówakîš ast. (2) Xasán avón: „Uštom — něhîš kay êncë-pë ošúq xast". Avóu, rítîš arás. Avón: „Taü něhîš ránkë kay êncë-pë ošúq îšt?". Avón: „Xasán-ë Gülrízë êncë-pëš". (3) Xasán-î Gülríz avón: „Xasán-î Gülrízë êncë naxót taü kállë-pë ošúq vot?". Avón: „Bowwár tik náküništ, šaü, γor — čë sárë diráwîm tú'morcáš iktá, fik sáriš xáštaš". (4) Xasán-î Gülríz avóu kátîš, êncë fikë sáriš aγór, tú'morcá awén. Avón: „Razk vóvna vətáx". Xafá avó.

(5) Potšó odámš amón — Xasán-î Gülríz vóvot. Xasán-î Gülríz ašáü potšóë rítë. Potšó avón: „Id vîyóra wáqtîm xüş kün — xafáim, çaq-çaq kün". (6) Xasán-î Gülríz aníd, gap nédë^h. Potšóë qa'r avó. Odámtiš avón: „Vórtîš saixónë, rübčdüymótë rítîš pártout!". Odámtiš aváror, saixónë amón. Dëwólë künë ašáü, aníd. (7) Potšóë saíst rixánîsa avóvor: „Îš nívoü". Nîsp-î šab oy, Xasán-î Gülríz γórak ast, — potšóë êncë avóu. Saístš dëhîš avór: „Tu γir avówë". (8) Xasán-î Gülríz wáqtîš xüş avó, xántaš anós. Avón: „Potšó** êncë tîm nahpîráü vətáx!". Axánt, bîšiyór axánt. Xántakš potšó ad^uγúš.

(9) Potšó odámš amún, avárš. Avón: „Man aúrîmt, avóvëm: «Wáqtëm xüş kün», — gap nédë^hî, qá^hrîm avó, avarîm, saixóna appártou. Saixónë axántë — ču?". (10) Avón anë: „Man êncîm düst adórëmišt. I met awénim — i kállë-pë ošúq vətáx. Xafá avém. Tú odám amúnî, awúr, avár, saixónëm amún. Awénim — êncît atîš saíst rítî. Saíst adéhorš, avóvor: «Îir avówë». Xántam anós, avóvîm: «Potšó êncë tîm nahpîráü vətáx», — xántam anós".

(11) Potšóë dil šou avó, potšoi tark akún, Xasán-î Gülrízë-pë dútiš anîzor, atír. Dáštî vëg ašáwor, awénor — i vówak ast. Avóu, rítîšînt arás. (12) Avóvor: „Ku šáwîšt?". Avón: „Tabíbî rítî šómîšt, êncîm napîstax, tabíbî xotîr šómîšt". — „Tabíb kux?". — „Xündüstón". (13) Axántor: „Zîwort, — avóvor, — tabíb mox!". Azüwórtor, atír, ménî rítîšaš avów. Nîsp-î šab avó. Avóvor rúčay sáriš. Avóvorîš: „Γor!". Aγór — i jüónmard táxta, êncî-pëš napîstax. (14) Avóvor: „Êncît xüb kasál vətáx!". Atîš kátë, êncî-

* Из met. (Ред.).

** Из potšóë êncë. (Ред.).

saš avón: „Tu xépit kasál akúnĭ, man tabibĭ xotĭr yak ra^h akúnĭ — iš ark čox?“. Avón: „Áně nákūnomišť!“. Avón: „Áně mán-pět darkór na. Nahšĭ kat dútaitšĭnt. Tárk-ě watán akúnĭm“.

(15) S'ráytěč anížor, atír. Avóvor, i sarxáuzě lápě i káppa akúnór, kě s'ráytěč naháwokě maslaxát akúnór, aníd. Avóvor: „Dūnyó-ĭ oqūbátĭš něhĭš vot. Tárk-ĭ watán akúnĭm“. S'ráytěčš naháwokě ba mūród-ĭ maqsád arásor, anídor.

№ 26

(1) Был один певец по имени Хасан Гульриз. Он нравился царю. Однажды он вышел, пошел в степь, видит — идет плешивый, вот эдак идет, распевая. (2) Хасан сказал: „А ну-ка, — в чью жену он влюблен?“. Подошел, дошел до него. (Хасан) сказал: „Ты в чью жену так влюблен?“. Сказал: „В жену Хасана Гульриза“. (3) Хасан Гульриз сказал: „Неужели жена Хасана Гульриза влюбилась в тебя, плешивого?“. Сказал: „Ты еще не веришь, иди, посмотри, она сделала амулетик из моих волос, повесила его на плечо“. (4) Хасан Гульриз пришел к себе домой, посмотрел на плечо жены, увидел амулетик. Сказал: „Правду он говорил“. Опечалился.

(5) Царь послал к нему человека — пусть придет Хасан Гульриз. Хасан Гульриз пошел к царю. Царь сказал: „Развесели меня сегодня вечером, я печален, поболтай“. (6) Хасан Гульриз сел, (ничего) не сказал. Царь рассердился. Сказал своим людям: „Ведите его в конюшню, бросьте его к лошадям“. Люди повели его, поместили в конюшне. Он пошел, сел у стенки. (7) Царские конюхи сказали один другому: „Эта не пришла“. Была полночь, Хасан Гульриз смотрит — пришла жена царя. Конюхи начали ее бить: „Ты поздно пришла“. (8) Хасан Гульриз развеселился, разобрал его смех. Сказал: „И жена царя, оказывается, такая“. Смеялся, очень смеялся. Смех его царь услышал.

(9) Царь послал своих людей, привели его. (Царь) сказал: „Я тебя привел, сказал: «Развесели меня», — ты молчал, я рассердился, отвел (тебя), бросил в конюшню. В конюшне ты смеялся — почему?“. (10) Сказал: „Я любил свою жену. Однажды заметил, что она влюблена в одного плешивого. Я опечалился. Ты послал человека, (он меня) привел, отвел, оставил в конюшне. Я увидел — жена твоя вошла к конюхам. Конюхи побили ее, сказали: «Ты поздно пришла». Меня разобрал смех, я сказал: «И жена царя, оказывается, такова», — смех меня разобрал“.

(11) Царь опечалился, он отказался от царства, вдвоем с Хасаном Гульризом вышли они, ушли. Пошли они в степь. Увидели — кто-то идет. Пришел, дошел до них. (12) Сказали: „Куда идешь?“. Сказал: „Иду к лекарю, жена моя лежит, иду за лекарем“. — „Где лекарь?“. — „В Индии“. (13) Засмеялись: „Поворачивай, — сказали, — лекари — мы“. Повернули, пошли, пришли в селение. Настала полночь. Подошли к дымовому отверстию, сказали: „Смотри!“. Взглянул — какой-то юноша вошел и лежит с его женой. (14) Сказали: „Ну и больна же твоя жена!“.

Вошел в дом, сказал своей жене: „Ты притворилась больной, послала меня за лекарем — что же это такое?“. Сказала: „Больше не буду (так) делать“. Сказал: „Ты мне больше ненужна. Этот дом (пусть будет) вам обоим. Я отказываюсь от родных мест“.

(15) Вышли втроем, ушли. Пошли, на берегу одного пруда построили шалаш, решили там втроем поселиться. Сказали: „Так в конце концов бывает в мире. Откажемся (букв. 'отказались') от родных мест“. Втроем они там достигли цели и желаний, стали (там) жить.

№ 27

Записано от Мирзо, 43 лет, жителя сел. Сархадн Куль. Слышал сказку в детстве от своего отца

(1) I pošćó vutá, i γaykš vutá. γayk šá^hrě γáyktě-pě čorbóγě aněžóyšt bozí. (2) Xīrs avvóu, γáyktě núkě akún. Poščóě γáykě čak adór, aséyn, avár, γóre rítíš anós. (3) Vīyóre avvóu, rítíš anípíd. Métí aněž, atér. Góre děvárě kátta sánkě-pě maḡkám akúněšt. (4) γayk čě doqíš akán, arīwěš sánkě vek. (5) Nahípít kúlulá avú. Hárraš akún — i odámš vírot.

(6) Bobó-ě Xorkáš inčě i zaγóra qarz akún, at^ofár čě hamsóyaěš. Xásě rúpakě avvóu Bobó-ě Xorkáš. (7) Avvóu, xásě rúpěy avú darósa-pě*, kúlulá avír. Naḡ kúlulá ja'm akún, asán, γóre děvárě arás, axáš. (8) „Kaḡ išť?“, — awóv čě darún. Awóv: „Bobó-ě Xorkáš-im“. Awóv: „Man odám-ě notawón, vítaš kúnóm — jamš akún m“. (9) γayk awóv: „Man pošćóě γáykš-im. Dodóm vvówotīm várot“. (10) Bobó-ě Xorkáš víta-t darós apártou, pošćóě rítisa atér. Ašáu kúčay vek, inčěš woxúrdš avú. „E padár nalát! — awóv, — i zaγóra qarz akúním at^ofár čě hamsóya. Xas uxštagit ku?“. (11) Adé^h sánkě-pě. Bobó-ě Xorkáš asán, arás pošćóě rítí. „Ho, pošćó-ě olám, — awóv, — γáykět avírəm: xīrsě vúrta vutáx. (12) γaykt awóv: «Dodóm sanótīm várot!»“. (13) Poščó ajax, qáddí zartúda akún. Xorkáš avár, kátěš anjóm akún. (14) Kě Xorkáš rirítš akúnór, aséyn, avár. Poščó γóre děvárě asán, arás čandín nafár odámě-pě. (15) Góre děvár apé^ynor, kátta sank as^uxóyor, γáykě anósor, awés, kátisaš awúrš.

(16) Nū^h mo^h, nū^h soát būd avú — púllaš avú. I metónaš yaksóla barobár avú, dū metónaš — dūsóla barobár avú, avd metónaš — avdsóla barobár avú. (17) Púllótě-pě aněž, qáddí kučá bŷjŷlbozí akún. Čapaloqí adé^h — púllót karáx avór. (18) Šá^hrě mórtít avvówor pošćóě rítí. Awóvor: „Poščó-ě olám, šá^hrě púllótě xarób akún nĕpĕyšint, — nasīḡát kŷn“. (19) Poščó nĕpĕyšintš nasīḡát akún. Nĕpĕyšintš: „Bobó, — awóv, — čě man dilt gⁱrítá avú. Fot^lxám t^ofar: nižóm, tiróm sáylě. Čil man kord, čil man kešá, čil man kamón man xotŷr farmóy“. (20) Poščó ŷstóya afarmóy. Žúta anós, aněž, atér.

(21) I dáště ašáu. I avvóu — čanór fik sárěš. Áy-pě salóm ažóy. (22) — „Čanór ku várišt, ŷurá?“. — „Očáěm čárxě gušákš ŷnxastax: čárxě gušákš kŷnót“. (23) — „In taráf ku šawíšt?“. — „Poščóě nĕpĕyšintš pahlawón nižtáx: šáwomišt, bídón nósom“. (24) Žúta awóv: „Poščóě nĕpĕyšintš hamdástš

* Вм. darósě-pě? (Ред.).

mán-im. Man adéhe — áwě tim dēhīšt“. (25) Kórd-ū kamón amón zamíně. Ax tim čanór apártou zamíně. Bīdón anósor. (26) Met pešin avú, Xīrs-ed-Dín Čanór-ed-Díně adé^h. Awów: „Jěyxónim, akó-i qiyomatí, amirim — i čükürí, ažúyım — i balandí“. (27) Ajáxor, kórdě kamón anósor, atér.

(28) I jogá^h ašawór. Aγóror — i vvówak ast — dástěš i xútanna sang, čilikě-peš bozı kárkě vvówak ast. (29) „Sang ku várišt?“, — awów. „Očáě čárxěm γaltákš ũnxastax. Váromišť — čárxě γaltákš künót“. (30) — „It taráf ku šawíšť?“ — „Poščóě nēpěyšint rítı gūštıngırı“. (31) Awów: „Jürá, mán-pě bīdóně nos: hamdástš mán-im. Mank adéhe — áwě tim dēhīšt“. (32) Bīdón anósor. Nisp-ě ruz avú, áwě tim adé^h. — „Akó-i qiyomatı, — awów, — jě^vxónim. Amirim — i čükürí, ažúyım — i balandı“. (33) Ajě^vxón. Saráyıtıt aněžor, atér. Čandın porá ros ašawór. I yóka dam anós. (34) Aγóror — i balandı lápě dúdě tírak ast. Xīrs-ed-Dín pahlawón awów: „Man sánom, xē-pár nósüm, wēnüm — káxtıt or?“. (35) Asán, aγór — dəwt. Čiltıtış at^xóy, azüwört, awés. Vırótısaš awów: „Sánım, na'wát * nıdım — dünıyoı na'wát“. (36) Asánor, na'wát anıdor. Šıkór künóı,** nıdor naháwokay.

(37) Awóvor: „Šáwım, γayk düzdım, úrim — páčak künót, xor žóyım“. Ašawor, awúr i poščóě γáykě. (38) I pšákě awúror kattıš — pšákě-pe bozı künót. „Xor, — awóvor, — xaılı arántık, mawız avırık — ham x^vat x^var, ham pšákě t^ofar. Agár pšákě nét^ofare — olówě gazónčě, t^xxoyt — kě olów nıvirıšť“.

(39) I metı avú, akótš ašawor šıkórě. (40) Gayk xaılı aránt, mawız avır, pšákě «pěš-pěš» akün. Pšak nıvvoı, x^vatš ax^varš. (41) I soátı avú, pšak avvóı, «maı-maı» akün. Gayk mawız nıvir t^ofarót. Pšak ašáu, olówě agazón, olówěš at^xóy. (42) Gayk aparáxs xayrón. Ajáx, aněž, atér děvārısa. Asán múnórě sárě, aγór — dáště i payst tírak ast. (43) Gayk payst anós, atér. Ašáu, arás. Aγór — i barzangı póday-peš olówě kówak ast. (44) „Assalóm aláyküm“, — awów. Awów: „Salómım nıkünıšť — lüymá-ı xomt akünımıšť“. (45) — „Olówěm tēfár, momó!“. — „Xayr“, — awów. Olówěš at^ofár. (46) Barzangı i müště yáwě don, i müště γámtuně don at^ofárš. „Γámtuně x^varš, yáwě don čóškě tir“. (47) Gayk olów anós, ax^var, kátısaš atér, yáwě don čóškě atér.

(48) Áwě metıš avú, akótš aněžor, atér šıkórısa. (49) Γáykě úmšay kárakš oy, barzangı avvóı: „Nıž, vvóı, sárěm γor“. Gayk aněž, sárěs aγór. (50) Sıncın adé^h, waxn azımák. Ajáx, amún, atér. Har met avvóıšť, naxpěť akün. (51) Gayk bısıyór xarób avú. Akótš awóvor: „Xarób ču vıtıšť?“. (52) Awów: „Xo t^xóyıtım, xo múnıtım — mawız avırēm «pěš-pěš» akünım, pšak nax xoy; x^vátımš ax^varēm. Kě pšak avvóı, mawız nıvirēm t^ofáromš. (53) Avvóı, olówě nüt agazón, olów at^xóy. Olów nıvirēm, ajáxēm, múnórě sárě asánēm. (54) Kě aγórem — čě i dáště payst tírak ast. Ajáxēm, nax payst anósēm, ašáu. (55) Aγórem — i barzangı póda-peš olówě kówak ast. Olówěm at^ofár. (56) Har met š^umox šıkórısa tírtěšť, ax vvóıčět, sıncın dě^hčě, xún-ě badán zımákčě. Sabáb-ě xarobım nahıš“.

* Bm. nahwát.

** Bm. künóšt. (PeA.).

(57) Čanór-əd-Din awóv: „Man nídomišť, barzangi sar s^uxóyom“. Dėvărė sítámě bajó avú. (58) Barzangi avvóu, fayród akún: „Ho, balám, niž, sárēm ȳor!“. (59) Čanór-əd-Din barzangiě awėn, naxpiráu ačúké^ʔr, língtė nütš agazón. Gáykisa awóv: „Jax, niž — agár tísot, dũ-ta tım mox xórcě“. (60) Gayk aněž, sárěš aȳór. Barzangi aȳ^ʔrív — pahlúiš odám ast: har meť i dástay xoy, in-núr dũ dástay sıncın adě^h, azımák, amún, atėr.

(61) Vıyóra avvówor akóťš. Awóvor: „Čo aküni?“. (62) Awóv: „Fayród akún dęw, akóm acúké^ʔr, língtė nütš agazón. Dęw dũ dástay sıncın adě^h, azımák, amún, atėr“. (63) Sąg-əd-Din awóv: „Man nídomišť“, — awóv. (64) Ax dũš šikóřě asanór, atėr. Sang-əd-Din aníd. (65) Dęw avvóu, fayród akún. Sang-əd-Din ačúké^ʔr, língtė nütš agazón. Gáykisa awóv: „Jax, niž: tísčě — dũ-ta tım xórcě“. (66) Gayk ajax, aněž. Barzangi saráy dástay sıncın adě^h, azımák, atėr, ašáu.

(67) Vıyóra akóťš avvówor. Awóvor: „Čo aküni?“. Gayk awóv: „Akóm língtė nütš agazón, héč-cı néikt akún“. (68) Xırs-əd-Din awóv: „Man x^uátım nídomišť, š^umox sant, tirt šikóřisa“. (69) Xırs-əd-Din aníd. Barzangi avvóu. Xırs-əd-Din aněž, aȳór — vvówakš ast. (70) Atıs, xóřisaš awóv: „Dęw avvóu. Náněž, — awóv, — xor. Man tım nánežd vómišť. Dęwė wov — kátě tísot“. (71) Gayk awóv: „E momó, úmša künomišť, náněžd vómišť. Tis — xo x^uárěštım, xo mun!“ (72) Barzangi sar darúně akún — tísot: fıktš dėvărė pahlúy čak avór. Xırs-əd-Din kórdě-pě aděhš. (73) Sarkalláš dur apárr, atėr. „Man turá ben...“, * — wóvkě atėr. (74) Ašáu, ȳóřisa aje^h, atėr. Xırs-əd-Din čě sítámš awėš, ȳuš adór. Ax sarkallá awėš, arz akún: „Qá'měš ta avd pušt xaróp künimišť“. (75) Pahlawón azüwórt, amún, asán. Vıyóra vıróťš awėsor. (76) Vıróťš awóvor: „Čo aküni?“. — „At^uxóimš, néki har waxť zalářiš ráššě. Gáykě vářim, múnim dodóě kátěš“. (77) Gáykě aváror, amún dodóě kátěš.

(78) Yak dıgářě-pě maslařát akünór: „Čo künimišť?“. Xırs-əd-Din awóv: „Nahít barzangi qá'měš to sófiš nakünım, ilój nest: zalářš móx-pě ráššě. Takdıřēm čok vot — čóxě wėsomišť, zóro nobúťšınt künóm“. (79) Čóxě lápěš ašáwor. (80) Xırs-əd-Din xėpiš vítay-pě avánt. — „Vítay sar čak dort — man wėsom!“ Čakš adóror, čóxě awėš. (81) Aȳór, awėn — i parı nístax, bısiȳór xüşrú xoy, čě xüşněš čox rušanı akünišť. (82) Awóv: „Ču awėsi? Jaxóišť — x^uárort“. (83) Awóv: „T^uxóyomišťınt“. Awóv: „T^uxó-yakı-pět námirošť“. (84) Awóv: „Jónšınt čě čóix?“. Awóv: „Náȳ^ʔrıvomišť“. (85) Awóv: „Man i yókay bajó kün, kě jónšınt pürs. Wėn — čě čóix jónšınt?“.

(86) Čóxě nüt amún pahlawóně, sárěš libós apártou, libós sárě aníd. Dęwt ajaxor itón. (87) Parı awóv: „Jónšınt čě čóix?“. Awóvor: „Mox jóně-pě čot muntá?“. (88) Parı awóv: „I gap pürsomišť, návot man š^umox jon darkóřim nax: i za'ıf odám“. (89) Awóvor: „Čıl xųjrá darúně i jüráy kaftářě ástě męxi sárě. Naháutiťě at^uxóik kě dũ kırmě ástě darúntěšınt.

* По объяснению рассказчика, это незаконченная таджикская фраза: Mar turá, ben ki čě kor künám.

Naháutitě at^uxóik kě mox jon sof. Pít nekí réza mox tim künt — námiri-mišť. Pojómay vántě mox kalíd ast, čiltitě mox ástě“. (90) Parí har i čiltitěš ikě kaškúl šaróp t^efórcě, mast vošť, nípídor. (91) Pahlawón adūyúš gápšint, asán itón čě čóxě darún, kalídt anós čě pojómay vántšint. (92) Čil xūjray děvár apé^vn itón, kaftártě anós, at^uxóyěšint, kirimčaktě niškěšint anós. (93) Dəwt ajaxor, arrást akünór, awóvor: „Mox nát^uxoy, jüwōmárd! Mox la'l t^efarím, jawohír t^efarím, čok ýáutit, mox t^efarimtit“. (94) Pahlawón awóv: „Man š^umox dürr čo künóm? Jónšint darkór“. Kirimčaktě amúl, at^uxóy. Dəwt akáfor, amíror.

(95) Pahlawón pariyě sandúqě nütš amún, vítay-pěš avánt — víróts xášot. Parí awóv: „Awwál x^uat san, kě mank asánəm, man xűsně ýorošť, kě tau násěynošť, vítay pákkaš künóšť — tág-ě dūnīyóě tiríšť“. (96) Awóv: „Au ránsa nákuňošť — mán-pě víróť-or. Agár naháu ránsa akünór, áutitě nášint vu. Wov aně: «Xirs-əd-Din pahlawóně kórdě, kamóně, kešá káxik asūxóyk, man vířem naxáx»“. (97) Ğáykě asě^vnor, sandúqě děvárě apé^vnor, aýór: i parí bīšiyór xűšrűx. (98) Dútič awóvor: „Ax sánot — moxš nát^eforcě, x^uatš nósčěš. Víta pákkaš küním, tírot“. (99) Víta apártowor. Bídóněš avánt, axášors. Níma čóxě asě^vnorš — víta pákka akünór, atěr tág-ě dūnīyóisa.

(100) Sang-əd-Din awóv: „Manš nósomišť“. Čanór-əd-Din awóv: „Manš nósomišť“. Parí awóv: „Návomišť hič kadóměšint. Kórdě, kamóně, kešá káxik asūxóy — man vířem naxáx“. (101) Áxtit čűdda náyor. Parí awóv: „Odám ja'm vot: káxik asūxóy kórdě, kamóně, kešám — man naháu odámě vómišť“.

(102) Ítiitě tas amúnim, i ráxě gap čě Xirs-əd-Díně děhím. Xirs-əd-Din atěr tág-ě dūnīyóě vek. Aýór — i děhqón kístěy karákš astě. (103) — „Bobó, — awóv, — děvázim vutá, — awóv. Šau, nun ur — man ýóutě xay künóm“. (104) Bobó awóv: „Balánd «boš» náwov, dü šéri yúxta vutáx, wěsošť — ham ýóutě x^uárošť, ham xěpět“. Dėhqón atěr núně xotřě. (105) Pahlawón ýóutě anós, xay karě avú, «^xob-boš be^h!» balánd awóv. Šert awěsor. (106) Pahlawón ýóutě čě yuy apé^vn, šertě anós, avánt yúyě také. Xay karě avú. Čil man tūxm zóyě xay akűn. (107) Bobó-ě Dėhqón avvóu. Aýór — čil man zóyě xáyěš iktá. „Bobó, — awóv, — dűšmántě čak adóřem“. (108) Dėhqón awóv: „Íštít mox bīšiyór zalár at^efaror, ititě t^uxóyak lozím ástě“. Šert awóvor: „Na mox t^uxoyt! Avd pűště dėhqóně ark mox nəst“, — qasám yod akünór. (109) Dėhqón awóv: „Qasám ax^uáror, árksint návot, jüwóbšint t^efar“. Pahlawón jüwóbšint at^efar. (110) Dėhqón awóv: „Čot t^efarom? — xizmát akűni“. Awóv: „Man odám-ě rú-yě dūnīyó-im. Odámě vot, man ba rú-yě dūnīyó sě^vnot!“ (111) Dėhqón awóv: „Man čűdda náim, — awóv. — Kampírakě ritě šau. Áwě* mürýčúja xobónčě, rubá yúxta vutáx — čűjot xórcě. Rubáyě t^uxoy — an-naxáx sě^vncět“.

(112) Pahlawón atěr kampírě ritisa. Ašáu kampírě rití. Kampír mürýťěš dóně t^efarak ast. (113) „Momó, — awóv, — núnim t^efar — děvázim vutáx,

* Вм. ax? (Ред.).

mürýtë man don t'fárom". (114) Kampír atér núnë xotírë. Pahlawón don at'fár mürýtë. „Tü-tü-tü“ balánd awów. (115) Rubá awés. Čapaloqí-pěš adě^h. Rubá amír. (116) Kampír avvou, nun awúr. — „Aná, momó, düšmánë at'xóyem!“. Momó awów: „Düšmánëm at'xóyë, har sol mürýčújotëm ax'árëš. Čot t'fárom?“. (117) Awów: „Man odám-ë rú-yë düniyó-im. Odámë vot — man rú-yë düniyó sě^vnot!“. (118) Kampír awów: „Man nasě^vtít künomišt. Sěymürýë rítí šau. Sólë čúja xobónčë. I aždahór yúxta vutá, čújotěš sánčë, xórcë. Aždahóřë t'xoy — ax Sěymürý sě^vncët“.

(119) Pahlawón ajax, atér, ašáu čanóřë tagě. (120) Čanóřë tagě xauz oy. Ašáu, aníd nax'átë. (121) Aníd, aníd, ačór — aždahór čë xauz asán. Čanóřisa asán, atér. (122) Pahlawón čë bídónš kort axáš, aždahóřë ráxë amún. Darš axáš, dü bulákí avú, amír. (123) Čë aždahóřë yótayš réza akün, asě^vn, Sěymürýë čújotë rítí awíd. Čújot ax'áror. Ziyótěš naháu rítí-šint amún. (124) Awés, anípíd pahlawón xauzë lápë. Xób-ë pahlawón adě^h. (125) Sěymürý čë osmón awés. Ačór — i nípístax. Awów: „Düšmánëm nahíš vutáx, čújotëm nahíš x'árna vutáx!“. (126) Ašáu, i kátta sank as'xóy — děhót, pahlawónë t'xóyot. Čújot awóvor: „Pahlawónë nát'xoy — düšmánët at'xóy. Mána yótaš asě^vn, mox ax'árim, ziyotë rítí mox úštax!“. (127) Sěymürý avvou, soyá akün pahlawónë. (128) Avd xšáp-at avd metí anípíd. Aúfs — Sěymürý soyáš akün.

(129) Ajax čë xúvnë pahlawón. Sěymürý awów: „Man áqqë xizmat aküní. Čot t'fárom?“. (130) Pahlawón awów: „Man odám-ë rú-yë düniyó-im. Odámë vot — rú-yë düniyó sě^vnot!“. (131) Sěymürý awów: „Man sě^vnomiš-tít. Kay áqqí xizmat aküní áně?“. Awów: „Dehqónë áqqí xizmat akünim, i kampířë áqqí“. (132) Awów: „Šau, čë děhqónë čil barrá biriyón ur, čë kampířë čil tuxm-ë biriyónë ur!“. Atér barrá biriyónë xotír pahlawón. (133) Ašáu děhqónë rítí. Děhqónisa awów: „Čil barrá-ë biriyónëm t'far!“. At'fárš děhqón. (134) Ašáu kampířë rítí. Čil tuxm-ë biriyónë čawë anós. Anós, atér Sěymürýë rítisa. Ašáu, arás.

(135) Sěymürý awów: „Itón vóra vu. Har čarx aděhëm — ráxë nütëm i barrá biriyón, i tuxm pártou. Děvázimk avú — pártowimıştët“. (136) Sěymürý ajax, asán, atér. Har čarxk adě^h — i barrá biriyón, i tuxm biriyón rax nütš apártou. (137) Qarib asě^vnš, arasón — čë pahlawónë dast aděvë i barrá-ë biriyón. Čë rónë poš pákka akün kórdë-pë, Sěymürýë ráxë nütš apártou. (138) Asě^vnš, arasón rú-yë düniyó. Sěymürý awów: „Oxır-ë kóřë čo at'fár?“. Awów: „Barrá-yë biriyón“. (139) Awów: „Na', ax barrá-yë biriyón nax oy! Ajáb širínë xoy“. Awów: „Barrá-yë biriyón čë dástë aděvë, čë rónë poyëm pákka akünim, apártou“. (140) Sěymürý awów: „Agár odámë yótaš nahá ránkë širín avěšt ač'rivěmīšt, naháwokayk ũft oy, ax'árimīštët. Tü man xotír xizmat aküní — itún qay künomišt, pódat saxxát künomišt“. (141) Qay akün, podayš abüdüfsón. Saxxát avú podayš. (142) I pár-ë safédš at'fár, i pár-ë siyóš at'fár. Sěymürý awów: „Pár-ë saféd dě^h rišay — muysaféd věšt, pár-ë siyó dě^h rišay — muysiyo věšt tik“. (143) Fot'xá anós, awés, atér.

(144) Xirs-ëd-Din ašáu parí rítí. Pár-ë saféd adě^h, muysafét avú. (145)

Ašáu, awén — odám-ě bīsiyóre kórdě, kamóně, kəšáě rīti ja'm vutáx. Hič čūxs čūdda nāx s^uxóyot. (146) Xīrs-əd-Din awón: „Jūwomárdt, nūbát ast — s^uxóyom?“. — „E muysafét, — awóvor, — čūdda náišť“. Azūwórt, ašáu, wástar aníd, tamošo akūn. (147) I met agūdár. A fīrónta pár-ě siyó^b adě^h, ajax, avvóu. Awón: „Nūbát ástě?“. (148) Awóvor: „Hoñ, nūbát ast, tis“. Atís, as^uxóy, kəšá as^uxóy — bīdóněš avánt, kort tīm avánt, kamón tīm fīkiš anós. (149) Agárd, vīrótisaš awón: „A badbáxt, íti, — awón, — ítē at^ofárimīšt, tik i avírīmīšt, ávė tīm at^ofárimīšt. Kě gaštá i avírīmīšt, x^uá-tīm tīm anósīmīšt. Nátik avírīmīšt, naxpět aláksīmīšt“. (150) Dū ayǵıřē afarmóy, i kiširi baytál. Avánt vīrótěš ayǵıřtē dūmē vek, baytál xay akūn, ayǵıřtē tīm xay akūn. Aděhór, vīrótš at^uxóy.

(151) Mülló awúr parí nīkó^h kūncě, nīkó^h akūn. (152) Dū áspě axirín, atēr bobóě watánisaš. Ašáu, bobóě čorbóyěš dū xīrgáě adě^b: i saféd, i sūrx. Sūrxě parí anidón, safédě x^uatš aníd.

(153) Bobó-ě Xorkáš avvóu. Íncěš i zaǵóra qarz íkta xoy, t^oráfta. (154) Bobó-ě Xorkáš xas rúpakě ašáwěšt. Avvóu, pahlawóně awén. (155) — „Ha, Bobó-ě Xorkáš, šáhrě čo ǵülǵulá ástě?“. Bobó-ě Xorkáš awón: „Poščóě nabéraš bedarák vutáx — čandín sol ast bedarák vutáx. Óčěšint t^oráftax, naháwě faqirtě x^uáarak ast, várakšint ast“. (156) „E bobó, — awón, — man nabéraš-ím. Ašáyem, inč anóšem, avvóu. Šau, čě bobóem sėvanči nos“.

(157) Bobó-ě Xorkáš víta-t darós apártou, atēr. Ašáu, aǵór: inčěš qádd-ě kúca ūrcūk rīwěšakš ast. (158) Awón: „E padár naalát, xásě owardagít ku?“. Bobó-ě Xorkáš naš-aǵór, amún, atēr. (159) „Padár naalát-ě xarriš!“ — awón. Kūlúxi-pě adě^h, tamusí kúlúx-pě adě^b. (160) Bobó-ě Xorkáš ašáu, arás, qal'áě děvárě arás: „Ho, poščó-ě olám — nēpěyšint avvóu saǵxát-salomát! Sėvanči t^ofar!“ (161) Poščó qáddě-pěš tangá, tilló awíd. Bobó-ě Xorkáš avár kátisaš, anjóm akūn.

(162) Poščó ajax, qám^oš anós, čě rit ašáu, karnáy, sūrnáy anósor, atēr. Bozí kúnón atērór. (163) Ašáu, adě^h nabéray-pě qūčóq. Nabérayě anós, avvóu. Awúr, túy-ě tamošo at^ofár. Avd šabonaruz tuy at^ofár. (164) Ba mūród-ě maqsád arásor, atēr. Ax tīm awóka apīráxsor, mox amúnim, avvóu.

№ 27

(1) Был один царь, у него была дочь. Вышла дочь с городскими девушками поиграть в сад. (2) Пришел медведь, погнался за девушками. Схватил он дочь царя, поднял, унес, взял ее к себе в пещеру. (3) Вечером пришел, заснул около нее. Днем выходил, уходил. Вход в пещеру закрывал большим камнем. (4) Девушка набрала у него линияющей шерсти, насучила (веревочку) на камень. (5) Получился вот такой клубок. Пустила его катиться, чтобы какой-нибудь человек его нашел.

(6) Жена Деда-Собирателя колючки, * заняв в долг просяную ле-

* Дед-Собиратель колючки — один из популярных персонажей таджикских сказок.

пешку* у соседей, дала (ее деду). Пришел Дед-Собиратель колючки жать мелкий кустарник. (7) Пришел, начал серпом жать мелкий кустарник, нашел клубок. Подобрал этот клубок, поднялся, достиг отверстия пещеры, потянул (за веревочку). (8) „Кто ты?“ — спросила изнутри (девушка). Сказал: „Дед-Собиратель колючки“. Сказал: „Я человек бедный, чтобы сделать самому веревку, поэтому я ее подобрал“. (9) Девушка сказала: „Я дочь царя. Пусть мой отец придет и уведет меня“. (10) Бросил Дед-Собиратель колючки веревку и серп, пошел к царю. Вышел на улицу — ему повстречалась его жена. — „О, будь проклят твой отец, — сказала она, — я дала (тебе) просяной хлеб, заняв у соседей. Где же принесенный (букв. 'спущенный') тобою кустарник?“. (11) Бросила в него камнем. Поднялся Дед-Собиратель колючки, дошел до царя. „О царь мира, — сказал он, — я нашел твою дочь: она была унесена медведем. (12) Твоя дочь сказала: «Пусть поднимется (сюда) мой отец, уведет меня»“. (13) Поднялся царь, отсыпал ему кучу золота в его рост. Отнес (золото) Собиратель колючки, положил в своем доме. (14) Пустили потом Собирателя колючки идти вперед, повел он (их) вверх, привел. Поднялся царь к отверстию пещеры, подошел с несколькими людьми. (15) Открыли отверстие пещеры, подняли большой камень, девушку взяли, спустились, отвели ее домой.

(16) Прошло девять месяцев, девять часов — появился у нее сын. За один день он вырос, как за год, за два дня — как за два года, за семь дней — как за семь лет. (17) Вышел с ребятами, стал играть в бабки на улице. Как даст затрещину — ребята валяются без чувств. (18) Пришли городские люди к царю. Сказали: „Государь мира, искалечил твой внук городских ребят, — сделай ты (ему) наставление“. (19) Сделал царь своему внуку наставление. Внук его: „Дедушка, — сказал он, — рассердился ты на меня. Дай мне благословение — я выйду, пойду прогуляться. Прикажи для меня сделать в сорок манов нож, в сорок манов кошель, в сорок манов ружье“. (20) Царь приказал мастеру (сделать). Юноша взял, вышел, пошел.

(21) Пошел в степь. Подходит человек, на плече у него чинар. Поздоровался с ним. (22) — „Куда ты несешь чинар, дружище?“ — „В прялке у моей матери сломалась ручка — пусть она сделает из него ручку к прялке“. (23) — „(А) в эту сторону ты куда идешь?“ — „Внук царя (вышел) богатырем — иду, поборюсь с ним“. (24) Мальчик сказал: „Внук царя мне ровня. Если бы ты меня поборол, то и его поборешь“. (25) Положил на землю нож и ружье. Тот тоже бросил чинар на землю. Схватились бороться. (26) День дошел до полудня, когда Хирс-эд-Дин свалил Чанор-эд-Дина.** Сказал (Чанор-эд-Дин): „Подними меня, мой

* Следует отметить, что в самом Ягнобе просо не родится из-за сурового климата и просяной муки в употреблении не имеется. Это одна из деталей, указывающих на сравнительно недавнее заимствование сказки.

** Имена собственные персонажей, фигурирующих здесь и ниже, образованы (не без юмора) по типу литературных прибавлений *эд-Дин* к словам *Хирс* 'медведь', *Чанор* 'чинар' и *Санг* 'камень'.

нареченный брат, умрем — так в одну могилу, будем жить — так на одной высоте“. (27) Поднялись, взяли нож и ружье, отправились.

(28) Пошли в одно место. Посмотрели: идет какой-то (человек), в руке у него мельничный жернов — идет, играя (жерновом) на пальце.

(29) „Куда несешь камень?“ — спросил (внук царя). „У моей матери сломалась втулка в прялке. Я несу, чтобы она сделала втулку для своей прялки“.

(30) — „Куда ты идешь в эту сторону?“ — „Побороться с внуком царя“.

(31) (Тот) сказал: „Приятель, поборись со мной — я ему ровня. Если бы ты меня поборол, то и его тоже поборешь“.

(32) Начали бороться. Дошло до полудня — его тоже одолел. — „Нареченный брат мой, — сказал он, — подними меня. Умрем — так в одну могилу, будем жить — так на одной высоте“.

(33) Поднял его. Вышли они втроем, пошли. Прошли много пути. Отдыхали в одном месте.

(34) Видят — на краю возвышенности идет дым. Богатырь Хирс-эд-Дин сказал: „Я поднимусь, осведомлюсь, посмотрю, кто там находится“.

(35) Поднялся, посмотрел — дивы. Сорок их убил, вернулся, спустился. Сказал братьям: „Поднимемся, там расположимся — там богатство“.

(36) Поднялись, там расположились. Там охотились, жили.

(37) Сказали: „Пойдем, украдем девушку, приведем, пусть печет хлеб, назовем ее сестрой“.

Отправились, привели дочь одного царя. (38) Принесли вместе с ней кошку, чтобы она играла с кошкой. „Сестра, — сказали они, — когда будешь подметать дом, если найдешь кишмиш, — и сама ешь, и кошке дай. Если кошке не дашь, она помочится на огонь, затушит, потом огня не найдешь“.

(39) Однажды пошли ее братья на охоту. (40) Девушка подмела дом, нашла кишмиш, позвала кошку. Кошка не пришла, девушка съела сама.

(41) Через час прибежала кошка, замыкала. Девушка не нашла кишмиша, чтобы ей дать. Кошка пошла, помочилась на огонь, огонь загорелся.

(42) Растерялась девушка. Поднялась, вышла, пошла к двери. Поднялась на минарет, посмотрела — в степи поднимается дым.

(43) Направилась девушка к дыму, пошла. Пошла, дошла. Видит — (сидит) барзанги,* ворочает ногой огонь.

(44) „Мир вам“, — сказала (девушка). Сказала (барзанги): „Если бы ты не совершил приветствия, я превратила бы тебя в кусок сырого мяса“.

(45) — „Дай мне огня, бабушка“. — „Ладно“, — сказала. Дала ей огня.

(46) Барзанги дала ей горсть зерен ячменя, горсть зерен пшеницы. — „Пшеницу съешь, а зерна ячменя разбрасывай на ходу“.

(47) Девушка взяла огонь, съела (зерна пшеницы), пошла в свой дом, — пошла, разбрасывая зерна ячменя.

(48) Настал другой день, старшие братья ее вышли, ушли на охоту. (49) Девушка делала тесто, когда пришла барзанги, (сказала): „Выйди, подойди, посмотри у меня в голове“.

Девушка вышла, посмотрела в голове. (50) Уколола (барзанги девушку) иглой, пососала кровь. Встала, пошла. Каждый день приходила, так делала. (51) Девушка очень поху-

* Барзанги — демоническое существо.

дела. Старшие братья ее спросили: „Почему ты худеешь?“. (52) Сказала: „Хоть убейте меня, хоть оставьте — нашла я кишмиш, позвала кошку, кошки не было, сама я съела. Потом кошка пришла, я не нашла кишмиша, чтобы ей дать. (53) Кошка пришла, помочилась на огонь, огонь затушила. Не нашла я огня, встала, поднялась на минарет. (54) Посмотрела — в степи идет дым. Встала, направилась к тому дыму, пошла. (55) Посмотрела — барзанги ворочает ногой огонь. Дала мне огня. (56) Каждый день, когда вы уходите на охоту, она приходит и вонзает иголку, высасывает кровь тела. Это — причина моей худобы“.

(57) Чанор-эд-Дин сказал: „Я сяду (останусь дома), сниму голову барзанги“. Спрятался за дверь. (58) Барзанги пришла, закричала: „О дитя мое, выйди, посмотри у меня в голове“. (59) Чанор-эд-Дин увидел барзанги, испугался. Сказал девушке: „Встань, выйди — если войдет, нас обоих съест“. (60) Вышла девушка, посмотрела у нее в голове. Барзанги поняла, что около девушки находится человек, — ежедневно по одному пучку иголок, а в этот день два пучка иголок вколола, (кровь) пососала, ушла.

(61) Вечером пришли ее братья, спросили: „Что ты сделал?“. (62) (Девушка) сказала: „Див закричал, мой старший брат испугался. Див вонзил два пучка иголок, пососал (кровь), ушел“. (63) Санг-эд-Дин сказал: „Я буду сидеть“, — сказал. (64) Те двое отправились на охоту, ушли. Санг-эд-Дин остался. (65) Пришел див, закричал. Санг-эд-Дин испугался. Сказал девушке: „Встань, выйди, если войдет — обоих (нас) съест“. (66) Девушка встала, вышла. Барзанги три пучка иголок вонзила, пососала, ушла.

(67) Вечером пришли старшие братья. Спросили: „Что ты сделал?“. Девушка сказала: „Мой старший брат сделать ничего не смог“. (68) Хирс-эд-Дин сказал: „Я сам засяду, а вы поднимитесь, пойдите на охоту“. (69) Хирс-эд-Дин засел. Барзанги пришла. Хирс-эд-Дин вышел, посмотрел — вот она идет. (70) Вошел, сказал своей сестре: „Пришел див. Не выходи, сестра, — сказал он, — и я тоже не стану выходить. Скажи диву, пусть он войдет в дом“. (71) Девушка сказала: „О бабушка, я делаю тесто, не могу выйти. Ты входи — хоть съешь ты меня, хоть оставишь“. (72) Барзанги всунула во внутрь голову, чтобы войти, — плечи ее застряли в двери. Хирс-эд-Дин ударил ее ножом. (73) Голова ее далеко отлетела, ушла, покатила. Покатилась, говоря: „Вот увидишь, как я тебя...“. (74) Пошла, прыгнула в пещеру, ушла. Хирс-эд-Дин спустился за нею, послушал. Та голова спустилась, пригрозила: „Его роду до семи поколений будем вредить“. (75) Богатырь повернул, поднялся наверх. Вечером пришли его младшие братья. (76) Сказали его братья: „Что ты сделал?“. — „Я ее убил, но мне всегда будет от нее вред. Отведем девушку, оставим в доме ее отца“. (77) Девушку отвели, оставили в доме отца.

(78) Посоветовались друг с другом: „Что нам делать?“. Хирс-эд-Дин сказал: „Пока мы не прикончим со всем этим родом барзанги, другого

средства нет: нам будет от него вред. Что бы ни было мне суждено, я спущусь в пропасть, чтобы покончить с ними". (79) Отправились к краю пропасти. (80) Хирс-эд-Дин обвязал себя веревкой. — „Держите конец веревки — я спущусь“. (Веревку) держали, он спустился в пропасть. (81) Посмотрел, видит: сидит одна пери, очень красивая — от ее красоты светилась пропасть. (82) Спросила: „Зачем ты спустился? Поднимутся — съедят тебя“. (83) Сказал: „Я их убью“. Сказала: „Если просто убить, они не умрут“. (84) Спросил: „Из чего их душа?“. Сказала: „Я не знаю“. (85) Сказал: „Спрячь меня где-нибудь, потом спроси про их душу. Посмотри — из чего их душа.“

(86) Поместила она богатыря в яму, набросала ему на голову одежды, на одежды села. Дивы поднялись. (87) Пери спросила: „Из чего ваша душа?“. Сказали: „Какое тебе дело до нашей души?“. (88) Пери сказала: „Я просто так спрашиваю, мне ведь ваша душа не нужна: я только женщина“. (89) Сказали: „Внутри сорока комнат на колышке сидит пара голубей. Когда их убьешь, у них внутри окажется два червя. Когда их убьешь — конец нашей душе. А так, даже если изрежешь нас на куски, — мы не умрем. На завязках штанов у нас есть ключ — у всех сорока у нас есть“. (90) Пери подала каждому из сорока по одной чашке вина, опьянели они, заснули. (91) Богатырь их речи подслушал, поднялся тогда из ямы, взял ключи из завязок их штанов. (92) Потом открыл двери сорока комнат, взял голубей, убил их, взял на ладонь червячков. (93) Дивы вскочили, заревели: „Не убивай нас, молодец. Мы дадим (тебе) рубинов, перлов, что тебе ни потребуется, мы тебе дадим“. (94) Богатырь сказал: „Что мне делать с вашими драгоценностями? Мне нужна ваша душа“. Растер червячков, убил. Дивы лопнули, умерли.

(95) Поместил богатырь пери в сундук, привязал его к веревке, чтобы его братья вытянули. Пери сказала: „Сначала ты сам поднимись, потому что как только я поднимусь, увидят мою красоту, тогда тебя не поднимут, веревку перережут — ты отправишься в подземный мир“. (96) Сказал: „Так не сделают — они ведь мне братья. А если бы они так сделали, то не становись их женой. Скажи: «Кто поднимет нож, ружье и кошель богатыря Хирс-эд-Дина, тот мне муж»“. (97) Девушку подняли, открыли дверцу сундука, видят — пери, очень красивая. (98) Оба сказали: „Если он поднимется, нам не даст, сам ее возьмет. Обрежем веревку, пусть он упадет“. (99) Бросили ему веревку. Привязал (Хирс-эд-Дин) ее к поясу — потащили. Подняли до половины пропасти — отрезали веревку, отправился он в подземный мир.

(100) Санг-эд-Дин сказал: „Я ее возьму“. Чанор-эд-Дин сказал: „Я ее возьму“. Пери сказала: „Не буду принадлежать я никому из вас. Кто поднимет нож, ружье, кошель (Хирс-эд-Дина), тот мне муж“. (101) Они не смогли поднять. Пери сказала: „Пусть соберутся люди: кто поднимет мне нож, ружье, кошель, я тому человеку буду принадлежать“.

(102) Оставим этих здесь, а скажем немного про Хирс-эд-Дина. Отправился Хирс-эд-Дин в подземный мир. Посмотрел — какой-то крестьянин пашет. (103) „Дедушка, — сказал он, — я проголодался. Иди, принеси хлеба, а я твоих волов погоняю (попашу)“. (104) Дед сказал: „Не кричи громко «бош», два тигра повадились, спустятся — и волов съедят, и тебя самого“. Отправился крестьянин за хлебом. (105) Богатырь взял волов, стал пахать, громко закричал „хоб-бош-бе“. Тигры спустились. (106) Богатырь выпряг волов из ярма, схватил тигров, привязал под ярмо. Стал пахать. Вспахал землю под сорок манов семян. (107) Пришел дед-крестьянин. Посмотрел — вспахано у него земли под сорок манов. „Дедушка, — сказал (богатырь), — схватил я твоих врагов“. (108) Крестьянин сказал: „Они мне много вреда принесли, их нужно убить“. Тигры сказали: „Не убивайте нас. Семь поколений мы не тронем крестьянина“, — (так) поклялись. (109) Крестьянин сказал: „Они поклялись, что не будут трогать, отпусти их“. Богатырь их отпустил. (110) Крестьянин спросил: „Что мне дать тебе? Ты оказал (мне) услугу“. Сказал: „Я человек с поверхности земли. Если бы нашелся человек, который поднял бы меня на поверхность земли!“. (111) Крестьянин сказал: „Я не в состоянии, — сказал он. — Пойди к старушке, она выводит цыплят, повадилась к ней лисица, съедает цыплят. Убей лису — вот эта самая (старуха), тебя поднимет“.

(112) Богатырь отправился к старухе. Дошел до старухи. Старуха давала курам зерно. (113) „Бабушка, — сказал он, — дай мне хлеба, я проголодался. А курам зерно дам я“. (114) Старуха пошла за хлебом. Богатырь дал зерно курам. Громко закричал „ту-ту-ту“. (115) Лисица спустилась. (Он) дал ей затрещину. Лисица умерла. (116) Пришла старуха, принесла хлеб. — „Вот, бабушка, убил я твоего врага“. Бабушка сказала: „Ты убил моего врага, каждый год она ела моих цыплят. Что мне тебе дать?“. (117) Сказал: „Я человек с поверхности земли. Если бы нашелся человек, который бы поднял меня на поверхность земли!“. (118) Старуха сказала: „Я не смогу тебя поднять. Отправляйся к Симургу. Каждый год он выводит птенцов. Повадился дракон, взбирается к его птенцам, поедает. Убей дракона — Симург тебя поднимет“.

(119) Богатырь встал, пошел, дошел до чинара. (120) Под чинаром был пруд. Пошел, сел там. (121) Сидел, сидел, видит — поднялся дракон из пруда. Взобрался на чинар, ушел. (122) Богатырь вытащил из-за пояса нож, вложил в рот дракона. Втянул его (дракон), распался на две половины, умер. (123) Накрошил (богатырь) мяса дракона, поднял вверх, бросил перед птенцами Симурга. Птенцы съели. С остаток оставил перед ними. (124) Спустился, заснул богатырь на берегу пруда. Погрузился в богатырский сон. (125) Симург спустился с неба. Смотрит — кто-то спит. Сказал: „Это мой враг — он поедал моих птенцов“. (126) Отправился, поднял большой камень, чтобы ударить, убить богатыря. Птенцы сказали: „Не убивай богатыря — он убил твоего врага. Вот он поднял нам его мясо, мы съели, а остаток стоит перед нами“.

(127) Симург прилетел, затенил (своим телом) богатыря. (128) Семь ночей и семь дней спал богатырь. Проснулся — над ним тень Симурга.

(129) Встал богатырь. Симург сказал: „Ты обязал меня услугой — что мне тебе дать?“. (130) Богатырь сказал: „Я человек с поверхности земли. Если бы нашелся человек, который поднял бы меня на поверхность земли!“. (131) Симург сказал: „Я тебя подниму. Кого ты еще обязал услугой?“. Сказал: „Я обязал услугой крестьянина и старуху“. (132) Сказал: „Иди, принеси от крестьянина сорок жареных ягнят, принеси от старухи сорок печеных яиц“. Пошел богатырь за жареными ягнятами. (133) Пришел к крестьянину. Сказал крестьянину: „Дай мне сорок жареных ягнят“. Крестьянин дал ему. (134) Пошел к старухе. Взял у нее сорок печеных яиц. Взял, пошел к Симургу. Пошел, дошел.

(135) Симург сказал: „Теперь садись на меня. Каждый раз, как я сделаю круг, ты мне бросай в рот одного жареного ягненка, одно яйцо. Если я проголодаюсь, я тебя сброшу“. (136) Симург встал, поднялся, полетел. Как только он делал круг, (богатырь) бросал ему в рот одного жареного ягненка и одно печеное яйцо. (137) Почти поднял (богатыря к поверхности земли), почти доставил — (как) из рук богатыря выпал один жареный барашек. Тогда он отрезал ножом мяса от своей ляжки, бросил Симургу в рот. (138) Поднял, доставил его (Симург) на поверхность земли. Симург сказал: „Что ты мне дал под конец?“. Сказал: „Жареного барашка“. (139) Сказал: „Нет, это был не жареный барашек. Удивительно было вкусно“. Сказал: „Жареный барашек выпал из рук, я отрезал от моей ляжки, бросил (тебе)“. (140) Симург сказал: „Если бы я знал, что человеческое мясо такое вкусное, то там, где ты спал, я тебя бы съел. Но ты оказал мне услугу — теперь я отрыгну (проглоченное твоё мясо), вылечу твою ногу“ (141) Отрыгнул, приклеил к ноге. Нога его выздоровела. (142) Дал ему одно белое перо, дал ему одно черное перо. Сказал Симург: „Ударь белым пером по бороде — станешь седобородым, ударь черным пером по бороде — снова станешь черноволосым“. (143) Простился с богатырем, спустился, улетел.

(144) Стправился Хирс-эд-Дин к пери. Ударил белым пером, стал седобородым. (145) Пошел, видит — собралось много народа перед ножом, ружьем и кошельем. Никто не в состоянии поднять. (146) Хирс-эд-Дин сказал: „Молодцы, найдется ли очередь, чтобы мне поднять?“. — „Э старик, — сказали, — ты не сможешь“. Повернулся, пошел, сел подалее, стал смотреть. (147) Прошел один день. Назавтра ударил себя черным пером, встал, пришел. Спросил: „Очередь есть?“. (148) Сказали: „Да, очередь есть, входи“. Вошел, поднял, поднял кошель — привязал его к поясу, нож тоже привязал, ружье взял на плечо. (149) Повернулся к своим братьям, сказал: „О злосчастные, — сказал, — эту пери я бы отдал одному из вас, еще одну нашел бы — ее также отдал бы, потом еще одну нашел бы — взял бы сам. А если бы не нашел себе, то и так бы ходил“. (150) Приказал (привести) двух жеребцов и одну

яловую кобылицу. Привязал братьев к хвостам жеребцов, пустил кобылицу, пустил также жеребцов. Ударили, убили его братьев.

(151) (Богатырь) привел муллу, чтобы совершить брачный обряд с пери, (мулла) совершил брачный обряд. (152) Купил две лошади, отправился на родину к дедушке. Доехал, разбил в саду деда две палатки: одну белую, одну красную. В красную усадил пери, в белую сел сам.

(153) Пришел Дед-Собиратель колючки. Его жена, взяв в долг одну просынную лепешку, дала (ему). (154) Дед-Собиратель колючки пошел жать мелкий кустарник. Пришел, увидел богатыря. (155) — „Ну, Дед-Собиратель колючки, что это в городе за шум?“. Дед-Собиратель колючки сказал: „Внук царя пропал без вести, сколько уже лет, как пропал без вести. (Царь) устроил по нем поминки, люди едят (поминальную пищу), относят ее (к себе)“. (156) „О дедушка, — сказал он, — я его внук. Пошел я, взял жену, пришел. Иди, получи от моего деда подарок за радостную весть“.

(157) Бросил Дед-Собиратель колючки веревку и серп, ушел. Пошел, видит: жена его на улице прядет на веретене. (158) Сказала: „О, будь проклят (твой) отец, где принесенный тобою кустарник?“. Дед-Собиратель колючки не взглянул на нее, пошел. (159) „Проклятье (твоему) отцу, (ты) с ослиной бородой!“, — сказала она. Бросила в него комком земли, июльским (комком земли).* (160) Дед-Собиратель колючки отправился, достиг дверей крепости. — „О, царь мира, внук твой прибыл, здоров-невредим. Давай подарок за радостную весть!“. (161) Царь насыпал серебра и золота в его рост. Дед-Собиратель колючки отнес домой, сложил.

(162) Царь встал, взял свою родню, вышел (навстречу), взяли гобой, кларнеты, пошли. Пошли, играя. (163) Пошел, заключил внука в объятия. Взял внука, пришел. Привел, устроил пир, развлечения. Семь дней и ночей давал пир. (164) Достигли цели, желания. Они остались там, а мы оставили (их), пришли (сюда).

№ 28

Записано от Абду Саттора, 35 лет, жителя сел. Сархади Куль. Слышал эту сказку от одного человека из сел. Кириёнте в верхнем Ягнобе

(1) I karbóf vutá. I met wófakš oy — i müš rítí vek agüdár. (2) Póday-pě amúlš, at^hxóy. Aγór — darúněš panj ćújěy. (3) I qalám, i koγáz anós, anipěš: „Man Panják Pahlawón-im“. Kě aživár, darwózay sárěš adě^h. (4) I méti avú i odám avvóy, agüdár. Xátě aγór — nómiš nipištagi „Panják Pahlawón“.

(5) I ćof waxt adügar. Méti avú nah šá^hrě sárě i Gürg-ě Kaftór avvóy. Yúxta avú, bisiyór zalár arasón. (6) Šá^hrě odámš ja'm avór, sarištaš néikt akünór. Axuólšint tank avú, ša^hr ba dod avvóy.

* Комки глины, высушенные в июле, отличаются большой твердостью.

(7) I odám počóisa arz akún: „Man idokē Panják Pahlawón woftagi odám wētam oy. Naháwē š^umox odám munt, urtš. Naháx sarištaš vírčē“.

(8) Odámš amúnor, awúr. Čětē* počó awón: „Nahiš Gǔrg-ě Kaftór šá^hrē xarób akún — sarištaš vir“, — awón. (9) Čětē počóisa awón: „I miltiqim t^ofar“. Čětē miltiqš at^ofar počó. (10) Miltiq anós, ajax, aněž, atēr. „Naháu úrkē vir, t^uxoyš“, — mardūmš awóvor.

(11) Čětē aněž, dáštē vek atēr. Bisiyór ačükě^r. Awón: „Virotim — xúrcēm naháx Gǔrg-ě Kaftór“. (12) Ašáu, i daráxt voxúrdš avú. Aušt, xépē-pěš ūylá akún, awón: „Nahít daráxtē sárē sánūm; agár násanūm — virotim, xúrcēm“. Kě naháx daráxt sárē asán.

(13) Gǔrg-ě Kaftór ad^uγús: „Man sárē Panják Pahlawón vvówakš ast“. Áwē ritī bisiyór taarífšint ikta xoy: „Bisiyór pahlawón xástē“. (14) Díliš ačükě^r. Čětē daráxtē sárēš asán Gǔrg-ě Kaftór. Panják Pahlawónē Gǔrg-ě Kaftór čětē daráxtē sárē sánakēš xěpárš noy. Panják Pahlawón tim naháu daráxtisa asán. (15) Nímisaš asán Panják Pahlawón, Gǔrg-ě Kaftór ačükě^r, awón: „Man t^uxóyakē sánčē“. (16) Gǔrg-ě Kaftór asán, atēr daráxtē šóxaysaš. Daráxtē šóxaš awúnxoy. Adiví zaminisa, amír. (17) Čětē Panják Pahlawón awón: „E, nahiš daráxtē sárē vútax! Har čē, jónēm xalós avú“.

(18) Kě čē daráxtē sárē awēs Panják Pahlawón, aγór — mǔrtax. Kě naháx miltiqē dūgazáy-pě čē qǔltúq tákēš dūk akún, kě amún, avvóu. (19) Awón: „Šómist, počóisa wóvūm: «Aděhemš miltiqē-pě»“. Čětē amún, avvóu (20) Poščó apǔrsš: „Čo akúni?“. Awón: „At^uxóimš, avvóu“. (21) Kě čětē počó odám yak ra^h akún: „Šaūt, γort, went — kuš t^uxástax?“. Čětē šáwošt, γóror — i daráxtē kúnē. Poščóisa vvówošt, wóvor: „T^uxástax vutáx, dar woqían razg!“. (22) Čětē počó awón: „I yókay jógá^h t^ofortš — i métē mán-pě darkór víčē“. Várotš xǔjraš, nidónor.

(23) Čof métē, čof soátē agūdár. I métē avú darwozabón avvóu, počóisa awón: „Čětē aftópbaróyē nēma askárē bisiyóre avvóu, ítītē čilóǵ vir“. (24) Čětē počó odám amún askártisaš. Nax darwozabónisa awón: „Panják Pahlawónē wēs, sě^vnš“. Awěšš, asě^vnš. (25) Čětē počó awón: „Maslaḡát čox?“. Čětē Panják Pahlawón awón: „Maslaḡát nēst, — awón, — jang kúnimīšt“. (26) Kě dílē-pěš ūyláy atēr: „Čúttī kúnūm, — gǔftá, — i yókisa pírě^vžūm“.

Hič čilóǵ nívir pěrě^vžakē.

(27) Poščó odám^tisaš awón: „Aspt tǔyri kúnt!“.

Asp tǔyri akúnór. Panják Pahlawónisa awón: „Čo kará áspē tǔ xǔš kún — naháwē tǔ nos“.

(28) Panják Pahlawón aněž, ásp^tē aγór. I maydahák áspē jǔdó akún, anós: „Agár káttá asp nósūm — dīvíyomīšt, mírom“. Niγⁱrív — čē hámmaš nahiš xasíyatdór vútax. (29) Naháwē vóra avú. Kě naháu askártisa awón: „Víta nost, pódotēm áspē dárē tákē vek vant“. Čětē víta anósor, avánt pódotš.

(30) Pahlawón áspē jiláu azīwírtš, dílē akún: „Pírě^vžūm!“.

Tik maslaḡát nívu pírě^vžakē, agárd qǔšúnisa. (31) Kě miltiq anós, fikē nǔtš axáš, nočilóǵ

* Čětē < čē ítē 'от этого', 'после этого'. Следует отметить видимое пристрастие к этому обороту рассказчика данной сказки, употреблявшего его даже там, где, по мнению других ягнобцев, это было совершенно излишне.

núva akún. Asp ačükę^yr, jaŋji lakát akún, tírē avú dūšmánisa, poščóē qūšún čę pahlawónē sítám, Panják Pahlawón ritorítx. (32) I čanór avvóu ritíš. Áspē rit nínot akún. Čanór qūltūq akún: „Zóro vot ĵúdó vum“. (33) Čę áspē ĵúdó nívu. Asp siltáu akún, čanór rišay-peš ajáx. (34) Čę čükę^yrēkēš zamínēš naš-apartóu, anóšš, rawún avú dūšmánē rítisa. Áxtit aŋóror — i avvóu, čínór qūltūqišiš. Bīsīyór ačükę^yror. (35) Awóvor: „Gūmón — balóxl“. Dawónk ašáu — nímayš amúl, mündagíš apīrē^yž. Čę sítámik hamrótš taakít akúnór: „Áwē nobút nákünant, — awóvor, — naháwē nát^yxoyant!“.

(36) Ašáwor — dīwólē kúnē ústax áspē vóra, čanór qūltūqēš. Arásor, čanór čę qūltūqēš anósor. Aziwírtor, ašáwor poščóē rítí. (37) Poščó apúrššint, awóv: „Čo aküntě?“. Awóvor: „Hámmaš Panják Pahlawón aziwírt: nímaš at^yxóy, nímaš apīrē^yž“.

(38) Poščó awóv: „Barakalló, pahlawón, no^ymí vútaišť, dūšmánťē aziwírtē! Tū, — awóv, — táxtē sárē san, nid, man zamínē nídūm“.

(39) Áxtit arásor ba mūród-ē maxsádšint, man amúnem, avvóu.

№ 28

(1) Был один ткач. Однажды он ткал — пробежала перед ним мышь.

(2) Он ее ногой раздавил, убил. Посмотрел — внутри у нее пять детенышей.

(3) Взял он перо и бумагу и написал: „Я — богатырь на пятерых (убивающий пятерых зараз)“. Потом вынес, прибил (надпись) над воротами.

(4) Однажды пришел один человек, прошел мимо. Посмотрел на надпись — написано имя „Богатырь на пятерых“.

(5) Прошло несколько времени. Однажды к тому городу пришел Гурге-Кафтор.* Он повадился (ходить) и причинил много вреда. (6) Люди города собрались, но не смогли с ним справиться. Стало им плохо, город взмолился о помощи.

(7) Один человек доложил царю: „Я видел в одном месте человека, именуемого Богатырь на пятерых. Пошлите вы за ним человека, приведите его. Он с ним справится“. (8) Послали за ним человека, привели. Сказал потом царь: „Этот Гурге-Кафтор разорил город, справься с ним“, — сказал. (9) Тогда (ткач) сказал царю: „Дай мне ружье“. Дал ему царь ружье. (10) Взял ружье, встал, вышел, ушел. — „Отыщи того волка, убей его“, — сказали ему люди.

(11) Он вышел, пошел в степь. Очень он испугался. Сказал (сам себе): „Если найдет меня, съест меня этот самый Гурге-Кафтор“.

(12) Пошел, повстречалось ему дерево. Остановился, подумал, сказал: „Поднимусь-ка я на это дерево; если не поднимусь, найдет меня — съест“. Поднялся на дерево.

(13) Услыхал Гурге-Кафтор: „На меня идет Богатырь на пятерых“. Очень перед волком его хвалили: „Большой богатырь“. (14) Испугалось

* Гурге-Кафтор (букв. 'Голубинный волк') — в таджикском фольклоре старший волк, глава всех волков, которому якобы повинуются все остальные волки. Его отличительный признак — продолговатая белая отметина на голове, начинающаяся от середины лба и идущая полосой по носу.

(волчье) сердце. Поднялся Гурге-Кафтор на то дерево. А богатырь на пятерых не знал, что волк влез на то дерево. Полез также и Богатырь на пятерых на то же дерево. (15) Поднялся до половины Богатырь на пятерых, испугался Гурге-Кафтор, сказал: „Лезет, чтобы убить меня“. (16) Поднялся Гурге-Кафтор, полез на ветку дерева. Ветка дерева сломалась. Упал он на землю, умер. (17) Тогда Богатырь на пятерых сказал: „Э, он был на этом дереве. Как бы то ни было, моя жизнь спасена“.

(18) Спустился с дерева Богатырь на пятерых, посмотрел — волк мертв. Тогда развилкой (фитильного) ружья проколол ему подмышками, оставил, пошел. (19) Сказал: „Пойду, скажу царю: «Убил я его из ружья»“. Оставил его, пришел. (20) Царь спросил его: „Что ты сделал?“ Сказал: „Убил его, пришел“. (21) Тогда царь послал людей: „Подите, посмотрите — где он его убил?“. Они пошли, посмотрели — (лежит) под деревом. Пришли к царю, сказали: „Он убит — действительно, правда“. (22) Царь сказал: „Дайте ему где-нибудь место — когда-нибудь он мне будет нужен“. Отводят его в комнату, сажают.

(23) Прошло несколько дней, несколько часов. Однажды пришел привратник, сказал царю: „Со стороны солнечного восхода пришло большое войско, прими меры против него“. (24) Послал царь за войском. Сказал тому привратнику: „Спустись к Богатырю на пятерых, приведи его наверх“. Спустился, привел его. (25) Царь сказал: „Что делать?“ Богатырь на пятерых сказал: „Делать ничего не остается — будем воевать“. (26) А в сердце промелькнула мысль: „Как-нибудь сделаю, — сказал, — куда-нибудь убегу“. Никакой возможности убежать не нашел.

(27) Царь сказал своим людям: „Приготовьте лошадей“. Лошадей приготовили. Сказал Богатырю на пятерых: „Какую лошадь ты выберешь, ту и возьми“. (28) Вышел Богатырь на пятерых, посмотрел лошадей. Взял одну маленькую лошадь, отделил: „Если возьму большую лошадь и упаду, то умру“. А не знал, что эта (лошадь) была особенная. (29) Сел на нее верхом. Потом сказал тем войскам: „Возьмите веревку, свяжите мои ноги у лошади под животом“. Взяли веревку, связали ему ноги.

(30) Богатырь заворотил поводья лошади, решил в сердце своем: „Убегу!“. Снова у него ничего не вышло с бегством, вернулся к войску. (31) Взял потом ружье, поднес его к плечу, выхода не было — выстрелил. Лошадь испугалась, закусила удила, поскакала к неприятелю, а царское войско — вслед за богатырем, Богатырь на пятерых — перед войском. (32) Навстречу ему попался чинар. Лошадь он удержать не смог. Обхватил чинар: „Отделюсь-ка я от лошади“. (33) От лошади не отделился. Лошадь рванулась, чинар выдернулся с корнями. (34) Со страха он не смог бросить (чинар) на землю, держа его, отправился против врагов. Те увидели: подъехал кто-то, подмышкой у него чинар. Очень испугались. (35) Сказали: „Наверно, это Балó“.* Прискакал — половину

* Балó — демоническое существо.

раздавил, остальные убежали. Его спутники позади поспешили: „Как бы его не зарубили, — сказали они, — как бы не убили“.

(36) Приехали, видят — стоит под стеною верхом на лошади, чинар у него подмышкой. Подъехали, взяли у него чинар из подмышки. Поворотили его, отправились к царю. (37) Царь спросил их, сказал: „Что вы сделали?“. Они сказали: „Богатырь на пятерых всех их обратил вспять: половину их убил, половина убежала“.

(38) Царь сказал: „Исполать (тебе), богатырь, прославился ты, обратил ты вспять неприятеля. Ты, — сказал, — поднимись на престол, сядь, а я сяду на землю“.

(39) Достигли они своей цели, желанья, а я остался, пришел (сюда).

№ 29

Записано от жителя сел. Сархади Куль

(1) I počó vətá, saráy žútayš vətá. Wóvčē: „Man amirim — gūrbonīm kūnt; har iīšint i vīyóra gūrbonīm kūnt“.

(2) Poššo mīrčē. Kátta žútaš maydaáktisaš wóvčē: „Ĵaxt, šawím, saráytim mox šawím, id vīyóra gūrboní kūním“. (3) Maydaáktiš ɣuš nakūnošt. Wóvošt: „Nášayimīšt — har odám toqá-toqá šawót“. Kē káttaš ĵáxcē x^hatš toqá, šáučē a vīyóra. Šáučē, gūrboní kūnt. (4) Nīsp-ē xšap víčē, ĵáxcē, pīrēščē, munt, tirt. Šáučē, i poygá túdē sarē napídčē. (5) Ráxšin víčē. Vīrótišaš wóvčē: „Man gūrboní akūním, būd akūním, avvóu“.

(6) Tik a vīyóra víčē. Tik bídóncē akóisaš wóvčē: „Ĵax, tū šau“. (7) Ĵáxcē, šaut a vīyóra, kūrē sarē nídcē. Tik axš tím nīsp-ē xšapé ĵáxcē, pīrēščē, šáučē naháu poygáyē sarē napídčē. (8) Ráxšin víčē. Ĵáxcē, vīró rítīš šáučē. Wóvčē: „Man tím gūrboní akūním, avvóu“.

(9) Tik maydaákš šáučē, kūrē sarē napídčē. Nīsp-ē xšap avé. Wóvčē: „Ĵaxūm, pīrēžūm“. Nápīrēščē. (10) Górcē — xšap rūsán avé, číróye ráncē. Górcē: „I musafét sartakēm, saráy áspē dástēš“. (11) „Ĵax, — awóv, — áspť nos“. — „Man áspť nánosomīšt“. (12) Awóv: „Nos: qarzdór óim dodóisat, nahít áspť nos“. Ĵáxcē, nóššint. Wóvčē: „Man ítítē ku varóm?“. (13) Wóvčē: „Čē yóltēšint íkī tor nos, kē xáyšint kūn, tiránt. Kē kádēk xoĵátt avé, nax^hát tor pazt kūn, kē vvóvošt“. (14) Xáyšint kūncē, múnáš, tirór. Kē ráxšin víčē. Ĵáxcē, vvoūt akótē rítīš. Kē wóvčē: „Būd akūním, avvóu“.

(15) Akótiš wóvošt: „Vvoū, podá nosím“. Podáya* qarór kūnošt, nósor. (16) Kē a firónta maydaák vīrótišint podaboní tírcē. Vórtšint i adírē, poyt. A met vīyórisa póytšint, urt. (17) Awúršint, arasón. A vīyóra aláks kat děvártē vek: „Óš-ē xalól!“ — awóv. (18) Nun ĵa'm akūn, awúr. A vīyóra akótē-pēš xīšóm ax^háror, anapídor. Au xšap aűfsor. (19) Ráxšin avé, aĵáxor. Tik podáya maydaák xay akūn, anós, atēr. Avár adírē, apóy, sēršint akūn, aúršint, anēpéd. (20) Tik aĵeyxónšint, podáya aváršint mé^ynīsa. Mé^ynē

* Повидимому, вместо podáýē; ср. также ниже vəza вместо ожидаемого vózē (podáya, vəza — формы с таджикским послелегом -a).

arasón, soǰib-ě pódot podáyašint axášor. Kě „Óš-e xalól!“ awów. Óš-ě nun ja'm akũn, aúr, akótě-pěš ax^hár.

(21) Kě akótěš awóvor: „Poščó tuy xěpár kũncě id vȳóra“. Awóvor: „Fĩrõnta poščóě tuy ast“. (22) A fĩrõnta maydaák aǰax, podáya anós, atěr, aváršint i máryě, apóy, ser akũn. Akótěš aǰaxor, tuy ašáwor tamošóě. (23) Tamošó akũnór. Poščó vȳz at^ofár. Mardũm ja'm avór, bozí akũnór, vȳza axášór.

(24) A vȳóra avé. Maydaákš podáya awúr. Akótiš awóvor: „Mox in-núr tamošó akũním, poščóě tuy oy“. (25) Akótisaš awów: „Fĩrõnta š^hmox išint podaboní šau, man tamošó kũnóm!“. Awóvor: „Dũrũst“. (26) A fĩrõnta ráxšin avé. Ruš níkũnor. Awóvor: „X^hat šau — mox našayimišt. Mox poščóě túyě tamošóě šáyimišt“.

(27) Maydaák vĩrotiš x^hatš podaboní amún, atěr. Avár poday i máryě, apóy, ser akũn. Awúr, dayróě lápě aněpéd. (28) Šou aspě yol pazd akũn. Šou asp avvóy. (29) Aǰax, žúta, anósš — afzólš tĩm šou, žúta * afzól tĩm šou. Aǰax, vóraš avé. Túyě ašáu. (30) Vȳz anósor. Ídě gum vȳz avár, awúr.

(31) Poščóě ǰayk i mǎnórě sárě nisstax oy. Čě zamín to mǎnórě sárisa čil zína xoy. ǰayk awów: „Káxik čil zínay sé^hnot, pártowot — man naháwě ině“. (32) Žúta ponzdá zíně vȳzě asé^hn, apártoy, agárd, awés. Áspěš anósor. Awóvor: „Nid, nun x^har“. (33) Kě nun ax^hár, ziyotitěš ja'm akũn, akótěš at^ofár. Akótěš néy^hrivor: „Mox vĩrotx“. Awóvor: „Boybáčak xáste“, — naš-abizónor. (34) Aǰax, vóra avé, amón, atěr. Ašáu podáyě rítĩ. Áspisa awów: „ǰarmár, xě makónisa mun, ter“. Amún, atěr xě makónisaš. (35) X^hatš podaboní kárkě avé. Aǰax, podáyě anós, amún, atěr. Avár, mé^hněšint adavár. Ašáu akótě rítĩš. (36) Akótěš awóvor: „Mox in-núr túyě tamošó akũním“. Nunt awúror, vĩrotěšint at^ofáror.

(37) A vȳóra avé. Vĩrotěšint awóvěšt: „Nunt čukú avirtě?“. Awóvor: „Túyě i boybáča at^ofár — ax^hárim, ziyotiš awúrim tau xotĩr. Awóvim: «Tú tĩm x^har!»“. (38) Aǰax a fĩrõnta. Awóv akótisaš: „Podaboní kũnt — man šom, tamošó kũnóm!“. Ruš níkũnor. Awóvor: „X^hat šau“. (39) X^hatš anós, atěr, podáyě avár — apóy, ser akũn. Awúršint dayróě lápě, aněpéd. (40) Zard aspě yol pazd akũn. Zard asp avvóy, zard libósě-pě avvóy. Aǰax, anósš, libósš anǰyúnt. (41) Aǰax, vóraš avé, túyě ašáu. Vȳzě anós i gum, avár, awúr, asé^hn, bĩst-ũ panj zínáě apártoy. Agárd, awés. (42) Áspěš čak adóror. Awóvor: „Nid, nun x^har!“. Ašáu, aníd, nun ax^hár, ziyotitěš anós, akaótěš at^ofár. (43) Áspěš vóra avé, podáyě rítě ašáu. „ǰarmár, — awów, — xě makónisa mun, ter“. Asp amún, atěr. Awés, podayboní karákě avé.

(44) A vȳorá podáyě anós, amún atěr. Avár, mé^hně amún. Akótě rítĩš ašáu. Nun axúar. (45) A vȳóra aněpéd. A fĩrõnta aǰax, akóisaš awów: „Podaboní šau!“. Awóv: „Našawomišt, x^hat šau“. (46) Podáyě anós, amún, atěr. Aváršint i adirě, apóy, ser akũn. Awúršint, aněpéd. (47) Safét aspě yol pazd akũn. Safét asp avvóy — safét afzól sárěš, žúta xotĩrě safét libóst. Aǰax, anós aspě, libóst anǰyúnt, aspě anós, vóra avé. (48) Ašáu vástar — i kal voxúrdš avé. Awóv: „Máněš** dũwozdá tangá nos, šau, podáyě boní

* Вм. žúta (y) xotirě, ср. ниже (Ред.).

** Máněš < mána iš. (Ред.).

'kūn, vīyóra podáyē ur, t'far. Aúrēk, at'fár: «Hoy, podáyē soxīb vut! Anē podaboní nákcūně»“.

(49) Atēr túisa. Ašáu, v̄ez anós. I ħum avárš, awúr, asé^ynš, ħáykē rítí apártou. (50) ħayk awóv: „Man nósīšt“. (51) Žúta awóv: „Man wésomīšt dománē“. Awés, atēr. (52) Áspēš anósor, avánt. Ašáu, aníd. Poššó awóv: „Man ħáykē nósīšt“. Awóv: „Man x^hátīm nánosomīšt, — awóv. — Šau, kátta akóēm urt!“. (53) Avvówor, akóēš aváror. Akóisaš awóv: „Šau, — awóv, — xammómē, sár-at tant sēný. Šau, kátē libós ast, nēġúnt“. (54) Ašáu xammómē, sár-at tanš asēný, avvóu kátē, libóst anēġúnt, ašáu vīrótē rítīš. Žúta awóv: „ħáykē urt“. (55) ħáykē awúror, níkoħaš akūnór akóē-pēš, at'fár. (56) Tuy adór poššó a vīyorá. Naxwát anídor.

(57) Maydaák vīrót safét áspēš axáš kóyē. Ašáu, x^hatš mē^hmonxónē aníd. Akós atís incē-pēš, kátē anídor. (58) Poššó awóv vīrótisaš: „Náter, nahēdoka nid“. Aníd a vīyóra.

(59) ħayk awóv vīrišaš: „Id vīyóra dēw vvóučē“. ħayk awóv: „Vīrótít wov, nídot“. (60) Čox akówor ostónē. Dēw avvóu, ħáykiša awóv: „Ķax, než!“ . ħayk awóv: „Nánežomīšt, vvou, tis!“ . (61) Dēw atís. Maydaák vīrótš aġax, dēwē adē^h, sarkalláš čē tanš ĵudó avó. Tanš čóxē nūt atēr, sarkalláš ašáu, ħīlki-ħīlki amún, atēr, ašáu očāē rítīš.

(62) A firónta šou áspē yol pazd akūnór. Šou asp avvóu. Anósorš. Avárorš, kóyē axáš. (63) Zard áspē yol pazd akūnór. Zard asp avvóu Anósorš. A firónta kóyē axašórš. (64) Kē aġaxor, áspťē saráytič vóra avór. Atéror dēwē sarkallá dūymē.

(65) Ašáwor i dáštē. Akótēš nahwát amún, x^hatš amún, atēr. Aġór — i ħor. Áspē ħórē dēvárē avánt, x^hatš atís, aġór — dēwē sarkallāē očáš nahwát. (66) „Assalóm aléykūm“, — awóv. Dēw awóv: „Salóm aġar nékūništ, lūymá-i xomt akūnīmišt“. (67) Kē awóv: „Ma, vórzot ur, sēný, kē séyn sēnoytagí vórza nūt x^háromt“. Aúr, asēný, aséyn, awóv: „Dástīm loynókax, aftóbē op t'far, sēnýomš kē tísom, x^hárem“. (68) Aftóbē opš ažēvár, avár. Aftóba ažēvár, nišib akūn ĵurrákš, x^hatš anēž, áspē vóra avó. (69) „Ķarmár, — awóv, — xasiyyátt x^hat ħ^hrivišt“. Safét asp osmónisa paywóz akūn. (70) Dēw čē darún xarrást akūn, adáu. Asp čē osmón awés, póda-pēš adē^hš — dēw amír. Žúta čē áspē sar awés, dēwē būġúntēš aġór — čil pánčē anós.

(71) Ašáu, atís dēwē kátē, i panč anós, i dēvár apé^yn. Aġór — kátē darúnēš pūnnē odám. (72) Odámt awóvor: „Ax farbē, man xaróp!“ . (73) Žúta awóv: „Nežt, tērakē vit, náx^haromīšt man“. Ax dēvárēš apé^yn, aġór — du parí. (74) Ažēváršint parítē. Maydaákīša x^hatš níko^h akūn, anós. Mardūmisa awóv: „Dēwē maydá kūnt, vort, har čūkūrí vek pártout“. Maydaš akūnór, avár, har čūkūrí vek apártou. (75) Awóv: „Bandítē sáršint tan kūnt“. Sáršint tan akūnór, atóššint. (76) Bandítē awóv: „Har odámē ixtiyórš: xo^h nídot, xo^h xē watánisaš tīrót“. Bandít báaziš atéror, báaziš anídor.

(77) Žúta áspēš vóra avó, incēš kanġuġá akūn. Akaóťš tīm vóra avór. Atéror. Akaóťš ní^hrivoišt — iš mox vīrótx. (78) Ašáwor i dáštē. Bidónčē akóisaš awóv: „Vvou, parí-pē níko^xit kūnóm, t'fárom“. (79) Mülló-ē níko^xgár avíror. Mülló-ē níko^xgár awóv: „To dūwozdá áspēm nat'fórt — níko^x nákcū-

nomišt“. Dūwozdá aspš at^fáror. (80) Bidónčë akóěš kátta parí-pě níkó^x akún, anóšš. Aǰáxor, vóra avór ásptšint, atér. (81) Ašáwor šá^hrě. Poššo awóv: „Avvóutě?“. Awóvor: „Ho, avvóvim“. (82) Akaóts awóvor: „Mox virót ku avé?“. Viróts x^uatš sállāš anós, apártou, awóv: „Virótěšint bizon-těšt?“. Awóvor: „Hoṃ, bizonimišt“. (83) Awóv: „Čo nišónāš ast?“. — „Ǧúšě sárěš i xol ast“. (84) Xólěš nišón adór. Abizonorš. Virótsint awóv: „Man nahít dāmisa š^mmox ǰāqqě xǰzmát akúním“. (85) Akaóts awóvor: „Qüllūq, barakalló!“ . Hámmaš ba mūród-ū maqsád arásor, túy-ū tamoššo adóror.

№ 29

(1) Был один царь, у него было три сына. Говорит (царь): „Когда я умру, караульте мою могилу — каждый из вас пусть караулит мою могилу по одному вечеру“.

(2) Умирает царь. Старший сын говорит своим младшим братьям: „Вставайте, пойдем, пойдем втроем, будем караулить в этот вечер могилу“.

(3) Не послушали его младшие. Сказали: „Мы не пойдем: пусть каждый идет поодиночке“. Тогда старший из них встает, идет в тот вечер один. Идет, караулит могилу. (4) Наступает полночь, он встает, убегает. Идет, ложится (спать) на навозной куче. (5) Рассветает. Говорит он своим младшим братьям: „Я покараулил могилу, закончил, пришел“.

(6) Снова наступает вечер. Тогда он говорит среднему брату: „Вставай, ты иди“. (7) Встает (средний брат), идет в тот вечер, садится на могилу. Он тоже в полночь встает, убегает, идет, ложится на ту кучу навоза. (8) Рассветает. Он встает, идет к братьям. Говорит: „Я тоже покараулил могилу, пришел“.

(9) Затем идет младший, ложится на могилу. Наступила полночь. Говорит: „Встану-ка я, убегу“. Не убежал. (10) Смотрит — ночь стала светлой, точно при светильнике. Видит: „Возле меня какой-то старик с тремя лошадьми в руках“. (11) „Вставай, — сказал (старик), — возьми лошадей“. — „Я не возьму лошадей“. (12) Сказал: „Бери, я был должен твоему отцу, бери этих лошадей“. Встает, берет их. Говорит: „Куда я их поведу?“. (13) Говорит (старик): „Возьми у них из гривы по одному волосу, потом их отпусти — пусть они идут. Потом, когда они тебе понадобятся, тогда сожги те волосы, (лошади) придут“. (14) Отпускает их, оставляют они его, уходят. Наступает рассвет. Встает, приходит к старшим братьям. Говорит: „Закончил, пришел“.

(15) Говорят его старшие братья: „Давай, возьмемся пасти рогатый скот“. Подряжаются пасти стадо. (16) Наутро младший брат отправляется пасти. Ведет (коров) на холмы, пасет. В тот день до вечера пасет, приводит. (17) Привел коров, доставил. В тот вечер ходил по домам, говорил: „(Давайте) законно заработанную пищу!“.* (18) Собрал хлеб,

* Óš-ě xalól! — обычный крик пастуха, собирающего вечером пищу у дверей хозяев скота. В самом Ягнобе этого обычая нет, он имеется главным образом среди равнинных таджиков как в городах, так и в пригородных селениях. В Ягнобе же выпас скота

принес. В тот вечер съел со старшими братьями ужин, легли спать. В ту ночь спали. (19) Рассвело, встали. Снова младший погнал стадо, взял его, пошел. Отвел на холмы, попас, кормил, уложил (на отдых). (20) Потом поднял коров, отвел стадо в селение. Довел до селения, хозяева скота взяли свой скот. Тогда (младший брат) сказал: „(Давайте) законно заработанную пищу“. Собрал еду, принес, съел со своими старшими братьями.

(21) Его старшие братья сказали: „Сегодня вечером царь приглашает на пир“. Сказали (еще): „Завтра у царя пир“. (22) Наутро младший брат встал, взял стадо, пошел, отвел на травянистый луг, попас, накормил. Поднялись его старшие братья, отправились посмотреть на пир. (23) Посмотрели. Царь устроил козлодрание. Люди собрались, играли, таскали козла.

(24) Наступил вечер. Младший брат привел стадо. Старшие братья сказали: „Мы сегодня смотрели — у царя был пир“. (25) Сказал он старшим братьям: „Назавтра пусть один из вас идет пасти, а я полюбуюсь на зрелище“. Сказали: „Ладно“. (26) Назавтра рассвело. Не послушали. Сказали: „Иди сам (пасти) — мы не пойдем. Мы пойдем посмотреть на царский пир“.

(27) Отправился (снова) младший брат пасти стадо. Отвел стадо на травянистый луг, попас, накормил. Привел, уложил на берегу реки. (28) Сжег гриву вороной лошади. Появилась вороная лошадь. (29) Юноша встал, взял ее — и сбруя у нее черная, и снаряжение, (принесенное ею для) юноши, черное. Встал, сел верхом. Отправился на пир. (30) Взялись за игру с козлом. На этот раз юноша захватил козла, привез.

(31) Дочь царя сидела на вершине минарета. От земли до вершины минарета было сорок ступеней. Девушка сказала: „Тот, кто поднимет (козла на лошади) на сорок ступеней, бросит, — я тому жена“. (32) Юноша поднял козла на пятнадцать ступеней, бросил, повернулся, спустился вниз. Схватили его лошадь. Сказали: „Садись, ешь“. (33) Он поел, остатки собрал, отдал старшим братьям. Старшие братья не узнали, что это их брат. Сказали: „Это сын богатого человека“, — не признали его. (34) Встал, сел верхом, отправился. Доехал до стада. Сказал коню: „Иди, птица,* к себе домой“. Пошел конь к себе домой. (35) (Юноша)

производится или пастьбой по очереди (ежедневно переходящая очередь по домам), или, очень редко, через наемного пастуха (и то только для овец), причем пастух кормится во всех домах селения по очереди, переходящей ежедневно с дома на дом. Одновременно хозяин дома дает ему на данный день и свою обувь.

* *Ĵarġar* или *Ĵarvār* (тадж. *Ĵorvar*, *Ĵarvar*) — в ягнобском языке охотничья (или хищная) птица, называемая также иногда тюркским словом *quš*. С ласкательным оттенком ягнобец называет в переносном смысле этим словом и других животных, которые ему нравятся. Иногда это выражается даже в прибавлении слова *soxib* ('господин'): *Ĵarġarə soxib!* Поэтому здесь в сказке данное обращение к коню ягнобцы объясняли, как исключительно ласкательное и отнюдь не имеющее намека на скорость коня.

стал пасти скот. Встал, забрал стадо, пошел. Привел, ввел его в селение. Пошел к своим старшим братьям. (36) Старшие братья сказали: „Мы сегодня смотрели на пир“. Принесли хлеб, дали младшему брату.

(37) Наступил вечер. Сказал старшим братьям: „Откуда вы добыли хлеба?“. Сказали: „На пиру один сын богача дал — мы поели, остаток принесли для тебя. Сказали (мы себе): «Поешь и ты тоже»“. (38) Встал наутро младший брат, сказал старшим братьям: „Попасите — я пойду, полюбуюсь“. Не послушали. Сказали: „Иди сам“. (39) Взял он (стадо), пошел, отвел стадо, попас, накормил. Привел его на берег реки, уложил. (40) Сжег гриву желтой лошади. Прибежала желтая лошадь, прибежала с желтой одеждой. Встал, взял, оделся. (41) Встал, сел верхом, отправился на пир. Схватил один раз козла, отвез, привез, поднял вверх, бросил на двадцать пять ступеней. Поворотил, спустился. (42) Задержали его лошадь. Сказали: „Садись, ешь“. Пошел, поел, остатки взял, отдал старшим братьям. (43) Сел верхом на лошадь, отправился к стаду. „Птица, — сказал он, — иди к себе домой“. Лошадь ушла. Спустился, стал пасти.

(44) В тот вечер забрал стадо, пошел. Отвел, оставил в селении. Пошел к своим братьям. Поел. (45) В тот вечер лег спать. Наутро встал, сказал старшим братьям: „Идите пасти“. Они сказали: „Мы не пойдем, иди сам“. (46) Взял стадо, ушел. Отвел его на холмы, попас, накормил. Привел коров, уложил. (47) Сжег гриву белой лошади. Прибежала белая лошадь — на ней белая сбруя, белые одежды для юноши. Встал, оделся, взял лошадь, сел верхом. (48) Отъехал подальше — встретился ему один плешивый. Сказал (ему юноша): „Возьми вот эти двенадцать таньга, иди, попаси скот, вечером скот отдай (хозяевам). Когда приведешь, отдашь, (скажи): «Эй, берите вашу скотину! Больше он скот не пасет»“.

(49) Отправился юноша на пир. Поехал, схватил козла. Привез его, поднял вверх, бросил перед девушкой. (50) Девушка сказала: „Ты возьмешь меня“. (51) Юноша сказал: „Я спущусь вниз“. Спустился, отправился. (52) Схватили его лошадь, привязали. Пошел он, сел. Царь сказал: „Ты возьмешь мою дочь“. Юноша сказал: „Я сам не возьму. Сходите, приведите моего старшего брата“. (53) Пришли, привели его старшего брата. Сказал своему брату: „Иди, — сказал он, — в баню, вымой голову и тело. Иди, дома есть одежда, надень ее“. (54) Пошел в баню, вымыл голову и тело, пришел домой, переоделся, пошел к младшему брату. Юноша сказал: „Приведите девушку“. (55) Девушку привели, совершили брачный обряд со старшим братом, отдали ее. (56) Царь устроил в тот вечер пир. Там они остались.

(57) Завел младший брат белую лошадь в помещение для скота. Сам пошел, сел в помещении для гостей. Старший брат вошел к жене, сел в доме. (58) Царь сказал младшему брату: „Не уходи, сиди здесь“. Остался сидеть в тот вечер.

(59) Девушка сказала своему мужу: „В этот вечер придет див“. Девушка сказала: „Скажи твоему младшему брату, чтобы он сидел“. (60) Перед дверью вырыли яму. Пришел див, сказал девушке: „Встань, выйди“. Девушка сказала: „Я не выйду, иди сюда, войди“. (61) Див вошел. Младший брат встал, ударил дива, отделилась его голова от тела. Тело ушло в яму, голова покатилась, ушла, пошла к его матери.

(62) Наутро сожгли гриву черной лошади. Прибежала черная лошадь. Взяли ее, отвели, завели в помещение для скота. (63) Сожгли гриву желтой лошади. Прибежала желтая лошадь. Взяли ее. Завели ее в то утро в помещение для скота. (64) Потом поднялись, сели все трое верхом на лошадей. Отправились вслед за головой дива.

(65) Доехали до степи. Его старшие братья там остались, а сам он поехал дальше. Видит — пещера. Привязал лошадь перед входом в пещеру, сам вошел, видит — там мать головы дива. (66) „Мир вам“, — сказал он. Див (мать дива) сказал: „Если бы ты не совершил приветствия, я превратил бы тебя в сырой кусок мяса“. (67) Еще сказал (див): „Вот, отнеси чашки, вымой, потом принеси — я съем тебя в вымытой чашке“. Отнес (юноша), вымыл, принес, сказал: „У меня грязные руки — дай мне кувшин воды: я вымою, потом войду, ты меня съешь“. (68) Вынесла ему в кувшине воды, отнесла. Юноша вынес кувшин, наклонил его носик (чтобы старуха слышала звук текущей воды), а сам вышел, сел верхом на лошадь. (69) „Птица, — сказал он, — ты сама знаешь свое свойство“. Белый конь взлетел на небо. (70) Див изнутри (пещеры) заревел, выбежал. Конь спустился с неба, ударил его ногами — див умер. Юноша слез с лошади, посмотрел в кармане дива — взял сорок ключей.

(71) Пошел, вошел в дом дива, взял один ключ, открыл одну дверь. Видит — внутри дома полно людей. (72) Люди говорили: „Тот жирный, я худой“. (73) Юноша сказал: „Выходите, я не съем“. Открыл другую дверь, видит — две пери. (74) Вывел пери. С младшей из них сам совершил брачный обряд, женился. Людям сказал: „Изрежьте дива на мелкие куски, отнесите, бросьте в разные ямы“. Превратили его в мелкие куски, отнесли, бросили в ямы. (75) Сказал: „Намочите головы узникам“. Намочили им головы, побрили их. (76) Сказал узникам: „Каждому человеку (предоставляется) выбор: или пусть остается, или пусть идет к себе на родину“. Некоторые из узников ушли, некоторые остались.

(77) Юноша сел на лошадь, жену посадил сзади себя. Старшие братья его также сели верхом. Поехали. Старшие братья не знали, что это их брат. (78) Доехали до степи. (Юноша) сказал среднему брату: „Давай, повенчаю тебя с пери, выдам (ее за тебя)“. (79) Нашли муллу, совершителя брачного обряда. Мулла, совершитель брачного обряда, сказал: „Пока мне не дадите двенадцать лошадей, я не совершу брачного обряда“. Дали ему двенадцать лошадей. (80) Обвенчался средний брат со старшей пери, взял ее. Поднялись, сели верхом на лошадей, поехали. (81) Доехали до города. Царь спросил: „Приехали?“. Сказали: „Да,

приехали“. (82) Старшие братья спросили: „Куда делся наш младший брат?“. Младший брат снял свою чалму, бросил, сказал: „Узнаете ли вы своего брата?“. Сказали: „Да, узнаем“. (83) Спросил: „Что за примета есть у него?“. — „Над ухом есть родинка“. (84) Показал юноша родинку. Его узнали. Сказал он братьям: „Я служил вам до этого момента“. (85) Старшие братья сказали: „Спасибо, исполать (тебе)“. Все они достигли цели, желания, устроили пир и веселье.

№ 30

Записано от жителя сел. Сархадн Куль

(1) I kusá-t i kal oy. Íkĭ yóuřšint oy. Kal awón: „Tũ kũř, yótěř x^hárimĭřt, kě man tĭm yówě kũřomĭřt, x^hárimĭřt“. (2) Kusá xěp yówěř akũř, dũtĭřč ax^háror. Yóta sof avú. Kusá awón: „Ítón tũ tĭm yówet kũř“. (3) Kal awón: „Man nář-kũřomĭřt“. Kusá xěp yówě pũřtř hámmař otáng toft.* Bozórěř avár, apĭróňč. (4) Bozórě awóvor: „Čof tangá?“. Awón: „Čófik x^hat t^ofar“. Tafór tangář t^ofóřčě. (5) Axĭrínř, tafór tangá anós. Anós, amún, avvóu. Avvóu kállě ritĭ. (6) Kal apũř: „Otáng apĭróňře?“. Awón: „Hoň, apĭróňřem. Man bĭřiyór pũl at^ofaror“. Kal tĭm xěp yówěř kũřčě, kě yótěř katĭ x^hárořt. (7) Kě ax tĭm pũřtř otáng tóřčě, kě bozórě vóřčě — hĭč čũks nář-nosčě. Laksónčě, laksónčě, nos, vvouřt. (8) Kusáĭřa wóčě: „Tũ man řěřěb akũnĭ“. Avvóu, kátěř olóu xay akũn. Kusáě kat asúř.

(9) Kusá řáxčě, xokĭřtárř řũwólě xářčě, sárěř vántčě, kě xárě sárěř vor kũnčě. Kě nósčě, tĭřt bozórĭřa. (10) Kě vóřčě, řort — tafór odámě nĭřta. Apũř: „ř^hmox čo kará odám os?“. Kě wóčě: „Mox tafór řuráě om“. (11) Kusá wóčě: „Man tĭm řurá nos“. Qabũl kũnóřt, kě řurá vořt. (12) Vĭyóra anĭdor nax^hás, kě napĭdořt. Ráxřĭn vĭčě. Ařáxor. (13) Kě kusá řũwólěř yóřčě, kě wóčě: „Man řũwólě tangótř nótářĭntor, xokĭřtárřĭnt xářtax, pũnĭ tangáx oy“. Kě: „Dod, — wóčě, — man tangá adũzdór“. (14) Ax řurótĭř wóčě: „E, dod náwov, dod náwov: tangót t^ofarĭmĭřt“. Xarčĭřĭnt axářor, t^ofaróřt. (15) Kusá nósčě, řũwólě vĭřčě, pũn kũnčě. Vor akũn, atěp kátĭřař.

(16) Kal pũřřčě: „Xokĭřtár ku akũnĭ?“. Kusá wóčě: „Avárřm bozórě — aná ĭpěřě tangá anósřm“. Kal wóčě: „Man tĭm kátěm olóu xay kũnomĭřt“. (17) Kal tĭm kátěř olóu xay kũnčě. Kat xokĭřtár vĭčě. Kě řũwólě nũř xářčě, xárěř vor kũnčě. (18) Wóčě: „Man tĭm váromĭřt, bozórě pĭróňřomĭřt, ĭpěřě tangá nósom“. Tĭřčě bozórĭřa, kě bozórě tĭřčě. „Xokĭřtár raft! xokĭřtár raft!“ — wóčě. (19) Mardũm wóčě: „E padár nalát, naxót xokĭřtár pĭróňř!“ . Mardũmě xánta anós: „Ít kállě yóř-ě: xokĭřtár pĭróňřčě“. (20) Kal gárdčě, woft: „A mes amrám apĭróňř, anóřor — mánĭk nánořořt?“. Kě wóvořt: „Dũrúř wóyĭřt, xokĭřtár hĭč čũks naxĭrĭnčě, tař marg, káll-ě ayyóř!“.

* Вм. tóřta? (Ред.).

(21) Kě jáxčě, xokistárěš gardónčě bozórě sárě, kě múnčě, tirt kátisaš. Awón: „Id vjóra kusáe nat^uxoyom navúčě!“. (22) Vvóučě vjóra. Šáučě, kusáe kátě tisčě. Kusáe očáš saxt betóp xoy, mírna vútax oy. (23) Kusá avár, xěp joygáe aněpědš. Kal tórě atis, aγór — i odam nípístax. (24) Awón: „Čě dū sar kusáx!“. Kórtě-pě adě^hs, kusáe očáš amír.

(25) Ráxšín avú. Kusá avvóu, aγór: „Očám murtax“. Awón: „Kále t^uxástax!“. Kusá jáxčě, xar úřčě, očáe vor kúnčě, tířčě. (26) Dur šáučě, šáučě i xarámě lápě. X^uatš gazakě nítčě. Xar šáučě, zavánta xort. (27) Soxěbě xirmán vvóučě, xárě dě^hčě. Kusá jáxčě, šaut. Šáučě, „Dod! — wóčě, — očáem at^uxoy — kasáx oy“. (28) Kě wóčě: „E, «dod» náwov — man zárě zjwárt t^ufáromišť!“. Jáxčě, zárě zjwárt t^ufóřčě. (29) Kusá anós, očáeš avár, čukúrí také akún. Kě kátisaš tířčě. Kal xayrón avú: „Man tau náat^uxoyem?“. (30) Kusá wóčě: „Očáem at^uxoye. Očáe mūrtaem bozórě avárem, apírónš — ipěťe púl akún!“.

(31) Kal wóčě: „Man tīm očáem t^uxoyomišť, várom, púl kúnóm“. Ašáu kátisaš, očáeš at^uxoy, mūrtaeš xárě vor akún, bozórě sárě avár: „Ho, očá-ě murtam raft! Očá-ě murtam raft!“. (32) Kě mardúm wóvošt bozórě sárě: „E, padár nalát! Naxót očá-ě murtat «raft» wov?“. (33) Mirěšáp adawór, čakš adóror, aváror, zindóně apártowor, čófě azóps at^ufarór! Čof móhe ba'd ažěvárórš.

(34) Kal atěr kátisaš. Awón: „Ta man kusáe náat^uxoyom, man azóp at^ufarór naháwě dast!“. Kusáe kátě ašáu. Kusáisa awón: „Čě tau dast man něhí paráu azóp at^ufarór, — itón t^uxoyomišťet!“. (35) Jáxčě, jūwólě nūt xáš-čěš, sárěš vancě, γúrkěš kúnčě, xáuzě lápěš vóřčě. Naháu xáuzě lápěš múnčě, kě sánčě, tirt aděrisa, i tarbúřě xotjř: „Sanóm, tarbúr úrom, kusáe maydá kúnóm, xáuzě partowóm“. (36) Kal sánčě, tirt. Kusá γuš dóřčě — i čupóně hūštók ast. Čupón mólě-pěš awés.

(37) Kusá wóčě čě jūwólě darún: „Mir návomišť, čupon vómišť“. Čupón wésčě, wóčě: „Čo wóvíšť?“. (38) Kusá wóčě: „Man mir návomišť, čupón vómišť“. Wóčě: „Niž čě jūwólě darún — man tísomišť!“. Kusá nižčě, čupón tisčě. Kusá móltě anós, atěr. (39) Kě ax kal wésčě, kě jūwólě sárě dě^hčě. Čupón wóčě: „Ey dod, ey! Mir vómišť! Mir vómišť!“. Dě^hčěš, t^uxoyt, xáuzě nūtš pártoučě. (40) Múnčě, tirt kátisaš. A fírónťa γóřčě — kusá awés, mólě bīsijóřě katíiš ast. Kě wóčě: „Tau at^uxoyem, tík zindá vútaišť!“.

(41) Kusá wóčě: „Xáuzě darúně něhípěťe mol ástě!“. Kal wóčě: „Jurá, man tīm var!“. Kusá wóčě: „Xayr, jurá!“. (42) Kě jūwólě nūtš wítčě kálě, γúrkěš kúnčě, vóřčě xáuzě lápě, kě dangálě-pě dě^hčěš: „Ey, dod, ey! Ey, dod, ey! E, kusá-ě kučarě, nam-děhé! Ey, kat sūxsót, e!“.

(43) Kusá jūwólě anós, ópě nut apartóu. Amón, atěr kátisaš. Áxtit wáskě, mox táskě.

№ 30

(1) Был один безбородый, один плешивый. Было у них по одной корове. Плешивый сказал: „Ты убей (свою корову) — мясо ее съедим, потом я тоже убью корову — съедим“. (2) Убил безбородый свою корову,

съели оба. Мясо кончилось. Безбородый сказал: „Теперь ты тоже убей свою корову“. (3) Плешивый сказал: „Я ее не убью“. Безбородый всю кожу своей коровы скрутил в отанги.* Привез на базар, продавал. (4) На базаре спросили: „Сколько таньга?“. Сказал: „Сколько сам дашь“. Дают ему четыре таньга. (5) Тот купил, (безбородый) взял четыре таньга. Взял, положил, пришел. Пришел к плешивому. (6) Плешивый спросил: „Ты продал отанги?“. Сказал: „Да, я продал. Мне дали много денег“. Плешивый тоже убивает свою корову, съедают ее мясо вместе. (7) Потом он тоже скручивает ее кожу в отанги, везет на базар — никто не берет. Ходит, ходит, берет, возвращается (домой). (8) Говорит безбородому: „Ты меня обманул“. Пришел, поджег его дом. Сжег дом безбородого.

(9) Безбородый поднимается, собирает пепел (дома) в мешок, завязывает его отверстие, навьючивает на осла. Затем берет, уезжает на базар. (10) Везет, видит — сидят четыре человека. Спросил: „Вы что за люди?“. Те говорят: „Мы четверо товарищей“. (11) Безбородый говорит: „Меня тоже возьмите в товарищи“. Соглашаются, становятся товарищами. (12) Вечером там сидят, потом ложатся спать. Светает. Встали. (13) Безбородый смотрит в свой мешок и говорит: „У меня из мешка взяли деньги, высыпали золу — (мешок) был полон денег“. „Караул! — кричит, — украли мои деньги“. (14) Те его товарищи говорят: „Э, не кричи караул, не кричи караул, — мы дадим тебе твои деньги“. Вытащили деньги на расходы, отдают. (15) Безбородый берет, бросает в мешок, наполняет (его). Навьючил, отправился домой.

(16) Плешивый спрашивает: „Куда ты девал пепел?“ Безбородый говорит: „Отвез на базар — вот столько денег выручил“. Плешивый говорит: „Я тоже подожгу свой дом“. (17) Плешивый также поджигает свой дом. Дом превращается в пепел. Затем насыпает (пепел) в мешок, навьючивает на своего осла. (18) Говорит: „Я тоже отвезу, продам на базаре, вот столько денег возьму“. Отправляется на базар, входит на базар. „Пепел увозится, пепел увозится“** — кричит он. (19) Люди говорят: „Ах, проклятье его отцу, этого еще не хватает, чтобы пепел продавать“. Смех разобрал людей: „Посмотри-ка на этого плешивого — продает пепел“. (20) Плешивый поворачивается, говорит: „В тот день мой товарищ продавал, взяли, а мой не возьмут?“. Тогда говорят ему: „Врешь ты, пепла никто не покупает, чтоб тебе подохнуть, хитрый плешивый!“.

* Отанг — ременная веревка для прикрепления дышла плуга к ярму.

** Хокистар гафт. Здесь прибавление таджикского гафт является, видимо, подражанием возгласам фальгарцев, привозивших на продажу в Ягноб фрукты. Возглас этот в устах продавцов (напр.: *γulīng raft* 'сухие абрикосы уехали') рассчитан на то, чтобы заставить поторопиться жителей селения с покупкой. Постепенно к этому крику уже привыкли, и он, с течением времени, превратился в обычный крик торговцев при продаже ими своего товара.

(21) Тогда плешивый поднимается, выворачивает на базаре пепел (из мешка), оставляет, идет к себе домой. Сказал он: „Невозможно, чтобы я не убил сегодня вечером безбородого“. (22) Наступает вечер. Идет, входит в дом безбородого. У безбородого была очень больна его мать, вот-вот умрет. (23) Безбородый привел ее, уложил на свое место. Плешивый в темноте вошел, посмотрел — лежит какой-то человек. (24) Сказал: „Вот это никто другой, как безбородый!“. Ударил ее ножом — умерла мать безбородого.

(25) Рассвело. Безбородый пришел, посмотрел: „Умерла мать“. Сказал: „Убита плешивым!“. Встает безбородый, приводит осла, навьючивает мать, идет. (26) Идет далеко, идет на край одного гумна. Сам присел. Осел идет, есть сноп. (27) Хозяин гумна приходит, бьет осла. Безбородый поднимается, идет. Идет, кричит: „Караул! Он убил мою мать, она была больна!“. (28) Тогда хозяин гумна говорит: „Э, не кричи «караул» — я дам тебе золота, украшений“. Встает, дает золото, украшения. (29) Безбородый взял, отвез свою мать, закопал в яму. Потом идет в свой дом. Плешивый удивился: „Разве я тебя не убил?“. (30) Безбородый говорит: „Ты убил мою мать. Труп матери я отвез на базар, продал — вот столько денег заработал!“.

(31) Безбородый говорит: „И я убью свою мать, отвезу, превращу в деньги“. Пошел к себе домой, убил свою мать, труп ее навьючил на осла, отвез на базар: „Эй, увозится труп моей матери! Увозится труп моей матери!“.* (32) Тогда люди на базаре говорят: „Ах ты, будь проклят (твой) отец! Этого еще не хватало, чтобы ты говорил «увозится» про труп своей матери“. (33) Подбежали миршабы,** схватили его, отвели, бросили в тюрьму, сколько мучили его! Через несколько месяцев его выпустили.

(34) Пошел плешивый к себе домой. Сказал: „Пока я безбородого не убью, меня будут мучить из-за него“. Пошел в дом безбородого. Сказал безбородому: „Из-за тебя мне причинили такие мучения, теперь я тебя убью“. (35) Встает, затаскивает его в мешок, завязывает отверстие (мешка), взваливает его себе на спину, относит на берег пруда. Оставляет его на берегу того пруда, потом взбирается, идет на холмы за палкой: „Поднимусь, принесу палку, превращу безбородого в куски, брошу в пруд“. (36) Плешивый поднимается, идет. Безбородый слушает — пастух свистит. Пастух спустился со скотиной.

(37) Безбородый говорит изнутри мешка: „Не хочу быть миром (князем), хочу быть пастухом“. Пастух спускается, спрашивает: „Что ты говоришь?“. (38) Безбородый говорит: „Я не хочу быть миром, хочу быть пастухом“. Говорит пастух: „Выйди из мешка — я войду“. Безбородый вылезает, пастух влезает. Взял безбородый скотину, пошел.

* Букв. 'О, уехал труп моей матери' — та же пародия на крик странствующих торговцев (см. примечание на стр. 151).

** Надзиратели за порядком, полицейские.

(39) Спускается плешивый, ударяет по голове (поверх) мешка. Пастух кричит: „Ай, караул, ай! Миром буду, миром буду“. Бьет его, убивает, бросает в хауз. (40) Оставляет, идет к себе домой. Наутро смотрит — спустился безбородый, с ним много скота. Тогда говорит (плешивый): „Я ведь тебя убил, а ты снова живой“.

(41) Безбородый говорит: „В пруду очень много скота“. Плешивый говорит: „Приятель, отведи и меня!“. Безбородый говорит: „Ладно, приятель!“. (42) Кладет плешивого в мешок, взваливает его себе на спину, относит на берег пруда, потом бьет его дубиной. — „Ай, караул, ай! Ай, караул, ай! Ах ты, проклятый безбородый, не бей меня! Ах, чтоб сгорел у тебя дом, ай!“. (43) Взял безбородый мешок, бросил в воду. Оставил, пошел к себе домой. Они туда, а мы сюда.

№ 31

Записано от Мухаммад Али, 28 лет, жителя сел. Сархадн Куль, слышавшего эту сказку от своего дяди из того же селения

(1) I poššo oy, saráy žútaš oy. Gálaš tul amún. I aždahór yúxta avú. I žútaš awón: „Tóytě mox darák nəsst“.

(2) Poššo kátta žútaišaš awón: „Wes, γor, wəŋ — tóytě čox xórcě?“.

(3) Awés, xǔmněš avár, aűfs, xabardór návutax. Ráxsšin avú. Dodóišaš awón: „Xabardór névəm“.

(4) Bídónčě žútaš dodóišaš awón: „Man wésomíšt“. Aų vǔyóra ajax, awés, atěr. Awés, anapét, xabardór névu: xǔmněš avár. (5) Ráxsšin avú. Ajax, asán, atěr dodóě rítisaš. Awón: „Náa! Xǔmnǐ paráxtaim. Ajaxəm — ráxsšin vutáx“.

(6) Maydaák žútaš awón: „Man wésomíšt“. Ajax, awés. Xǔmněš anós awě tǐm. (7) Ajax, čílikěš pákka akǔn, namák awět, sǔxsaš asě'n — xǔmněš nívar. Aγór — aždahór avvóu. Awón: „Tóya qǔrt děhǔm“. (8) Žúta ajax, dúyměš čak adór. Darúnisaš axáš — iš wéskě zur adě^b. Dúyměš pǔčča avú — tóya qǔrt adě^h. (9) Ajax žúta, asán, atěr. Dodóš awón: „Čo sěrr awéni?“. Awón: „Aždahór yúxta vutá, tóytě aždahór x^hárna vutáx“.

(10) Maydaák awón: „To naháwě návirom, naháų tóyě nánosom — náziwortomíšt áněm“. Saráytě akót vǔrót ax^bd akǔnór, katí aněžor, atěr. (11) I rótě ašáwor, saráy rótě avvóu. Saráy rótě i sárě sank avvóu. (12) Yak tangá amúnor naháų sánkě sárě, awóvor: „Kom mox rítik avvówǐm — nax tangá nósimíšt, kě aų dúě kówakě tirím“.*

(13) Kátta akóš sárě rótě vek atěr, bídónčaš — bídóně rótě vek atěr, čě hámmaě maydaákěš tákě rótě vek atěr. Ax duš ašáwor, i šá^hrě atísor.

(14) Maydaákěš tákě rótě vek atěr. Ašáų, aγór — i za'ífa níssta. Awón: „Idóka ču nísstaíšt?“. Awón: „Man i aždahóřě ínč-im“. (15) Awón: „Ič-čǐ

* Эта фраза является очень характерной для употребления в ягнобской речи 1 л. мн. ч. там, где в русском следовало бы употребить 3 л.

nunt ast? Dėvázim ast“. Awóv aně: „Das čuwáně oč, das dastarxóně nun“. Awóv: „Tis, cě i lápěš nos, x^{ar}!“. (16) Atís, das čuwáně oč ax^{ar}, das dastarxóně nun ax^{ar}. Aněž, aníd. (17) Awóv: „Ču wáxtě wěščě?“. Awóv: „Namóz-ě dıgáre“. Awóv: „Ba či tartıb wěščě?“. Awóv: „Zamín sip-súrx vúčě“.

(18) Aǰáx, awés, atér. Awés, ědkě aníd. Ax tım awés. Awóv: „Íns-iš* yo ĵins?“. Awóv: „Na íns-ım, na ĵins, — awóv, — odám-ě xokı“. (19) Žúta awóv: „Güďár!“ — „Ču?“ — awóv. Ědkě bídóně dútič bídón anósor. (20) Žúta adě^hš, sarš as^{xóy}, áspěš anós, asán, atér. Áspě asěⁿ, za'ıfay-pě at^{fár}. Aǰáx, wáskě atér.

(21) Ašáu, i aně za'ıfa awėn — i aně aždahóre inčš oy. Ašáu, awóv: „Núněm t^{far} — x^{ar}rom“. Awóv: „Dėvázim vúta“. (22) Awóv: „Tis, cě i lápěš nos, x^{ar}“. Atís, bıs čuwáne oč ax^{ar}, bıs dastarxóně nun tım ax^{ar}. (23) Aněž, apúrs, awóv: „Aždahór ču wáxtě wěščě?“. Awóv: „Xúřě nídakě porá wěščě“. (24) Žúta ašáu, ědke párcay aníd. Aǰór — awés, ědkě túřrı avú. Šamsır axášěš, adě^hš. Nımaš it taráfě nüt, nımaš au taráfě nüt adıví, atér. (25) Áspěš anós, asěⁿ, avár, za'ıfe-pě at^{fár}. Aǰáx, atér.

(26) I aně aždahóre kátě ašáu: saráyıtıı iyór aždahór — dúiš at^{xóy}, iış káttaš aparáxs. (27) Žúta awóv: „Güďárom, áwě tım t^{xóy}om“. Ašáu kátısaš. Awóv: „Dėvázim ast“. Aždahóre inč awóv: „Tis, či čuwáne** lap nos, x^{ar}“. (28) Žúta atıs, čıl čuwáne oč ax^{ar}, čıl dastarxóně nun tım ax^{ar}. Ínčısaš awóv: „Ču wáxtě wěščě?“. Awóv: „Namóz-ě dıgáre“. Awóv: „Ba či tartıb wěščě?“. Awóv: „Xütanna sánka pėš-ě póyě-pėš dě^hkı wěščě“. (29) Aǰór — awés. Žúta awóv: „Güďár!“ — Ax awóv: „Tü güďár!“ — Žúta agüďár, bídón anósor. Čıl man tıxm zamın šüdgór akünór. (30) Hič kadómıš níde^h. Žútay nešpočákě vekš wáxın avvóu. Ínčak aúr, ĵugorı aždahóre po tákě vek ačóš. (31) Aždahór adıví. Žúta sárěš as^{xóy}. Čě sárě ĵırdıiš aft külóčě tasmá anós. (32) Áspě anós, vóre avú. Asán, atér. Ínčakě níkó^x akün, mól-at ǰóutě anós. (33) Ínčakısa awóv: „ǰax, tırımıšt!“ — Aǰáxor, atér. (34) Ašáu, au aždahóre ínčě tım anós, atér. Tık ašáu, au aždahóre ínčě áwěš tım anós, atér. Xě mamlakátısaš tırčě itón.

(35) Naháu saráy rótě sárě ašáwor, aǰór — nax tangá úštax sánkě saré. Awóv: „Akótım hič kadómıš návvoıtor“. Awóv: „Man x^{atım} sūróxtıšınt šáwom“. (36) Saráy čodár dě^hčě: iış surx adě^h, iış sabz adě^h, iış kabúd adě^h. Akótě sūrókěš atér. (37) Ašáu, aǰór — iış kallapazxónay, iış nunwayxónayx. Čě iış nun anós, čáwıš sarkallá yóta anós. (38) Awóv: „Nıdt, x^{arım}“. Anıdor, x^{arě} avú. Awóv: „Man abızóntě?“. Awóvor: „Na, nat-abızónım“. (39) Ax dútě akótěš awóvor: „Mox saráyıtıı yom, du mox avvówım, i šá^hřě atısım — i vırótě mox darák nešt“. (40) Awóv: „Man abızóntě yo nax? Vıróttšınt mán im!“ — Aǰáxor, asaraká salóm akünór, awóvor: „Au damón nat-abızónım“. Aróyor, ĵırá-ü nolá akünór. (41) Maydaák vıróttšınt

* Bm. íns-išt. (PεA).

** Bm. čě i čuwáne.

awów: „Natirtěšt?“. Awóvor: „Qarzdór-ě bisiyóri vútijom“.* Awów: „Jaxt, xújáintě rítí šayyím“. Ajáxor, atér. (42) Ašáwor xújáintě rítíš, awów: „Jawóbsšint t^ofort, tírim!“. Awóvor: „Móx-pě sat tangá qarzdórx“. Awów aně: „Sat tangá man t^ofáromišťet — jawóbsšint t^ofort: nósomšint, tírom“. (43) Fotixášint at^ofár. Ajáxor, atér. Bozórě awésor, libosí anósor. Čě bozór asěⁿ, libós akún. Dútič anųýntor, ajáxor, rawón avú.

(44) Ašáwor jogótěšint. Kátta akóěš avár, čodárě sabz zadagí naháwěš amún, bídónčaěš kabúd čodárě amún, x^hatš súrxe tákě atíš. Ašáu, au dúě ijób akún, incěnt** at^ofár. Anapédor. (45) Áxtit dútič maslařatě adiviyór. Awów: „Dodóisam šáučě, woft: «Qarzdór vútijor,*** ašáwem, qarzšint kandá akún, aúremsšint, incě at^ofár». Šáučě, naxpít wóvčě — dodóm malomát mox kúnčě“. (46) Awóvor: „I árke kúním, nahídóke paráxsot“. Káttaš awów: „Čútíš kúnimišť?“. Awów: „I šamsír várimišť, káppay děvárěš vántim, kě, — awów, — fayróděš kúním“. (47) Kátta akóš awów: „Čoš wóvim fayród kúním?“. — „Kě wóvimišť: «Galáě dūzd adě^h!«“. (48) Maydaák žúta ůftax oy. Kátta akótiš fayródš akún, awów: „Jax, gálay dūzd adě^h“. Ĥarbakóna ajáx, adáu, šamsír zonkš pákka akún. Čulóq avú, aparáxs. (49) Akótiš awóvor: „Jax, tírim“. Awów: „Man čulóq akúntě, bar qasd akúntě“. Ajáxor, mól-at ýowě anósor, rawón avú. (50) Vírótě incěsas awóvor: „Jax, tírim!“. Awów: „Man nátiromišť“. Víríš awów: „Jax, tir katiěšint“. (51) Katiěš ajáx atér. Góu-at mólě anósor, hámmaš amúnor, atér.

(52) Žúta aparáxs. Au met viyórisa aníd naháwoka. Aýór — du odámě yáxši avú, avvóu. I naxširě ritorítšint ikt oy. (53) Íiš awów: „Čakš dorúm“, — ýurdaš náweňišť. Axíš awów: „Manš čak dorúm“, — axíš tím nítun čakě dórak: dástěš nívu. (54) Čulóq fayród akún, awów: „Ur, man dehúmš“. Agardúnorš, aúroraš, adě^hš. Awów: „Kaxš páťčě?“. (55) Qorí awów: „Šáym šá^hrě, i řayk úrim, kaybonigarí mox kúnót“. Ajáxor, atér — qorí-t bedást. (56) Atéror, šá^hrě ašáwor. Aýóror — i řayk aněž. Adúzdorš, anósorš, avvóu. Aúroraš naháu čulóqě rítí. (57) Awóvor: „Ána, aúrimsš“. Čulóq awów: „Íišint níkóřěš kún, nos“. Awóvor: „Na! Naš-nósimišť. Saráytítě mox xor mox vot“. (58) Amúnoraš, ajáxorš, šikóre aněž. Awóvor: „Kátě tak arántě — du mawízě yáxši vúčě. Íiš pšákě weđš, íiš x^hat x^har“.

(59) Ajáx, aránt kátě tákěš. Du mawízě yáxši avú. Íiš pšákě awéd, íiš ax^hár. Pšak naš-ax^hár. (60) Ax tím tik anós, ax^hár. Pšak ašáu, olówě agazón — olóu amír. Xěpěš fikr akún: „Akótim t^hxóyoštím id viyóra“. (61) Ajáx, aněž, těpay lápě aníd. Aýór — dúdě borík sának ast. Ajáx, atér. (62) Ašáu — i aždahóre dóně varáyak oy, podáy-pěš olóu rítí karákš oy, čěči-pěš dóně varáyakš oy. (63) Awów: „Salóm aláykúm“. Awów: „Salómim níkúnišť, lūqmá-ĩ xomt akúnimišť“. Awów: „Wa aláykúm!“.

(64) Gámtuně donš at^ofár, pústakí don at^ofárš, olówěš tím at^ofár. Ajáx, amún, atér. Awów: „Pústakí don čoš, ýámtuně don x^har“, — awów.

* Из вута iyóm. (Ред.).

** Из incěšint. (Ред.).

*** Из вута iyór. (Ред.).

(65) Atér, pūstakí don acóš. Ašáu, olóu akūn. (66) Pūstakí don tēbína avú. Aždahór aǰáx, anéž, čínkē-čínkēšint avvóu. (67) Fayródš akūn. Awón: „Než, sárēm ɣor“. Anéž, sárēš aɣór. Naháx tēbína sárē tórkēš adē^h, wáxīnš azamák. Aǰáx, amún atér.

(68) Akaótēš awésor. Awóvor: „Oló^ut ɣir ču avú?“. Awón: „Ču rom?“. * Awón: „Gap dē^h“. (69) Awón: „Kátik arántēm, du mawízē yáxšī avú. Íš ax^uáreṃ, íš pšákē awédəməš: níx^uar. Axš tīm ax^uáreṃ. Ašáu, olówē agazón. Olówē xotīrē ašáwēṃ i aždahóre kat. Olówēṃ at^ufár. X^uatš kē man kátē ašáu, tēbína adē^h sárē nūtēm, wáxīn azamák“.

(70) Qorí awón: „Š^umox šikóre šaṭ — man nídom“. (71) Qorí aníd. Aždahór avvóu, awón ɣáykīsa: „Než, sárēm ɣor“. (72) Qorí awón: „ǰax, než: dūtīti mox xórcē!“ . ɣayk anéž. Aždahór tēbína adē^h, azamák, amún, atér. (73) Akaótīs čē šikór awésor. Qorísa awóvor: „Čo akūní?“. Awón: „Hič-čī na: qaríp ham íti ax^uár, ham man“.

(74) A firónta bedást awón: „Man nídomišť“. Áxtit šikóre asanór. Aždahór avvóu. Bedást ačükē^ɣr, xórisaš awón: „ǰax, než: dūtīti mox xórcē“. (75) Ax du awésor čē šikór. Awóvor: „Čo akūní tū?“. Awón: „Aždahóre avvóu, qaríp dūtīti mox ax^uár“.

(76) Čulóq awón: „Fírónta š^umox du šikóre sant — man x^uátīm nidóm“. Ax du šikóre atéror. Čulóq aníd. Aɣór — aždahór avvóu. (77) Awón: „ǰax, než“ — ɣáykīsa. Awón: „Nánežomišť“. Arrást akūn, awón: „Tísomišť, x^uáromť“. Awón: „Tis“.

(78) Atís. Čulóq aǰáx, anós, avánt. Awón: „T^uxóyomišť“. Awón: „Nām-t^uxóy — saxátšint kúnomišť“. (79) „Xayr“, — awón čulóq. Naš-at^uxóy. Ax duš tīm awésor čē šikór. (80) Awwál ɣáykē ax^uár, qay akūn — sap-saxát avú, anéž. Qoríē ax^uár, qayš akūn — ɣúrdošt saxát avór. Tik bedástē ax^uár, qay akūn — ax tīm saxát avú. (81) Čulóq dúta vírótišaš awón: „Xórcēm, qay nam-kūncē“. Awón: „Wésomišť, čílikēš qarorgír vom. Taakit kúnt — nam-t^uxóyot!“ . (82) Aždahór qúrtaš akūn. Awóvor: „Qay kún“. Awón: „Qay nákunomišť“. Awóvor: „Ču nákunišť?“. Awón: „Š^umox tīm x^uáromišť, bīsiyór gap nadē^ht!“.

(83) Aǰáxorš, adē^h, at^uxóy. Čílikēš akafónor — čulóq apár, anéž, sap-saxát vutáx. (84) Awóvor: „ǰax, watánīsa mox tirím!“ . Aǰáxor, atér. Aváror, ɣáykē naháu jogáēš amún. X^uátšint poššóē jogáē asanór.

(85) Awón: „Kúyē yost?“ . Awóvor: „Čē dúroka** avvówim“. Poššó áptitē apūrs: „Hič ɣíríftišť: man žúta hiččóka xast yo na?“ . (86) Awóvor: „Náy^urívīmīšť“, mīnkír avór. Poššó awón: „Paráu tik súxán kúnt“ . (87) Awóvor anē: „I poššó vutá, saráy žútaš vutá. ǰaxošt, nežor, tēror“. Gaštá ax duš avvóu. Dodóš apūrs, awón: „Vírótt ku?“ . Awóvor: „Náy^urívomīšť“, mīnkír avór.

(88) Ax saráy — to čulóq, to kur, to bedást awóvor: „Žútaytē bizónē yo na?“ . Awón: „Na: ɣúrdotīm xíra vútor naháu žúta xaqqīm“ . (89) Žúta

* Вм. ču ɣírívom, ср. тадж. čum < čī (me)donam. (Ред.).

** Из čē dur óka (ср. тадж. az jóyi dur).

awón: „Ma, nahít nümólè-pè ǵúrdot rant“. Poššó anós, aránt, ǵúrdotš rűšán avór. Žútaěš abízón. Aǵáxor, salóm akűn.

(90) Awón: „Ku oy?“. Awón: „Akótěm kátě děvārě šamsír avántor, kě fayróděm akűnór. Xűlbűri aǵáxem — zónkěm pákka akűn šamsír. Kě apártowor, amún, avvóu. Kě aǵáx, nahít rafíqět-pěm avvóu“.

(91) Poššó ǵazáb akűn, awón: „Víršint, ur!“. Avvóworšint, avár poššóě ríti. (92) Poššó dáště op amún, du baytálě aúr, áutítě avánt, dűtűtěš ásptě dúymě avánt. Narásptě hay akűn. Naháu lóyě vek aděhoršint, titítě akűn. (93) Asán, dűtűtiti íncěš naháu kúrě, bedástě níkó^x akűn, at^ofár. X^uatš xěp íncěš anós. Ba műród-ű maqsád arásor.

№ 31

(1) Был один царь, у него было три сына. (Пришло время) его табуну жеребиться. Повадился (приходить) дракон. Один сын (царя) сказал: „(Что-то) не видно жеребят“.

(2) Царь сказал своему старшему сыну: „Спустись, погляди, посмотри, — кто пожирает жеребят?“. (3) Спустился, овладел им сон, заснул, не разузнал. Рассвело. Сказал своему отцу: „Я не узнал“.

(4) Средний сын сказал отцу: „Я спущусь“. В тот вечер встал, спустился, ушел. Спустился, заснул, не узнал: овладел им сон. (5) Рассвело. Встал, поднялся, вошел к отцу. Сказал: „Нет. Я заснул. Встал — уже рассвело“.

(6) Младший сын сказал: „Я спущусь“. Встал, спустился. И им овладел сон. (7) Встал, порезал палец, посыпал солью, вызвал жжение — не овладел им сон. Видит — пришел дракон. Сказал: „Проглочу-ка я жеребенка“. (8) Юноша вскочил, схватил хвост жеребенка. Втянул (дракон жеребенка) во внутрь, а (юноша) потянул его с силой в свою сторону. Оборвался у него хвост — проглотил дракон жеребенка. (9) Встал юноша, поднялся, ушел. Отец его сказал: „Что за тайну ты видел?“. Сказал: „Повадился дракон, жеребят дракон пожирает“.

(10) Младший сказал: „Пока его не найду, того жеребенка не возьму, до тех пор не вернусь“. Все трое — старшие братья и младший — заключили договор, вместе вышли, отправились. (11) Пошли, встретились им три дороги. У трех дорог — камень. (12) Поставили одну таньга на тот камень, сказали: „Кто из нас придет вперед — эту таньга пусть возьмет, потом пусть пойдет разыскивать двух других“.

(13) Старший брат отправился верхней дорогой, средний пошел по средней дороге, а самый младший из всех отправился по нижней дороге. Те двое пошли — вошли в один город. (14) Младший отправился по нижней дороге. Пошел, посмотрел — сидит одна женщина. Спросил: „Почему ты здесь сидишь?“. Сказала: „Я жена дракона“. (15) Спросил: „Есть ли у тебя сколько-нибудь хлеба? Я голоден“. Сказала: „Десять котлов плова, десять скатертей хлеба“. Сказала: „Войди, возьми с краю, поешь“. (16) Вошел, съел десять котлов плова, съел десять скатертей

хлеба. Вышел, сел. (17) Сказал: „Когда он спускается?“. Сказала: „После полудня“. Спросил: „Как спускается?“. Сказала: „Земля становится совершенно красной“.

(18) Встал юноша, спустился, пошел. Спустился, сел на мосту. И (дракон) спустился. Спросил: „Ты инс или джин?“. * Сказал: „Я не инс и не джин, — сказал он, — а земной человек“. (19) Юноша сказал: „Переходи“. Спросил: „Зачем?“. На середине моста оба схватились бороться. (20) Юноша поразил его, снял с него голову, взял его лошадь, поднялся, отправился. Лошадь отвел наверх, отдал женщине. Поднялся, пошел дальше.

(21) Пошел, увидел другую женщину — она была женой другого дракона. Пошел (к ней), сказал: „Дай мне хлеба — поем!“. Сказал (еще): „Я голоден“. (22) Сказала: „Войди, возьми с края, поешь“. Вошел, съел двадцать котлов плова, съел также двадцать скатертей хлеба. (23) Вышел, спросил: „Когда спускается дракон?“. Сказала: „Спускается во время заката солнца“. (24) Юноша пошел, сел на краю моста. Посмотрел — спустился дракон, направился на мост. Вытащил юноша меч, ударил его. Половина его упала по эту сторону моста, половина его — по ту сторону. (25) Взял его лошадь, привел наверх, отвел, отдал женщине. Встал, ушел.

(26) Пошел в дом другого дракона: драконов было трое — двух из них он убил, один, старший, остался. (27) Юноша сказал: „Пойду, его тоже убью“. Пошел к нему в дом. Сказал: „Я голоден“. Жена дракона сказала: „Войди, возьми с края котла, поешь“. (28) Юноша вошел, съел сорок котлов плова, сорок скатертей хлеба тоже съел. Сказал его жене: „Когда спускается?“. Сказала: „После полудня“. Сказал: „Как спускается?“. Сказала: „Спускается, выбивая ногами (камни величиной) с мельничной жернов“. (29) Увидел — спустился дракон. Юноша сказал: „Переходи“. Тот сказал: „Ты переходи“. Юноша перешел (через мост), принялись бороться. Вспахали (ногами) землю под сорок манов посева. (30) Никто из них не поразил (другого). Из носа юноши пошла кровь. Женщина принесла, посыпала под ноги дракону джугары. (31) Дракон упал. Юноша снял ему голову. Кругом из его головы вырезал (букв. 'взял') ремень в семь сажень. (32) Взял лошадь, сел верхом. Поднялся, уехал. Женился на женщине, овец и рогатый скот (дракона) забрал. (33) Сказал своей жене: „Вставай, пойдем“. Поднялись, пошли. (34) Пошел, забрал также жену другого дракона, пошел. Снова пошел, взял жену третьего дракона. Теперь он идет в свое государство.

(35) Пошли они к началу тех трех дорог, посмотрел он — лежит таньга на камне. Сказал: „Никто из моих братьев не приходил“. Ска-

* 'Человек или джин'. В тексте ĩns вместо араб.-тадж. литературного ĩnn (ĩns -u ĩnn): в этой сказке выступает не в значении 'человек', 'человеческий род', ибо дальше герой говорит, что он не ĩns, а odám-ĩ hokĩ 'земной человек'.

зал (еще): „Я сам пойду их разыскивать“. (36) Ставит три палатки: одну из них поставил красную, одну поставил зеленую, одну поставил синюю. Отправился на поиски старших братьев. (37) Пошел, посмотрел — один из них в лавке продавца бараньих голов, другой — в хлебопекарне. У одного из них взял хлеба, у другого взял мяса (бараньей) головы. (38) Сказал: „Садитесь, поедим“. Сели, стали есть. Сказал: „Вы меня узнали?“. Сказали: „Нет, не узнали“. (39) Два старших его брата сказали: „Нас было трое, двое из нас пришли, вошли в город, (а) о нашем младшем брате нет известий“. (40) Сказал: „Вы меня узнали или нет? Я ваш младший брат!“. Встали, снова поздоровались, сказали: „Не узнали мы тебя тогда“. Заплакали, запричитали. (41) Их младший брат сказал: „Не пойдете ли (вместе со мною)?“. Сказали: „Мы много задолжали“. Сказал: „Вставайте, пойдем к вашим хозяевам“. Поднялись, пошли. (42) Пошли к хозяевам, сказал (младший брат): „Отпустите их — мы пойдем“. Сказали: „Они нам должны сто таньга“. Сказал тогда: „Сто таньга я вам дам — отпустите их: возьму я их, пойду“. (43) Отпустили их. Встали, пошли. Спустились на базар, купили (ткань на одежду. С базара повел их вверх, сделал одежду. Оба оделись, встали, отправились.

(44) Дошли до своего места. Старшего брата отвел, поместил его в зеленую палатку, среднего поместил в синюю палатку, сам вошел в красную. Пошел, тех двух обвенчал, женщин выдал за них. Легли спать. (45) Те двое стали совещаться. Сказали: „Пойдет, скажет нашему отцу: «Они были в долгах, я пошел, заплатил их долги, привел, дал им жен». Пойдет, скажет так, — наш отец будет нас упрекать“. (46) Сказали: „Сделаем что-нибудь, чтобы он остался здесь“. Старший сказал: „Как мы с ним поступим?“. Сказал (другой брат): „Принесем меч, привяжем к дверям палатки, потом, — сказал он, — позовем его“. (47) Старший брат спросил: „Что мы ему скажем, (когда) будем его звать?“. — „Тогда скажем: «На табун напали воры»“. (48) Юноша спал. Старшие его братья закричали, сказали: „Поднимайся, воры напали на табун!“. Проворно вскочил, побежал — меч обрезал ему колено. Охромел, остался. (49) Старшие братья его сказали: „Вставай, пойдем“. Сказал: „Вы меня сделали хромым, нарочно сделали“. Поднялись они, взяли овец и рогатый скот, отправились. (50) Сказали жене младшего брата: „Вставай, пойдем“. Сказала: „Я не пойду“. Ее муж сказал: „Встань, пойдь вместе с ними“. (51) Встала, вместе с ними пошла. Взяли они рогатый скот и овец, ушли.

(52) Юноша остался. Тот день до вечера просидел там. Посмотрел: показались два человека, пришли. Они гнались за серной. (53) Один из них сказал: „Поймаю ее“, — а глаза его не видели. Другой сказал: „Я ее поймаю“, — и другой не смог поймать: не было у него рук. (54) Хромой (юноша) закричал: „Приведи, пригони, я ее убью“. Заворотили, пригнали, убил ее. Сказал: „Кто ее сварит?“. (55) Слепой сказал: „Пойдем в город, приведем девушку — пусть она готовит нам пищу“.

Поднялись, пошли слепой и безрукий. (56) Пошли, дошли до города. Увидели — вышла какая-то девушка. Украла ее, взяли, пришли. Привели ее к тому хрому. (57) Сказали: „Вот, мы привели ее“. Хромым сказал: „Пусть один из вас женится на ней, возьмет ее“. Сказали: „Нет, не женимся на ней. Пусть она будет нам всем троем сестрой“. (58) Оставили ее, поднялись, вышли на охоту. Сказали (девушке): „(Когда) ты подметешь пол в доме, то покажутся две изюминки. Одну из них брось кошке, другую съешь сама“.

(59) Встала девушка, подмела в доме пол. Показались две изюминки. Одну из них бросила кошке, одну съела сама. Кошка ее не съела. (60) Ту изюминку девушка также взяла, съела. Кошка пошла, помочилась на огонь — огонь потух. Подумала девушка: „Мои старшие братья сегодня вечером меня убьют“. (61) Встала, вышла, села на краю холма. Видит — поднимается тонкий дым. Встала, пошла. (62) Пошла — какой-то дракон (самка) жарит зерна, ногой подталкивает вперед (в очаг) огонь, грудями зерна переворачивает. (63) Сказала девушка: „Мир вам!“. Ответила: „Если бы ты не совершила приветствия, я превратила бы тебя в сырой кусок мяса“. Сказала (еще): „И вам мир!“ (64) Дала ей зерен пшеницы, дала ей зерен ячменя, огня тоже дала. Встала, пошла девушка. Сказала (самка дракона): „Ячменные зерна разбрасывай, пшеничные зерна съешь“ — сказала.

(65) (Девушка) пошла, зерна ячменя разбросала. Пошла, развела огонь. (66) Зерна ячменя превратились в иглы. (Самка) дракона поднялась, вышла и, собирая их, пришла. (67) Кликнула девушку. Сказала: „Выйди, посмотри у меня в голове“. Вышла девушка, посмотрела у нее в голове. Те иглы (самка дракона) воткнула ей в темя, пососала у нее кровь. Встала, ушла.

(68) Пришли старшие братья девушки. Спросили: „Почему у тебя запоздал огонь?“. Сказала: „Откуда я знаю?“. Сказали: „Говори“. (69) Сказала: „Когда я подметала пол, появились две изюминки. Одну из них я съела, другую бросила кошке: она не съела. Ту тоже я съела. Кошка пошла, помочилась на огонь. Пошла я за огнем в дом дракона. Она дала мне огня. Сама потом пришла ко мне в дом, вонзила иголки мне в темя, пососала кровь“.

(70) Слепой сказал: „Вы идите на охоту, а я посижу“. (71) Сел слепой. Дракон пришел, сказал девушке: „Выйди, посмотри у меня в голове“. (72) Слепой сказал: „Встань, выйди, а то съест нас обоих“. Девушка вышла. Дракон воткнул иглы, пососал, ушел. (73) Пришли старшие братья с охоты. Сказали слепому: „Что ты сделал?“. Сказал: „Ничего, дракон чуть было и ее не съел, и меня“.

(74) Назавтра безрукий сказал: „Я посижу“. Они пошли на охоту. Пришел дракон. Безрукий испугался, сказал своей сестре: „Встань, выйди, не то нас обоих съест“. (75) Пришли те двое с охоты. Сказали: „Что ты сделал?“. Сказал: „Пришел дракон, чуть было не съел нас обоих“.

(76) Хромой сказал: „Завтра вы двое отправляйтесь на охоту — я сам посижу“. Те двое ушли на охоту. Хромой сел. Видит — пришел дракон.

(77) Сказал (дракон) девушке: „Встань, выйди!“. Сказала: „Не выйду“. Заревел, сказал: „Войду, съем тебя“. Сказала: „Входи!“

(78) Дракон вошел. Хромой вскочил, схватил, связал. Сказал: „Убью!“. Дракон сказал: „Не убивай меня, я вас сделаю здоровыми“.

(79) „Ладно“, — сказал хромой. Не убил его. Те двое тоже пришли с охоты. (80) Сначала дракон проглотил девушку, выплюнул — стала совершенно здоровой, вышла. Проглотил слепого, выплюнул — его глаза стали здоровыми. Проглотил и безрукого, выплюнул — он тоже стал здоровым. (81) Хромой сказал своим двум братьям: „Проглотит он меня — не выплюнет“. Сказал: „Я спущусь, помещусь у него в палец. Поторопитесь, чтобы он не убил меня“. (82) Проглотил его дракон. Сказали: „Выплюнь!“. Сказал: „Не выплуну“. Спросили: „Почему?“. Сказал: „И вас съем — много не разговаривайте“.

(83) Поднялись они, ударили, убили его. Разрезали ему палец — хромой выскочил, вышел, стал совершенно здоровым. (84) Сказали: „Вставай, пойдем мы на родину“. Поднялись, пошли. Отвели, оставили девушку в ее доме. Сами они поднялись к жилищу царя.

(85) Царь сказал: „Где вы были?“. Ответили: „Мы пришли издалека“. Царь спросил у них: „Не знаете ли вы, есть ли где-нибудь мой сын или нет?“. (86) Сказали: „Не знаем“, отреклись. Царь сказал: „Если так, то еще расскажите“. (87) Сказали тогда: „Был один царь, было у него три сына. Поднимаются, выходят, уходят“.* Потом те двое из них пришли. Отец их спросил, сказал: „Где ваш (младший) брат?“. Сказали: „Не знаем“, отреклись.

(88) Те трое — и хромой, и слепой, и безрукий — сказали: „Признаешь ли ты своего сына или нет?“. Сказал: „Нет, потемнели у меня глаза из-за того моего сына“. (89) Юноша сказал: „На, вытри свои глаза этим платком“. Царь взял, вытер — стали его глаза светлыми (зрячими). Узнал он своего сына. Встали, поздоровались.

(90) Царь спросил: „Где ты был?“. Сказал: „Мои старшие братья привязали к двери дома меч, потом кликнули меня. Я быстро вскочил — меч обрезал мне колено. Тогда они бросили меня, оставили, пришли. Потом я поднялся, с этими своими товарищами пришел“.

(91) Царь рассердился, сказал: „Найдите их, приведите“. Пришли к ним, отвели к царю. (92) Царь пустил в степь (на поле) воду, привел двух кобылиц, привязал их — привязал их обоих к хвостам лошадей. Погнал жеребцов. Вбили они братьев в грязь, разорвали на куски. (93) Поднялся юноша, обеих жен выдал замуж, — за того слепого и безрукого отдал. Сам взял свою жену. Достигли цели, желания.

* Очевидно, рассказчик выпустил здесь часть сказки.

Записано от жителя сел. Сархадн Куль

(1) I kal oy. Očáisaš awón: „Dodóëm čo kisp ikt oy?“. Awón: „I sīncin aživárěšt bozórě — du sīncině akūnīšt, aděvár“.

(2) Kal i sīncin anós, aněž, atěr. Árkīš néčal. Aníd. Gášt-ě bozór avó.

(3) Aγór — i musafét i vėz anós. Musafét aněž, atěr. Aǰáx, iš tīm čě sítamaš aněž, atěr. (4) Ašáu čě musafétě sítám. Vézě wítaš apé'n, vézě avár, maḡkámš akūn. Tīk čě muyəsafétě sítám atěr. (5) Awón: „Bobó, wíta ja'm kūn“. Awón: „E balám, vézīm vast oy wítay vek“. Awón: „Náγrivo-mīšt, bobó!“.

(6) Awón: „E balám, xárēm čak dor!“. Awón: „Bobó, lóyě rítēx: dárau šau, vvoú!“. Musafét vėz xotīrě atěr. (7) Xar lóyě nūt atěr. Xaré γuš kal pákka akūn, dūyměš tīm pákka akūn. Avár, lóyě nūt lakátšint akūn, amín. (8) Ašáu, awón: „Ho, bobó, xar lóyě nūt atěr!“. Musafét agárd, avvóu. Awón: „E balám, vézě nívirēm“. (9) Awón aně: „E bobó, xar tīm lóyě nūt atěr!“. Awón: „Dárau vvoú, xášimš!“.

(10) Musafét dáukě avvóu. Kal awón: „Bobó, čě γúšě tobáš nos, man čě dūyměš nómomīšt“. Zur adéhór, γístěš púčča avór, dūyměš tīm púčča avó. (11) Musafét awón: „Balám, čě vézě tīm aparáxsēm, čě xaré tīm aparáxsēm“. Amún, atěr. Musafét dilsiyó^h avó. (12) Kal ažiwórt, véz-at xaré anós, atěr kátisaš. Očáisaš awón: „Man paydó čúttě?“. Awón: „Čě dodóēt du xīssá agūdaróni“. (13) Aγ fīrónṭa aǰáx, bozórě aněž, xár-at vézě bozórě aživár. Xaré apīrónš, vézě anós, amún, avvóu kátisaš.

(14) Aγ fīrónṭa aǰáx, poššóě kátě ašáu. Wazirtiš awóvor: „Vvoú, vézě pīrónš!“.

Kal awón: „Ná'a! nápiroṅsomīšt — čě dodóēm paráxtax i vėz, — naš-pīrónšomīšt“.

(15) Awóvor: „Xohí no xohí — pīrónšīšt!“.

Ba zur anósor, akúš. Aǰáx kal, kátisaš amón, atěr. (16) Očáisaš awón: „Poššó vézēm anós“. Qasám ax^{ár}: „To poššóě nat^uxóyom — náš-monomīšt!“.

(17) Aǰáx, tīfór γówě akúš, γóutě čüllóts anós, poššóě xaḡlīsa atěr kal. Poššó kasál vútax. Awón: „Man tabīb-im“.

(18) Wazirtiš awóvor: „Čo tabíbí kūnīšt?“.

Awón: „Žóyomīšteš“.

Atis. Awóvor: „Čóy-ě núněš t'fort — x^{ár}ot!“.

Kal čóy-ě nun ax^{ár}. (19) Awóvor: „ǰax, poššóě žoy!“.

Awón: „ǰaxt, š^umox mont, tirt, kátisašint, kě man žóyomīšt“.

Aǰáxor, amón, atěr kátisaš.

(20) Poššóisa awón: „ǰax, darún-ě xūjraě tis!“.

Aǰáx poššó, darún-ě xūjraě atis. (21) Poššóě dást-ě pošš küllúk akūn. Awón: „Man vézě ba zur anósə, akúš: qasós nómomīšt, vézě qasósēm“.

(22) Aǰáx, naháu γóutě čüllót čě xūrjíně počák axáš, naháutitě-pě děhěš avó. Poššó awón: „At^uxóəm“.

(23) Kal awón: „To γáykēt nákuṅom — námonomīšt“.

Awón: „Nám-dě^h: x^{át}īm katīit kūnomīšt“.

(24) Awón: „Ná'a: agár dást-ě pot péynom — t^uxóyīštēm“.

Awón: „Ná'a! Nat^uxoyomīšt“.

Azónčěš adě^h — azó sīyó^h avó. (25) Poššóě hušš atěr. Aǰáx kal, aněž, atěr. Naháu xšap kátisaš atěr. Očáisaš awón: „Xəb vézě qasósě anósəm!“.

(26) Fīrónṭa pagoi-pě wazirt avvóvor. Awóvor: „Tabíbě poššóě žoytaš vot yo na?“.

Aγóror — tabíbě dárakš nəsst. (27) Aγóror — poššó vek póray kátě nax. Xūjraě děvár apé'nor, aγóror —

poššo küllük vastagix. (28) Poššo awón: „Vázik anóstě, akůšt — naháwě soxíbš xoy. Ítí xšap man qaríp at^uxóy. Ajáx, apíré^{yž} xšap“. Awón: „I ark kůnt, ba čankš kůnt — t^uxóyĩmš“.

(29) Kal aų xšap ajáx: „Poššóě γáykě sárěš šáwomĩšt“. Ajáx, atér. Ašáu, i kampírakě fayród akůn: „Očá, ópěm t^ofar — žávom“. (30) „Napístaxĩm“ — awón. Awón: „Nahí rúčay vek yozón“. Kampírak op ayožónš rúčay vek. Awón: „Ma^h op!“ (31) Awón: „Dast van kůn“. Awón: „Mána, yoz, nos!“ (32) Kampír dast ayožón. Kal kort anós, kampířě dastš pákka akůn. Kampír dód-ě bedód akůn. Awón: „Čo kará odám: man dast pákka akůn!“.

(33) Kal apířé^{yž}, ašáu, i díwólě kúněy aúšt. Kampírak dódě wóvakš bas akůn. Kal poššóě γáykě sárě ašáu. Poššóě γáykisaš wóvtaš oy: „Naháu tabíb awón: «To poššóě γaykš nákũnom, námonomĩšt»“. (34) Poššo γáykisaš awón: „Zi^h mon, agár tabíb vvówot — čakš dor. Ašáu, kátěk atís — ba aldáš nos, bo wov: «Vvou, napídĩm»“. (35) γáykěš awón: „Agár návvo-wot?“. Poššo awón: „Qasámĩš x^uárta — vvóučě“.

(36) Kal ajáx, ašáu poššóě γáykě kat. γayk awón: „Gūdár!“ (37) Kal awón: „Jax, jogá wid — napídĩm“. Jogá awidor, aněpéd.

(37) Kal ajáx, awón: „Gazákĩm ast“. Poššóě γayk awón: „Rítit šou — napířé^{yž}!“ (38) Awón: „Ná'al! Nápířé^{yž}omĩšt“. (38) Awón: „Dĩt pũn nákvot — jax, než katĩm“. Ajáx kal, děvárě aněž. γayk katíš děvárě aněž. (39) Ašáu kal, aníd, gazák akůn. Awón aně: „Ma^h, dástěm čak dor“. γayk dástěš van akůn. Kal kampířě dast naháu γáykě dástě nůt amón. (40) Poššóě γayk: „Jax“ — awón. Kal γuš nikůn, ajáx, apířé^{yž}. Dast aparáxs naháu poššóě γáykě dástě. (41) Poššo awón aně: „Čakš nędor ikt akůnim“. Wázirtisaš awón: „Tangá vort, ópě lápě wid, zóro vvówot, čakš dort“.

(42) Kal ašáu, kafš anųyũnt, sárěš sállata avánt, xěpíš za'ífa akůn, káfšě táktěš šěřěš akůn, ópě lap avvóų, naháu tangótě póday-pěš ačóų. Amón, atér.

(43) Poššo awón: „Naš-anót ikt akůntě?“. Awóvor: „Ná'al“. Poššóě γayk awón: „Čě tabíbě daráĩm ast“. (44) Poššo awón: „Wovt — vvówot Ğũnóhěš baxšómĩšt“. (45) Kal ašáu. Poššo Ğũnóhěš abáxš. Ajáx, γáykěš níko^h akůn aų vıyóra, at^ofár.

№ 32

(1) Был один плешивый. Сказал он своей матери: „Каким ремеслом занимался мой отец?“. Сказала: „Выносил одну иголку на базар — превращал ее в две иголки, приносил домой“.

(2) Плешивый взял одну иголку, вышел, отправился. Дело у него не удалось. Сел он. Базар окончился. (3) Увидел — взял один старик козу. Старик вышел, ушел. Встал плешивый, вышел вслед за ним, отправился. (4) Пошел вслед за стариком. Развязал веревку у козы, отвел козу, спрятал ее. Снова пошел вслед за стариком. (5) Сказал: „Дедушка, собери веревку“. Старик сказал: „Э, дитя мое, за веревку была привязана моя коза“. — „Не знаю, дедушка,“ — сказал (плешивый).

(6) Сказал (старик): „Дитя мое, поддержи моего осла“. Сказал (плешиный): „Дедушка, (осел стоит) перед грязью: иди скорее, приходи“. Старик пошел за козой. (7) Осел пошел в грязь. Отрезал плешиный уши у осла, и хвост у него тоже отрезал. Отнес, всадил их в грязь. (8) Пошел, сказал: „О дедушка, осел погрузился (букв. 'ушел') в грязь“. Старик вернулся, пришел. Сказал: „Дитя мое, не нашел я козы“. (9) Сказал (плешиный): „Дедушка, осел погрузился в грязь“. Сказал (плешиный): „Иди скорее, вытащим его“. (10) Старик подбежал. Плешиный сказал: „Дедушка, возьми его за уши, я возьму за хвост“. Дернули с силой, уши его оборвались, хвост его тоже оборвался. (11) Старик сказал: „Дитя мое, и козы я лишился, и осла также лишился“. Ушел (плешиный). Старик закручинился.

(12) Плешиный вернулся, взял козу и осла, отправился к себе домой. Сказал своей матери: „Какова моя прибыль?“. Сказала: „В два раза превысил ты (прибыль) твоего отца“. (13) Назавтра поднялся, вышел на базар, вывел осла и козу на базар. Осла продал, козу взял, пришел к себе домой.

(14) Назавтра поднялся, пошел к дому царя. Везиры ему сказали: „Давай, продай козу“. Плешиный сказал: „Нет, не продам я: от отца моего осталась одна коза — не продам я ее“. (15) Сказали: „Хочешь или не хочешь, а продашь“. Насильно взяли ее, убили. Поднялся плешиный, ушел к себе домой. (16) Сказал своей матери: „Царь взял мою козу“. Поклялся он: „Пока не убью царя, не оставлю“. (17) Поднялся, убил четырех быков, взял бычьи хвосты, отправился плешиный к царскому двору. Царь был болен. Плешиный сказал: „Я лекарь“. (18) Везиры сказали: „Как ты будешь лечить?“. Сказал: „Я буду отчитывать“. Вошел. Сказали: „Дайте ему чаю, хлеба — пусть поест“. Плешиный поел. (19) Сказали: „Вставай, отчитывай царя“. Сказал: „Встаньте, уходите к себе домой — потом я буду отчитывать“. Встали, пошли домой.

(20) (Плешиный) сказал царю: „Встань, иди в комнату“. Царь встал, вошел в комнату. (21) (Плешиный) связал царю руки и ноги. Сказал: „Ты взял силой мою козу, убил ее: отомщу я, отомщу за козу“. (22) Встал, вытащил бычьи хвосты из переметной сумы, начал ими бить. Царь закричал: „Убил он меня!“. (23) Плешиный сказал: „Пока я не овладею твоей дочерью, я тебя не оставлю“. Сказал (царь): „Не бей меня — я сам соединю тебя с ней“. (24) Плешиный сказал: „Нет, если я развяжу тебе руки и ноги, ты меня убьешь“. Сказал: „Нет, я не убью“. Так его избил плешиный, что тело (его) стало черным. (25) Царь лишился чувств. Поднялся плешиный, встал, отправился. Пошел в ту ночь к себе домой. Сказал своей матери: „Хорошо я отомстил за козу“.

(26) Назавтра утром пришли везиры. Сказали: „Отчитал лекарь царя или нет?“. Посмотрели — лекарь исчез. (27) Посмотрели — царя в наружном помещении нет. Открыли дверь в комнату, видят — царь со связанными руками и ногами. (28) Царь сказал: „Козы, что вы взяли, убили, —

это был ее хозяин. Этой ночью чуть не убил он меня. Встал он, ночью убежал“. Сказал: „Сделайте что-нибудь, схватите его — я его убью“.

(29) Плешивый в ту ночь поднялся: „Иду я на дочь царя“. Встал, отправился. Пошел, крикнул одной старушке: „Бабушка, дай мне воды — попью“. (30) „Я сплю“, — сказала она. Сказал: „Протяни в это отверстие в крыше“. Старуха протянула воду в отверстие в крыше. Сказала: „Вот вода“. (31) Сказал: „Протяни руку“. Сказала: „Вот, протяни сам руку, возьми“. Сказал: „Бабушка, не достаю — еще выше протяни“. (32) Старуха протянула руку. Плешивый взял нож, отрезал руку старухи. Старуха начала кричать, сказала: „Что за человек — отрезал мне руку!“.

(33) Плешивый убежал, пошел, встал под забором. Старуха перестала кричать. Пошел плешивый на царскую дочь. Царь сказал своей дочери: „Тот лекарь сказал: «Пока я не возьму царскую дочь, я не оставляю»“.

(34) Царь сказал дочери: „Будь внимательна: если придет лекарь — задержи его. Когда он придет, войдет в дом, возьми его обманом, скажи: «Давай, ляжем спать»“. (35) Дочь сказала: „А если не придет?“. Царь сказал: „Поклялся — придет“.

(36) Плешивый поднялся, пошел в дом дочери царя. Девушка сказала: „Проходи (в дом)“. Плешивый сказал: „Встань, постели постель — ляжем спать“. Постлали, легли спать.

(37) Плешивый поднялся, сказал: „Мне надо выйти“. Царская дочь сказала: „Не убеги, несчастный“. Сказал: „Нет, не убегу“. (38) Сказал: „Если твое сердце не спокойно — встань, выйди со мной“. Плешивый поднялся, вышел наружу. Девушка вышла с ним наружу. (39) Плешивый пошел, сел, помочился. Сказал (в темноте): „Вот, держи мою руку“. Плешивый вложил руку старухи в руку девушки. (40) Царская дочь сказала: „Вставай“. Плешивый не послушал, поднялся, убежал. Рука (старухи) осталась в руке царской дочери. (41) Царь сказал: „Не смогли мы его поймать“. Сказал своим везирам: „Отнесите таньга, бросьте на берег речки, чтобы он пришел, а вы его схватите“.

(42) Пошел плешивый, надел туфли, повязал на голову женский головной платок, обрядил себя женщиной, намазал подошвы туфель клеем, пришел на берег речки, наступил ногой на те таньга. Ушел (унес).

(43) Царь спросил: „Не смогли вы его взять?“. Сказали: „Нет“. Дочь царя сказала: „Я от лекаря забеременела“. (44) Царь сказал: „Скажите — пусть он придет. Я прощаю его грех“. (45) Плешивый пошел. Царь простил его грех. Поднялся (царь), выдал в тот вечер дочь замуж, отдал.

№ 33

Записано от Худобердыева, 21 года, жителя сел. Сархадн Куль

(1) I Šomiltikák vúta. Tísčë, očáěsaš wóčë: „Očá, dodóim čo kasm oy?“. Wóčë: „Dodóit qalamá akūništ, daráwě sárě avár. Kę tíрма ýalaš atifárošt. Nihíptę kásmiš oy“. (2) Kę žútaš awóv očáěsaš: „Šáwom, daraugarí künóm“.

Awón: „Šau, daraugarí kün“. Žútaš awón: „Xay, fírónta šáwomišt“. Fírónta amón atér. (3) Ašáu, awón aně daraugarísa: „Man daraugar nánosišt?“. Daraugar awón aně: „Nósomišt,—šau kátě, dírót* nos, vvou“.

(4) Ax Šomiltikák kátě avvóu, ayór — inčakě γaykě sarš sīnóyakš oy. Awón aně: „Possóe γayk wófta. Ur, γaykě tifár“. Ax inčak awón aně: „Man γaykēm nátfaromišt“. (5) Šomiltikák daraugarísa fayród akün: „Nátiforčel“. Ax daraugar xiyóls vúče dírót nátforče, kě: „Tifár!“—wóče. Kě inčakš γaykěš živórcě, Šomiltikákě atifárš. Šomiltikák nósčěš, tirt.

(6) Šáučě i dáště. Górcě — i kállě čūponí ast. Kě Šomiltikák kállě wóče aně: „Ey, kal, i sūtúr tifár, sart saxát künomišt“. Kě kal wóče: „Xay!“.

Wóče: „Vvou, sart saxát künomišt“. Kě kal wóčěš: „Xay,—wóče,—sárēm saxát kün,—pírau tik vot, saxát kün“. (7) Šomiltikák kálisa wóče: „Šau, i bel ur!“.

Kě Šomiltikák i čūqūrí kánčě. Kě kállě naháwě nūt mónčě, girdiš ģirik víččě.** Kě likátě-peš maxkám künčě, i sánkě-pe sárěš děhčě. Kal mírčě tirt. Šomiltikák mólě hay künčě, nósčěš, tirt kátisaš. Vórcě, kátěš mont.

(8) Šomiltikákě panjó^h vúziš vúta. Kě būzbonisa šáučě, i donák vírcě. Vórtěš, i ópě lápě nidónt. Wóče donákisa: „Fírónta agár vvoum, sabz návuta vu,—maydá-maydát künomišt, vúztě rítě vidóm!“.

(9) Fírónta vvóučě, γórcě — kátta nihól vútax. Tik wóče: „Fírónta pagoí agár vvówom, gūl nát-íkta vu — maydá-maydát künomišt, vúztě rítě vidóm!“.

Kě mónčě tirt kátisa. (10) Tik fírónta pagoí vvóučě, γórcě — gūlš íkta. Mónčěš Šomiltikák, tik wóče: „It dafá vvówom, agár nápūxta vu — maydá-maydát künomišt, vúztě rítě vidóm!“.

Tik mónčěš, tirt kátisaš. Fírónta vvóučě, γórcě — pūxtax. Kě sárěš sánčě, wxarakě vut.

(11) Górcě — i kampirák avvóu. Kampirák wóče: „I-du zardolúm pártou, wxaróm“. Wóče aně: „Nát-tifaromišt!“.

Kampirák wóče: „As baróe xūdó, dúakim pártou, γalkēm tan künóm“.

(12) Šomiltikák wóče: „Póday-pēm jūmbónom, wxarěšt?“.

Kampirák wóče: „Hom!“.

Kě Šomiltikák i šóxaš jūmbónčě, kampirák kóučě — návirt. Wóče aně: „Wes, dástēm tifár, níwēnim“.

(13) Šomiltikák ajě^h, awēs čě díraxtē sar, kě zardolú čě zamín acín, kampirákě múště nūt amón. Kampirák Šomiltikákě anós, jūwólě nūt avid, sarš avánt, ģurkě sárěš apartou, anós, atér kátisaš.

(14) Ašáu — rótě sárě i panj-ūxš daraugaré i adirē rúpakšint oy. Daraugar awóvor: „O kampirák, vvou, non wxar, - vort wazmín vútax“.

Kampirák nah rótě sárě Šomiltikákě amón, ašáu, nóně wxarē avú. Šomiltikák jūwólě raxš apén, aněž — jūwólě darún pūnni sang akün, amón atér, zardolú sárěš asán.

(15) Kampirák čě daraugarťě rítě avvóu jūwólě rítisaš. Jūwólš anós, ģurkě sárěš apartou, awón: „Ískotí, xě^llī wazmín vútax!“.

Anóšš, atér kátisaš. Avár, γayktěsaš awón: „Šomiltikákě aúrīm, čilgúša čūwán mon“.

(16) ģayk ajáx, čilgúša čūwán amón, rúča vek nūšéb akün jūwólě raxš. Sang

* dírót в этом тексте вместо обычного для Куля darós, dírós. (Ред.).

** Из víččě. (Ред.).

dangála avór. Čilgúša čuwán maydá-maydá avú. Wóčē: „Raxš talx vot, manš féréb íkta“.

(17) Kě tik mónčē tirt kampirák. Šau,* ýórcē — Šomiltikák zardolú sárē wxárakš ast. Kě kampirák wóčē: „O Šomiltikák, ur, i-dū zardolúm tifár, makóñ wxárom“. Šomiltikák wóčē: „Gúytē wxaré“. Kě kampirák wóčē: „Az baróī xūdó, i-dúak tífár, wxárom“.

(18) Šomiltikák wěščē čē zardolú sárē, i-dū číncē, kampirákē múštē mónčē. Tik kampirák Šomiltikákē nósčē, líkát kúnt jūwólē nut. Nosš, tirt. Vórcē daraugár rítē vek. (19) Kě daraugár wóvošt kampirákisa: „Vvou, non wxar!“ . Wóčē: „Man non náwxaromíšt, a damón féréběm akúntē. Áně nášawomíšt“. Kampirák mónčē tirt kátisaš. (20) Šáučē, kus sárē sánčē. Gáykisaš wóčē: „Man Šomiltikákē aúrím, čilgúša čuwán mon“.

(21) Gayktš úfta wútor. Nah rúča vek partóučē Šomiltikákē — dě^hčē čuwánē nūt. — „Man xúvniš ast, i dámē úfsom. Šmox pačš, man ajaxom, kē wxárimš“.

(22) Šomiltikák čē čuwánē nūt jáxčē, ýórcē — gayktš úftor. Jáxčē, kord nost, hámmay sarš pákka kúnčē. Líš maydá kúnčē, čuwánē nut vid, čē takš olóu hay kúnt, mónčē tirt. Šáučē, i čanórē núlē sánčē.

(23) Kampirák čē xúvniš jáxčē, ýórcē — čuwánē nūt yótay éšak ast. I bíridakš nósčē, wxort. Gáyktš ýórcē — hámmay sarš pákka. Kě wóčē: „O^h, rítēm past avú! Хар гáykēm wútax! Гíriq-γíriq dandónam, gūštóī farzandónam!“.

(24) Kampirák jáxčē tirt. Šáučē i čanórē tákē, ýórcē — Šomiltikák čanórē núlaysš. Šomiltikákisa fayród kúnčē: „Čótē asánē?“ . Šomiltikák wóčē anē: „I ohán olówē amónēm, surx avú, kúnēm adēhēm, apárrēm, asán čanórē núlaysš“.

(25) Kě kampír tēm šáučē, i ohán olówē mónčē, surx wúčē, kē kúněš dě^hčē. Súxčē,** mírčē tirt.

№ 33

(1) Был (человек по имени) Шомилтыкак. Идет, говорит своей матери: „Мать, чем занимался мой отец?“ . (Та) говорит: „Твой отец делал слое-ные лепешки, относил на жатву. Осенью (жнецы) давали ему зерно. Таково было его занятие“. (2) Тогда сын сказал матери: „Пойду-ка я, буду жать“. Она сказала: „Иди, займись жатвой“. Сын ее сказал: „Ладно, завтра пойду“. Назавтра пошел. (3) Пошел, сказал жнецу: „Не возь-мешь ли меня жнецом?“ . Жнец сказал: „Возьму, пойдй в дом, возьми серп, приходи“.

(4) Шомилтыкак пошел в дом, пришел, видит — дочь женщины (жены жнеца) моет голову. Сказал: „Царь требует девушек. Дай-ка свою дочь“. Женщина ответила: „Я своей дочери не дам!“ . (5) Шомилтыкак крик-нул жнецу: „Не дает!“ . Тот жнец подумал, что она серп не дает, и гово-рит: „Отдай!“ . Тогда женщина выводит свою дочь, отдает ее Шомил-тыкаку. Шомилтыкак берет ее, уходит.

* Вм. šáučē. (Ред.).

** Из súxčē. (Ред.).

(6) Идет в степь. Видит — один плешивый пасет скот. Шомилтыкак говорит плешивому: „Эй, плешивый, дай мне одного барана, я вылечу твою голову“. Плешивый говорит: „Ладно, — говорит, — лечи мою голову, раз так, то лечи“. (7) Шомилтыкак говорит плешивому: „Пойди, принеси лопату“. Потом Шомилтыкак выкапывает яму, помещает в нее плешивого, вокруг насыпает землю. Крепко утаптывает (землю), камнем ударяет его по голове. Плешивый умирает. Шомилтыкак угоняет скот, забирает его, уходит к себе домой. Приводит, оставляет дома.

(8) У Шомилтыкака было пятьдесят коз. Идет пасти коз — находит косточку (абрикоса). Несет ее, сажает у воды. Говорит косточке: „Если завтра я приду, а ты не зазеленеешь, — измельчу тебя, брошу козам“.

(9) Назавтра приходит, видит — стала (косточка) большим сеянцем. Еще говорит: „Если завтра утром я приду, ты не будешь в цвету, — измельчу тебя, брошу козам“. Потом идет домой. (10) Назавтра утром идет, смотрит — зацвел (сеянец). Оставляет его Шомилтыкак, говорит: „Следующий раз приду, если не созреешь, — измельчу тебя, брошу козам“. Опять оставляет его, идет к себе домой. Назавтра приходит, видит — поспел. Тогда влезает на (дерево), начинает есть.

(11) Видит — пришла старуха. Старуха говорит: „Брось один-два абрикоса, я съем“. Тот говорит: „Не дам тебе“. Старуха говорит: „Ради бога, брось мне парочку, я освежу горло“. (12) Шомилтыкак говорит: „Если я стряхну, (ударяя) ногой, ты будешь есть?“. Старуха говорит: „Да“. Тогда Шомилтыкак трясет ветку, старуха ищет — не находит. Говорит: „Спустишь, дай мне в руки — я не разглядела“. (13) Шомилтыкак спрыгнул, спустился с дерева, поднял с земли абрикосы, положил их старухе в руку. Старуха схватила Шомилтыкака, бросила его в мешок, завязала отверстие, закинула (мешок) на спину, взяла, пошла к себе домой.

(14) Пошла — по дороге пять-шесть жнецов жнут на холме. Жнецы сказали: „Эй, старушка, иди, поешь хлеба, — ноша твоя тяжелая“. Старуха оставила Шомилтыкака на дороге, пошла, начала есть хлеб. Шомилтыкак открыл отверстие мешка, вышел, наполнил мешок камнями, пошел, взобрался на абрикосовое (дерево).

(15) Пришла старуха от жнецов к мешку. Взяла мешок, закинула себе на спину, сказала: „Очень тяжел, проклятый“. Взяла его, пошла к себе домой. Принесла, сказала своим дочерям: „Я принесла Шомилтыкака, поставьте котел с сорока ушками“. (16) Дочь поднялась, поставила котел, наклонила отверстие мешка над дымовым отверстием в крыше. Камни посыпались. Котел с сорока ушками разбился на мелкие кусочки. (Старуха) говорит: „Чтоб во рту у него было горько, — обманул он меня“.

(17) Опять отправляется старуха. Идет, видит — Шомилтыкак на абрикосовом дереве, ест. Тогда старуха говорит: „О Шомилтыкак, дай-ка мне один-два абрикоса, я пососу“. Шомилтыкак говорит: „Поешь нечистот“. Тогда старуха говорит: „Ради бога, дай мне одну-две (штуки), я съем!“.

(18) Шомилтыкак спускается с абрикосового дерева, подбирает одну-две (штуки), кладет старухе в руку. Опять старуха хватается Шомилтыкака, заталкивает в мешок. Берет его, идет. Несет по направлению к жнецам. (19) Жнецы говорят старухе: „Иди, поешь хлеба“. Она говорит: „Я не буду есть хлеб, тогда вы меня обманули. Больше не пойду“. Старуха идет к себе домой. (20) Идет, поднимается на крышу. Говорит своей дочери: „Я принесла Шомилтыкака, поставь котел с сорока ушками“.

(21) Дочери ее спали. Она через дымовое отверстие бросает Шомилтыкака, он попадает в котел. (Старуха говорит): „Мне хочется спать, я минутку посплю. Вы сварите его, я встану, потом поедем“. (22) Шомилтыкак выскакивает из котла, смотрит — ее дочери спят. Поднимается, берет нож, отрезает у них у всех головы. Одну из них размельчает, бросает в котел, разводит под ним огонь, уходит. Отправляется, влезает на верхушку чинара.

(23) Старуха просыпается, смотрит — в котле кипит мясо. Берет кусочек, съедает. Смотрит на своих дочерей — головы у всех отрезаны. Говорит: „О, я несчастная (букв. 'опустилось мое лицо')! Это же моя собственная дочь! Скрипите, скрипите мои зубы, (съевшие) мясо собственных детей!“.

(24) Старуха поднимается, идет. Идет к чинару, смотрит — Шомилтыкак на вершине чинара. Кричит Шомилтыкаку: „Как ты взобрался?“. Шомилтыкак говорит: „Я положил железо в огонь, оно раскалилось докрасна, я ударил им себя в зад, взлетел, поднялся на вершину чинара“.

(25) Тогда старуха тоже отправляется, кладет железо в огонь, оно раскаляется докрасна, она ударяет им себя в зад. Сгорает, умирает.

№ 34

Записано в сел. Сархади Куль

(1) Mox méyně Sarxádī Kul wóvošt, ba tojikí — Kúl-ī Bólo. Mox bīst kátī om. Mox dēhqoní kúnímīšt, moldorí tīm kúnímīšt. Bīsiyórtar mox ark dēhqoní. (2) Mox zoyt du qísmī or — ikī lapš obí, ikī lapš yalmí, — áutītīš op nešt. Sólík boríš vot — yalmí vošt, náborot — hič-čī nárubd vošt: píraxsošt saxróē vek, sártēšint wafr dēhčē.

(3) Mox kíštót hámmaš bahorí or, tərmaí nákišimīšt. Tərmaí ču nákištišt? — Návutčē.* Agár kíšimšint — šiyóšt. Mox zīmístún bīsiyór vanx. Šaš móhē wáfrē tákē úššē** ké pűššē. Zóro vot pagá^htar kíšta nižót, wáfrē sárē tírýkē ħüm ħirik dēhímīšt ké ba azób kíšta níššē.*** Napíráu tīm tík šiyóšt. (4) Tírmayē xóyakē wáfrē takē píraxsošt zívántot. Xünükíi хотір ýámtun kam kíšimīšt, yağ bīsiyortár kíšimīšt. Müšk tīm kíšimīšt. Áně mox jogáhī hič-čak nákišimīšt.

* Вм. návučē. (Ред.).

** Из úštčē. (Ред.).

*** Из nížčē. (Ред.).

№ 34

(1) Наше селение называют Сархади Куль, по-таджикски Кули Боло. Нас двадцать домов. Мы занимаемся земледелием, занимаемся также и скотоводством. Главное наше дело — земледелие. (2) Наши земли состоят из двух частей — одна часть поливная, другая часть яльми (неполивные), у этих (земель) воды нет. В годы, когда выпадают осадки, яльми удаются, если нет дождей — ничего нельзя сжать, остаются на поле, их покрывает снег.

(3) Наши посевы все яровые, озимых не сеем. Почему не сеют озимых? — Не получают. Если посеем — вымерзают. Наша зима очень длинная. Шесть месяцев (зерно) лежит под снегом и сгнивает. Чтобы посевы взошли пораньше, мы три раза посыпаем поверхность снега землей, тогда с трудом посевы всходят, но и так еще (иногда) вымерзают. (4) Осенью при обмолоте снопы остаются под снегом. Из-за холода мы мало сеем пшеницу, больше сеем ячмень. Еще сеем горох. Другого в наших местах мы ничего ни сеем.

№ 35

Записано в сел. Сархади Куль

It tangáy Hojáě Xíizrě ýórtax astě — as adó navúčě. Čok nóšim — iš tik páděš úščě, hič nak adó vot. Mardům wóvošt aně: „lš čo kará tangáx?“. Mo(x) wómíš:* „Hojáě Xíizrě nazár iktáx oy. Čau as adó navúčě“.

№ 35

На ту таньгу взглянул Ходжа Хызр — никак она не кончается. Что бы мы ни купили, она опять на своем месте, никак не кончится. Люди говорят: „Что это за таньга?“. Мы говорим: „На нее взглянул Ходжа Хызр. Поэтому она (и) не кончается“.

№ 36

Записано в сел. Сархади Куль

SAFĚT DEW

(1) Nahít odámě Safět Dew ástě. Bīsīyór boxosīyyát xástě. Órtay věk dast kūnót — adó navúčě. Agár mólěš čakkót — xšiftš bīsīyór vúčě. Agár ūxš mólě čakkót — i čūwáně xšift vúčě. (2) Íštít ĵuryót kūnt, túlay nūt wēdt, xīnīšta rasót — rūyīn sánčěš. Kě ba'zē odámť wóvost: „It ínčakē ipīt rūyīn ču iktá?“. Kě ax ba'zētš wóvošt aně: „Ítē Dew-ě Safět ast, čawē xotīr ipītē rūyīnš iktá“.

* Из wóvimišt. (Ред.).

(3) I xárěš órta iktá nahípírawík páččěš — hěč nak ax órtěš kam vot. Kě ax zaif wóvošt: „It kampírak órtěš as kam navúčě: har ruz, har ruz olóu kúncě, non kúnt, mardúmtě tēfórt. Mardúmt x^hárot — as ax nontš adó návóšt“. (4) Kě wóvošt ané: „Ítě Dėw-ě Safět ast, čau xotír adó návóšt. Oxír agár ítě Dėw-ě Safět návotk — i xárě ort akúncě, yak sólěš x^hórčě, nahípíraw mardúmě tēfórcě — hěč nak ax órtěš kam vot“. (5) Kě mardúm wóvošt: „Ču kampír i xárě ort kúntěšt, sol az dūwozdá moh x^hórěštš — as adó návučě?“. Kě kampír wóvčě: „Man Dėw-ě Safět yórěm xástě, čau xotír š man órt adó návučě“.

(6) Kě wóvošt ané: „Tu, kampír, čárxě sárě nídišt — ašt táškě ičín rúyěšišt, mox tēráy táškě rúyěšimišt. Oxír pít ču?“. Kě ax kampír wóvčě: „Šumóx hěč xosiyyátě néstšint, čau xotír náriwišti kúntěšt“. (7) Kampír wóvčě: „Man ašt táškě riwěšomišt — tafór túytay ičín wěčě. Šumóx tēráy táškě riwěštěšt — i títay ičín wúčě. Man nahí zaylá kampír tēm vom, da^h rúžě i čilgazá šavén but kúnoměšt. Šumóx jūwonzán ot — yak móhě tīm i čilgazá šavén tīm but nákúntěšt“. (8) Kě wóvošt: „Tū — kampír odám, dah rúžě čittě čilgazá šavén but kúněšt?“. Ax kampír wóvčě: „Mán-pě Dėw-ě Safět, yor wútax astě, čau xotír man árķě baraká astě“.

№ 36

БЕЛЫЙ ДИВ

(1) У этого человека имеется Белый див. Он (этот человек) полон хороших свойств. (Такой человек) если протянет руку к муке, — она не кончается. Если (такая женщина) подоит скотину, — получается много молока. Если шесть голов скота подоит, — получается котел молока.

(2) Если она (букв. 'они') сделает кислое молоко, сольет его в маслобойку, масло поспеет — масло у нее поднимается. Некоторые люди говорят: „Как эта женщина сделала столько масла?“. А другие говорят: „У нее есть Белый див, поэтому она и сделала столько масла“.

(3) Расходует (на выпечку хлеба) муки столько, (сколько) поднимает один осел, — ничуть у нее муки не убавляется. Женщины говорят: „У этой старухи мука совсем не убывает: каждый день, каждый день разводит огонь, печет хлеб, дает людям. Люди едят — никак ее хлеб не кончается“. (4) И говорят: „У нее есть Белый див, поэтому (хлеб) не кончается. Ведь если бы у нее не было Белого дива, — как же она замешивает столько муки, ест ее целый год, столько дает людям — (и) нисколько ее муки не убывает“. (5) Люди говорят: „Как старуха расходует столько муки, (целый) год, двенадцать месяцев ест ее — никак (мука) не кончается?“. А старуха говорит: „У меня есть друг — Белый див, потому моя мука не кончается“.

(6) И говорят еще: „Ты, старуха, садись за прялку — восемь веретен ниток напрядешь, мы (же) три веретена прядем. Почему же так?“.

А та старуха говорит: „У вас нет никаких особых свойств, поэтому и не можете напрясть (много)“. (7) Старуха говорит: „Если я напряду восемь веретен, — будет четыре катушки ниток, вы напрядете три веретена, будет одна катушка ниток. Хотя я и такая старая, за десять дней я приготавливаю (пряжи) на сорок гязов ткани. А вы, молодичицы, и за месяц на сорок гязов ткани не выполните“. (8) Тогда они говорят: „Ты — старуха, как же ты за десять дней выполняешь (пряжи) на сорок гязов ткани?“. А она говорит: „У меня есть друг — Белый див, поэтому моя работа благословенна“.

№ 37

Записано в сел. Сархади Куль

(1) I baxıl vóti-t* i saxı. Dútič jáxošt, bozóřě šáwošt. Baxıl pıyodá hoy, saxı — áspě vóra. (2) Ašáwor — i róse bídóně i sañg oy. Kě saxı avón: „Áspěm čak dor, man gazzák künóm“. Kě áspěš baxıl čak dórčě, kě áspša xay akün, ašáu, sañg čak adór. Kě vóčě: „E domülló, sañg agárd, jah, vvou“. Kě domülló jáxčě, vvou, dútič sañg čak dórošt. (3) Kě baxıl vóčě: „Čakš dor, man gazzák künóm“. Saxı sañg čak dórčě, baxıl áspě vóra vóčě, xay künčě, tirt. Vóřčěš, bozóřě pıróñst, mónčě tirt. (4) Saxı sañg jümbónčě, kě vóčě: „Sañg maxkámx“. Sañg xay künčě, ýóřčě — asp nah, baxıl tēm nah, áspěš nóta tórtax.

(5) Saxı tířčě, šáučě, i ýóřě tist, kě vıyóra nēpidčě. Kě ýóřčě — i muš avvou, tik ýóřčě — i rubá avvou, rubáe sítám urk avvou, čě úrké dar pa xırs avvou. Kě jam vošt tafórtič. (6) Rubá vóčě múšisa: „Jurá, in-núr tu čo aküně?“. Muš vóčě: „In-núr wáxtam xüş avó — tangótēm aživářem, xúřě akün, ýıl adě^h, tik tangótēm adavářem, kě amónēm avvou“. (7) Kě muš vóčě: „Jurá, tu čo aküně?“. Vóčě: „Jurá, man in-núr něhıparaı pústák-t síták axwářem, dáram șer avó, mástēm“. (8) Kě úrkısa avón: „Tu čo aküně, jurá?“. — „Jurá, man, — vóčě, — in-núr ašáu i bóyě mólě, něhıparaı dum awxářem, dáram șerx“. (9) Tik urk xırsısa avón: „Tu čo aküně, jurá?“. Vóčě: „Jurá, in-núr ašáwēm, i bóyě atıs, něhıparaı șeb awxářem — mást-ēm“.

(10) Kě naháwokě vıyóra nēpidošt. Kě ráxšin víčě, xırs nížčě, tirt, tik čáwě sítám urk nížčě, tirt, čáwě sítám tik rubá aníž, atēr, tik čáwě sítám muš aníž, atēr. (11) Čáwě sítám saxı aněž, tířě avó. Ajáx, ašáu čordıwólě. Kě muš tangótš aživár, xúřě akün, ýıl adě^h tangótě sářě vėgš. Ajáx, iš anós, atıs, atēr, tik aníž muš, tik anós ráxěšěš** i tangá. (12) I külúh anós saxı, apartóuš, — atıs, atēr kě ax muš. Saxı tangót dóměn amón, axáš, ajáx, amón atēr. Ašáu kátěš. (13) Rótě sářěš ayór — baxıl nahwás voxúrdš avó. Avón: „Jurá, áspěm kux? Áspěm tifár!“. — „Jurá, — avón, — áspět apıróñsēm, awxár avón, i tangáš amón“. (14) Kě saxı avón aně: „Man

* Из vóta-t. (Ред.).

** Из ráxěsaš? (Ред.).

áspě apirõnsě, awxár — aná íštít taᅇgá or — tu baxíl, aná xũdó saxí“. Avón: „Čukúšint avirě?“ . Avón: „Čě falón yóršint avirěm“. Avón: „Man tēm var, nišón dor!“.

(15) Aǰáx, anós, avársš, naháᅇ yóre nišón adór. Aziwórt, amón, ašáu kátisaš. Ax aněpéd yóre. (16) Kě muš avvóᅇ, atés, tík rubá avvóᅇ, atés, tík čawě dar pa urk atís, ůffást akũn, aněpéd. Tík xĩrs avvóᅇ, ax tēm ůffást akũn, aněpéd. (17) Kě rubá avón aně múšisa: „Čo akũně?“ . Avón: „Jurá, tangótēm aživárēm, xurě akũn, kě i yũm sárě vēgšint ᅇil aděhēm, bozí akũn. Iš anósēm, atís, atēr kátisa. Anížēm, i dafá iš anósēm — i saᅇg aděhor sárě nũtēm, qaríb múrta óyēm, kě apērěžim, atés atēr. Aněžēm — hič-čĩ yak nax, kě aǰáxēm amón, avvóᅇ“. (18) Tík rubá avón: „Man ašáym, qal'áyě tákě avvówēm, i jũlúk-pũlúk wxarakēm oyk — kútēm amónor, qaribēm daryób akũnór, atũxóy, ba azób xató akũněm“. (19) Kě úrkisa avón: „Tu čo akũně?“ . Avón: „I bóě mólě aděhēm, i rúnēm čak dórta oy, kě čũpõñ xabardór avé, kútēm amón, núkēm akũnór, asũxsēm, amír“. (20) Kě xĩrsisa vóčě: „Tu čo akũní?“ . Vóčě: „Man ašáwēm, i bóyě atísēm, sěbě sárěš asánēm, i-dúakēm wxórta oy, soxĩběš yáxsě avé. Avón: «Tu čo kũníšt, xĩrs?» . Kalták anós, núkēm akũn, aděhēm kaltákě-pě, qaríb amírīm, ba azób sufáě sárě ajě^hēm, čě dēwól ajě^hēm, xató akũn, qarib amírēm“.

(21) Tafórtič šuk anidor, kě rubá avón: „Šuk urs, šuk urs, man yúšě fix-fix avvóᅇ“. Kě šuk avór. Kě muš avón: „Xõm, fix-fix ast, rask vóčě“. Tík urk avón: „Man tēm yuš dórom“. Kě tík xĩrs avón: „Man tēm yuš dórom“. Kě hámměš yuš adóror, kě avóvor: „Jaxs, tísimĩšt, yórim, kě wēnim, čox astě fix-fix kũncě?“ . (22) Kě jáxošt, tisor, axáš, ažiwár. Kě avóvor: „Tu čo kará odám-išt?“ . Avón: „Bečorá odám-īm“. Muš avón: „Na^h, tu na oy, sárě nũtēm sáñkě-pě aděhě — naháx tu oy“. Rubá tēm avón: „Naháx tu oy, man kut amóně, núkēm akũn kut, qaríb amírīm“. (23) Tík urk avón: „Naháx tu oy, man čě mólě tax kut amóně, qaríb amírēm“. Tík xĩrs avón: „Naháx tu, padár naalát, na oy, man kaltákě-pě kũně nũtēm aděhĩ?“ . (24) Kě avón: „Naa, man na óyēm, dũrúy vóvsěšt“. Kě xĩrs vóčě: „Yozóntš!“ . Urk vóčě: „Kalayóntš!“ . Muš avón: „Jíkóntš!“ . Rubá avón: „Pizóntš!“ . (25) Hammáš „obló^h akbár!“ avóvor, kě yozóñěš avór, táskěš axášor, wáskěš axášor, pětěš axášor, sěčeš axášor. Yag marg avé aúšt, tafórtič. awxárorš, hič níparaxs. Baxíl was aparáxs, mox tas aparáxsim.

№ 37

(1) Был один скупой, один щедрый. Оба они собираются, отправляются на базар. Скупой пешком, щедрый верхом на лошади. (2) Они отправились, посреди дороги был камень. Щедрый сказал: „Подержи мою лошадь, я помочусь“. Скупой держит его лошадь, потом выпустил ее, пошел, подержал камень. Потом говорит: „Эй, домулло, камень перевернулся, вставай, иди сюда“. Домулло встает, подходит, оба они держат камень. (3) Потом скупой говорит: „Подержи его, я помочусь“. Щедрый держит камень, скупой садится верхом на лошадь, погоняет

ее, уезжает. Ведет ее, продает на базаре, уезжает. (4) Щедрый качает камень, потом говорит: „Камень (стоит) крепко“. Отпускает камень, смотрит: лошади нет, скупого тоже нет, — (скупой) взял его лошадь и уехал.

(5) Щедрый отправляется, идет, входит в одну пещеру, ночью ложится (там спать). Потом он видит — пришла мышь, еще видит — пришла лисица, за лисицей пришел волк, следом за волком пришел медведь. Все четверо собираются. (6) Лисица говорит мыши: „Друг, что ты сегодня делала?“. Мышь говорит: „Сегодня мне было весело, я вытащила мои деньги, разложила их на солнце, валялась на них, опять внесла мои деньги внутрь, затем пришла (сюда)“. (7) Мышь говорит: „Друг, (а) ты что делала?“. Говорит: „Друг, я сегодня съела вот столько шкурок и костей, я насытилась, опьянела“. (8) Потом сказала волку: „Ты что делал, друг?“. — „Друг, — говорит, — сегодня я пошел к баранам одного богача, вот столько курдюков я съел, я сыт“. (9) Потом волк сказал медведю: „Ты что делал, друг?“. (Медведь) говорит: „Друг, я сегодня пошел, забрался в один сад, съел вот столько яблок — я пьян“.

(10) Потом они в том месте ложатся спать. Настал день, медведь выходит, за ним выходит волк, вслед за ним вышла лисица, вслед за ней вышла мышь. (11) Вслед за ней вышел щедрый. Встал, пошел к развалинам. (Там) мышь вытащила свои деньги, разложила их на солнце, каталась по деньгам. Встала, взяла одну из них, вошла, потом снова мышь вышла, снова взяла в рот монету. (12) Щедрый взял комок глины, бросил в нее, — она тогда убежала, та мышь. Щедрый поставил под деньги подол, сгреб (деньги), встал и ушел. Пошел к себе (домой). (13) Посмотрел вверх по дороге, там ему встретился скупой. Сказал: „Друг, где моя лошадь? Отдай мою лошадь!“ — „Друг, — сказал (тот), — я продал твою лошадь, проел ее, осталась от нее одна таньга“. (14) Тогда щедрый сказал: „Ты продал, проел мою лошадь, — вот эти деньги, ты скупой, а бог щедрый“. Тот сказал: „Где ты их нашел?“. Сказал: „Я нашел их в такой-то пещере“. Он сказал: „Поведи и меня, покажи“.

(15) (Щедрый) встал, взял, повел его, показал ему ту пещеру. Повернулся, пошел к себе домой. Тот лег в пещере. (16) Потом пришла мышь, пришла и лисица, за ней вслед вошел и волк, тяжело вздохнул и лег. Пришел и медведь, он тоже тяжело вздохнул, лег. (17) Потом лисица сказала мыши: „Ты что делала?“. Сказала: „Друг, я вынесла свои деньги, разложила на солнце, разок повалялась на них, поиграла. Взяла одну (монету), вошла в дом. Вышла (и) на этот раз взяла одну, как (вдруг) меня ударили по голове камнем. Чуть-чуть я не умерла, убежала, скрылась. Вышла я — ничего нет, тогда встала я, пришла сюда“. (18) Сказала и лисица: „Я пошла к крепости, я ела кожаные обрывки, как (вдруг) на меня напустили собак, они чуть было меня не схватили, чуть не убили. С трудом я вырвалась“. (19) Сказала

водку: „Ты что делал?“. Тот сказал: „Я напал на баранов одного богача. Я было схватил одного ягненка, как пастух услышал, натравил на меня собак, они меня погнали, (чуть было не) пропал (букв. 'сгорел'), чуть не умер“. (20) Потом говорит медведю: „Ты что делал?“. Тот говорит: „Я пошел, вошел в сад, влез на яблоню, съел одно-два (яблока), показался хозяин. Сказал: «Ты что делаешь, медведь?». Схватил палку, погнался за мной, ударил меня палкой, я едва не умер, с трудом прыгнул на суфу, прыгнул через забор, вырвался, чуть не умер“.

(21) Все четверо замолчали, потом лисица сказала: „Молчите, молчите! Я слышу шелест“. Они замолчали. Мышь сказала: „Да, есть шелест, она верно говорит“. Волк сказал: „Я тоже послушаю“. И медведь сказал: „Я тоже послушаю“. Все послушали, потом сказали: „Вставайте, войдем, взглянем, посмотрим, что это такое шелестит?“. (22) Встают, входят, вытаскивают его, выволакивают. Сказали: „Ты что за человек?“. Он сказал: „Я — бедный человек“. Мышь сказала: „Нет, ты не (бедняк), ты тот, кто ударил меня по голове камнем“. Лисица также сказала: „Ты тот, кто натравил на меня собак, собаки за мной гнались, я чуть не умерла“. (23) Волк сказал: „Ты тот, (который) из стада баранов натравил собак, я чуть не умер“. И медведь сказал: „Ты, проклятый, разве не тот, кто ударил меня по задку палкой?“. (24) Тогда (скупой) сказал: „Нет, это был не я, вы говорите неправду“. Медведь говорит: „Тащите его!“. Волк говорит: „Заставьте его вопить о пощаде!“. Мышь говорит: „Пусть вззоет!“. Лисица говорит: „Колите его!“. (25) Все они сказали: „Бог велик!“, начали его таскать, сюда таскали, туда таскали, вверх таскали, вниз таскали. Он умер, все четверо его съели, ничего не осталось. Скупой там остался, мы здесь остались.

№ 38

Записано в сел. Сархади Куль

(1) I víta na víta, i rubá víta, i būdíná víta. Būdíná wóčē rubáisa: „Vou, jurá vim!“. Kę rubá wóčē: „Xayr!“. (2) Kę būdíná wóčē: „I šártēm ast“. Kę rubá wóčē: „Čo šart ástět?“. — „Šártēm něhěš — i ŷm xantónomīštět, i ŷm royónomīštět, i ŷm sęrt kūnómīšt“. Kę wóčē: „Xayr, jurá, čúttěk kūn“.

(3) Kę wóčē: „Vou!“, kę vórčěš, i obmuríē davórčěš, kę wóčē: „Nahědokē nid“. Nídčē naháwokē. Kę wóčē: „Tamotšó kūn, kę man šawómīšt, xantónomīštět“. (4) Kę būdíná tírčē, šáučē, jěhčē, i kampirákē sárē tórkē sánčē, nídčē, kę žútaš wóčē: „Očá, najǰumb, najǰumb — sárē, tórkět i yóčak ast“. Kę wóčē: „Čox, žútam?“. Kę očáš úščē.* Nahíptē qayróq sánga nósčē, vánčē, děht očáěš, očáš yag marg víčē ušt.

(5) Būdíná fūrčē, tirt. Ax rubá nahīparáŷ xántčē — sust víčē čē xántakē. Kę būdíná šáučē rítěš, wóčē: „Jurá, xǰb axántě?“. Wóčē: „Ox, ox,

* Из úščē. (Pеd.).

jurá, axántem!“. — „Aná, — wóčē, — jurá, it ġum sęrt kúnómišt“. Kę wóčē: „Xayr, jurá“. (6) Górcē — tafór kampirákē avóu. Búdina wóčē: „Nahédokē ušt, tamotšó kün, man šawómišt, naháu kampiráktē ritorít wómišt“. Kę rubá górcē — naháu kampiráktē ritorít avé, górcē, ušt.

(7) Kampirákt sárē tórkšint dastürxónt asüxóyor. Búdina ritorítšint daw-dáwkē tírcē, kę nukš kúnóšt, dastürxónšint amonór, búdinaē nuk kúnóšt, tirór. Búdina jěhkē-jěhkē tírcē. Naháx rubá jáxcē, dawt, dastürxónt apęn, kalamótęš awxár. Búdina fúrčē, tirt.

(8) Kampirákt gardóšt, wówošt, górošt — rubáē kalamót wxáarak ast. Daw-daw-daw kúnóšt, wówor — rubá píreyžčē. Wówošt, góror — híč-čē náuš, nunt wxórtašor wónta. Kę jáxošt, mónošt, tírošt, züwótošt, kę mónošt, tírošt kátisašint. Kę měynē tísošt, kę měynē zaifot wówošt: „Daráu agártsē!“.

(9) Kampirákt wówošt: „Ašáwim níma róšē, i búdina voxúrd avé, naháwē nukē akúnim, dastürxón mox amónęm zamínē, rubá avóu, dastürxón mox núnťęš awxár, to mox avówim wxórtaš iyór, wónta. Rubá tęm apíręž, búdina tęm afúrr atér, kę amónim, avóu.

(10) Búdina rubáē rítē avóu, awów: „Jurá, xub sęr avé?“. Awów: „Xo, jurá, sęr avęm“. Kę wóčē: „Jurá, it ġum royónomištēt!“.

Jáxcē búdina, máryę wésčē. Naháu máryę i xar méxšint íkta — i zindór xar. Kę búdina naháu zínē širíš kúnčē, kę sánčē rubáē rítē, wóčē: „Jax, jurá, wésím“. Rubá wóčē: „Xayr“. Kę úrcęš, vort. (11) Kę wóčē: „Xárē i ġum wóra ve!“.

Xárē wóra víčē kę wóčē: „Royón ánē!“.

Vóčē: „Andák ušt“. Kę naháx xárē laksónčęš búdina. Kę širíš xúré qoq víčē. Kę rubá wóčē: „Dúmęm waňx, úštakęm navíčē“. Kę dumš tęm širíš kúnčē, kę hámmaš júščē ušt.

(12) Kę búdina xárē nóščē, tirt, wórcęš, durš vort. Kę De^hbalándē gůlxóręš wórcē, kę gůlxórē tá^hē dawórcē. Kę rubá wóčē: „Jurá, royón ánē!“.

Kę búdina fúrčē, xárē ġúšē tíščē, kę „patarr, patarr“ kúnčē, kę xar „tar-tar“ gúzčē, xǔmbak děhčē, rubáē nah gůlxórē veg dě^hčęš. Kę wóčē: „A, amírím, ę dód-ę, ę katsúxtá!“.

Súst víčē. (13) Kę čę gůlxórē ta^h žawórcęš xar. Kę búdina čę xarę ġuš nížčē, wóčē: „Wes, jurá!“.

Rubá wóčē: „Áně ču wésom? Atüxóyęm“.

(14) Kę úrcęš čę xárē sar, kę wóčē: „Jurá, ġam nawxár. Man šawómišt, i tabíb úrom“. Kę wóčē: „Xayr, jurá“. Kę sęynčęš, i šaxákē tákē nidónt. Kę wóčē: „Xur kęncákē* nępęd, ufs“.

(15) Kę šáučē, górcē — i mǐrgán du kútē avóu. Šáučē, naháu mǐrgánē ritorít víčē. Tik gárdčē búdina, kę pęréžt, kę fúrčē, voųt rubáē rítē, ax mǐrgánt kut čę sítám or. Kę rubá wóčē: „Auré tabíb?“.

Kę wóčē: „Auréęm, náhkē yáxsē wošt“. Kę rubá górcē, yáxsē avór mǐrgán-t du kútē.

(16) Kę rubá gárdčē, búdinaísa wóčē: „Ox, man xotír ajal auré“. Kę wóčē: „Jurá, bǐssiyór tabíbǐ xǔbt auréęm“.

Kę jáxcē rubá, dǔmbá-t domán barděhčē, sambúša kün, xay wówčē, kę mǐrgán górcē — rubá apęréž. Kę qa-ġír kúnčē kúttisaš. Kutt čę dumš tírošt, nukęš kúnóšt. (17) Mǐrgán tęm dáučē. Kę nukęš kúnóšt, sę^ynor, wáror, ġárē gardónor, wáror Sóġdu, sę^ynor

* Из тадж. kunjak? (Ред.).

Ěxěnoꝝ, nŭkěš kŭnóšť, váror Ůšqada, úrošť, děhošť, kóyě tákě nósošťěš, kě tŭxóyošťěš. Kě rubáě pust kŭnčě mŭrgán, kě rubáě mŭrtěš áwokě aparáxs, mox édokě aparáxsəm.

№ 38

(1) Было — не было, была одна лиса, одна перепелка. Перепелка говорит лисе: „Давай, станем друзьями“. Тогда лисица говорит: „Ладно“.

(2) Перепелка говорит: „У меня есть одно условие“. Лиса говорит: „Какое у тебя условие?“. — „Условие мое таково — один раз я тебя рассмешу, один раз заставлю поплакать, один раз накормлю тебя досыта“. Лисица говорит: „Ладно, друг, делай как хочешь“.

(3) Тогда (перепелка) говорит: „Иди!“, ведет ее, вводит ее в трубу для воды, говорит: „Сиди здесь“. Она там сидит. Потом (перепелка) говорит: „Смотри, я пойду, рассмешу тебя“. (4) Перепелка идет, прыгает, влезает на голову одной старухи и сидит, а сын старухи говорит: „Матушка, не двигайся, не двигайся — у тебя на голове что-то есть“. Она говорит: „Что (там такое), сынок?“. Мать его остается на месте. Он берет вот эдакий камень, прицеливается и кидает в мать. Мать его умирает.

(5) Перепелка взлетает и улетает. Лисица так смеется, что приходит в изнеможение от смеха. Потом перепелка идет к ней, говорит: „Друг, ты хорошо посмеялась?“. — „Ох, ох, друг, и посмеялась же я“. — „Вот, — говорит, — друг, на этот раз я тебя накормлю досыта“. (Лиса) говорит: „Ладно, друг“. (6) Смотрит — подошли четыре старушки. Перепелка говорит: „Стой здесь, смотри, я отправлюсь, пойду перед этими старухами“. Лисица смотрит — (перепелка) очутилась перед старушками, стоит, смотрит. (7) Старушки несли на головах (букв. 'подняли на головы') узелки со съестным. Перепелка бежит перед ними, они ее преследуют. Они положили свои узелки (на землю), преследуют перепелку. Перепелка прыгая-прыгая убегает. Лисица поднимается, бежит, открыла узелки, съела жареные лепешки. Перепелка взлетает, улетает.

(8) Старушки возвращаются, подходят, смотрят — лисица ест лепешки. Они подбегают — лисица убегает. Подходят, смотрят — ничего нет, лепешки съедены. Потом встают, поворачивают обратно, идут домой. Входят в селение, а женщины селения говорят: „Быстро же вы вернулись!“. (9) Старушки говорят: „Мы дошли до половины дороги, встретила перепелка, мы за ней погнались, положили наши узелки на землю. Пришла лисица, съела лепешки из наших узелков, пока мы пришли, она их съела. И лисица убежала, и перепелка упорхнула, вот мы и пришли (домой)“.

(10) Перепелка прилетела к лисице, сказала: „Друг, хорошо ты наелась?“. Она сказала: „Да, друг, я насытилась“. Потом (перепелка) говорит: „Друг, на этот раз я заставлю тебя поплакать“. Перепелка поднимается, опускается на луг. На лугу был привязан осел — оседланный осел. Перепелка мажет седло клеем, потом поднимается к лисице,

говорит: „Подымайся, друг, пойдем вниз“. Лисица говорит: „Ладно“. (Перепелка) приводит ее. (11) Потом говорит: „Сядь-ка верхом на осла“. Она садится на осла и говорит: „Теперь (еще) заставь (меня) плакать“. Та говорит: „Постой немножко“. Потом перепелка гоняет осла. Клей на солнце высыхает. Лисица говорит: „Хвост мой длинный, мешает мне“. Тогда (перепелка) мажет клеем и ее хвост, все прилипает.

(12) Перепелка берет осла и идет, ведет его, далеко ведет. Ведет его к шиповнику в Де-баланде. Заводит осла в кусты шиповника. Тогда лисица говорит: „Друг, заставь же (меня) плакать“. Перепелка вспархивает, влетает ослу в ухо, бьет крыльями, а осел лягает ногами и бьет лисицу о кусты шиповника, она говорит: „Ой, я умерла, ой, караул, о-проклятый!“ (Лиса) слабеет. (13) Осел вытаскивает ее из кустов шиповника. Тогда перепелка вылетает из уха осла и говорит: „Слезай, друг“. Лисица говорит: „Как я теперь слезу, ты меня убила“.

(14) (Перепелка) снимает ее с осла и говорит: „Друг, не печалься, я пойду, приведу лекаря“. Та говорит: „Ладно, друг“. (Перепелка) поднимает и сажает ее под скалой. Говорит: „Лежи на солнышке, спи“. Потом поднимается, идет за лекарем. (15) Идет она, видит — идет охотник и две собаки. Отправляется и оказывается перед охотником. Перепелка поворачивается, убегает, идет к лисе, (а) охотник и собаки — за ней. Лисица говорит: „Привела ты лекаря?“. Та говорит: „Привела, сейчас покажется“. Лисица смотрит — показались охотник и две собаки.

(16) Тогда лиса поворачивается и говорит перепелке: „Ох, ты привела мне смерть“. А та говорит: „Друг, я привела тебе очень хорошего лекаря“. Тогда поднимается лисица, подтыкает хвост (за пояс), подбирает полы (халата) и пускается наутек. Охотник смотрит — пробежала лиса. Тогда он науськивает собак, собаки бегут за (ней), преследуют ее. (17) Охотник тоже бежит. Они ее преследуют, гонят ее вверх, гонят ее за перевал, гонят ее в Согду, загоняют в Эхеноу, преследуют, гонят в Ушкада, загоняют ее, бьют, около хлева захватывают ее и убивают. Охотник сдирает с лисы шкуру, труп лисы остался там, а мы остались здесь.

№ 39

Записано от Сайфулло, 15 лет, жителя сел. Сархади Куль (мать его родом из Науметкана)

(1) Rubá i pustín anũyũnt, vvóučě, dáště nĕpĕd. Urk vvóučě, rubá pustíns ůrkĕ sárĕ partóučě, dúšaš kámaš tíščĕ, rust vid. Apĩráž. Jáxčĕ rubá, ůrkĕ núkĕ kũnt, šáučĕ, wóčĕ: „Pustínim tifár“. Urk wóčĕ: „Pustint čĕ ku avírĕ?“. Rubá wóčĕ: „Dodóm pustindúz xoy“. (2) Urk wóčĕ: „Man хотїр pustín šiy“. Rubá wóčĕ: „Хау, šiyomĩšt“. Urk wóčĕ: „Čof pústĕt җаут?“. Wóčĕ: „Bist čoríĕ pust“. Urk šáučĕ, bist čoríĕ ůrčĕ, wóčĕ: „Yótaš múzd-ĕ duxt, čoríĕ tu kuš, xwor, * pustš man хотїр pustín kũn“.

* Вм. обычного для 2 л. ед. ч. повелит. накл. xwar. (Ред.).

(3) Rubá čoritē akúš, axwár, pústtē dayró-yī Sürxób avár, xay akún, óbšint anós. Urk avvóu, awóv: „Pustíněm ašiy avón?“ . Awóv: „Naa, namvón̄tax, das run pústěm γαυτ, širóz kúnóm“. (4) Urk šáučě, das rúně úřčě. Wóčě: „Naháutētē nos, širóz kún“. Rubá nósšint, kúščě, yótotš xwort, pustš vóřčě, dayró-yī Sürxób xay kúnt. Urk vvóučě, wóčě: „Pustín ašiy avón?“ . Iš wóčě: „Ě, bēáqil, pustín kux?“ . (5) Jáxčě, píráyžt, urk núkeš kúnčě, vóřčěš qozáē qawá kúnt, wóčě: „Sánomīšt, čě qozáē sar gazzónom, — nanižt vešt“. Kátta kálla vóřčě, ow wət, tákeš maydihákē duk kúnčě — kálla qózay sárē mónčě. Naháx ob čakčě nahěš qóza dēwár sárē nūt. Xwač mótax tórtax. (6) Kē rubá nanižt vúčě. Sē ruz qáwa vúčě qozáyē nūt. Rubá wóčě: „Dur tir, man nēžom tírom, dēwázēm avó. Sēráy métē dēwaznokí sárēm agūdár“.

(7) Čě qóza nēžčě, γort — kálla. Kē wóčě: „Tu ark akūnī, man sēráy met qáwa akūnī“. Dúyměš vántčě, nósčěš, tirt, vóřčěš, dayróyē nūt partóut. Kalláy darúně púně ow vúčě, qarib xápěš tēm ow vóřčě. Pástarš vóřčě, dúyměš púčča vúčě. Rubá wóčě: „Dúyměm púčča avú“. Óh-ē sard xáščě, šáučě, dáštē nēpéd.

(8) Tűfór rubáē avvóu, áwē adě^h: „Tu čo kór-ē gūnó^h akūnī, duymt púčča avó?“ . Ax rubá awóv: „Kálla avárēm, dayróyē nūt xay akún, dúmēm púčča avú“. (9) Tűfór rubá dě^hěš vošt, ax rubá xápěš murtax kúnčě, xápěš wóčě: „Nahěš nakúnóm — tuxóyošt“. Tűfór rubá γuš dorošt — namurtax, kē wóvošt: „Jax!“ .

(10) Kē rubá^h dúyměš púčča vutagí jáxčě, wóčě: „I šártěm ast: šáyim, čapár nósim, duymt mox vántim — kúmē mox rítěk aněžim, ax mox zur, kúměk sítámik aparáxs — děhīm“. Áxtit wóvošt: „Mox duym dóróm, tu be-duym-išt“. (11) Ax rubá wóčě: „Šmox dúyměšint vant, man pódam vántomīšt“. Kē ašáwor čapárē rítē, ax rubá áutit dúyměšint avánt, kē awóv: „Iš čapár súbúx, sárē odámē ikē šáňkē mónim“. Ašáu, i kátta saňg aúr, čapárē darúně amón, awóv aně: „Šaum, γórom čě tēpáē lap, šikórit nasa-nánt“. Ašáu, aγór, awóv aně: „Aná, asánor!“ . Xwač apēríž, asán, atér. Áxtit tēm zur aděhor, dúymčint* púčča avór. (12) Soně voxúrdk avú, ax rubá awóv aně: „Man axántě,** aděhtě — šmox tēm dúymčint púčča avór“. Áxtit nukš kúnóšt, varór, várošt, pínáyšor.

(13) Ax rubá šáučě rótē sárē, γóřčě — du γūliňgfürúšē avvóu. Rubá xápě-pě wóčě: „Zoró γūliňgšint nósom“. Rítē šáučě, rótē sar napéd, kē xápěš múrta kúnt. Ğūliňgfürúšt vvóučě, γóror — i rubá rótē sárē múrta vútax. Iš dáučě, wóčě: „Manš nósom“, iš tēm dáučě: „Manš nósom“. (14) Rítik šáučě, nosš, γúrkē sárěš partóut, nósčěš, tirt. I tēyē lápisaš vóřčě, rubá kúněš čilik děhčě, gárdčě, wóčě hamrá^hisaš: „Man kúněm čo xotřr čilik děhěšt? Man rubá nótam ástē, tu iránka kúníšt?“ . Hamrá^hš wóčě: „Man náim“. (15) Tík tírē vúčě, šáučě, rubá tík kúněš čilik děhčě. Wóčě hamróisaš: „Man kúněm čo xotřr čilik dě^hěšt?“ . Tík tírē vošt. Tík rubá kúněš čilik

* Из dúymtsint. (Ред.).

** Из axántě. (Ред.).

děhcě, tik gárdcě, hamrá^h-pěš jaṅg kūnóšt. Rubáy partóučě xártě rítě, xwač áu-pě jaṅg kárkě wěscě, tist adířě veg.

(16) Rubá jáxcě, xártě vórtšint i yókay urt, ṽlíṅgčint* nost. Nóscě — i xáukě wúnay nūt wědcě. I bárgěš nóscě, sant, tirt. ṽlíṅgfúrušt jaṅg bas akúnór, agárdor, avvóu — na rubáh ástě, na ṽlíṅg. Kě wóvošt: „Kóměk vúrta or“.

(17) Rubá šáučě, i dáště nēpéd, urkš čětór vúčě, wóčě: „Wxáromišť!“
Rubá wóčě: „Man wxarakě-pě čo vešt, man pášmě takím yótam nist, man nawxár, i šártěm ast — šáyimíšť, i yóka šáyimíšť, du sūtúřě duym ast, wxarím“. (18) Urk wóčě: „Soxǐbš xūt nist?“. Rubá wóčě: „Náa, soxǐbš nist“. Šáwošt, wěsošt, měyně wěsošt. Rubá úrkě úřcě, i mǐxmonxóna děwórt. Tísošt, dum wxarě vor. Urk wóčě: „As soxǐbš xūt nist?“. Iš wóčě: „Náa“. (19) Urk dum bǐssiyór wxórcě, rubá — kam. Urk rubáisa wóčě: „Tu ču naxwórišť?“. Rubá wóčě: „Man darám sǝrx“. Urk asónčě bǐssiyór kwórcě. Rubá wóčě: „Vvou, sáněm, tǐrím“. Urk wóčě: „Náa, nahédokě nídimíšť, wxarím“. Rubá wóčě: „Soxǐbš navvowót“. (20) Urk wóčě: „Awóvek soxǐbš nist“. Rubá wóčě: „Man nēžóm, γórom, soxǐbš navvowót“. Něžcě, γort, wóčě: „Soxǐbš vvóučě“. Rubá pǐřěžcě, sant, tirt.

(21) Mardúm tísošt, úrkě čak dóror, xorkánt, tabárt, tešá, belt úrošt, úrkě děhošt. Urk arrás kúnčě, kalkót vúčě, děwěcě také veg. Urk wxápěš múrta akún. Žiwárošt, zóě vegš partówor. (22) Tik nímě xšápě zindá vúčě, sánčě, rubáě kouť, vířcěš, wóčě: „Wxarómišť!“
Rubá wóčě: „Man wxarakě-pěm čo vešt, i šártěm ast — i bóγě šáyimíšť, bóγě angúr ast, šáyim bóγě, angúr wxarím“.

(23) Jáxošt, tirór, šáwošt, bóγě wěsor. Wěsošt, angúr wxarě vor. Rubá wóčě: „Tu azónčě wxar, man ma'adám sǝrx, man nawxórt kúnomíšť“. Urk wxórcě, sǝr vúčě, natónčě jǔmbak. (24) Rubá wóčě: „Sáněm, tǐrím, soxǐbš navvowót“. Soxǐbš vvóučě, rubá pǐřěžcě, urk napǐřěžť vúčě. Mardúmt čakš dóror. Děhoštěš — bēl-at xorkán úrošt, děhorš. Urk bēxús vúčě. Mardúm wóvošt aně: „E, iš amír“. Múrtaěš žěwárošt, partówor. (25) Tik nímay xšápě tik zindá vúčě urk. Sánčě, rubáě kouť, tik vířcěš: „It ṽm nat-wxaróm nat-mónomíšť navót“. Rubá wóčě: „Man wxarakě-pě čo vešt? I šártam ast. I yókay čalpák ast, šáyim, wxarím“.

(26) Jáxošt, šáwor máyně, kátě tísošt. Soxǐbš navútax. Tísošt, čalpák wxarě vor. Rubá kam wxórcě. Urk wóčě: „Tu ču nawxórišť?“. Rubá wóčě: „Man sǝr, har métě wxáromišť“. Tik wóčě: „Man nēžom, γórom — soxǐbš navvowót“. Něžcě, γort, wóčě: „Soxǐbš darág náastě, sánim, tǐrím“.
(27) Urk wóčě: „Nahédokě nídim“. Rubá wóčě: „Nížěšt, nanížěšt — man asáněm atěř“. Wxátěš atěř. Kátě soxǐb avvóu, úrkě aγór, mardúmě fayróđ akún: „Kátěm urk úxta!“.

(28) Mardúm jam avór, avvóu, aγór — urk kátě. Atisor, čakš adór, adě^h. Arrást akún, bēxús avu, aděwě. Awóvor: „Amír étón, žěwárim, partówim“. Ažěwáror, apartóu. Nímay xšápě tik zindá avú. Ajáx, asán,

* Вм. ṽlíṅgšint. (Pεα.).

atér. (29) Asán, rubáe avír, awóv: „Wxáromišt, tu man azób atěfárě!“.
Rubá wóčě: „I šártěm ast—i yókě dúměm móna—taṭ хотїr. San, naṭ
dúymě wxar, kě man wxar“. Šáwošt qatí. Kě i zamíně sárě xas sárě
i dum astě. (30) Kě rubá wóčě: „Gūdár, naháx wxar“. Kě urk gūdárčě,
wóčě: „Wxáromišt!“, kě fúrcě, děht čóxě tákě, kě xáse tákě i čox oy,
rubá íkta xoy, rugáeš xas partóušaš oy. Kě urk děhčě naháx čóxě tákě,
mírčě. Rubá ba muród-ě maqsád arás, úrkě ba fíríb atṭxóy. Ax vas apa-
ráxs, man tas.

№ 39

(1) Лиса надела шубу, пошла, легла на ровном месте. Подходит волк, лиса бросает шубу на голову волку, шея его попадает в рукав, застревает. Он побежал. Лиса поднимается, преследует волка, бежит, говорит: „Давай мою шубу“. Волк говорит: „Откуда ты нашла шубу?“. Лисица говорит: „Отец мой был скорняк“. (2) Волк говорит: „Сшей для меня шубу“. Лисица говорит: „Ладно, сошью“. Волк говорит: „Сколько шкур тебе нужно?“. Она говорит: „Двадцать шкур трехлетних баранов“. Волк отправляется, пригоняет двадцать трехлетних баранов, говорит: „Мясо их — вознаграждение за шитье, баранов ты режь, ешь, из шкур их сделай для меня шубу“.

(3) Лисица зарезала баранов, съела, кожи отнесла на реку Сурхоб, пустила их, вода их подхватила. Волк пришел, сказал: „Ты сшила мою шубу, закончила?“. (Лисица) сказала: „Нет я не кончила, мне нужно десять шкур ягнят, я сделаю обшивку“. (4) Волк идет, пригоняет десять ягнят, говорит: „Бери, делай обшивку“. Лисица берет их, убивает, мясо съедает, кожи их несет, пускает в реку Сурхоб. Приходит волк, говорит: „Ты кончила шить шубу?“. Та говорит: „Э, дурак, где шуба?“. (5) Поднимается и убегает, волк ее преследует, загоняет ее, запирает в шалаше, говорит: „Я подымусь и сверху шалаша буду мочиться, ты не сможешь выйти“. Приносит большой кувшин, наливает воды, в дне (кувшина) делает маленькую дырочку, ставит кувшин на верх шалаша, вода капает над дверью. Сам он ушел. (6) Лисица не может выйти, три дня она находится взаперти внутри шалаша. Лисица говорит: „Отойди подальше, я выйду, я проголодалась, три дня я голодная“.

(7) Выходит из шалаша, смотрит — кувшин. Тогда она говорит: „Ты сделал так, что продержал меня взаперти три дня“. Привязывает (кувшин) к своему хвосту, берет его, идет, несет его и опускает в реку. Кувшин наполняется водой, (лисицу) чуть не уносит вода. (Течение) сносит ее ниже, хвост у нее обрывается. Лисица говорит: „Хвост мой оборвался“. Горько вздыхает, идет, ложится на ровном месте.

(8) Пришли четыре лисицы и побили ее. — „Чем ты провинилась, что хвост твой оборвался?“. Та лиса сказала: „Я принесла кувшин, пустила в реку — хвост мой оборвался“. (9) Четыре лисицы принимают ее бить, а лисица притворяется мертвой и говорит себе: „Если я этого не сделаю, — меня убьют“. Четыре лисицы слушают — не умерла, потом говорят: „Вставай!“.

(10) Тогда лиса с оборванным хвостом встает, говорит: „У меня есть одно условие — пойдете, возьмем чапар,* привяжем к нашим хвостам, если кто из нас выйдет вперед — тот сильный, кто останется позади — того мы будем бить“. Те говорят: „У нас есть хвосты, а ты — бесхвостая“. (11) Та лиса говорит: „Вы привязывайте чапар к своим хвостам, а я привяжу к ноге“. Пошли они к чапару. Та лисица привязала их хвосты, сказала: „Этот чапар легкий, положим на каждого по одному камню“. Пошла, принесла большой камень, положила его на чапар и сказала: „Пойду-ка я, посмотрю с холма, как бы не поднялись охотники“. Пошла, поглядела, сказала: „Вот, (они) поднялись!“. Сама убежала, поднялась (в гору), ушла. Они тоже дернули, хвосты их оборвались. (12) Та лиса позже, когда они встретились, сказала: „Вы надо мною смеялись, били (меня) — и у вас тоже хвосты оборвались“. Они ее преследуют, гонят ее, теряют (из виду).

(13) Та лиса отправляется на дорогу. Смотрит — идут два продавца сушеного урюка. Лиса говорит себе: „Если бы мне забрать их урюк!“. Заходит вперед, ложится на дороге, притворяется мертвой. Продавцы урюка подходят, смотрят — на дороге подохла лиса. Один бежит, говорит: „Я ее возьму!“, другой тоже бежит: „Я ее возьму!“. (14) Передний идет, берет ее, закидывает на спину и идет. Несет ее к вершине горы. Лисица тычет ему в спину пальцем, он оборачивается, говорит своему спутнику: „Ты зачем тычешь мне пальцем в спину? Я несу лисицу, а ты как делаешь?“. Спутник его говорит: „Это не я“. (15) Снова отправляется, идет. Лисица снова тычет ему пальцем в спину. Он говорит своему спутнику: „Ты зачем тычешь мне пальцем в спину?“. Опять отправляются. Снова лисица тычет ему пальцем в спину, он снова оборачивается и ссорится со своим спутником. Бросает лисицу около ослов, идет и, дерясь с ним, спускается, идет вниз по склону.

(16) Лисица встает, уносит груз ослов в одно место, забирает их урюк, берет и сыпает его в нору сурка. Берет немножко, поднимается вверх (по горе), уходит. Продавцы урюка кончили драться, вернулись, пришли, — нет ни лисицы, ни урюка. Говорят: „Кто-то унес“.

(17) Лисица отправляется, ложится на ровном месте, встречается ей волк, говорит: „Съем (тебя)!“. Лисица говорит: „Что тебе от того, что ты меня съешь? У меня под шерстью мяса нет, не ешь меня. У меня есть условие — давай пойдём в одно место, (там) есть курдюки двух баранов, мы поедим“. (18) Волк говорит: „А хозяина у них нет?“. Лисица говорит: „Нет, хозяина у них нет“. Идут, спускаются в селение. Лисица приводит волка, вводит его в одну михмонхону. Они входят, принимаются за курдюк. Волк говорит: „А хозяина у него нет?“. Та говорит: „Нет“. (19) Волк ест много курдюка, лиса мало. Волк

* Чапар — борона-волокуша.

говорит лисе: „Почему ты не ешь?“. Лиса говорит: „Я сыта“. Волк ест очень много. Лиса говорит: „Давай, пойдем“. Волк говорит: „Нет, посидим здесь, поедим“. Лисица говорит: „Как бы не пришел хозяин курдюка“. (20) Волк говорит: „Ты же сказала, что хозяина у него нет“. Лисица говорит: „Я выйду, взгляну, как бы не пришел хозяин“. Выходит, смотрит, говорит: „Хозяин идет“. Лиса убегает, поднимается (в гору), уходит.

(21) Входят люди, хватают волка, приносят мотыги, топоры, топорики, лопаты, бьют волка. Волк кричит, падает замертво, валится на землю. Он притворился мертвым. Его вытаскивают, бросают на поле. (22) В полночь он приходит снова в себя, поднимается, ищет лису, находит ее, говорит: „Я тебя съем“. Лиса говорит: „Что тебе от того, что ты меня съешь? У меня есть условие — мы пойдем в один сад, в саду есть виноград, пойдем в сад, будем есть виноград“.

(23) Они встают, идут, спускаются в сад. Спускаются, начинают есть виноград. Лисица говорит: „Ты ешь как можно больше, я сыта, я не могу есть“. Волк ест, наедается, не может двигаться. (24) Лисица говорит: „Поднимемся, пойдем, как бы не пришел хозяин (сада)“. Хозяин приходит, лисица убегает, волк не может убежать. Приходят люди, хватают его. Бьют его, приносят лопаты, мотыги, бьют его. Волк лишается чувств. Тогда люди говорят: „А, он умер“. Вытаскивают его труп и бросают. (25) И в полночь опять оживает волк. Поднимается (в гору), ищет лису, опять находит ее. — „На этот раз уж я тебя не оставлю, пока не съем“. Лисица говорит: „Что тебе будет от того, что ты съешь меня? У меня есть условие. В одном месте есть жареные лепешки, пойдем, поедим“.

(26) Поднимаются, идут в селение, входят в дом, хозяина (дома) не было. Входят, начинают есть лепешки. Лисица мало ест. Волк говорит: „Почему ты не ешь?“. Лисица говорит: „Я сыта, я ем каждый день. Я выйду, посмотрю, как бы не пришел хозяин (дома)“. Выходит, смотрит, говорит: „Хозяина не видать, пойдем“. (27) Волк говорит: „Посидим здесь“. Лисица говорит: „Выйдешь ты или не выйдешь — я пошла“. Она ушла одна. Пришел хозяин дома, увидел волка, позвал людей: „В мой дом забрался волк!“.

(28) Люди собрались, пришли, посмотрели — волк в доме. Они вошли, схватили, били его. Он закричал, лишился чувств, упал. Они сказали: „Теперь он умер, вытащим, выбросим (его)“. Они вытащили (его), бросили. К полуночи он снова ожил. Встал, поднялся (в гору). (29) Поднялся, нашел лисицу, сказал: „Я (тебя) съем — ты меня измучила“. Лисица говорит: „У меня есть одно условие: я положила в одном месте курдюк — для тебя. Иди, ешь курдюк, потом съешь меня“. Идут они вместе. На одном поле хворост, а на хворосте курдюк. (30) Тогда лисица говорит: „Пройди, съешь его“. Волк проходит, говорит (себе): „Съем-ка я“, летит и падает на дно колодца; под хворостом был колодец, (его) сделала лисица, поверх она набросала хворост. Волк падает

на дно колодца, умирает. Лисица достигла цели и желания, обманом убила волка. Он остался там, я здесь.

№ 40

Записано в сел. Сархади Куль

I met čę Bídóně Kul mardúm šikóřě ašáų. Ašáwor, xšap ajax. Awesor, mákšě káma avánt, amónor, atęř šikóřisa. Xéli ros ašáwor, ráxšin avú. Aųóror — mákša.

* * *

Iš núně aqidá akún, rafída anós kěpášiš akún. Awón: „Nun x^harím“. Šikorčí ašáwor anidor, hámmaš nun axášor. Ax axáš, aųór — rafída. Áwě rafída ^harra akúnór wáfrě sárě nüt čę ęar.

№ 40

Однажды люди из Бидони Куль пошли на охоту. Пошли, стало темно. Спустились, привязали за шею теленка, пошли на охоту. Много пути прошли. Рассвело. Смотрят — теленок.

* * *

Один, думая, что это хлеб, взял рафиду, засунул за пазуху. Сказал: „Поедим хлеба“. Охотники пошли, сели, все вынули хлеб. Он вынул, видит — рафида. Ту рафиду сбросили на снег с горы.

№ 41

Записано от Олима, 42 лет, жителя сел. Бидоне Куль, слышавшего эту сказку от своей матери

(1) I kal, i aųór* dútič jurá vošt. Kal jáxčě, aųóřě kat šáučě, me^hmón vut. Paláuš kúnčě. (2) Pagoi jáxčě, kátisa vvóučě. Kę aųór jáxčě, kállě kat šáučě, me^hmón vut. Kal tím paláuš kúnčě. (3) Kę i xěb vórzaš vúta. Aųór xěpěš wóvčě: „Něhiš nadůzdóm — bekór!“.

(4) Aųór jáxčě, kátisaš múnčě, tirt. Šáučě, xárě vor künt, xútánnay urt. Tík kal paláuš kúnčě, naháu xěb vórzay nüt xútánnay úřčě, aųóřě-pě

* По словам жителей Куля, среди них для обозначения лисицы слово *gubá^h*, *gubáx* употребляется редко, главным образом детьми. Взрослые избегают произносить это слово в доме, так как от этого якобы 'отлетает преуспеяние дома' (*káti baraká rářčě*). Это слово заменяют иносказательным „*aųór*“. Жители сел. Маргтумайн отвергали существование среди них такого отношения к слову *gubáx*. Поэтому приходится предположить, что оно свойственно не всему Ягнобу. Характерно, что слово *aųór*, означающее повсеместно в Ягнобе лису, не имеет презрительного оттенка, а значит 'умный', 'сообразительный', 'опытный'. Иногда можно слышать такой отзыв о каком-нибудь человеке: *donó aųór-išt* 'ты — сообразительный, умница'.

x^hórcě. (5) Ayyór xěpěš wóvcě: „Nahít vŷyóra šáwomŷšt, dŷzdómš: bŷŷiyór xŷšrúx“. Kal vórzay anós, kátě ašáu. (6) Íncŷsaš awów: „Vórza nos, op ved, pŷnš kŷn, vítay-pě vant, šámpě vant, owězónš kŷn—ayyór návvowot, nadŷzdótš“. Inč vórza owězón akŷn. (7) Vír-at inč aněpédor, aúfs. Kě xšap ayyór avvóu, aŷ^hrív kě sárě tórkěš vórza pŷnnŷ op owězónš íktáx. Xěp kapášěš xokěštár xáščě, kě šáučě, tist, kě nax vórza nósčě, kě kapášěš vítčě. (8) Vórza nósčě, ništ, tirt, xŷtánnay šáučě, úrcěš, čallaxónay mont, — kě sant, aněpét, aúfs.

(9) Kálě inčěš aŷŷrós, kě aŷáx, aŷór: vórza nax. Vírŷsaš aŷěyxón, awów: „Vórza nax — ayyóre dŷštax“. (10) Kal jáxčě, xŷtánnay šáučě, ŷórcě: ayyór ŷftax. Rú-yě dílēš das mónčě: rú-yě dílēš sort. Kě šáučě, op vant. (11) Kě čallaxónay wěsčě, ŷórcě — vórza nahúát. Vórza nósčě, kátŷsaš múnčě, tirt.

(12) Pagoí ráxšŷn víčě. Kě kal paláu akŷn. Vórzay xáščě, ayyór rŷtŷsa urt, katí x^hárošt. (13) Ayyór vórza aŷór, xayrón apěráxs. Kálŷsa awów: „Vórzat ix yo dŷš?“. Kal awów: „Ix“. (14) Kě awów: „Man dŷštax oy — čŷtŷš avírŷ, avár?“. Kě awów: „Avvówem — tu nŷpŷst oy, rú-yě dílēt dast amónem: sort xoy. Kě ašáwem, op avánt, avvóu, awés čallaxóně: vórza naxwás. Vórzam anóšem, asán, atěr“. (15) Ayyór awów: „Xalólat vot! Dŷtŷš mox jurá ta mērakŷsa“.

№ 41

(1) Плешивый и лис были приятелями. Встает плешивый, идет в дом лиса, делается гостем. Он ему делает плов. (2) Наутро встает, приходит домой. Потом поднимается лис, идет в дом плешивого, становится гостем. Плешивый также делает плов. (3) А у него была одна хорошая деревянная чашка. Лис говорит себе: „Жаль, если я не украду ее“.

(4) Лис встает, отправляется домой, идет. Идет, навьючивает осла, отводит на мельницу. Плешивый снова делает ему плов, относит на мельницу в той хорошей чашке, с лисом съедает. (5) Лис говорит: „В этот вечер я пойду, украду ее — очень уж красивая!“. Взял плешивый чашку, пошел домой. (6) Сказал своей жене: „Возьми чашку, налей воды, наполни, привяжи веревкой, привяжи к потолку, подвесь ее — как бы не пришел лис, не украд бы ее“. Жена подвесила чашку. * (7) Муж и жена легли, заснули. Ночью лис пришел, понял, что у него над головой подвешена чашка, полная воды. Набирает себе за пазуху золы, потом входит, берет ту чашку, выливает (воду) себе за пазуху. (8) Берет чашку, выходит, отправляется на мельницу, приносит, ставит

* Имеется в виду подвешивание чашки, поставленной на небольшой веревочный круг, от которого идут вверх три веревочки. Такой способ хранения продуктов изредка встречается в Ягнобе. В некоторых районах Таджикистана (верховья Пянджа) вместо круга из веревочки употребляется деревянный треугольник, от углов которого идут палочки, соединяющиеся сверху и привязываемые к потолку.

в помещение для мельничного колеса, потом поднимается, ложится, засыпает.

(9) Жена плешивого проснулась, встала, посмотрела — чашки нет. Подняла своего мужа, сказала: „Чашки нет — украл лис“. (10) Плешивый встает, идет на мельницу, смотрит — лис спит. Кладет руку ему на сердце — сердце холодное. Потом идет, запирает воду. (11) Спускается в помещение для колеса, смотрит — чашка там. Берет чашку, идет, оставляет у себя дома.

(12) Наутро светает. Плешивый сделал плов. Накладывает (его) в чашку, приносит к лису, съедают вместе. (13) Лис увидел чашку, удивился. Сказал плешивому: „У тебя две чашки или одна?“. Плешивый сказал: „Одна“. (14) (Лис) сказал: „Я украл ее, как же ты ее нашел, принес?“. Плешивый сказал: „Я пришел — ты спал, положил я руку на твое сердце — холодное. Тогда я пошел, запер воду, пришел, спустился в помещение для колеса — чашка там. Чашку свою я взял, поднялся наверх, ушел“. (15) Лис сказал: „Да будет она честно заработана тобою! Мы оба друзья до смерти“.

№ 42

Записано от Мусофира, 50 лет, жителя сел. Бидоне Куль, слышавшего эту сказку от Аваза, жителя сел. Шовета

(1) I poššo vutá. Saráy žútaš vutá. Tawalůdk avór ěe očáěšint, mülló awón: „Nahětítě maktábě mon — na xur wěnot, na mahtóp. Navót — zalár wěnošt“. (2) Maktáběš amón i müllóě rítě. Saráy žútě mülló avú.

(3) I meř ařóror — kúsě i dúkě xur atís. Ax pűllot xur awěnor, xayrón apěráxsor. (4) Ax awón: „Man nosóm“, iš awón: „Man nosóm!“. Mülló avvóu. Awón aně: „Āo talotűpšint ástě?“. (5) Pűllot awóvor: „Iš ěox, našanót akűním?“. Mülló awón: „Xur xoy“.

(6) I vỹóra ašáwor dodóě rítišint. Awóvor: „Ĵawób mox t'far! Šáwim, dűniyóě tamoššo kűním!“. Poššo ĵawób at'fár. Awón: „Nahít šá^hrě něžt, tamoššo kűnt: i lápě dohirá ast, i lápě vėzaxáš ast, har ránkě tamoššo ast. Něžt, wáxtšint xűš kűnt!“. (7) Ašáwor, tamoššo akűn. Avvówor dodóě-t očáě rítiš. (8) Awóvor: „Ĵawób mox t'far — i aně šá^hrě šáwim, wáxt mox xűš kűním“. Poššo ĵawób at'fár — atėror saráytiĵč. Ašáwor i rósě.

(9) Ařóror — saráy rósě avvóu. Xayrón avór: „Kum rósě tirím?“. (10) Kátta akóš sárě rósě vek atėr, bidónĉa akóš bídóně rósě vek atėr, maydaákš tákě rósě vek atėr. Kátta akót bídónĉa vřrót i šá^hrřsa arásor. (11) Āof wáxtě aláksor, pűl sof akűnór, miřtój-ě pűl avór — pűl nívivor. Ašáwor, qarorí aníd: iřš kaboppázě rítí, iřš mahípázě rítí.

(12) Maydaák toqá atėr. Ašáu, awón: „Šá^hr vírom“. Ašáu, šá^hr nívir. (13) I dástě ašáu, ařór — xaspűšák kappá. I ínĉakš oy. (14) Awón: „Nűnim t'far!“. Awón: „Nűnim nėsst“. Awón: „Āűwáně oč ast — i vórza xaš, x^har!“.

Axáš, ax^hár, se^r avú. (15) Awón aně: „Tíromišť, panót ba xúdó!“. Awón: „I túxm ast: xóre xotírěm sauyót var“.

(16) Ašáu, atěr i dáště. Aγór, hīč ša^hr na — i kappá. Ašáu, káppě aγór — i za'ífa. (17) Awón: „Núnim t^efar“. Awón: „Nun nəsst“. Awón: „Šürbó ast čuwáně“. Ax^hár, dáraš se^r akún. (18) Za'ífisa awón: „Tíromišť“. Awón: „I túxmě t^efárom, xóre xotírěm var“.

(19) Ašáu, aγór: tīk i xaspűš kappá. Ašáu, awón: „Núnim t^efar“. Ínčak awón: „Čuwáně šürbó ast — xaš, x^har“. (20) Axáš, ax^hár, dára se^r akún. Ínčakīsa awón: „Ša^hr ast?“. Awón: „Ša^hr nəsst“. (21) Awón: „Maslaḡát: ruboló yo nešíp tiróm?“. Awón: „Ruboló tir“. Awón: „Idókě i maslaḡát, — awón, — mox dáště bídóně be soḡīb — soḡīb mox vul“. (22) Awón: „Man čúttě soḡíbt vom?“. Awón: „Saráy aždahóřě ast — nahauťit t^uxoy. Čě saráě mox xóre i mox nos“.

(23) Žúta ruboló ašáu. Saráy aždahóřě avvóu. Žúta aždahóřtě-pě bídón anós, adě^hšint, at^uxóy. (24) Čě puštárrotišint ikě tásmá anós. Aúr, naháu za'ífisa nišón adór, saráyťitěš ja'm akún, ase^vn, γów-at móltě i dáště ja'm akún, aníd. (25) Za'ífortisa awón: „Š^umox nahědókě nid, man akótě rítī šáwomīst“. Ašáu šá^hrě. Aγóror — i sarkardá atīs. Ajaxór, taazím at^efár.

(26) Ašáu, saróě atīs. Apűrs: „Hīč mardīkór ástě nahědókě?“. Awóvor: „Ástě du odámě“. Awón: „I pűlla katīim kűnt: šáwom, víromšint“. (27) Pűlla mahipázě rítěš avár. Mahipázīsa awóvor: „Mahí pűxsón, mardīkóřě dástěť kűse^vl“. Mardīkór asán, mahí ase^vn. (28) Awón aně: „Nid, katí x^hárim!“. Kě gap-gap avú. Awón: „Čě ku vešť?“. Awón: „Falón poššóě žúta vómīst“. (29) Awón: „Čof yóřě brodářě os?“. Awón: „Saráy om: i mox kaboppázě rítī, man mahipázě rítī, i mox bedarák“. (30) Awón: „Naháu vīrótět wən — bėzónīšť?“. Awón: „Nišónīš ast“. Awón: „Čě čóiš bėzónīšť?“. Awón aně: „Sářě tóřěš i xol ast — nahípítě káttax ast“.

(31) Kě sářěš lűč akún. Akó awón vīrótīsa: „Vīrótīm vútaešť!“. Akóš róě avú. (32) Awón: „Ĵax, áwě tīm vir“. Áwě tīm ašáu, avír. ḡammómě-šint avár, pokīza akún, sár-at tánšint náva akún. Ínčaktě rítīsa avvówor. (33) Awón akótīsaš: „Š^umox dúťič nost, man íš nómom“. Műlló awúror, nīkó^x akún.

(34) Awón aně: „Mox ůfsimīšť, saḡár tírimīšť dodóě rítīsa mox“. Aně-pėdor. Du akótīš maslaḡátě atėror. (35) Awóvor: „Čúttě šáwim dodóě rítī mox? Íi mox mahipáz vutáx, i mox kaboppáz. To náš-tűxoim, ilój nəsst. Fīrónťa šáyimīšť — i mox wóčě: «Mahipázě rítī vutáx», i mox — «kaboppázě rítī». Dútě mox šarmandá vímīšť. T^uxóyimīšťěš!“. (36) Šamsír avántor may-daák žúta kátě dėvářě. Alalwó akúnór: „Dűzd avvóu“, fayród akúnór. (37) Ax ajáx xobolúd, aněž, adawón — pódaš pákka akún, níma pódaš pákka avú.

(38) Ajaxór, rawón avú. Ašáwor i xáuze lápě, vor awúror. Nún-ě op akúnór, ax^háror, darrótšint se^r akúnór. Awóvor: „Ásptě, šútúrtě op t^efar!“. (39) Xáužě op bīsiyór past nīsťax oy. Naháu čúlóqě bídóněš víta avántor, xáužě darúně olingónš akúnór, čak adór. Čúlóq čě xáužě satīl-ě op axáš.

(40) „Ásptě, šütúrtě seʳ avór?“. Awóvor: „Hõm — seʳ avór, i satlě xaš“ - Víta pákka akünór čě bídón — xáuzě také atěr.

(41) Iš dü dodóe rítisašint atərór. Áspě šütúřě bīsiyóre aváror, wáxtě-šint xüş. (42) I kúča ašáwor. I odám woxúrdšint avú. Awóvor: „Sěwan-čie nos čě dodóe mox: žútots asánor“. (43) Sěwančigír ašáũ poššóe rítí. Dárrau sěwančí atʳfár. (44) Poššó poyandóz apártou: „Man žútot asánor“. Avár, tuy, tamoššó atʳfár.

(45) Poššóe iš maydaák žúta ták-ě zamíně vek atěr. Ašáũ i bobó-ě dēhqóně rítí. Awón: „Núnjm tʳfar!“ . Awón: „Nun nešt“. Awón: „Nun měyně“. (46) Žúta awón: „Man ɣoũt xay künómīšt — šauť, nun urť!“ . Muysafét awón: „Γóutě balánd «boš-be^h!» náwov: du xĩrse ast, ɣúšěšintk arás — vvówošt, xʳarort“. (47) Muysafét ajax, atěr. Iš awón: „Hob-boš-bě^h“, balánd awón. Du xĩrsě awés. (48) Žúta čakšint adór, iš i počákě yúɣě také avánt, iš i počákě yúɣě také avánt, xay karě avú. I aděr sárě asán, bīsiyór šudgór akũn, asán, atěr. (49) Muysafét avvóũ, nun awúr. Aɣór, awěn — dūniyóe aděr xáyěš iktá. Žúta awón: „Ey, bobó, xĩrstě avántəm, toũbá atʳfárem, awóvəm: «Čófík dūniyó xast — naháũ muysafédě dastkóũ navú! Ónik dūniyó bínó xast — dakká natʳfár»“.

(50) Žúta amón, atěr. Ašáũ i čanóre také, aněpéd. Aɣürós naháx žúta, aɣór — i aždahór čanóre vek apěč. Dárrau aždahóre atʳxóy. (51) Seʳmũř avvóũ. Awón: „Ey, jũwomárd, xáqɣim bīsiyór neki akũní. Yak sol oy, čũjótěm aždahór axʳarěšt. Jũwomárd, talápt čox?“ . (52) Awón: „Ták-ě dūniyóe ũxtaim, ũmédě váromīšt rú-yě dūniyóisa seʳn“.

(53) Seʳmũř bólě sárěš vóra akũn. Saráy ɣũm čarx adě^h — žúta saráy ɣũm tũxm apártou. Rú-yě dūniyó qaríp sánakěš — aũqót kamí akũn. (54) Čě pódaš yóta pákka akũn. Rú-yě dūniyóš asěʳn, arasón. Awón: „Mán-pě čox oy oxıraš atʳfáre?“ . Awón: „Yótax oy — čě pódam pákka akũnim, atʳfár“ . (55) Awón: „Acũkěʳrem čě jónim — ták-ě dūniyóisam náxaš“ . Seʳmũř yóta ũq akũn, yóta pódayš abũdũfsón — saxxát avú.

(56) I šou par atʳfár, i safét par atʳfár. Awón aně: „I šou par — agár i dūšmán qásdět avú, olówěš pártou — dárrau rásomīšt“ . Žúta amón atěr. Ašáũ i kúča bóyě. (57) I odámě yáxši avú. Awón aně: „Jũwomárd, čo gap ast?“ . Awón: „Poššóe sol tʳráfta žútěš“ .

(58) Safét par axáš, ríšays adě^h, safét akũn, xěpěš kalandár akũn. Atís naháũ dodóe měʳněš. (59) Aɣór: „Dodóe měʳněm xũdoi“ . Mardũm xũdoi axʳár. Mardũm ajax, atěr. Aɣóror — dīwólě kũně i kalandár. (60) Awóvor: „Vvówot, xũdoi xʳarót!“ . I vórzě oč rítīš amónor. Kalandár axʳár, seʳr avú, doó-yũ fotʳxá akũn.

(61) Kalandár awón: „Názřim tʳfar — kalandár-im!“ . Poššó názřěš atʳfár. Awón: „Panó-ě xudó!“ . (62) Wazír čaqqá avú: „Viyóra nid“ . Kalandár aníd. Viyóra avú. Wazír awón: „Kalandár, poššóe rítí i naql kũn“ . (63) Kalandár i naql akũn. Awón: „Vutá navutá, i poššóe saráy žúta vutá. Dúěš i rósě tířčě, iš i dáště šáũčě, číz-ě bīsiyóre sěʳněčě. Ax du poššóe žútě tʳxóyna vošt“ . (64) Poššó wóčě kalandárīsa: „Ir-ránkě naql nákũn“ . Wazír wóčě: „Yagón kosá, nim kosagí ast!“ . (65) Kalandár wóčě: „I vīró-

těš at^uxóyor. Naháx čiz mánik iyór“. Wazir awóv: „Poššóě žútaš nobúd vutáx“.

(66) Žúta wazírisa awóv: „Poššóě žútas bėžóništ?“ . Awóv aně: „Xolš ástě sárěš“. Poššóě žútaš sárěš lůč akůn, apůrs: „Nahě ránkě nišónaš ast yo na?“ . (67) Poššó dáraṣ aṣór, awóv: „Xěp žútam išt!“ . Qůčóq akůn, ziyorát akůn. Žúta šou párě axás, adě^b, rišěš šou akůn.

(68) Naxčę žútay i asp pěráxt oy. Hič čůks nėmonišť rítěš šáwak. Čę kus xůrókš awəḍór, yáwěš řim čę kus awəḍór, óběš řim čę kus awəḍór.

(69) Mardům awóvor: „I řym áspě ríti šaṣ, wėnim, — múnčě yo namúnčě?“ . Žúta mardům rítě ašáṣ áspě rítě. Ašáṣ, áspě dast akůn, yáwěš at^efár, op at^efár. (70) Mardům taṣsín apěráxsor, awóvor: „Yo, parwardigór-o! Id odámě amón, rask asp naháwě vutáx!“ .

(71) Poššó afarmóy: „Ax du žúta vant!“ . Ásptě dúymě avánt, adėhóršint, maydá-maydáě akůnór. Žúta xěp incěš anós, ba mūród-ů maqsád arásor.

№ 42

(1) Был один царь. У него было три сына. Когда они родились, мулла сказал: „Поместите их в школу так, чтобы они не видели ни солнца, ни луны, иначе попадут в беду“. (2) Поместили их в школу к одному мулле. Все трое мальчиков стали грамотными.

(3) Однажды они видят — через отверстие в крыше вошло солнце. Мальчики увидели солнце, удивились. (4) Один сказал: „Я возьму“, другой сказал: „Я возьму“. Пришел мулла. Сказал: „Что у вас за шум?“ . (5) Мальчики сказали: „Что это мы не смогли поймать?“ . Мулла сказал: „То было солнце“.

(6) Пошли вечером к своему отцу. Сказали: „Отпусти нас! Пойдем, посмотрим на мир!“ . Царь отпустил. Сказал: „Выйдите в этот город, полюбуйтесь: в одной стороне бубен, в другой стороне игра с козлом, всякие развлечения есть. Выйдите, повеселитесь!“ . (7) Пошли, поглядели. Пришли к отцу и матери. (8) Сказали: „Отпустите нас, — пойдем в другой город, повеселимся“. Царь (их) отпустил — пошли они втроем. Пошли по дороге.

(9) Видят — подошли они к трем дорогам. Изумились: „По какой дороге пойдем?“ . (10) Старший брат пошел верхней дорогой, средний брат пошел средней дорогой, младший из них пошел нижней дорогой. Старший и средний братья достигли одного города. (11) Некоторое время они прогуляли, растратили деньги, стали нуждаться в деньгах — денег не нашли. Пошли, нанялись работниками: один из них у продавца кебаба, другой у продавца жареной рыбы.

(12) Младший пошел один. Пошел, сказал: „Найду-ка я город“. Города не нашел. (13) Пошел в степь посмотрел — (стоит) шалаш, крытый хворостом, в нем женщина. (14) Сказал: „Дай мне хлеба“. Ответила: „У меня нет хлеба. В котле есть плов — вынь чашку (плова), съешь“. Вынул, поел, насытился. (15) Сказал: „Пойду я, да хранит тебя бог!“ . Сказала: „Есть (у меня) одно яйцо — отнеси его в гостинец моей сестре“.

(16) Отправился, пошел в степь. Посмотрел: никакого города нет — один шалаш. Пошел, заглянул в шалаш — какая-то женщина. (17) Сказал: „Дай мне хлеба“. Она сказала: „У меня нет хлеба. В котле есть похлебка“. Поел, насытился. (18) Сказал женщине: „Я пойду“. Сказала: „Я дам одно яйцо — отнеси его моей сестре“.

(19) Пошел, увидел — снова шалаш, крытый хворостом. Пришел, сказал: „Дай мне хлеба“. Женщина сказала: „В котле есть похлебка — достань, поешь“. (20) Достал, поел, насытился. Спросил у женщины: „Город (поблизости) есть?“. Она сказала: „Города нет“. (21) Сказал: „Как быть: идти мне вверх или вниз?“. Сказала: „Иди вверх“. Сказала (еще): „Есть тут одно дело, — сказала она, — мы в степи (живем) без хозяина — будь нашим хозяином!“. (22) Сказал: „Как мне быть вашим хозяином?“. Сказала: „Есть три дракона — убей их. Из нас, трех сестер, одну возьми“.

(23) Юноша пошел вверх. Пришли три дракона. Юноша с драконами стал бороться, поразил их, убил. (24) Из их спин вырезал по ремню. Принес, показал той женщине, собрал всех троих, повел вверх, коров и овец собрал в степи, сел. (25) Сказал женщинам: „Вы сидите здесь, а я схожу к моим старшим братьям“. Пошел в город. Посмотрели (там на него) — вошел какой-то начальник. Встали, оказали почтение.

(26) Пошел, вошел в караван-сарай. Спросил: „Есть ли здесь какой-нибудь поденщик?“. Сказали: „Есть два человека“. Сказал: „Пошлите мальчика со мною — пойду, найду их“. (27) Мальчик отвел его к продавцу рыбы. Сказал продавцу рыбы: „Изжарь рыбу, пошли с тем поденщиком“. Поднялся поденщик, принес наверх рыбу. (28) Сказал тогда юноша: „Садись, поедим вместе!“. Потом произошел разговор. Сказал: „Откуда ты?“. Тот ответил: „Я сын такого-то царя“. (29) Сказал (младший брат): „Сколько вас братьев?“. Сказал: „Нас трое: один из нас у продавца кебаба, я — у продавца рыбы, а один из нас — пропал“. (30) Сказал: „Если ты увидишь того твоего брата — узнаешь?“. Ответил: „У него есть примета“. Сказал: „Как же ты его узнаешь?“. Сказал: „У него на макушке головы есть родинка — вот такая большая“.

(31) Тогда (юноша) обнажил свою голову. Старший брат сказал младшему: „Ты мне, оказывается, брат!“. Старший брат начал плакать. (32) Сказал (старший брат): „Встань, того (среднего брата) тоже найди“. Пошел к нему, нашел. Отвел их в баню, вымыл, надел на них новую одежду. Пришли к женщинам. (33) Сказал братьям: „Возьмите двух, я возьму третью (букв. 'одну из них')“. Привели муллу, совершил (мулла) брачный обряд.

(34) (Юноша) сказал: „Мы заснем, наутро пойдем к отцу“. Легли спать. Два старших брата ушли совещаться. (35) Сказали: „Как мы пойдем к нашему отцу? Один из нас жарил рыбу, другой жарил кебаб. Пока мы его не убьем, выхода нет. Завтра мы пойдем, про одного из нас скажет: «Был у продавца жареной рыбы», про другого из нас (скажет): «Был у продавца кебаба». Оба мы будем пристыжены. Убьем его!“.

(36) Привязали меч к двери дома младшего сына. Зашумели: „Пришли воры!“ — закричали. (37) Тот вскочил заспанный, вышел, побежал — порезал себе ногу, половина ноги его была отрезана.

(38) Поднялись, отправились. Дошли до берега пруда, сняли вьюки. Приготовили пищу, поели, насытились. Сказали: „Дай воды лошадям и верблюдам!“. (39) Вода в пруде стояла очень низко. Обвязали хромого за талию веревкой, спустили его в пруд, держали (за веревку). Хромой из пруда вытащил ведро воды. (40) — „Напились ли лошади, верблюды?“. Сказали: „Да напились, вытащи (еще) одно ведро“. Обрезали веревку посередине — упал он в пруд.

(41) Эти двое отправились к своему отцу. Привели много верблюдов, лошадей, (пришли) довольные. (42) Пошли по улице. Встретился им один человек. Сказали: „(Иди), получи от нашего отца подарок за радостную весть: его сыновья пришли“. (43) Отправился вестник радости к царю. Тот тотчас же дал ему награду за весть. (44) Царь постлал (ткани) под ноги (приближающимся): „Пришли мои сыновья“. Отвел их, устроил пир, развлечения.

(45) Младший сын царя отправился под землю. Пошел к одному деду-земледельцу. Сказал: „Дай мне хлеба“. Тот ответил: „Хлеба нет“. Сказал (еще): „Хлеб в селении“. (46) Юноша сказал: „Я буду пахать на твоих волах — ты пойди, принеси хлеба“. Старик сказал: „Не кричи громко волам «бош-бе»: — есть тут два медведя, если услышат, придут, тебя съедят“. (47) Встал старик, пошел. Юноша крикнул: „Хоб-бош бе!“, громко крикнул. Спустились два медведя. (48) Юноша их схватил, одного из них привязал к одному гнезду под ярмо, другого привязал к другому гнезду под ярмо, начал пахать. Поднялся на холмы — много распахал. (49) Пришел старик, принес хлеба. Посмотрел, увидел: очень много вспахано (земли) на холмах. Юноша сказал: „О дедушка, я привязал медведей, дал им зарок, сказал: «Пока существует мир, пусть не будет ущерба этому старику, пока существует мир, не причиняйте ему вреда»“.

(50) Юноша ушел. Пошел под чинар, заснул. Проснулся юноша, посмотрел — дракон обвился вокруг чинара. Тотчас убил дракона. (51) Прилетел Симург. Сказал: „О молодец, ты мне много добра сделал. Вот уже год, как дракон пожирает моих птенцов. Чего ты хочешь, молодец?“. (52) Сказал (юноша): „Я спустился в подземный мир, я надеюсь, что ты поднимешь (меня) на поверхность земли“.

(53) Симург посадил его к себе на крыло. Три раза сделал круг — юноша три раза бросил ему по яйцу. Почти поднялся до поверхности земли — не хватило пищи. (54) Отрезал юноша мясо от ноги. Поднял (его Симург) на поверхность земли, доставил. Сказал: „Что это было, что ты мне дал под конец?“. Сказал: „(То) было мясо: — отрезал я от ноги, отдал“. (55) Сказал (еще): „Испугался я за свою жизнь, как бы ты не утащил меня обратно в подземный мир“. Симург выплюнул мясо, прилепил мясо к ноге — стала здоровой.

(56) Дал (Симург) ему одно черное перо, одно белое перо. Сказал: „Черное перо, если какой-нибудь враг покусится на тебя, брось в огонь, — тотчас же я приду“. Юноша ушел. Пошел по улице в садах, (окружающих город). (57) Показался какой-то человек. Сказал (юноша): „Какие новости, молодец?“. Сказал: „Царь справляет поминки по своему сыну“.

(58) Юноша вытащил белое перо, ударил себя по бороде, сделал (ее) белой, превратил себя в каландара. Вошел в селение своего отца.

(59) Посмотрел: „В селении моего отца поминки“. Народ поел на поминках. Поднялся народ, ушел. Смотрят — под стеной какой-то каландар.

(60) Сказали: „Пусть он подойдет, поест на поминках“. Поставили перед ним чашку с пловом. Каландар поел, насытился, прочитал молитву.

(61) Каландар сказал: „Дайте мне подношение — я каландар“. Царь дал ему подношение. Сказал каландар: „(Да будет) божья защита (над вами)!“.

(62) Везир пристал (к нему): „Посиди вечером“. Каландар остался. Наступил вечер. Везир сказал: „Каландар, расскажи перед царем что-нибудь“.

(63) Каландар рассказал. Сказал: „Было — не было, у одного царя было три сына. Двое из них едут по одной дороге, один из них идет в степь, достает (букв. 'поднимает') много вещей. Те двое хотят убить царского сына“.

(64) Царь говорит каландару: „Не рассказывай так“. Везир говорит: „Одна чашка или полчашки (правды тут) есть!“.

(65) Каландар говорит: „Они убили своего младшего брата. То случилось со мною.“ Везир сказал: „Царский сын погиб“.

(66) Юноша сказал везиру: „Ты узнаешь сына царя?“. Сказал: „У него на голове есть родинка“. Царский сын обнажил голову, спросил: „Такая ли у него есть примета или нет?“. (67) Царь тотчас же посмотрел, сказал: „Ты мой собственный сын!“. Заключил в объятия, поцеловал. Юноша вынул черное перо, ударил — сделал свою бороду черной.

(68) У этого юноши оставалась одна лошадь. Никого не допускала она подходить к себе. Через крышу бросали ей корм: и ячмень бросали через крышу, и воду спускали через крышу. (69) Люди сказали: „Сходи-ка к лошади, посмотрим, — подпустит или не подпустит?“. Юноша при народе пошел к лошади. Пошел, погладил рукой, дал ей ячменя, дал ей воды. (70) Изумились люди, сказали: „О боже! Подпустила (ведь) этого человека, действительно, лошадь этого самого!“.

(71) Царь приказал: „Свяжите тех двух сыновей!“ . Привязали к хвостам лошадей, избili их (лошади), превратили в мелкие-мелкие куски. Юноша взял свою жену, достигли цели, желаний.

№ 43

ВАРИАНТ К СКАЗКАМ О ТРЕХ ЦАРЕВИЧАХ

Только после того, как было уже записано от разных лиц несколько не особенно полных вариантов этой сказки, приведенных выше (см. №№ 15, 27, 29, 31, 42), мне встретился житель сел. Симич по имени Рамазани, рассказавший ту же сказку в более

полном виде. К сожалению, я не записал эту сказку целиком. Перевод приводимых ниже отрывков сказки снабжен кратким изложением содержания того, что опущено при записи текста.

I. (1) I poššo vutá, saráy žútaš vutá, i baytálš vutá. Baytálš káděk zánna vutáx, kürrótěš i dəw várna vutáx. (2) Poššoisa žútotš awóvor: „Baytál mox zánčě — kürrótš ku vošt?“. Poššo wóvčě žútotišaš: „I dəw vórcěšint“. (3) Žútotš wóvošt: „Nahítě nátünimíšť nosák?“. Dodóšint wóčě: „Həč ilój nəsst: dəw-ī zurx“. Kátta žúta awóv: „Man zánakěš boniš künómíšť — zóro kürráě nósím nax čěť dəwě dast“.

(4) Ašáu boní karákěš kátta žúta. Zánakě wáxtěš avú, xǔvniš anós. Azán baytál. (5) Dəw anós, atěr kürráě. Žúta asán, dodóišaš awóv: „Anós, atěr kürráě dəw“. (6) Čáwě bídónča žútaš awóv: „Wésom, man boniš künóm“. Áwě tīm zánakě wáxtěš xǔvniš avár. Dəw kürráě anós, atěr. (7) Maydaák žúta awóv: „Man wésomíšť boní karákěš“. Awés, áwě tīm xǔvniš anós. (8) I kordčá vúta dástěš. Anós, kordčáě-pě dástěš atóš — dastš wax¹n avú. Namák anós, dastš awét. (9) I wáxtě aγór — baytál nípí-dakš ast, jáxakš ast. Baytál azán. Iš ašáu, kürráě dúměš anós. (10) Dəw avvóu, čě kámaš anós. Íš wáskě axáš, iš máskě. (11) Kürráě dúmíšť púčča avú, dúmíšť žútaě dástěš apíraxs. Dəw kürráě anós, atěr.

II. (12) Ašáwor i rósě. Saráy rósě avvóu. I sang nípíštagi naxwát. (13) Ažóyorš sánkě: „Sárě rósě tir — bexáyf, bídón rósě tir — xayfnók, tákě rósě tīm tir — bexáyf“. (14) Kátta žúta awóv: „Sárě rósě vek tíromíšť“. Maydaák žúta awóv: „Bídón rósě tíromíšť — xayfnókě tīm vot“.

III. (15) Dəw-ě Safétě íncakš wóčě: „I galabúnš ast — bīsīyór zurx. Naháwě áspě vóra vu, naháwě líbós nǔyúnt. Áspě jíláwěš xay kūn, vóraš avék — ku vek tirót. (16) Nax asp x^hatš šáučě, sǔfáě ušt, kě tawúšt borik kūn naháwěsa. Ax i qayróq partóučě: káfě dast dor! Dast káfčě, áwěsa dangál kūn, sárěš rásšě, mírcě“.

IV. (17) Maslaxát kūnóšt: „T^hxóyímš!“ . Fayród akúnór: „Dǔzd avvóu!“ . Žúta ajáx, awóv: „Dáukě nížom!“ . (18) Inč čakš adór, awóv: „Mábodo i gap vot: be gap nax“. Naš-amón jáxot. (19) Tík akaótiš fayród akúnór: „Dǔzd avvóu, ásptě avár“. Tík ínciš axáš čě sítám, naš-amón. (20) Tík awóvor: „Dǔzd dǔmkaltá kürráě avár!“ . Žúta „xa^x!“ awóv, ajáx — pódaš šamsír pákka akún.

V. (21) Atėror. Naháu žútaš dástěš kamončá apíraxs. I síča adě^h. I kur yáxšī avú, síčaě anós. (22) Kúrīsa awóv: „Man síčaě nános!“ . Kur awóv: „Tǔ čúlóq — man kur, dútīmox vímíšť akó-t vīrót“. (23) Tík čúlóq i zóγě adě^h. I bedást odám avvóu, zóγě anós. Čúlóq awóv: „Man zóγem nános!“ . Bedást awóv: „Du iyóm — saráy avím“. (24) Saráytič áhd-ě brodarí akúnór. Awóvor: „Ir-ránka nídakě mox návučě. I yókě šáyyim — i γayk urím“.

VI. (25) Dəw tēbína ja'm akún, γáykě kátīsa vóra avvóu. Tēbínót ja'm akún dástěš, aúr. Fayród akún, awóv: „γayk, níž, momóě vúzěť vant!“ . (26) γayk aněž, momóě vúzěš avánt méxkě. Awóv: „Bolám, momóě sárěš γor“. Sárěš aγór, avóñ. (27) Dəw ajáx, tēbína anós, sárěš adě^h. Sárěš wax¹n avú. Wax¹n alís, vúzěš vóra avú, amón, atěr. (28) Tík áwě metš tīm

avvóu: Tik tēbínót dástěš anós, awóv: „Niž, momóě vúzět vant!“. Gayk aněž, avánt vúzěš. (29) Awóv: „Momóě sárět γor!“. Aγór, avóñ. Sárěš adě^h tēbína. Sárěš wax^hn avú. (30) Wax^hnš alís, amón, atēr. Har met avvóu, wax^hnš alís, atēr.

VII. (31) Poššóě šá^hrě ašáwor. I odám avvóu. Žúta awóv: „Ku šawíšt?“. Ax odám awóv: „Poššóě žúta pannáštax oy, in-núr xūdoiš oy. Vīyóra incěš níkó^h ast — poššó akóě-pěš at^ofářiš“. (32) Žúta awóv: „Šau, sěvančí nos, wov — nát^ofarot: «Žútat avvóu»“. (33) Naháu odám atēr, poššóě rítī ašáu. Awóv: „Maydá žútat avvóu — sěvančím t^ofar!“. Poššó awóv: „Olówěm naxkěm t^uxáštax oy — olówěm rušán akūní! Agár gap dūrúγ vot?“. (34) Naxáx odám awóv: „Agár dūrúγ vot, sárēm júft-ě gówě-pě sūxóyt!“.

№ 43

I. (1) Был один царь, у него было три сына, была у него одна кобылица. Когда его кобылица жеребилась, див уносил ее жеребят. (2) Сказали царю его сыновья: „Наша кобылица жеребится — куда же деваются ее жеребятя?“. Царь сказал сыновьям: „Их уносит див“. (3) Сыновья говорят: „Не можем ли мы его поймать?“. Говорит отец: „Нет никакой возможности: сильный див“. Старший сын сказал: „Я буду стеречь ее роды, чтобы взять жеребенка из рук дива“.

(4) Отправился старший сын караулить. Пришло время родов — овладел им сон. Кобылица ожеребилась. (5) Див жеребенка взял, ушел. Юноша встал, сказал своему отцу: „Див взял жеребенка“. (6) Затем средний сын сказал: „Я спущусь, буду ее караулить“. Им также во время родов овладел сон. Див взял жеребенка, ушел. (7) Младший сын сказал: „Я спущусь караулить“. Спустился, им также овладел (было) сон. (8) У него в руках был ножик. Взял он (ножик), поскреб ножом руку — рука его стала в крови. Взял соли, посыпал ее на руку. (9) Посмотрел немного спустя — кобылица стала то ложиться, то вставать. Ожеребилась кобылица. Он пошел, взял жеребенка за хвост. (10) Пришел див, взял его за шею. Один из них тянул туда, другой сюда. (11) Оборвался хвост у жеребенка, остался хвост в руках у юноши. Див взял жеребенка, ушел.

(Трое сыновей отпрашиваются у своего отца ехать на поиски дива и пропавшего жеребенка. На пути встречаются им три расходящиеся дороги).

II. (12) Отправились по одной дороге. Встретились (им) три дороги. Там (на распутье) камень с надписью. (13) Прочли на камне: „Поезжай по верхней дороге — безопасно, по средней дороге — опасно, по нижней дороге поедешь — безопасно“. (14) Старший сын сказал: „Я поеду по верхней дороге“. Младший сын сказал: „Я поеду по средней дороге, будь она и опасная“.

(Братья отправляются по разным дорогам. Один попадает к продавцу похлебки, другой к хлебопеку, становятся у них подмастерьями. Младший попадает в пустыню, встречает одно за другим жилища трех дивов, где живут украденные дивами три сестры.

Первый див черный. При его приближении чернеет земля и движется черное облако, огромные камни летят, подобно песку, из-под его ног. Второй див — желтый. Все желтеет при его приближении. Летят камни по полпуда весом. Третий див — белый, мельничные жернова вылетают из-под его ног. Юноша поражает одного за другим всех дивов и сообщает об этом их женам).

III. (15) Говорит жена Белого дива: „У него (у Белого дива) есть один табунщик — очень сильный. Сядь на его лошадь, надень его одежды. Когда ты сядешь верхом, отпусти поводья лошади — пусть идет в любую сторону. (16) Та лошадь сама пойдет, встанет на глинобитное возвышение, тогда крикни (табунщику) тонким голосом. Он бросит оселок — держи ладонь! (Твоя) рука треснет, брось в него оселок — попадет ему в голову, он умрет“.

(Юноша делает так, как ему посоветовала жена дива. Убивает табунщика, забирает бесхвостого жеребенка, когда-то отнятого дивом, берет и все стадо дива. Собирает сестер, потом идет в город, находит и приводит братьев, женит их на двух сестрах, сам женится на третьей. Братья собираются его убить, опасаясь, что по возвращении он расскажет об их неудачах отцу).

IV. (17) Они совещаются: „Убьем его!“. Крикнули ему: „Воры пришли!“. Юноша вскочил, сказал: „Я выбегу!“. (18) Жена его задержала: „Как бы не было тут чего-нибудь — тут не без хитрости“. Не дала ему выбежать. (19) Снова его старшие братья закричали: „Воры пришли, увели лошадей“. Снова жена схватила его сзади, непустила. (20) Снова закричали: „Воры увели куцого жеребенка“. „Ах“, — сказал юноша, выбежал — меч обрезал ему ногу.

(Двое старших братьев удаляются, захватив женщин и скот).

V. (21) Ушли. В руках того юноши остался лук-праца. Убил он воробья. Появился слепой, взял воробья. (22) (Юноша) сказал слепому: „Не бери моего воробья!“. Слепой сказал: „Ты хромой, я — слепой, станем мы старшим и младшим братьями“. (23) Убил хромой ворону. Пришел какой-то безрукий, взял ворону. Хромой сказал: „Не бери мою ворону!“. Безрукий сказал: „Нас было двое — стало трое“. (24) Трое заключили договор братства. Сказали: „Так сидеть нам нельзя. Пойдем куда-нибудь, приведем девушку“.

(Уведенная ими девушка нарекается сестрой. Девушка подметает пол и находит две изюминки, одну из которых она должна отдать кошке. Она съедает одну изюминку, но так как кошка на ее зов не является, то съедает и другую. Приходит кошка и, получив изюминки, тушит огонь. Девушка идет из дома на поиски огня и находит его у дива-самки. Див дает ей горсть жареной пшеницы, чтобы она съела, и горсть ячменя, чтобы она разбрасывала, идя домой. Ячмень вырастает в большие иголки, которые див подбирает и таким образом находит дорогу к дому девушки).

VI. (25) Див (самка) собрала иголки, приехала верхом к дому девушки. Собрала в руки иголки, привезла. Крикнула, сказала: „Выйди девушка, привяжи козла твоей бабушки!“. (26) Девушка вышла, привязала к колу бабушкиного козла. Сказала: „Дитя мое, посмотри в голове у твоей

бабушки“. Девушка посмотрела. (27) Див-самка поднялась, взяла иголку, вонзила ей в голову. Голова ее стала в крови. Вылизала кровь, села верхом на козла, уехала. (28) На следующий день снова приехала. Снова взяла в руки иголки, сказала: „Выйди, привяжи козла твоей бабушки!“ . Девушка вышла, привязала ее козла. (29) Сказала: „Посмотри в голове у твоей бабушки“. (Девушка) посмотрела. Вонзила иголку ей в голову. Голова ее стала в крови. (30) Див (самка) ее вылизала, уехала. Каждый день приезжала, вылизывала кровь, уезжала.

(Названные братья, увидев, что девушка очень похудела и пожелтела, убеждают ее рассказать в чем дело. Как и в других вариантах, сначала остаются один за другим слепой и безрукий, не решающиеся выйти против дива-самки, которая удаляется, пососав кровь девушки. Царевич, оставшись караулить, велит девушке позвать дива-самку в дом, одолевает ее и связывает. Та просит пощадить ее жизнь, обещая сделать всех здоровыми. Она глотает всех по очереди и затем выплевывает. Слепой прозревает, к безрукому возвращаются его руки, девушка становится цветущей, здоровой. Когда доходит очередь до царевича, он предупреждает братьев, что див его не выпустит обратно, но что он скроется в большом пальце дива и что дива нужно убить. Увидав, что большой палец дива подергивается, оставшиеся убивают дива и освобождают царевича. Девушку возвращают в ее дом, а все трое отправляются к отцу царевича).

VII. (31) Отправились в город царя. Пришел один человек. Юноша спросил: „Куда ты идешь?“. Тот человек сказал: „Сын царя пропал — сегодня по нем поминки. Сегодня вечером его жену выдают замуж — царь выдает за старшего сына“. (32) Юноша сказал: „Иди, получи (от царя) награду за радостную весть, скажи, пусть не отдаст: «Прибыл твой сын!»“. (33) Тот человек пошел, отправился к царю. Сказал: „Прибыл твой младший сын — дай мне награду за радостную весть!“ . Царь сказал: „Только что угас мой огонь — ты (снова) разжег мой огонь! А если слова неверны?“. (34) Тот человек сказал: „Если будут неверны, мою голову снимите плугом (букв. 'запряжкой волов')“.

(Царевич приезжает домой. Отец не может его увидеть и признать, так как от горя он ослеп. Царевич вынимает чудесный платок, вытирает лицо царя, царь прозревает. Царевич идет к куцому жеребенку, который до этого не подпускал к себе никого. Жеребенок подпускает его к себе и дает себя погладить. Виновных братьев казнят, привязав к хвостам лошадей. Царевич сходится со своей женой, отбитой им у дива, а двух ее сестер выдает за своих названных братьев).

№ 44

Записано от Рамазани, жителя сел. Симич

(1) I poššo vutá, avd žútaš vutá. Žútotš zangír vošt. Wóvošt do-dóisaš: „Inč mox t^ofar, ámmaš čě i očáě, čě i dodóě vant“. (2) Dodóšint ša^hr ba ša^hr láksčě, navírčě. I dástě šáučě. Górcě — i kat. (3) Kátě rítíš šáučě. „Čě ku avvówe?“ — wóčě. Wóčě: „Man avd žútě ast. Žútotim awóvor: «Kuk avd ýáykě vot, xoy boy, xoy notawón, agár avd vot — mox naháutitě nósimíšt»“.

(4) Naháwě apúrs, awów: „Čof γáykět ast?“. Awów: „Tisüm, incēm púrsüm“. (5) Atís, incěš apúrs: „Avd γaykt ast yo na?“. (6) Awów: „Ipíd mětě nípúrsě — in-núr ču púrsišť?“. Awów: „I poššó vvóuta, wóčě: «Avd γáykět ast yo na?»“. (7) Incěš awów: „Avd γáykě mox ast — ne xúršint wěta, ne ma^htób. Nax čě kat děvárím dū tarafá nihól nidonót“. (8) Poššó agárd kátisaš. Agárd, avvóu žútotě rítiš. Žútotisaš awów: „Avířem avd γáykě, awów: «Čě děvárěm nihól nidon dū tarafá to kat děvárīsat»“. (9) Maydahák žúta awów: „I áspě pústaki vor kūn, čě dútě taráftěš duk kūn. To kat děvárīsaš čóškě tířě. Gaštanó agárdě — nihól vúčě“.

(10) Yaṁ aváror, áspě vor akūn, dútaě jūwólě duk akūnór, ačóšor kat děvárīsaš. Yaṁ nihól avú. (11) Poššó agárd, avvóu žútotě rítiš. Žútotš awóvor: „Avvówě?“. Poššó awów: „Hom, avvówem!“ (12) Poššó awów: „Maslaḫát čox? — awów, — tuy kat varím?“. Maydahák žútaš awów: „Fī-rónta tuy vort, ūš žútaět šáwot — man nášawomīšt. Man kordčám kūšě^vlomīšt“. (13) Dodóisaš awów: „Níkó^xk akūntě, agárd avvóut — kuk šútúr aněpéd, nun nahwát xurt, nak aněpéd — na“.

(14) Ašáwor, atěr. Ūš žútaě níko^x akūnór, maydahák žúta nívvou — kórdě-peš níkox akūnór. Kátisaš atėror. (15) Ašáwor. Rótě šáwakě mondá avór. I xáuzě avvówor. Šútúrtě ba zur nahwát aněpėdorš. Nun ax^háror. (16) Awóvor: „Xūb dam anósimk jáxim, vor kūním, tėrim“. Xauz ěšši asán, i aždahór asán. Awów: „X^háromīšt!“ (17) Poššó awów: „Nám-x^har: čof matlábět ast — sářem sě^vnomīšt“. Aždahór awów: „Hěč matláběm nesst: i sītún dīlēm kūšě^vl“ (18) Poššó kátisaš ašáu, tuy at^ofár. Čof mětī agūdár. Kě awów aně: „Aždahór čo woft oy? Jáxim, árkiš būt kūním“. Aněž, tirákt kállě kárě avú. (19) Xěpár ašáu, awóvor: „Poššó tiráktě sof akūn“. Maydahák žútaš awów: „Poššó beaql, tiráktě ču pakkīšt? Kal ču kūníšt?“. (20) Poššó awów: „Aždahóřě «Sītún-ě dīl» woft oy“. Awów: „Sītún-ě dīl čoy ax wóčě? Avd žútě iiš kūšě^vl“.

(21) Poššó kátta žútaisa awów: „Ílišint šauť!“ Kátta žútaš awów: „Nášawomīšt man“. Kě čáwě áutitīsaš awów: „Š^umox šáūtě“. Awóvor: „Nášayēmīšt“. (22) Maydahák žúta awów: „Man šáwomīšt“. Poššó fotⁱḫáš at^ofár. Žúta atěr. (23) Ašáu, atěr, xáuzě lápě arás. Dū rakát nīmóčě agūzór — xauz ěšši asán. Aždahór asán, awów: „Avvówě?“. Av: * „Hom, avvówem“. (24) Aúrš, avár aždahór. Čof mětě aníd, óy-ě sar axáš. (25) Aždahór awów: „Čo xotír xášīšt óy-ě sar?“. Awów: „Man očá oy, dodó oy, akó oīm — čof xeš-tabóřě oīm!“ Awów: „Kūšě^vlom — tērīšt?“. Žúta awów: „Xayr!“ (26) Aždahór ajax, i sandiq darúněš i γayk amón, asě^vnš čě xáuzě darúně, panó ba xūdóš akūn.

(27) I met ros ašáu, dodóě měyněš atís. I odám avvóu. Žúta au odámīsa apúrs, awów: „Ku šawīšt?“. (28) Ax agárd, awów žútīsa: „Poššóě žúta čof rúza bedarák vútax oy. In-núr žítěyš xūdoí oy. Vīyóra incěš níko^x ast kátta akó-peš“. (29) Žúta awów: „Šau, poššóisa wov: «Žútat av-

* Bm. awów.

vóu». Šau, wov — níkó^x náku^otš“. (30) Odám ašáu, awóv: „Žútat avvóu, sěvínčí t^ofar!“ . Poššóě wáxtěš xüş avú, sěvínčí at^ofar. (31) Žúta kátisaš avvóu. Sandúqě apé^yn, aγór — darúněš i γayk, bīsīyór xüşrú parí vutáx. Níkó^x akūn, anóšš.

(32) Ūš akaótiš dodóisaš tasp asě^ynor, awóvor: „Tau pūl t^oráfta — t^uxóyěmīštět“. Dodóš awóv: „Nám-t^uxoyt: čilyúšě čūwáně xotīrš kūsě^ylomīšt“. (33) Poššó awóv žútisaš: „Xūb dū inč avirě, i čūwán-ě čilyúšě ast, áwě tīm ur“. Žúta awóv: „Xayr! Fot¹xám t^ofar“. (34) Poššó fot¹xáš at^ofar. Žúta atér. Ašáu xáužě lápě, dū γūm nīmóčě agüzór. Xauž ěšši asán. (35) Aždahór asán, awóv: „Čo xotīr avvówě?“. Awóv: „Poššó čilyušá čūwáně xotīrēm akūsě^yl“. (36) Awóv: „Beáql, tū čūwán-ě čilyúšě nátonīšt nosák, áwě nosák azób^x!“ . — „Xóyě azób vot, xóyě osón — čě taqdírēm“. (37) Aždahór awóv: „Čūwán régě tákēx, γúšěš yáxši. I aždahór ast rítīš. Ğúrdotš agár péta vant — ūftax, nékī γúrdotš vásta vant — γúrótax“. (38) Žúta ašáu, aγór — γúrdotš vásta. Dast akūn, čūwáně čě γúšaš anós, axáš, i bārgěš aněž, tīk i dáfa zur adě^h — nímaš aněž; tik zur adě^h — yákīš aněž. Reg agárd — aždahór amír.

(39) Čūwáně anós, avvóu xáužě lápě. Xūsírš asán. Av: * „Čūwán aúrě?“. — „Aúřemš“, — awóv. (40) Awóv: „Bodaqlát vútaīšt!“ . Žúta čūwáně anós, kátisaš atér, ašáu, arás.

(41) Čof méti aníd. Akaótěš dodóě sárě tasp aúror: „T^uxóyěmīštět, — awóvor, — tū pūlěš t^ofarišt: šáučě, xīrint, urt“. Poššó awóv: „Nám-t^uxoyt: i dáfa i yóčě xotīr kūsě^ylomš — zóro mírot“. (42) Poššó maydahák žútisa awóv: „Inčě xūb avirě, čūwán-ě čilyúšě avirě; i baytál-ě čilkūrráěš vot: naháwě tīm ur!“ . Maydahák žúta awóv: „Xayr“. Ajax, atér.

(43) Ašáu xáužě, dū γūm nīmóčě agüzór. Op ěšši asán. Aγór — aždahór asán. Av: „Čo xotīr akūsě^ylt?“ . Žúta awóv: „Baytál-ě čilkūrráě xotīr“. (44) Aždahór awóv: „Hey, beáql, áwě nósak osónx?“ . Žúta awóv: „Čo kúnóm ilóž?“ . (45) Aždahór awóv žútisa: „Xur taspk anós, baytál čilkūrrá-pě ópě žavakě wěššě. Ze^h mon, zíněš kūn to žavakisaš. Vóraš vu, ušt. Opk ažáv, avoñ — osmónisa sěráy γūm ruboló párcě. Agár náděve — nósīš, vvówiš“ .

(46) Žúta néděve, anós, xūsúřě rítisaš avvóu. Xūsúřěš awóv: „Aúrě?“ . Av: „Hoⁿ!“ . Av: „Bandá-ě badaqlát vútaěšt! Áně námirišt!“ .

(47) Baytál čil kūrrá-pěš žúta anós, atér, poššóě rítī ašáu. (48) Poššó γamgín avú. Awóv: „Ūš žútaě man t^uxóyčě“. (49) Žútotš xabardór avór. Awóvor aně: „Žútat tik avvóu. Tū mox aldá kárna vútaěšt — t^uxóyěmīštět“. Poššó awóv: „It dáfa tīm nam-t^uxoyt — rúbá-ě zarríně xotīrš kūsě^ylomīšt — zóro mirót“. (50) Poššó awóv maydahák žútisa: „Žútam, inčě xūb avirě, čūwán-ě čilyušá avirě, baytál-ě čilkūrrá tīm avirě. Itón i rúbá-ě zarríně ur!“ . (51) „Xayr, — awóv, — dodóm, fot¹xám t^ofort!“ . Fot¹xáš at^ofar.

(52) Ašáu xáužě lápě. Dū γūm nīmóčě agüzór. Op ěšši asán. Xūsúřīš asán, awóv: „Čo xotīr avvówě?“ . (53) Awóv: „Poššó rúbá-ě zarríně xo-

* Bm. awóv.

třřem aküsě^{yl}“. Xüsürš awóv: „Rübá-ě zarríně nósakš osón nax! Dútě to-
zítě t^ofaromt. Xur arásk — rübá-ě zarrín wésšě. I sank ast, naháwě nid.
Rübák awés, tozítě sítáměš mon“. (54) Žúta ašáu, sánkě sárě aníd, čě rü-
báě sítám dũ kútěš amón. Rübáě anósorš, žúta čě sítáměš ašáu. (55) Nah-
wát i xütánna vutá. Xütánnaě soxǐbisa awóv: „Man kutt ku vor?“.* Awóv:
„Nahwát or — rübáě anósor“. Ašáu, rübáě anós, amón, avvóu xüsúřě rí-
tisaš.

(56) Xüsúřěš awóv: „Avvówe?“ . Av: „Ho“. Awésor, atěř xáuzě darú-
nisa xüsúřě-pěš. Xüsúr awóv: „Agár qarzdór návu, běhíst-at dúzax nišón
dorómt“. (57) Žúta ůylá akũ, av: „Qarzdór náim“. Avársš běhístě, ta-
mošó akũ. (58) Xüsúrš dũwozdá sep čě i daráxt anós, tik dũ sěbě čě
áně daráxt anós. Žútě-pě at^ofar, awóv: „Var, dũwozdá sep akaótět yan-
gaótět t^ofar, dũ sěbě dodót očáět t^ofar!“. Tǐk dũ sěbě čě áně daráxt
anós, awóv: „Íštít ínčět t^ofar!“.

(59) Ašáwor, dúzaxě tamošó akũnór. I jühúd asán: „Tũ mán-pě yak
merí qarzdór-íšt!“ . Awov: „Pǔlěm náast! Čot t^ofarom?“ . (60) Jühúd awóv:
„Eymónt t^ofar!“ . Eymónt jühúde-pě at^ofar. Aǐáxor, avvóu.

(61) Žúta tǐřčě poššóě rítǐ. Ašáu, arás. Poššó aǵór, awěňš, ýúrdaš
ačũkě^r. Čě žútaě apǔrs: „Avvówe?“ . Awóv: „Avvówem“. (62) Žúta
awóv: „I saǵót aúřem čě běhíst“. Sěbt axáš, at^ofar. Akaótě-pěš tǐm
at^ofar. (63) Poššó ínčěš, ůšš kátta žútotš, poššóě ůšš kǐlǐntěš íkě sěb anó-
sor, ax^hár, yakborá xug avór. Maydahák vǐrótšǐnt xugšǐkór fayród akũ.
Mardúm ja'm avú, aněž, šikóršǐnt akũnór. (64) Žúta dodó-t očáěš anós,
kátěš aúr, áǵtǐtě boní kũňčě. Aǵ dũwozdáě šikór akũnór, at^hxóyoršǐnt.
Ba mǐród-ũ maxsád arás, aníd.

№ 44

(1) Был один царь, у него было семь сыновей. Хотят его сыновья
жениться. Говорят своему отцу: „Дай нам жен, чтобы все они были
от одной матери, от одного отца“. (2) Их отец ходит из города в го-
род, не находит. Идет в степь. Смотрит — какой-то дом. (3) Подходит
к дому: „Откуда ты пришел?“ — говорит (хозяин). Говорит царь:
„У меня семь сыновей. Мои сыновья сказали: «У кого будет семь до-
черей, будь они богатые или бедные, если будет семь — мы их возьмем»“.

(4) (Царь) спросил у него: „Сколько у тебя дочерей?“ . Сказал: „Войду
(в дом), спрошу у моей жены“. (5) Вошел, спросил у своей жены:
„Есть у тебя семь дочерей или нет?“ . (6) Сказала: „Столько дней
не спрашивал, сегодня почему спрашиваешь?“ . Сказал: „Пришел царь,
говорит: «Есть у тебя семь дочерей или нет?»“ . (7) Жена его сказала:
„У нас есть семь дочерей — ни солнца они не видели, ни месяца.
От этих дверей моего дома пусть он насадит по обе стороны дороги ростки“ .
(8) Царь вернулся к себе домой. Вернулся, пришел к сыновьям. Сказал своим
сыновьям: „Я нашел семь девушек, (их мать) сказала: «Посади по обе стороны

* Вм. or. (Ред.).

дороги ростки (от нашего дома) до двери твоего дома". * (9) Младший сын сказал: „Навьючь на одну лошадь (мешки с) ячменем, с обеих сторон в них сделай по дырочке. Она пойдет, рассыпая (ячмень), до дверей их дома. Когда она вернется назад, будут уже ростки“.

(10) Принесли ячмень, навьючили на лошадь, сделали дырки в обоих мешках, рассыпали ячмень до дверей их дома. Ячмень превратился в ростки. (11) Царь вернулся, пришел к своим сыновьям. Сыновья его сказали: „Ты пришел?“. Царь сказал: „Да, я пришел“. ** (12) Царь сказал: „Что будем делать? Когда поедем со свадьбой?“. Младший сын сказал ему: „Завтра поезжайте со свадьбой, пусть отправляются шесть твоих сыновей — я не поеду. Я пошлю свой нож“. *** (13) Сказал своему отцу: „Когда совершите брачный обряд, будете возвращаться, — где верблюд лег, в том месте ешьте хлеб, где не лег — не ешьте“.

(14) Пошли. Обвенчали шесть сыновей, младший сын не пришел — совершили брачный обряд с его ножом. Отправились к себе в дом. (15) Пошли. Устали идти по дороге. Пришли к пруду. Верблюдов там с трудом уложили. Поели хлеба. (16) Сказали: „Когда мы хорошенько отдохнем, тогда поднимемся, положим вьюки, отправимся“. Пруд закипел, поднялся дракон. Сказал: „Я съем (вас)!“. (17) Царь сказал: „Не ешь меня: каково бы ни было твое требование, я его выполню“. Дракон сказал: „У меня нет никакого другого требования — пошли мне столп сердца“. (18) Царь отправился к себе в дом, дал пир. Прошло несколько дней. Потом он сказал: „А что говорил дракон? Встанем, исполним его дело“. Вышел, начал обрубать верхушки тополей. (19) Пошла весть, сказали: „Царь прикончил (все) тополя“. Младший сын сказал ему: „Безумный царь, зачем ты срубаешь тополя? Зачем ты их оголяешь?“. (20) Царь сказал: „Дракон сказал: «Столп сердца»“. Юноша сказал: „А что он называет столпом сердца? Пошли одного из семи сыновей“.

(21) Царь сказал старшему сыну: „Пусть идет один из вас!“. Старший сын сказал: „Я не пойду“. После него царь сказал другим: „Идите вы!“. Сказали: „Не пойдем“. (22) Младший сын сказал: „Я пойду“. Царь отпустил его. Юноша отправился. (23) Пошел, отправился, достиг берега пруда. Исполнил два намаза — пруд закипел. Поднялся дракон,

* В варианте этой сказки, сообщенном мне ягнобцем из сел. Маргтуйман, требование матери излагается в такой форме: пусть посадит ростки, которые выросли бы в деревьях, чтобы укрываемые их тенью девушки, которые до сих пор не видели ни солнца, ни месяца, могли пройти в дом своих женихов.

** Не только в сказке, отражающей в данном случае действительную жизнь, но и фактически на каждом шагу ягнобцы, как и окрестные таджики, встречая человека, ушедшего куда-нибудь, после приветствия обращаются к нему с вопросом: „Ты пришел?“ — на что неизменно следует ответ: „Да, я пришел“.

*** В Ягнобе, как и в некоторых других районах, сохранился до сих пор древний обычай в случае отсутствия жениха совершать свадьбу с его ножом, заменяющим меч.

сказал: „Ты пришел?“. Сказал: „Да, я пришел“. (24) Повел его дракон, отвел. Несколько дней побыл, однажды тяжело вздохнул. (25) Дракон сказал: „Почему ты тяжело вздыхаешь?“ Сказал: „У меня была мать, был отец, братья старшие были, сколько было родственников!“. Сказал дракон: „Если я пошлю (тебя), пойдешь?“. Юноша сказал: „Ладно“. (26) Поднялся дракон, поместил в сундук девушку, поднял (сундук) из пруда, попрощался (с юношей).

(27) Прошел юноша один день пути, вошел в селение своего отца. Встретился ему один человек. Юноша спросил у того человека: „Куда ты идешь?“. (28) Тот повернулся, сказал юноше: „Сын царя уже сколько дней как пропал без вести. Сегодня по сыну (царя) поминки. Вечером у его жены свадьба со старшим его братом“. (29) Юноша сказал: „Пойди, скажи царю: «Пришел твой сын». Пойди, скажи, чтобы он ее не венчал“. (30) Человек пошел, сказал: „Прибыл твой сын; дай награду за радостную весть“. Царь обрадовался, дал награду за радостную весть. (31) Пришел юноша в свой дом. Открыл сундук, посмотрел: внутри — девушка, очень красивая пери. Совершил брачный обряд, взял ее.

(32) Шесть старших братьев рассердились на отца, сказали: „Ты ему дал денег (на вено за девушку) — убьем тебя“. Их отец сказал: „Не убивайте меня: я его пошлю за котлом с сорока ушками“. (33) Сказал царь своему (младшему) сыну: „Ты достал двух хороших жен; есть один котел с сорока ушками — принеси и его тоже“. Юноша сказал: „Ладно! Отпусти меня“. (34) Царь отпустил его. Юноша отправился. Пошел на берег пруда, исполнил два намаза. Пруд вскипел. (35) Поднялся дракон, сказал: „Для чего ты пришел?“. Сказал: „Царь послал меня за котлом с сорока ушками“. (36) Сказал дракон: „Глупый, ты не сможешь достать котел с сорока ушками, достать его очень трудно“. — „Трудно будет или легко — это мне суждено“. (37) Дракон сказал: „Котел находится под песком, виднеются у него ушки. Около него находится дракон. Если у него глаза раскрыты — спит, а если у него глаза закрыты — бодрствует“. (38) Юноша пошел, посмотрел — глаза у него закрыты. Протянул руку, взял котел за ушко, потянул, (котел) выступил немножечко; еще раз потянул — вышел наполовину; еще раз потянул — вышел целиком. Песок обвалился — дракон умер.

(39) Взял юноша котел, пришел на берег пруда. Поднялся его тесть. Сказал: „Принес котел?“. — „Принес“, — сказал юноша. (40) Сказал (дракон): „Счастлив же ты!“. Взял юноша котел, отправился домой, пришел.

(41) Побыл несколько дней. Старшие братья рассердились на отца: „Мы убьем тебя, — сказали они, — ты даешь ему денег: идет, покупает, приносит“. Царь сказал: „Не убивайте меня: на этот раз я пошлю его за такой вещью, чтобы он умер“. (42) Царь сказал младшему сыну: „Ты достал хорошую жену, достал котел с сорока ушками; есть еще кобылица с сорока жеребятами — приведи также и ее“. Младший сын сказал: „Ладно!“. Встал, отправился.

(43) Пошел юноша к пруду, исполнил два намаза. Вода закипела. Видит — поднялся дракон. Сказал: „За чем послал тебя?“. Юноша сказал: „За кобылицей с сорока жеребятами“. (44) Дракон сказал: „О глупый, разве легко ее взять?“. Юноша сказал: „Что мне делать?“. (45) Дракон сказал юноше: „Когда солнце начинает припекать, кобылица с сорока жеребятами спускается пить воду. Будь внимателен, оседлай ее, пока она пьет. Сядь на нее, подожди. Когда она напьется воды, три раза вверх на небо взлетит. Если ты не упадешь — возьмешь ее, приведешь“.

(46) Юноша не упал, взял ее, пришел к тестю. Тесть его сказал: „Ты привел?“. Сказал: „Да“. Сказал тесть: „Ты счастливый человек, больше не умрешь!“.*

(47) Юноша взял кобылицу с сорока жеребятами, отправился, пошел к царю. (48) Царь опечалился. Сказал: „Шесть сыновей убьют меня“. (49) Узнали сыновья. Сказали: „Снова пришел твой сын. Ты нас, оказывается, обманываешь, мы тебя убьем“. Царь сказал: „И на этот раз не убивайте меня, я пошлю его за золотой лисицей, чтобы он погиб“. (50) Царь сказал младшему сыну: „Сын мой, нашел ты хорошую жену, нашел котел с сорока ушками, нашел и кобылицу с сорока жеребятами. Теперь принеси золотую лисицу“. (51) — „Ладно, отец, — сказал он, — отпустите меня“. Отпустил его (отец).

(52) Пошел юноша на берег пруда. Исполнил два намаза. Вода вскипела. Поднялся его тесть, сказал: „Зачем ты пришел?“. (53) Сказал: „Царь послал меня за золотой лисицей“. Тесть его сказал: „Поймать золотую лисицу не легко. Я дам тебе двух гончих. Когда солнце взойдет, спустится золотая лисица. Есть там один камень, сядь на него. Когда лисица спустится, пусти гончих за нею“. (54) Юноша отправился, сел на камень, пустил (вслед) за лисицей двух собак. Схватили они лисицу, юноша отправился за ними. (55) Там была мельница. Сказал юноша мельнику: „Где мои собаки?“. Мельник сказал: „Там они — схватили лисицу“. Пошел юноша, взял лисицу, пришел к тестю.

(56) Тесть сказал: „Ты пришел?“. Сказал: „Да“. Спустились в пруд вместе с тестем. Тесть сказал: „Если ты не должен (кому-нибудь), я покажу тебе ад и рай“. (57) Юноша подумал, сказал: „Я не должен“. Отвел его в рай, полюбовался юноша. (58) Тесть взял двенадцать яблок с одного дерева, еще два яблока взял с другого дерева. Дал юноше, сказал: „Отнеси, отдай двенадцать яблок твоим старшим братьям и твоим невесткам, два яблока отдай твоим отцу и матери“. Еще взял два яблока с другого дерева, сказал: „Эти отдай твоей жене“.

(59) Отправились, посмотрели на ад. Поднялся один еврей: „Ты мне должен одно мира. ** Сказал (юноша): „У меня нет денег — что я тебе

* *Áně námirířt* 'больше не умрешь'. Так говорят иногда человеку, который освобождается от какой-нибудь опасности (тяжелой болезни, опасного путешествия и т. п.).

** Мирí — 5 копеек.

дам?“. (60) Еврей сказал: „Отдай мне твои добрые дела“. Отдал свои добрые дела еврею. Встали, пришли (на этот свет).

(61) Отправился юноша к царю. Пошел, дошел. Царь посмотрел, увидел его, испугался. Спросил у сына: „Ты пришел?“. Юноша сказал: „Пришел“. (62) Юноша сказал: „Я принес гостинец из рая“. Вытащил яблоки, отдал. Дал также своим старшим братьям. (63) Жена царя, шестеро его старших сыновей, шестеро невесток царя взяли по одному яблоку, съели, сразу стали свиньями. Младший их брат кликнул (людей) охотиться на кабанов. Люди собрались, вышли, стали на них охотиться. (64) Юноша взял своего отца и мать, привел в свой дом, стал за ними присматривать. На тех двенадцать охотились, убили их. Достиг (юноша) своей цели, желания, поселился.

№ 45

Записано от Санг Махмата, 17 лет, жителя сел. Гармейн. Слышал эту сказку на таджикском языке от односельчанина. Песенки в сказке — таджикские, как это обычно в ягнобских сказках

(1) I kampirák vütá. I γaykš vütá, i žútaš. (2) Žútaš wóvčē: „Xórē ránkēm inč viróm — nósomišt, návirom — na!“. (3) Čófiš kóvta, xórē ránkēš náviyorta. Ašáu, ašáu, xē xórē-peš ošiq avú. Awón: „Xēp xórēm nósomišt“.

(4) I síča avú. I mes γayk γálla ritī nísstax oy. Síča γáykisa awón: „I dóna γálla mun, x^három — gáp-ě xūšwaxtí dēhóm“. (5) Gayk qabúl akún. Síča awón: „Akót nósčēt. Taγ ráнкаš náviyorta. Nahít dīnyóē lákstax — naš i vīyórta,* xēpēt nósčē“. (6) Gayk bīsiyór aróy, bīsiyór xafá avú. Síča awón: „Xafá návu: i dork tóšomišt, t^ofáromt — čübák-ě sandalwót vot. Sárēš vóra vu, než, ter!“.

(7) Gáykisa at^ofár, γayk anós, vóra avú, asán, atēr. (8) Očáš aněž, awón: „Gáykim, gard, wes!“. Awón: „Náwesomišt — awwál očám óyē, kē xólam avé. Čübák-ě sandalwót, čarx dē^h — man balánd sanóm!“. (9) Kē vīróš avvóu, awón: „Gard, wes!“. Awón: „Awwál vīróšim oy, kē síwīrim avé. Man nágardomišt, sánomišt, tiróm!“. (10) Vīróš awón: „Man šim sēyn, var“. Dastš ayóz, daráuš anós.

(11) Dútič asánor, atēr, i ópēy lápē ašáu. Žúta awón: „Ópēm γayt!“.

(12) Gayk awón: „Iš op nážav — xaγ gárdēšt“. Asánor, atēr. I ánē ópē lápē anídor. (13) Žúta awón: „Ópēm γayt“. Gayk awón: „Iš op nážav: xīrs gárdēšt“. (14) Aǰáxor dútič, asán, atēr. Ašáwor an ópē lápē. Žúta awón: „Xor, ópēm γayt“. (15) Gayk agárd, awón: „Iš op šim nážav — xu^g gárdēšt“. Dútič aǰáxor, asán, atēr. (16) Asánor i ánē ópē lápē. Žúta awón: „Xor, ópēm γayt“. Awón: „E vīrótakim, nímat vėz gárdēšt, nímat odám“.

(17) Guš níkūn, ažáv, nímiš vėz avé, nímiš odám. Aǰáxor. Gayk kámaš avánt. Čē sítám atēr. (18) Ašáwor i daráxtē tákē. Xaγz oy. I kanizák avvóu,

* Вм. náš-vīyórta. (Ред.).

awón: „Op nósüm“. (19) Ópě ayór — ópě darúně i xušrú ayáxs. Kanizák awón: „Íš xěpě rítim; man ir-ránka xušrú-yim!“. Adé^h kállas, aúnxoy. (20) Ajax, awón: „Man ir-ránka xušrú wítaim, áutitě xotřr op návaromišt“. (21) Ašáu, awón: „Man xušrú wítaim, šúmóx baxšě op náuromišt“. Awóvor: „Tau katí kut nun náx^uorcě“. Ajaxor, ópě lápě ašawor. (22) Ayóror — razg: i xušrú ópě darúně ayáxs. Loboló ayóror, awén — i xušrú daráxtě sárě nístax, tákěš i vöz.

(23) I kampirák ašáu. Vézě γυš atobón, vöz vaγást akún. Kampirák γáykisa awón: „Jax, wes, xalólěš kúnim“. Awón: „Man náwesomišt“. (24) Kampír awón: „Xaróm víčě“. Awón: „Mayl, xaróm vot“. (25) Tik awón: „Jax, wes, híč-čĩ nád-wovomišt,* kátisa terím“. Awés, vézě káma čě daráxt apéⁿ, dútičě rawón avór, atėror. (26) Vézě čě sítámšint anósor, avárorš, kat děvárisa atėror. Adaváror, anidón kátě.

(27) Poščó γáykě awén, ošíq avú. Awón: „Man nahítě nósomišt“. (28) Xušgóni ašawor. „Vvou, γayk, poščóě nos“. Awón: „Nósomišt“. Poščóě anós γayk. (29) Ijóbš akúnór. Avárorš kátisaš, áys-ũ išrát akún. Čof měsí anidor. (30) Gayk poščóisa awón: „Nahí ránka nídišt? Jax, — awón, — šikóre san“. Awón: „Dürüst“. (31) Ajax, bídonš avánt, külčá akúnórš, külwóre nut anós, tozítě kamóšš avánt, anėžor, atėr. Ašawor šikorxónay.

(32) Ínčiš kátěš amún. Pínóňčš avvóu, awón: „Šawim, ^húčak xašim“. Γυš níkún. (33) Pínóňč dūgonótě-pěš atėr. Ašawor tik naháu daráxtě tákě. Víta apártowor, daráxtě šóxay avántorš, argüncók axášor. (34) Íiš asán vítay sárě, avárorš, aúr. Čě argüncók awés. (35) Poščóě inčš awón: „Šau, pínóňčěm ur“. Dūgonáš atėr, γáykě rítiš ašáu. „Pínóňčt awón — vvówot“. (36) Tik γυš níkún: „Nášawomišt“. Amún, atėr. (37) Ašáu, awón: „Nívvou pínóňčt, γυš níkún“. Tik áněš aküšé^{yl}. Ax ajax, atėr. (38) Ašáu rítiš. Awón: „Dūgoná, jax, šawim!“. Awón: „Xüb vítá“. Ajax, kátiš atėr.

(39) Ašawor xáuzě lápě, čűwánšint múnta oy, i čűwáně ómočšint íkta oy. Anidor, ažáv. (40) Awóvor: „Jax, dūgoná, ^húčak šau“. — „Dürüst“, — awón. Ajax, vítay sárě asán. (41) Kórtě-pěš víta pákka akúnór, aděvé xáuzě nut. Ajaxor ba xušwaxti, amún, avvóu. (42) Avvówor kátě, umš** akúnór, ób-at olóu akúnór. Íiš ópě ašáu, íiš nun aγėyš, kirípčě-pěš apán, íiš olówě múnak avú, íiš núně děhakě avú. (43) Poščóě inčiš xěpěš kasál akún. Nunt kánakě avór, kánnay tákěš apártou, čáwě rugá námta apártou, rugáěš anėpėd. (44) Íiš aróy: „Poščóě inč kasál nípístax!“. Kaškúlě-pě ópěš at^éfár.

(45) Poščó čě šikór aziwórt, avvóu, awón: „Náva inčěm ku?“. Inčiš awón: „Amír, avárěš, tákěš akún. Man kasál-im. Naháu vézě kuš — saxxát vómišt, navót — na!“. (46) Poščó γυš akún. Vézě aživáror čě koy, pódotš avántor. Kort anós, kanizákisa awón: „Kuš!“. Kanizák: „Dürüst“, — awón, čě kat anėž. (47) Ašáu, awón: „Kámaš pákka kúnóm“. Vöz awón: „Mun, šawom ópě lápě, op žávom, kě“. (48) Ašáu, nul amún, fayród akún:

* Bm. nát-wovomišt.

** Bm. úmša. (Pεα.).

„Hoy, apá, jon apá,
 Bánd-ĩ alá dar poyám,
 Kórd-ĩ tez dar noyám.
 Hoy, apá, jon apá,
 Bánd-ĩ alá dar poyám,
 Kórd-ĩ tez dar noyám.
 Hoy, tar-marg, jon tar-marg,
 Har kas kĭ t^hra kušát,
 Kórd-ĩ tez pušt gardát!
 Xasán Xüséyn dar čanór,
 Bibíča Mo^h dar kanór“.

(49) Vəz aǰax, avvóu. Awón aně: „Ītón kúšim“. — „Dürüst“, — awóvor. Aǰaxor, pódotš küllük akünór, avántor, máxkamšint akünór. (50) Kort anós, kanizák aněž, awón: „Kámaš pákka künóm“. Kort sitámisa agárd, xěp dastš pákka akün. (51) Vəz awón: „Mun, šáwom, op žávom, kě“. Pódotš apé^vnor. Ópě lápisa atěr, nul amún ópě darúně, i-dü qũrtě op ažáv, awón:

„Ey, apá, jon apá,
 Bánd-ĩ alá dar poyám,
 Kórd-ĩ tez dar noyám,
 Ey, tar-marg, jon tar-marg,
 Har kas, kĭ t^hra kušát,
 Kórd-ĩ tez pušt gardát!
 Xasán Xüséyn dar čanór,
 Bibíča Mo^h dar kanór“.

(52) Aǰax, čě ópě lap avvóu. Awón aně: „Ītún kúšim“. (53) Vítay-pě avántorš. (54) Kort anós, aněž kanizák, awón: „Pákkaš künóm“. Kort agárd, xěp dastš pákka akün. (55) Vəz awón: „Mun, šáwom, op žávom, kě!“.
 Pódotš apé^vnor. Aǰax, atěr, ašáu ópě lápě. (56) Awón:

„Ey, apá, jon apá,
 Bánd-ĩ alá dar poyám,
 Kórd-ĩ tez dar noyám.
 Ey, tar-marg, jon tar-marg,
 Har kas kĭ t^hra kušát,
 Kórd-ĩ tez pušt gardát!
 Xasán Xüséyn dar čanór,
 Bibíča Mo^h dar kanór“.

(57) Poščó adǰuš. Kanizákěš aküsévl. Awón: „Ŧúšě dor!“.
 Ašáu, ǰuš akün, poščóě rítisa xěpár avár, awón: „Vəz ópě lápě itax, wóvakš ast:

«Hoy, apá, jon apá,
 Bánd-ĩ alá dar poyám...»“.

(58) Poščó awón: „Sěráy mėsě mardómt móltě ópě xay naküns!“.
 Sěráy mėsě ópě xay níkúnor. (59) Kě sěráy mėsik avú kě xay akünór — móltě,

γóutě — hámmayš xay akünór xáuzě lápě. Ašáwor, nul amunór, ažávor, op qoq akünór.

(60) Aγóror: awwál sabz gŭwóra axašór, tik sŭrx axašór, tik naxšín axašór, tik γaykě axašór. Sabz gŭwóra dodóš anós, salláě-pěš avánt, tik sŭrxš akóš anós, salláě-pěš ax tŭm avánt. (61) Tik naxšín gŭwóra vŭrótš salláě-pěš avántš. γayk tŭm aǰáx čě sŭtámšint. Poščó waxtš xŭš avú.

(62) Kátě děvárě ašáwor. Poščó adavár, sabz gŭwóra amún, tákěš námta awéd, čáwě rŭgá kŭrpačá apartóu. Sabz gŭwóra anós, kŭrpačáě sárě amún.

(63) Tik aněž, ba xŭšwaxtí sŭrx gŭwóra anós, adavár, kánnay amún. Tik aněž, naxšín gŭwóra adavár, námta apartóu, rŭgótšint gŭlím apartóu.

(64) Tik aněž, waxtš čok, incěš adavár, tákěš kŭrpačá apartóu. Waxt čě qadár xŭš avú! Awón: „Man düst os, ja'm vit!“.

(65) Ax pŭnóňě áspě dúyměš avántor, aŭ dügonótěš tŭm avántor. Ažŭváróšint, avár. (66) Šěráytŭtěš aváror i dáště, áspťě kamčŭně-pě adéhor, har kŭčotě vek tĕkka-tĕkka avór. Agárdor, avvóu.

(67) Tuy xĕpár akŭň, hámma méyntě tuy xĕpár akŭň. Čil γówě akúš, čil sŭtŭrě akúš, čil čŭwáně amún. (68) Mardŭmt ja'm avór, avvóu, aníd i kŭsě lápě, táktěšint gŭlím awéd. Bŭsŭyór tuy xŭb akŭň, ma'rákašint anidón. (69) Šěráy mészě, šěráy xšápě tuy adór. Ba maxsád-ě ba mŭród arás.

№ 45

(1) Была одна старушка. У нее была одна дочь (и) один сын. (2) Говорит ее сын: „Если я найду жену, подобную моей сестре, — женюсь, не найду, — нет“. (3) Сколько ни искал, подобной сестре не нашел. Постепенно он влюбился в свою сестру. Сказал: „Я женюсь на своей сестре“.

(4) Был один воробей. Однажды девушка сидела перед хлебным зерном. Воробей сказал девушке: „Пусти меня съесть зернышко — я тебе скажу радостную весть“. (5) Девушка согласилась. Воробей сказал: „Твой старший брат тебя берет в жены. Подобной тебе не нашел. Бродил в этом мире — не нашел; берет тебя“. (6) Девушка много плакала, очень опечалилась. Воробей сказал: „Не печалься: я вытешу палочку, дам тебе — пусть будет она палочкой сандальвот.* Садись на нее, выходи, отправляйся!“

(7) Дал (палочку) девушке. Девушка взяла, села верхом, поднялась, отправилась. (8) Мать ее вышла, сказала: „Дочь моя, вернись, спустись!“ Сказала: „Не спущусь — раньше ты мне была матерью, теперь стала свекровью. Палочка-сандальвот, описывай круг, я поднимусь вверх!“ (9) Пришел ее младший брат, сказал: „Вернись, спустись!“ Сказала: „Раньше ты был мне младшим братом, теперь стал деверем. Не вернусь я, поднимусь, уйду“. (10) Младший брат сказал: „Подними также и меня, унеси“. Протянула руку, схватила его за волосы.

* Палочка сандальвот (тадж. čŭbák-i sandalvót, čŭb-i sandalvór) — в таджикском фольклоре так называют волшебную палочку, с помощью которой можно летать по воздуху.

(11) Поднялись они оба, отправились на берег реки. Мальчик сказал: „Я хочу пить“. (12) Девушка сказала: „Не пей этой воды — сурком станешь“. Поднялись, отправились. Остановились у другой реки. (13) Мальчик сказал: „Я хочу пить“. Девушка сказала: „Этой воды не пей — медведем станешь“. (14) Встали они оба, поднялись, отправились. Прибыли к другой реке. Мальчик сказал: „Сестра, я хочу пить“. (15) Девушка повернулась, сказала: „И этой воды не пей — свиньей станешь“. Оба они встали, поднялись, отправились. (16) Добрались (букв. 'поднялись') до берега другой реки. Мальчик сказал: „Сестра, мне хочется пить“. Сказала: „О братец мой, наполовину козлом станешь, наполовину человеком“.

(17) Не послушал, напился — наполовину стал козлом, наполовину человеком. Поднялись. Привязала его девушка за шею. Он пошел позади нее. (18) Подошли к одному дереву. Был (там) пруд. Пришла служанка, сказала: „Наберу-ка воды“. (19) Посмотрела в воду — в воде показалась красавица. Служанка сказала: „Это мое собственное лицо — я такая красивая!“. Ударилась своей глиняной кувшин, разбила. (20) Поднялась, сказала: „Я, оказывается, такая красивая, — не буду носить для них воду“. (21) Пошла, сказала: „Я, оказывается, красавица, — не буду носить для вас воду“. Сказали: „С тобой (и) собака не будет есть хлеб“. Поднялись, пошли на берег пруда. (22) Посмотрели — правда: красавица показалась в воде. Посмотрели вверх, увидели — сидит на дереве красавица, под ней козел.

(23) Подошла старушка. Закрутила ухо козлу, козел заблеял. Старушка сказала девушке: „Вставай, спускайся, заколем его“. Сказала: „Я не слезу“. (24) Старуха сказала: „Станет поганым“.* Сказала (девушка): „Ладно, пусть будет поганым“. (25) Сказала еще (старуха): „Поднимись, слезь, ничего я тебе не скажу, пойдем домой“. Слезла, отвязала козла от дерева, пошли обе. (26) Козла повели позади себя, повели его, подошли к дому. Ввели (девушку), усадили в доме.

(27) Царь увидел девушку, влюбился. Сказал: „Я ее возьму в жены“. (28) Пошли сватать: „Иди, девушка, выходи за царя“. Сказала: „Выйду“. Девушка вышла за царя. (29) Совершили брачный обряд. Привели ее в дом, устроили пир и веселье. Несколько месяцев прожили. (30) Девушка сказала царю: „Так ты и будешь сидеть? Встань, — сказала она, — отправляйся на охоту“. Сказал: „Хорошо“. (31) Поднялся, опоясался, сделали ему лепешек (на дорогу), взял он (их) в кожаный мешок, привязал гончих, вышли, пошли. Отправились на охоту.

(32) Жена его осталась дома. Ее пинонч пришла, сказала: „Пойдем, покачаемся на качелях“. Она не послушала. (33) Ее пинонч пошла с подругами. Пошли снова под то же самое дерево. Забросили веревку, привязали ее к ветке дерева, повесили качели. (34) Одна из них взобралась на веревку, ее покачали. Слезла с качелей. (35) Жена царя

* То есть сдохнет и станет поганым (для еды).

сказала: „Поди, приведи мою пинонч“. Ее подруга пошла, пришла к де-вушке: „Твоя пинонч сказала — пусть придет“. (36) Снова не послушала: „Я не пойду“. Та оставила (ее), ушла. (37) Пошла, сказала: „Не пришла твоя пинонч, не послушала“. Тогда послала другую. Та встала, пошла. (38) Пришла к ней. Сказала: „Вставай, подруга пойдем!“. Сказала „Хорошо“. Встала, пошла к себе в дом.

(39) Пошли на берег пруда, поставили котел, в котле приготовили клецки. Сели, похлебали. (40) Сказали: „Встань, подруга, покачайся“. — „Хорошо“, — сказала она. Встала, забралась на веревку. (41) Перерезали ножом веревку, упала она в пруд. Поднялись они радостно, оставили, пришли. (42) Пришли домой, замесили тесто, приготовили огонь и воду. Одна из них пошла за водой, одна из них разделала лепешки, наколола их пучком прутиков, одна из них стала класть на огонь, одна из них начала пришлепывать хлебы (к стенкам очага). (43) Жена царя притворилась больной. Начали снимать хлебы, она сбросила их вниз канны,* поверх них бросила войлок, легла на него. (44) Одна из них заплакала: „Жена царя лежит больная!“. Дали ей воды в чашке.

(45) Царь вернулся с охоты, пришел, спросил: „Где моя новая жена?“. Его жена сказала: „Умерла, мы ее отнесли, зарыли. Я больна. Убей того козла — я поправлюсь, а иначе — нет“. (46) Царь послушался. Вытащили козла из хлева, связали ему ноги. Взял царь нож, сказал служанке: „Убей!“. Служанка сказала: „Хорошо“, вышла из дома. (47) Пошла, сказала: „Я перережу ему горло“. Козел сказал: „Пусти, схожу я на берег, выпью воды, потом (меня зарежешь)“. (48) Пошел, опустил морду, закричал:

„О старшая сестра, душенька-сестра,
Пестрая завязка у меня на ногах,
Острый нож у меня на горле.
О старшая сестра, душенька-сестра,
Пестрая завязка у меня на ногах,
Острый нож у меня на горле.
О погибший в юности, дорогой, погибший в юности,
У всякого, кто тебя убьет,
Пусть обернется острый нож (в руках)!
Хасан и Хусейн на чинаре,
У Биби-Мо в объятиях“.**

(49) Козел встал, пришел. Сказал: „Вот теперь меня убей“. — „Ладно“, — сказали. Поднялись, скрутили ему ноги, завязали, закрепили.

* Кáнна — главная часть жилого помещения с приподнятым полом, служащая для спанья хозяев дома.

** Упоминание в песне о Хасане и Хусейне имеет в виду близнецов, которые родились у молодой женщины в пруду и которых она держит в объятиях. Повсюду в Средней Азии, если рождаются близнецы-мальчики, то им обычно дают имена Хасан и Хусейн (девочкам-близнецам дают имена Фотима и Зухро).

(50) Взяла нож, вышла служанка, сказала: „Перережу ему горло“. Нож перевернулся, порезал ей руку. (51) Козел сказал: „Пусти, я пойду, напьюсь воды, потом (меня зарежешь)“. Развязали ему ноги. Пошел он на берег воды, опустил морду в воду, выпил один-два глотка воды, сказал:

„О старшая сестра, душенька-сестра,
Пестрая завязка у меня на ногах,
Острый нож у меня на горле.
О погибший в юности, дорогой погибший в юности,
У всякого, кто тебя убьет,
Пусть обернется острый нож (в руках)!
Хасан и Хусейн на чинаре,
У Биби-Мо в объятиях“.

(52) Встал (козел), пришел с берега реки. Сказал: „Теперь убей меня“. (53) Связали его веревкой. (54) Взяла нож, вышла служанка, сказала: „Зарежу его“. Нож повернулся, порезал ей руку. (55) Козел сказал: „Пусти, я пойду, напьюсь воды, потом (меня зарежешь)“. Развязали ему ноги. Встал, пошел, дошел до воды. (56) Сказал:

„О старшая сестра, душенька-сестра,
Пестрая завязка у меня на ногах,
Острый нож на горле.
О погибший в юности, дорогой погибший в юности,
У всякого, кто убьет тебя,
Пусть обернется острый нож (в руках)!
Хасан и Хусейн на чинаре,
У Биби-Мо в объятиях“.

(57) Царь услышал. Послал свою служанку. Сказал: „Послушай!“. Пошла, послушала, сообщила царю, сказала: „Козел пришел к воде, говорит:

«О сестра, душенька-сестра,
Пестрая завязка у меня на ногах...»“.

(58) Царь сказал: „Три дня не выгоняйте скот на водопой!“. Три дня не гоняли (скот) на водопой. (59) Когда прошло три дня, погнали — овец, рогатый скот, — всех погнали на берег пруда. Пошли, опустили морды, попили, высушили воду (пруда).

(60) Посмотрели: сначала вытащили зеленую колыбель, потом красную, потом узорчатую, потом вытащили девушку. Зеленую колыбель взял отец (ребенка), перевязал чалмой, потом красную взял старший брат; он также обвязал чалмой. (61) Потом узорчатую колыбель перевязал чалмой младший брат. Девушка тоже поднялась вслед за ними. Царь обрадовался.

(62) Подошли к дому. Царь внес (в дом), поставил зеленую колыбель, подстелил под нее кошму, сверху покрыл одеяльцем. Взял зеленую

колыбель, поставил на одеяльце. (63) Снова вышел, радостно взял красную колыбель, внес, поставил на канну. Снова вышел, внес узорчатую колыбель, подстелил кошмы, поверх их постелил ковер. (64) Снова вышел, радостный ввел свою жену, подстелил под нее одеяльце. Как он радовался! Сказал: „Если вы мне друзья, собирайтесь!“.

(65) Привязали ту пинонч к хвосту лошади, подруг ее тоже привязали. Вывели их, отвели. (66) Отвели их всех троих в степь, ударили лошадей плетями, во все стороны по кусочкам разлетелись. Вернулись (люди), пришли.

(67) (Царь) известил о пире, все селения известил о пире. Заколот сорок быков, сорок овец, поставил сорок котлов. (68) Собрались люди, пришли, сели на краю крыши, разостлал (царь) под ними ковры. Очень хорошо устроил пир, усадил их в круг. (69) Три дня и три ночи давал пир. Достиг цели, желаний.

№ 46

ЗАГАДКИ

1

Sürx külworák, šoç sarváñka. (Хаук).

Красный кожаный мешочек, черная завязка. (Сурок).

2

Tünükák pītríta, kürsák xëramán. (I'úrda).

Тоненький заборчик из колючки, кругленькое гумно. (Глаз).

3

Ĵára vek šáučě — xára navíčě, ópě vek šáučě — tar navíčě.* (Siyóka).
(Вариант: I yoč as(t) — ópī nŭtk atír, tar navútěšt, járě tīrót, ĵar navútěšt).

Пойдет к обрыву — не скатывается, пойдет к воде — не намокает.
(Тень).

(Вариант: Есть одна вещь: попадает в воду — не намокает, попадает в овраг — не проваливается).

4

I yoč xast: sáriš vásta, kúněš vásta, odámī ritī nísta. (Tŭŷla).**

Есть одна вещь: голова у нее завязана, зад завязан, сидит перед человеком. (Тугля — сосуд для сбивания масла).

* Загадка, повидимому, составлена в Куле, в „теновом“ говоре (в Маргтумайне) было бы *tann navútěšt*.

** Загадка, видимо, составлена в Куле, так как сбивание масла в тугле применяется только в кульских селениях и в селениях солнечной стороны. На теневой стороне, за исключением некоторых домов в сел. Хисоки Дарв, тугли нет, а употребляется *kŭrri*.

5

Ĵaḡzīwór, ĵaḡwuttīwór, káttai rítī ḡurmatīwór. (Kalamá).

В прослойках и лохмотьях, а у знатных в почете. (Калама — слоеное тесто, изжаренное в масле).

6

I yoč xast: xšárik kīsirx, mētīk — būḡúz. (Īnkīr).

Есть одна вещь: ночью бесплодна, днем беременна. (Очаг).

7

I yoč xast: xšárik būḡúz, mētīk kīsirx. (Kūrpa).

Есть одна вещь: ночью беременна, днем бесплодна. (Одеяло).

8

I šoḡ ḡar, tifórakaš žávna níščē.* (Xīšīft).

Черная гора, (с) четырех (сторон) выходит жидкость. (Молоко).

9

Zard ḡoḡ sántēšt, šoḡ ḡowē kun lístīšt. (Olóḡ-t čūwán).

Желтый бык поднимается, лижет зад черному быку. (Огонь и котел).

10

I yoč xast: šoḡ x^hórtīšt, safét xīrd. (Xūtánna).

Есть одна вещь: ест черное, выбрасывает белое. (Мельница).

11

I yoč xast: na zamín, na osmón, bídonī úšta. (Ī'ówī čič).

Есть одна вещь: ни на земле, ни на небе, стоит посередине. (Коровье вымя).

12

I yoč xast — ĵul déhtīšt, tīk čīnkák déhtīšt, kūlūla déhtīšt. (Xarbūzá).

Есть одна вещь: (сначала) дает конскую попону, потом дает палочку, (потом) дает кругляшку. (Дыня).

13

I yoč as: tírtēšt, tírtēšt, sítámīsa naḡórt. (Op).

Есть одна вещь: идет, идет, назад не оглядывается. (Вода).

№ 47

ОБРАЗЦЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Ey, xūdó, čšpī lápīt nídūm, tamošohó kūnūm,
Dar firóqīt láksam, i ḡūm nawénūm — čo kūnūm?
Pákkē dóḡət, ey! Tákkē dóḡət, ey!

* Из níščē. (Ред.).

О, боже, сесть мне на краю твоей крыши (и) любоваться,
Я брожу в разлуке с тобой, совсем не вижу (тебя) — что мне делать?
О страдаю я по тебе! О страдаю я по тебе!

Ajina xofizi

Kad sanóm zináktě past,
Kad wešóm qarýáktě past,
Činčilák ĵunbónum
Katalótě past?

Песня аджины

Когда я поднимусь на ровную площадку, (к которой ведут) ступени,
Когда спущусь на ровную площадку среди каменных осыпей,
Пошевелю пальцем
На ровной площадке среди ложбин?

Перевод ягнобцами на свой язык поющих в Ягнобе
таджикских четверостиший

Ягн.

Čě kat aněži ĵumbón-ĵumbón,
Xafabánt sabzx ast — nisfiš marjónx.
Čě kat aněži — ĵilól ay* děl-i man.
Sállat kaĵ avántě, man dël kabóbx.

Ты вышла из дома, изящно покачиваясь,
У тебя зеленые бусы на шее, — половина их кораллы.
Ты вышла из дома — мое сердце уподобилось ущербленному месяцу.
Ты повязала платок набок — сгорело мое сердце.

Тадж.

Az xoná bæromadí ĵumbón — ĵumbón,
Xafabánd-i sabz dorí — nispaš marjón.
Az xoná bæromadí — ĵilól ay dël-i man.
Kaĵ bastán-i nûmólat — kabóbay dël-i man.

Ягн.

Gayk, rit násënoy xáně lárě,
Тау хёрар nest, dodót virě atěfár.
— Ham dodóé rišim, ham virikem xirdum,
I ĵum ošučí ĵorakem sad virě bex.

Девушка, не мой головы на берегу речки,
Ты не знаешь о том, что отец отдал тебя, просватал.
— Плевала я на бороду отца и мужа,
Одно свидание с милым лучше ста мужей.

* Тадж. ay < ast. (Ред.).

Тадж.

Dəxtár, dəxtár, rúyta nášu dar láb-ī ju,
Tu kamxabári — padár túra dóda ba šu.
— Ham riš-ī padár rihám, ham rišák-ī šu,
Yak didán-ī ošuqí be^h as se sad šu.

Ягн.*

Ošúqt avém — na xšápě qarór-īm, na mětě.
Na xpíráu vútaim xúd-ī sijnčín baxmalduzí.
Ošúq i odámě-pě vø — xübš vótě,
Nóně sárě zérta rúyēnēš vótě.
Kad ámr-ě xudó vótě — sánom ješílě,
Juráim jogáš vótě, díš moílх.

Я влюбился в тебя, и нет мне покоя ни днем, ни ночью.

Словно иголочка, шьющая бархат, сделался я.

Влюбись ты в человека, который был бы хорош,
Который был бы как масло на хлебе.

Когда будет воля божья, чтобы я отправился в джешиль,**

Пусть там будет место для моей подруги и пусть сердце ее будет
благосклонно (ко мне).

Тадж.

Ošúq šudiyám, ne šab qaróram, ne ruz.
Hamčún šudiyám suzáni baxmaldúz.
Ošúq ba kási šawí ki náyzaš bošát.
Dar ruyi fatír ruýáni zárdaš bošát.
Kay ámri xudó šawát, biyóraš ješíl,
In juráma jóyaš bošát — dílaš xub moíl.

* Записано в сел. Пулла Роут.

** Джешиль — небольшая пещера; место под наклонным камнем, защищенное от ветра и непогоды.